

Приморское краевое отделение
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество» —
Общество изучения Амурского края
(ОИАК)

Краеведческое издание

Владимир Васильевич Колягин

**Шкотово: дорога из прошлого
в будущее**

Часть I.

Верстка: И.Г. Голубева

Подписано в печать 14.09.2012. Формат 60x84/16.
Гарнитура "BalticaC". Тираж 200.

Отпечатано

В.В. Колягин

**Ш К О Т О В О :
дорога из прошлого
в будущее**

Часть I

Владивосток
2012

ББК 26.89
К 62

Рецензент:

Бровко П. Ф., д.г.н., профессор ДВФУ,
председатель Общества изучения Амурского края
(ОИАК)

К 62 **Колягин, В.В.**
Шкотово: дорога из прошлого в будущее. Часть I.
— Владивосток, 2012. — 324 с.

Книга В.В. Колягина, почетного члена Общества изучения Амурского края (ОИА) рассказывает об истории заселения Шкотовского района Приморского края, о жизни переселенцев начиная с конца 18 века до 2-й половины 20 века.

Адресована краеведам и всем, кто интересуется историей Приморского края.

Автор выражает искреннюю благодарность **Бровко Петру Федоровичу**, доктору географических наук, профессору ДВФУ, председателю Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» — «Общество изучения Амурского края» и **Игнатову Михаилу Васильевичу**, Ученому секретарю Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» — «Общество изучения Амурского края» за предоставленную возможность работать с архивными документами и содействие в подготовке к изданию книги.

Колягин В.В., 2012

Причины, побуждавшие красноармейцев писать рапорты об отправке на фронт	261
Политико-воспитательная работа на фронтах и в тылу	262
Депортация немцев Поволжья из Шкотовского района	264
Воспоминания шкотовских фронтовиков	273
Встреча шкотовцами Дня Победы	289
355-й батальон морской пехоты в Шкотово и в Корее	291
Отношение жителей Шкота к атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки	318
Список использованной литературы	320

Участие района в строительстве индустрии	150
Раскулачивание как инструмент для создания и укрепления колхозов	156
Крестьянское восстание в районе	157
Колхоз Краснознаменной Новгородской дивизии (КНД) в Петровке	184
Очередная волна репрессий в Петровке	189
Рыболовецкая артель в Петровке	190
Потребность в создании войсковой защиты юга Приморья	194
Роль гарнизона в повышении патриотизма среди населения	198
Прокладка железной дороги через Шкотово	202
Пятилетие окончания русско-японской войны	203
Основание села Стеглянуха	205
Ликвидация банды хунхузов в 1908 году	222
Создание в Шкотово фруктовых садов	225
Шкотовский гарнизон с 1914 по 1920 годы	226
Провокационное выступление японцев в 1920 году	234
Каппелевцы в Шкотовском гарнизоне	238
Что означает слово «белогвардеец»	239
Государственный террор 1937 – 1938 годов	241
Создание Приморского края и меры по налаживанию экономики	249
Шкотовский район перед Великой Отечественной войной	252
Попытки СССР создать систему коллективной безопасности в Европе	253
Электрификация Шкотова	254
Начало Великой Отечественной войны	256
Шкотово в период войны	258

Жизнь приморских аборигенов в 18 веке

На юге Приморья, где сейчас расположен Шкотовский район, в 18 веке стояла глухая тайга, в которой обитали кочевые народы, известные в наши дни как гольды, тазы, нанайцы, орочи и др. Они ловили рыбу, охотились на зверей, собирали дикие травы, фрукты и ягоды. Условия для собирательства были почти идеальными: в реках, которые в наши дни называются Шкотовкой, Суходолом, Петровкой, Артемовкой, в нерестовый период устремлялось такое количество рыбы, что ей приходилось штурмом брать устья и перекаты. Она до отказа забивала места, пригодные к икрометанию. Вода в нерестилищах бурлила, выплескиваясь из берегов, а дно покрывалось толстым слоем икры, обильно политой молоками. В такие периоды, длившиеся с апреля и до конца октября, к рекам сходились люди и хищные звери. Всем им хватало еды, а люди ловили рыбу не только для текущего случая, но и готовили запасы на предстоящую зиму.

С приближением холодов, когда прекращался ход рыбы, кочевники уходили далеко в тайгу, туда, где гулял непуганый зверь, питавшийся орехами, желудями, корнями и ветками отросших за лето кустов и деревьев. Там у каждого племени была своя территория с зарослями винограда, лимонника, кишмиша, диких груш и кедровых орехов. Не смотря на повседневные житейские трудности, коренные народы Приморья чувствовали себя здесь хорошо. Собственная территория, не заселенная чужими людьми, знакомая с детства природа давала им пищу, одежду и кров.

И вдруг все стало меняться. В округе появились маньчжуры, жившие в долинах рек Мулинхэ, Муданцзян и Шахэ.

Пришельцы были вооружены невиданным в здешних местах оружием, стрелявшим огнем на огромные расстояния. Маньчжурские воины объявили аборигенам, что отныне каждый из них становится данником богдыхана Поднебесной империи, который предоставил право маньчжурам собирать дань со всех, кто проживает на управляемой им территории, а также в ближних и дальних странах, граничащих с ней.

С этого дня по несколько раз в году маньчжуры обходили летние и зимние стойбища коренных народов, забирали у них все, что можно было забрать. После каждого обхода аборигены спешно уходили в другие места, надеясь спрятаться там от грабителей. Однако маньчжуры без труда их находили, и все повторялось сначала.

Регулярность появления маньчжурских отрядов на юге Приморья снижалась всякий раз, когда у богдыхана Поднебесной империи возникли проблемы с такими же данниками, живущими в других местах Уссурийской тайги, и маньчжуры должны были восстанавливать среди них прежний порядок. В эти трудные для богдыхана периоды жизнь аборигенов вновь становилась спокойной, уверенной и стабильной.

В начале 20-х годов 19 столетия в Приморье стали появляться люди, не известные местным народам и говорившие на непонятном им языке. Маньчжуры объяснили аборигенам, что это китайцы, подданные богдыхана Поднебесной империи, пришедшие из-за Великой китайской стены, чтобы спрятаться здесь от властей, преследующих их за совершенные преступления. Проникают они сюда, обходя стороной китайскую стражу и вооруженные отряды маньчжуров, несущих охрану Уссурийского края, который считается родиной предков всех богдыханов империи.

Такие китайцы в Приморье себя называли «маньцзы», по-русски это слово звучало как «манзы». В переводе на современный язык оно означало «скрывающийся от властей, находящийся вне закона». Маньчжуры обязаны были задерживать их и возвращать в места, откуда те убежали. Там китайцев ожидали большие неприятности, вплоть до смертной казни. Манзы это знали и потому готовы были платить за свою свободу маньчжурам столько, сколько те скажут. В итоге маньчжурские стражники, превратив беглецов в вечных данников, разрешали им заниматься в Приморье любыми делами, приносящим материальный доход, значительную часть которого забирали себе. Манзы, осевшие в тайге, искали женьшень,

Обязанности слободского старшины	39
Хунхузы вблизи Шкотово и меры защиты от них	40
Охотничий промысел в Шкотово	41
Порядок всеобщих переделов земли	42
Заселение Маньчжурии китайцами и реакция на это российских властей	45
Основание села Майхе (Штыково)	47
Переименование села Майхе в Штыково	67
Жизнь русских, китайцев и корейцев в Приморье	74
Основание Саинбара корейцами	87
Стремление приморских корейцев к политической самостоятельности	89
Шкотово в 80-х годах 19 века	99
Говоры великорусского языка в Шкотово в 19 веке	100
Влияние реформ Александра II на духовную жизнь шкотовцев	103
Наименование первого православного храма в Шкотово	109
Обучения грамоте крестьянских детей	110
Запрещение разделов крестьянских семей	113
Решение в Шкотово социальных проблем	114
Шкотово в ожидании прибытия цесаревича	115
Стихийные бедствия в Шкотово в 90-х годах 19 века	118
Возобновление разделов крестьянских семей	120
Создание и развитие села Петровка	122
Предпринимательство в Цемухинской волости	139
Мукомольное предпринимательство в Шкотово	142
Мукомольные предприятия в Петровке	149

Содержание

Жизнь приморских аборигенов в 18 веке	3
Подготовка к разделу ничейных земель	6
Заключение Айгуньского и Пекинского договоров	7
Переселение русских крестьян на Дальний Восток	10
Жизнь переселенцев в низовьях Амура	11
Перевод амурских крестьян в Приморье и поиск места для основания Шкотово	14
Основание Шкотово	17
Изначальное название Шкотово	19
Шкотово в 60-х годах 19 века	23
Сведения о Казакевиче и некоторых других основателях Шкотова	26
Манзовская война в Приморье	28
Соперничество между Ольгой и Владивостоком	32
Переселение в Шкотово крестьян из окрестностей гавани Святая Ольга	35

добывали олени панты, медвежьи лапы и другое сырье для лекарств китайской народной медицины. Те, кто селился у моря, ловили трепангов, медуз, заготавливали морскую капусту. Все это после расчета с маньчжурами отправлялось в Китай, где проживали семьи добытчиков.

В Уссурийской тайге манзы жили без жен и детей. Они не могли привести их сюда, потому что китайки той далекой поры не способны были ходить на большие расстояния. В Поднебесной империи тогда сохранялся обычай, по которому всем девочкам, достигшим пятилетнего возраста, родители обязаны были заковывать ступни ног в колодки, чтобы они не росли и на всю жизнь оставались маленькими как у ребенка. В результате в 19 веке каждая китайка, по нашим понятиям, была инвалидом, способным самостоятельно передвигаться разве что по дому да по двору.

По древнему преданию, такой обычай в Китайской империи был установлен одним из ее богдыханов, от которого убежала с любовником жена, причем убежала так далеко, что найти ее было не возможно. Разъяренный муж, обладавший неограниченной властью, решил таким способом положить конец женской измене. Родителям девочек, нарушившим этот обычай, грозило серьезное наказание. А китайку, выросшую с нормальными ногами, запрещалось кому-либо брать в жены.

Из-за отсутствия информации не представляется возможным определенно сказать, достиг ли богдыхан этим указом поставленной цели, но то, что он затруднил уход китайок со своими мужьями в Приморье, достоверно известно. От Поднебесной империи до Уссурийской тайги нести жену на плечах было не по силам даже самому крепкому манзе. Вот и вынуждены были китайцы жить в Приморье без жен или отбывать у аборигенов женщин для временного сожительства.

Много десятилетий китайское и российское государства существовали, не контактируя между собой. Их разделяли земли, заселенные кочевыми народами. Китайцы и русские называли эти земли ничейными, потому что там не было государственной власти. Поднебесная империя стремилась подчинить себе кочевников, живущих в ничейных краях, да и Российская империя стремилась к тому же. Ко второй половине 19 века, когда на ничейные земли обратили внимание Франция и Великобритания, русские и китайцы поняли, что настала пора поделить эти земли между собой, иначе они будут захвачены чужеземцами.

Подготовка к разделу ничейных земель

В 1847 году генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен Николай Николаевич Муравьев. Молодой, энергичный, напористый, он первый из губернаторов объехал всю Восточную Сибирь, ознакомился с краем, которым ему было поручено управлять. Изучая документы своих предшественников, направленные в адрес правительства, Н.Н. Муравьев обратил внимание на переписку бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, в которой тот убеждал императора, что река Амур для восточной части страны нужна точно так, как Балтийское море для западной и подчеркивал, что присоединение Амура к России будет способствовать не только расширению торговых связей с Китаем, но и развитию деловых отношений между западными и восточными регионами нашей страны. Уловив ценность мысли Руперта, Николай Николаевич стал претворять ее в жизнь. Шаг за шагом продвигаясь к намеченной цели, он доказал, что Амур судоходен на всем протяжении, что Сахалин является островом, а не полуостровом, как считалось до этого, что аборигены нижнего Приамурья и Сахалина являются независимыми людьми, не имеют собственной государственной власти и даже никем не обложены данью. Также Муравьев убедился, что Франция направила в долину реки Усури миссионера-иезуита с разведывательно-политическими, а не религиозными целями. Французов больше всего интересовало наличие у аборигенов Уссурийской тайги государственной власти, а возможность обращения их в христиан являлась второстепенной, сопутствующей целью.

Будучи всесторонне грамотным человеком, Николай Николаевич понимал, что ни одно государство не будет тратить огромные средства, какие расходовали Великобритания и Франция, если эти расходы не преследуют далеко идущие планы. Не случайно на морских картах, изданных в этих странах, в дальневосточных морях уже значатся имена влиятельных лиц. К примеру, у берегов южно части Приморья были залиты королевы Виктории, императора Наполеона, адмирала Сеймура. Забегая вперед напомним, что после заключения Айгуньского договора эти акватории, обследованные экипажами кораблей Англии и Франции, получили названия заливов Петра Великого, Уссурийского и Святой Ольги.

В ходе оборонительных мероприятий, которыми руководил Муравьев в годы Крымской войны, он окончательно убе-

Используемая литература:

- Александровская Л.В.* И.В. Фурутельм: двадцать лет на Восточном океане. — Вл-к, 2007.
- Аргудяева Ю.В.* Этническая и этнокультурная история русских на Дальнем Востоке. — Вл-к, 2006.
- Верт Н.* История Советского государства. — М., 2003.
- Власова М.* Русские суеверия. — С.-Петербург, 2001.
- Внотченко Л.Н.* Победа на Дальнем Востоке. — М.: Воениздат, 1971.
- Горгон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? — М., 1989.
- Зеленин Ю.К.* Восточнославянская этнография. — М., 1991.
- История России с древних времён и до начала 21 века. Т. 2. — М., 2005.
- История Северо-Восточного Китая 17-20 вв. Маньчжурия в эпоху феодализма. — Вл-к, 1987.
- Катков Г.* Февральская революция. — М., 2006.
- Ковальков А.П. и др.* Ольгинско-шкотовский родословник. Т. 1 и 2. — Вл-к, 2006.
- Колтунов Г.А.* Курская битва. — М.: Воениздат, 1983.
- Крушанов А.И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. — Вл-к, 1984.
- Макаренко В.П.* Бюрократизм и Сталинизм. — Ростов-на-Дону, 1989.
- Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. — М., 1991.
- Местные Советы Приморья. Страницы истории. — Вл-к, 1990.
- Мухин Ю., Лебединцев А.* Отцы-командиры. — М., 2004.
- Пегов Н.М.* Далекое-близкое. — М., 1982.
- Попов И.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. — М., 2004.
- Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — М., 1987.

Действия президента США в 1956 году в своем кругу обсуждали и выпускники Шкотовской средней школы. Наиболее активные из них, Жан Николаевич Ушаков, позже работавший председателем Шкотовского райисполкома, и Евгений Антонович Шлык, ставший завучем своей школы, высказали смелую мысль, что за последствия атомной бомбардировки Японии будет расплачиваться весь американский народ. Но произойдет это только после того, когда американская экономика перестанет быть доминирующей экономикой мира, и Япония посчитает возможным предъявить американскому правительству счет за разрушение двух крупных японских городов и уничтожение более полумиллиона безвинных поданных японского императора.

Конец первой части

дился, что, не владея Амуром, Россия не сможет сохранить за собой Камчатку и Охотское море, а российские хлебопашцы не смогут выращивать хлеб и овощи на пустующих землях Приамурья. Придя к такому выводу, Н.Н. Муравьев поставил перед российским императором Александром II вопрос о необходимости принятия решительных мер по присоединению к Российской империи пока еще ничейной реки Амур с прилегающими к ней территориями. Он был убежден, что прежде чем начинать эту работу, нужно совместно с Китаем разграничить ничейные земли на обоих берегах этой реки, чтобы потом, на основе достигнутого взаимного соглашения, Россия и Китай могли вести разговор об установлении российско-китайской границы на Дальнем Востоке.

Предложения Н. Н. Муравьева были приняты, и он получил указание приступить к переговорам с китайскими властями.

Заключение Айгуньского и Пекинского договоров

Российские дипломаты знали, что Китай заинтересован в четком определении границ между Российской и Поднебесной империями, а также в получении помощи от России для защиты своей территории от посягательства недружественных государств. И потому китайцы сразу же дали согласие на совместное решение приграничных проблем.

Переговоры о разграничении начались 11 мая 1858 года. С российской стороны в них участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, пристав Российской духовной миссии в Пекине Перовский, полковник Генерального штаба Будогосский. Китайскую делегацию возглавляли Хэйлунцзянский цзянцзюнь И Шань, помощник дивизионного командира Айжинда, Айгуньский амбань Джираминга.

Переговоры шли тяжело. Обе стороны стремились получить максимальную выгоду. Спорили по каждому, казалось бы, незначительному вопросу. Муравьев, зная особенности национального характера китайцев, держался твердо, уверенно, не позволяя дипломатам Поднебесной империи брать русскую делегацию, так сказать, «на испуг». В итоге за неделю удалось достичь соглашения по всем спорным вопросам, и 16 мая 1858 года договор был подписан. Граница между Россией и Китаем пролегла по Амуру. Левый берег этой реки стал российским, а

правый — китайским. Там, где в Амур впадает река Уссури, граница уходила на юг. Левый берег Уссури был закреплен за Китаем, а правый, между руслами рек Уссури и Амуром и побережьем Японского моря, получил статус совместных, российско-китайских, владений. Это произошло потому, что китайские дипломаты, участвовавшие в разграничении, откровенно сказали, что они не могут отдать эту территорию русским, так как по мнению, бытующему в Китае, где-то вблизи берегов Уссури находятся могилы прародителей богдыхана Поднебесной империи. А в соответствии с древней традицией маньчжуры и китайцы обязаны свято чтить память о предках. И если вдруг получится, что могилы предков императора окажутся за пределами китайского государства, то все, кто участвовал в подготовке условий контракта, будут немедленно казнены. В качестве выхода из создавшегося положения китайцы предложили временно оставить упомянутую территорию в совместном владении и вернуться к обсуждению этого вопроса в другое, более подходящее время. Муравьев согласился с таким предложением, так как процесс установления российско-китайской границы сдвинулся с места и главная проблема была уже решена.

Заключенный между Россией и Китаем договор был назван Айгуньским, по названию маньчжурского города, в котором он был подписан. Этот договор позволил России в 1858 году заложить на побережье Японского моря военные посты в гаванях Святой Ольги и Святого Владимира, а весной и летом 1860 года создать порты Владивосток и Посьет.

Экономика Поднебесной империи в этот период находилась в упадке. Англия и Франция много лет беспрепятственно ввозили в Китай наркотики, тем самым ставя эту страну на грань катастрофы. Эпидемия наркомании, охватившая всю страну, поставила под угрозу существование китайской нации. Осознав это, в борьбу с поставщиками наркотиков включились все здоровые силы страны. Их поддержал император Сяньфэн. Великобритания и Франция, не желая терять огромные прибыли, ввели войска в Поднебесную, угрожая Сяньфэну свержением. Спасаясь от гибели, император был вынужден передать власть своему брату Гуну, а сам перешел на нелегальное положение. Перед этим он дал брату строгий наказ любой ценой не допустить военных действий между Китаем и его противниками.

Принц Гун, получив широчайшие полномочия и зная, что Россия не желает укрепления позиций Англии и Франции на

Отношение жителей Шкотова к атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки

Шестого августа 1945 года президент США Гарри Трумэн выступил по радио с сообщением, что американский бомбардировщик сбросил на японский город Хиросиму атомную бомбу. Через три дня такая же бомба была сброшена и на Нагасаки. Оба города были стерты с лица земли. В них не осталось не только ни одного уцелевшего дома, но даже никаких ориентиров, где недавно они стояли. По дымящимся развалинам этих городов бродили обезумевшие от горя японцы. Они тщетно пытались отыскать в руинах своих детей, братьев, сестер. Полусгоревшая одежда клочьями висела на обожженных телах этих несчастных людей. У них не было ни питья, ни еды. Они падали от бессилия и умирали. Хоронить их было некому. Трупный запах прочно навис над недавно цветущими городами.

Не смотря на то, что СССР и Япония долгие годы находились в состоянии взаимной вражды, сведения об уничтожении Хиросимы и Нагасаки вызвали у советских людей отрицательное отношение к президенту США, отдавшему этот изуверский приказ.

Шкотовцы, обсуждая случившееся, в беседах между собой уверенно заявляли, что Трумэн этим поступком хотел запугать Советский Союз. Для этого у шкотовцев были свои основания. 16 июля 1945 года, т.е. за день до открытия Потсдамской конференции, на которой планировалось обсудить послевоенное устройство Германии, Трумэн назначил испытание атомной бомбы и в своем окружении заявил: «Если бомба взорвется, у меня будет управа на этих парней». Эта фраза легла в основу отрицательного отношения советских людей к американскому президенту. Шкотовцы видели в нем человека, стремившегося диктовать свою волю мировому сообществу. Вероятно, и в самих Соединенных Штатах к Трумену относились без особых симпатий, так как в 1946 году там была создана правительственная комиссия, которой было поручено выяснить, была ли необходимость сбрасывать атомные бомбы на японские города. По мнению комиссии, в атомной атаке на Хиросиму и Нагасаки не было никакой нужды.

Рокоссовцы, чувствуя свое превосходство перед офицерами-тыловиками, требовали, чтобы следствие велось исключительно в рамках выдвинутой ими версии и не отклонялось на проверку предположений работников прокуратуры.

Чтобы противостоять солидарному требованию офицеров-фронтовиков, Особый отдел Шкотовского гарнизона создал т.н. консультационный совет. В него вошел и командир 355-го батальона майор Бараболько, который заявил, что версия о недоедании в юридическом плане несостоятельна, так как тыловые нормы питания были согласованы с правительством. Такое заявление разрушало план рокоссовцев, старавшихся смягчить вину своих подчиненных. Они стали обвинять Барабольку в нежелании помочь солдатам-фронтовикам, попавшим в беду. А их непосредственный командир в бестактной форме стал спрашивать Барабольку: «Ну скажи, майор, что ты сделал хорошего хотя бы для своих подчиненных?!». Майор Бараболько, подавив в себе гнев, спокойно ответил: «Я делал все, чтобы мои подчиненные не грабили население!».

То, о чем не стал говорить Бараболько рокоссовцу, четверть века спустя рассказал шкотовцам Виктор Ильич Кошелев, детство которого прошло в родительском доме на улице Зальпе.

С весны 1945 года к его отцу, Илье Семеновичу, зачастил высокий полноватый майор. Его интересовало, где в бухте можно ловить камбалу и навагу, когда в речку заходит корюшка и красноперка, и какие снасти нужны, чтобы ловить всю эту рыбу. Илья Семенович рассказал все, что знал.

Через полмесяца под навесом у Кошелевых появился небольшой неводок. Время от времени за этим неводом приезжал на подводе знакомый Кошелевых, Черкашин, работавший конюхом в «Заготзерно». Возвращал он невод вечером, когда становилось темно. Однажды Виктор, которому тогда было восемь лет, поинтересовался, для чего Черкашин берет у них невод, ведь все знают, что он не рыбак. «Потому и берет, что не рыбак», — уклончиво ответил отец, — «Черкашин неглупый человек, умеющий хранить тайну. Учись и ты поступать так же. Тогда и к тебе люди будут относиться с доверием». Эти отцовские слова Виктор Ильич запомнил на всю жизнь. Быть может поэтому он посчитал возможным рассказать о майоре М.П. Бараболько только через двадцать пять лет после окончания Второй мировой войны.

Дальнем Востоке, обратился к русскому посланнику в Китае Николаю Павловичу Игнатьеву с просьбой о посредничестве в переговорах Поднебесной империи с Великобританией и Францией. При этом он твердо пообещал, что если эти страны откажутся от намерений отстранить Сяньфэна от власти и выведут войска из Китая, то он как руководитель страны подпишет указ о передаче России земель, которые по Айгуньскому договору находятся в совместном китайско-российском владении. Это обещание в полной мере соответствовало задачам, стоящим перед Игнатьевым как российским посланником в Китае, и Николай Павлович дал согласие на посредничество.

В начале переговорного процесса Игнатьев убедил англичан, французов и китайцев строго придерживаться тактики переговоров, которая будет им предложена. Представители всех договаривающихся сторон согласились. Когда переговоры начались, Игнатьеву пришлось сдерживать натиск то одной, то другой стороны, постепенно выводя переговорный процесс на тропу небольших взаимных уступок. В итоге такая тактика привела к тому, что англо-французы стали мелкими группами выводить свои войска из Пекина, а потом и из его ближайших окрестностей. Китайцы в свою очередь постепенно смягчали требования к Англии по ограничению поставок индийского опиума в Китай.

В результате грамотной работы российского дипломата одна за другой были решены все основные задачи, поставленные принцем Гуном перед Игнатьевым. Главным итогом этих переговоров явилось то, что Китай избежал губительной для него войны с Великобританией и Францией и сохранил тем самым собственную политическую самостоятельность. Сяньфэн возвратился в страну и занялся решением неотложных государственных дел.

Принц Гун выполнил свое обещание и 14 ноября 1860 года Китай подписал с Россией контракт, по которому бывшие совместные русско-китайские владения стали только российскими. Этот контракт вошел в историю под названием Пекинского договора и явился основным документом для полномасштабного заселения русскими крестьянами Приморья и Приамурья.

Прибытие российских крестьян в южную часть Уссурийского края позволило в 1865 году создать между Владивостоком и гаванью Святой Ольги первое русское крестьянское поселение — Шкотовскую слободу.

Переселение русских крестьян на Дальний Восток

В юридической практике есть такие понятия как «де юре» и «де факто». «Де юре» переводится на русский язык как «по праву», а «де факто» означает «фактически». После заключения Айгуньского и Пекинского договоров Приморье и Приамурье стали российскими «де юре», а чтобы наша страна владела ими фактически, предстояло заселить эти края русскими хлебопашцами, освоить новые территории и обеспечить их защиту от нападения из-за рубежа. Понимая это, правительство России срочно занялось массовым переселением россиян на Дальний Восток. Были созданы группы переселенцев из центральных губерний страны, страдающих малоземельем, а также из Сибири и Забайкалья. Доставка заселения проводилась за государственный счет. Крестьяне и сами могли оплачивать переезд, получая за это определенные льготы. В России таких крестьян называли «своекоштными».

Местом водворения переселенцев сначала было определено Приамурье. Все, кто направлялся туда, освобождались от подушной и оброчной податей. Каждая семья получала в пользование по 100 десятин земли. «Своекоштные», кроме того, освобождались от призыва в армию на 10 рекрутских наборов. Делалось это для того, чтобы привлечь к переселению на восточную окраину страны молодых здоровых мужчин.

Рекрутские наборы были тогда единственным способом комплектования российских вооруженных сил. Такой порядок был установлен Петром I и просуществовал до 1874 года, то есть до принятия закона о всеобщей воинской повинности. Слово «рекрут» в переводе на современный язык означает «новобранец». Рекрутские наборы проводились не регулярно, а по мере надобности. В армию призывали парней и мужчин в возрасте от 15 до 35 лет.

Сначала срок службы был пожизненным, а потом стал сокращаться. В 60-е годы 19 столетия он составлял уже 15 лет. Крестьяне, попавшие в армию, утрачивали всякую связь со своим прежним сословием и больше никогда не возвращались в родные места. Поэтому проводы рекрутов повсеместно превращались в прощание родителей с сыновьями и были тяжелей похорон, потому что и сам призывник, и его родители осознали, что в будущем они вряд ли увидят друг друга.

стала проводиться с учетом опыта не только советских войск, но и Русской армии.

С приближением срока объявления Советским Союзом войны Японии, руководство Тихоокеанского флота разослало в войсковые части приказ с требованием активизировать меры по укреплению дисциплины. Для этого у штаба ТОФ были веские основания. Дело в том, что по окончании военных действий в Европе солдаты и офицеры, вдохнув свежий воздух долгожданного мира, расслабились. Дисциплина фронтовиков стала падать. Это особенно было заметно в подразделениях, сформированных в годы войны из уголовных преступников, объединенных в штрафные батальоны, большинство которых находилось в войсках маршала Рокоссовского. В народе эти войска были известны под общим названием «рокоссовцы». Весной 1945 года, во время следования эшелонов с войсками на Дальний Восток, в Сибири произошло несколько случаев грабежей пристанционных базаров. В этой связи местным властям было дано указание закрывать торговые точки на станциях, где планируется остановка воинских составов с рокоссовцами. Получил такое указание и Шкотовский исполком. Главной заботой дежурного по станции стал ларек, торговавший спиртными напитками по коммерческим ценам. Около месяца на станции все было спокойно. Но однажды из-за сбоя в движении поездов пришлось непланово остановить в Шкотово воинский эшелон. Солдаты, утомленные долгой ездой, высыпали на перрон. Увидев около билетной кассы ларек с окнами, закрытыми ставнями, рокоссовцы поняли, что там продается спиртное, в один миг они повалили этот ларек и растащили находившиеся в нем водку, консервы и хлеб. На станцию были вызваны военные патрули и наряды милиции.

В считанные минуты по поселку разлетелась молва о грабеже, совершенном военными. Как только об этом узнал Бараболько, он запретил десантникам выходить за пределы воинской части, чтобы не давать шкотовцам лишнего повода подозревать их в причастности к этому преступлению.

Военная прокуратура начала следствие. На допросах рокоссовские офицеры твердили, что главной причиной ограбления было систематическое недоедание солдат в пути следования их на Дальний Восток. Так говорили не только офицеры, чьи подчиненные ограбили ларек, но и те, которые ранее прибыли в Приморье.

Не умаляя значения требований руководства ТОФ и добросовестно их выполняя, командование батальона постоянно искало возможности использовать в своей деятельности опыт офицеров, воевавших в русско-японскую и в Первую мировую войны. К сожалению, долгое время на этом пути майор Бараболько и капитан Кочетков встречались с непреодолимыми трудностями, так как в Шкотово невозможно было найти нужную литературу. Однако, помня народную мудрость, что «дорогу осилит идущий», они настойчиво продолжали поиск, который в итоге увенчался успехом.

Однажды Кочетков в разгар рабочего дня спешил по своим делам в гарнизон. На улице Зальпе он встретился с главным врачом Шкотовской ветеринарной больницы Олегом Алексеевичем Лаврентьевым. Тот остановил Кочеткова и коротко рассказал, что два года назад один из военных ветеринаров перед отправкой на фронт оставил у него чемодан с различной литературой. Недавно стало известно, что этот ветврач погиб. Нужно было что-то решать с бесхозными книгами. Просматривая их, Олег Алексеевич обнаружил две подшивки со статьями офицеров Русской армии, напечатанными в военных журналах в первом десятилетии 20 века. Лаврентьев сказал Кочеткову, что эти статьи ему не нужны, и если они представляют интерес для морских пехотинцев, то он готов немедленно их отдать. Через минуту фельдшер лечебницы, Кузьма Ольховой, вручил Кочеткову две небольшие папки, завернутые в газету «Ленинский луч».

Бегло ознакомившись с содержанием статей П.И. Измestьева, В.А. Самонова, М.Д. Бонч-Бруевича, участвовавших в русско-японской и Первой мировой войнах, Кочетков понял, что в руках у него находится литература, которую он много лет безуспешно искал. Счастливый, он поблагодарил Лаврентьева, а сам заспешил к Бараболько, чтобы обрадовать его удачным приобретением. Командир батальона, взглянув на фамилии авторов и пробежав глазами несколько страниц, с благодарностью в голосе произнес: «Ты, вот что, Михаил Иванович, возьми десяток матросов и до вечера вскопай Лаврентьеву огород около дома, а если успеешь, то и в поле. От денег он откажется, а физическая помощь сегодня ему ой как нужна!». После этого он дал указание всем офицерам проштудировать полученную литературу и сделать выписки, чтобы использовать их в обучении пехотинцев. С этого времени военная подготовка десантников

Желание уберечь своих сыновей от рекрутчины толкало состоятельных крестьян переезжать на Дальний Восток за собственный счет. Однако высокая стоимость переезда ограничивала численность «своекоштных». По-настоящему богатые крестьяне могли на законной основе без переезда освободить сыновей от призыва, уплатив крестьянскому обществу известную сумму денег, и тогда общество направляло в армию кого-то другого.

Путь от исторической родины до Байкала будущие шкотовцы преодолели пешком, временами останавливаясь на короткий отдых. В Забайкалье они приобрели рабочий и домашний скот, построили плоты, спустили их на воду и отправились по Амуру к местам своего поселения.

Обязанность расселять прибывающих возлагалась на чиновничий аппарат военного губернатора Приморской области Петра Васильевича Казакевича, резиденция которого находилась в Николаевске. Чиновники заранее подбирали места для переселенческих сел и определяли, сколько человек в каждом из них следует поселить. Генерал-губернатор Восточной Сибири, управленческий штат которого располагался в Иркутске, контролировал, чтобы заселение Приамурья велось с учетом экономических и оборонных интересов восточных окраин страны.

Жизнь переселенцев в низовьях Амура

В августе 1860 года на нижнем Амуре высадились первые партии переселенцев из Забайкалья, Вятской, Воронежской, Пермской и Тамбовской губерний. Среди них находились и те, кому суждено было стать основателями современного Шкотова. Прибывших расселили в низовьях Амура от Хабаровки до Николаевска. Они создали там восемь переселенческих сел и сразу взялись за привычное крестьянское дело, надеясь в кратчайшие сроки освоить производство овощей и зерна для поставки на корабли Сибирской флотилии. Планов у каждой семьи было много, но по независящим от крестьян причинам большинству из них не суждено было сбыться.

Три года подряд переселенцев преследовали неудачи. На полях, с трудом отвоеванных у тайги, хлеб не всходил или рос до невозможности хилым. Овощи, едва завязавшись, гибли от ночных холодов или вымокали на пашнях, расположенных в пойме реки. Сено, скошенное в привычные евопейские сро-

ки, заливало дождем или смывало внезапно нагрнувшим наводнением. Вследствие этого зимой бескормица губила скотину. Как ни старались крестьяне приспособиться к амурскому климату, сделать это они не смогли. Многие начали требовать от властей возратить их на родину. Не знали тогда наши предки, что три года для хлеборобов, осваивавших новые регионы страны, время далеко не достаточное. Для этого требуется как минимум двадцать и более лет. А тогда в беседах между собой переселенцы горестно сокрушались, что на Амуре все не так, как в России. Здесь даже трава растет не такая, как на берегах знакомых им рек на Тамбовщине, Вятчине и в Перми, и ветры дуют не с той стороны, и дожди приходят непонятно откуда. Названия окружающих мест отличаются от названий российских: горы почему-то именуются сопками, а хвойный густой лес — тайгой. Небольшие равнины между сопками принято называть падыми, а сбегаящие с гор ручьи — ключами.

Урожаи на нижнем Амуре были настолько плохими, что выращенного за короткое лето едва хватало до Рождества. Чтобы переселенцы не умерли с голоду, военные власти стали выдавать им солдатский паек. Однако, не смотря на такую поддержку, многие семьи продолжали бедствовать. Утратив надежду, они стали настойчивей выдвигать свои требования о возврате в Россию или переводе в другие места, где можно успешно крестьянствовать. Говоря об этом, они имели в виду среднее Приамурье, где их земляки за тот же самый период научились выращивать прекрасные урожаи.

Реакция должностных лиц на требования бедствующих всегда была очень скорой. В села, где крестьяне отказывались подчиняться властям, незамедлительно приезжали чиновники. Они выясняли суть дела и, обещая помочь, уезжали к себе в Николаевск.

Шли месяцы, но никаких изменений в жизни переселенцев не происходило. Причину такого поведения руководителей области крестьяне понять не могли. Они не догадывались, что у военного губернатора П. В. Казакевича, обремененного массой всевозможных забот, в отношении них уже сформированы конкретные планы. Ему нужно было быстрее создать крестьянские села в южных районах Приморья, где действовали порты Святая Ольга, Владивосток и Посьет, и перевести в одну из этих гаваней все корабли Сибирской флотилии, зимующие в различных иностранных портах, так как Никола-

порядок экстренных замен применительно к взводу, роте и батальону. В документе, составленном ими, было четко указано, кто кого должен замещать, и что конкретно обязан делать принявший на себя командование. Каждый из кандидатов на новую должность проходил курс теоретической подготовки. Полученные знания закреплялись в ходе практических занятий в обстановке близкой к реальному бою. Потребовались долгие тренировки, пока Бараболько и Кочетков убедились, что батальон в этом отношении полностью подготовлен.

Те же фронтовики подсказали командованию батальона, что любой, кто хоть раз участвовал в наступательном бою, знает, как трудно заставить себя подняться и пойти в атаку, когда кругом рвутся снаряды, осколки и пули свистят над головой. В таких случаях только огромная сила воли или воздействие со стороны способны заставить бойца подчиниться приказу своего командира. Зная эту особенность человеческой психики, командир батальона и его заместитель стали учить десантников преодолевать эти трудности. Для этого они разделили всех пехотинцев на «бесстрашных» и «боязливых». Всех, кто был отнесен к боязливым, командир батальона и его заместитель закрепили за бойцами бесстрашными, которым было приказано помогать боязливым в критической ситуации преодолевать естественный страх. В результате длительной воспитательной работы численность боязливых десантников в батальоне пошла на убыль, так как каждый из пехотинцев знал, вместе с кем он должен подняться в атаку, услышав команду «вперед». Если кто-то из боязливых вовремя не поднялся, оказавшись не в силах оторвать себя от земли, то его напарник, назначенный командирами из числа бесстрашных, обязан помочь ему всеми средствами, вплоть до физического воздействия.

По правилам, принятым в батальоне, первыми шли в атаку коммунисты. В ходе регулярных занятий все они пришли к убеждению, что боевой призыв «вперед, за Родину!» и связанные с ним последующие действия рождаются не в сиюминутном патриотическом порыве, а в результате длительных тренировок в суровой фронтовой обстановке.

При проведении занятий Бараболько и Кочетков руководствовались приказами и инструкциями штаба Тихоокеанского флота, отработанными с учетом той обстановки, в которой должны были воевать десантники.

наградными делами. Они хорошо изучили сильные и слабые стороны этого дела. В своем совместном труде «Отцы-командиры» Мухин и Лебединцев утверждают, что не следует полностью доверять тому, что написано в наградных документах за период войны, потому что тогда в каждую воинскую часть после успешно проведенной боевой операции поступала разнарядка, сколько человек и к каким наградам нужно представить. Получив подобные разнарядки, командиры подразделений начинали писать наградные листы, тексты которых зачастую подгонялись под требования соответствующих документов. Нередко случалось так, что изложенное в наградных листах расходилось с действительностью. Такова была фронтальная реальность.

Чтобы исключить возможные отклонения от исторической правды при оценке подвигов Бараболок и Кочеткова, автор данной книги посчитал более правильным осветить результаты их деятельности через ту работу, которая была проведена ими в период подготовки батальона к проведению операции по освобождению Сейсина. Как изложено в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года, Бараболок и Кочетков образцово выполнили боевое задание командования ТОФ на фронте борьбы с японскими милитаристами и проявили при этом мужество и героизм.

За этой обтекаемой фразой Указа скрывается ежедневный кропотливый труд обоих выше названных офицеров-десантников. Прежде всего надо отметить, что Бараболок и Кочетков в период пребывания 355-го батальона в Шкотово превратили молодых необстрелянных пехотинцев в зрелых и грамотных воинов. Для этого они использовали все доступные средства, включая отечественную и зарубежную военную науку, информацию о национальной психологии солдат и офицеров противника. В Шкотовском гарнизоне в тот период служили офицеры, имевшие опыт борьбы с немцами и их союзниками. По мере необходимости майор Бараболок и капитан Кочетков обращались к ним за советом. И те подсказывали, на какие проблемы при подготовке личного состава следует обращать первоочередное внимание. В частности фронтовики говорили, что в боевой обстановке самым уязвимым звеном является замена командиров, погибших в ходе боя. К этой замене подразделение должно быть готово всегда. Приняв к сведению этот совет, командир батальона и его заместитель совместно с командирами рот разработали

евск большую часть года скован льдами. Однако правительство в Санкт-Петербурге пока не решило, которому из перечисленных выше портов следует отдать предпочтение. Акватория Святой Ольги, по мнению руководства страны, была слишком мала, чтобы принять на себя функции главного порта. Владивосток требовал большого вложения денег для создания береговой обороны. Новгородская гавань, она же гавань Посъет, в связи с близостью государственной границы в любой момент могла стать легкой добычей для противника.

Отсутствие ясности заставляло Казакевича медлить с принятием решения относительно бедствующих сел на Амуре. Он несколько раз обращался к генерал-губернатору с просьбой разрешить перебросить часть крестьян из низовьев Амура на юг области. Но тот не мог дать разрешение в связи с запретом оголять уже заселенные места на нижнем Амуре. Руководство Восточной Сибири, фактически оказавшееся в тупиковой ситуации, не снимало с Казакевича ответственности за подготовку южных гаваней к переводу в них кораблей Сибирской флотилии. Военный губернатор понимал, что его обязательно накажут, если он задержит перенос главного порта из Николаевска. Чувство самосохранения толкнуло Казакевича к решительным действиям. Он направил в Иркутск документ, в котором в выгодном для себя ракурсе показал причины бедственного положения крестьян ряда сел нижнего Приамурья. В данном документе Казакевич назвал этих крестьян лодырями и бездельниками, подчеркнув, что далее содержать их на Амуре за счет солдатских пайков становится уже невозможным, и просил генерал-губернатора разрешить ему «в качестве наказания выгнать всех их на южную окраину области в район Святой Ольги и Владивостока». В Иркутске, вероятней всего, высоко оценили мудрость замысла Казакевича, стремящегося обойти официальный запрет, и разрешили «выслать всех бездельников в административном порядке в пустующие места на юге Приморья».

К этому времени Казакевич уже добился введения в штат Сибирской флотилии должности начальника южных гаваней, в состав которых входили порты Святая Ольга, Посъет и Владивосток. Для работы на этой должности был назначен капитан 2-го ранга Николай Яковлевич Шкот, прослуживший на Дальнем Востоке шесть лет и хорошо владевший обстановкой в южных портах. Резиденцией Шкота стал Владивосток, где планировалось создать ремонтную базу для кораблей Сибирской флотилии.

Перевод амурских крестьян в Приморье и поиск места для основания Шкотово

Весной 1864 года крестьяне всех бедствующих сел были собраны в Николаевске, где их вместе с имуществом, домашним и рабочим скотом поместили на транспорт «Гиляк». Для одних конечным пунктом плавания была Святая Ольга, для других — Владивосток. За месяц до этого Казакевич разрешил крестьянам, пожелавшим поселиться в окрестностях Святой Ольги, направить туда ходоков, чтобы подыскать места для проживания.

Прибывшие в Ольгу поселились в двух существовавших рядом с ней деревнях — Фудине (сейчас это Ветка) и в Новинке, территория которой в настоящее время примыкает к восточной окраине Ольги. Кроме того, они создали два новых села — Александровку и Пермское.

Транспорт «Гиляк» отправился дальше. На его борту находились крестьяне, которым предстояло начать строительство Владивостокских механических мастерских рядом с нынешним железнодорожным вокзалом и основать вблизи Владивостока крестьянское поселение, которое по замыслу Казакевича должно было снабжать строящиеся мастерские и город продуктами и фуражом.

По прибытии транспорта во Владивосток, Н.Я. Шкот несколько дней все свое внимание сосредоточил на организации работ в Адмиралтействе, как тогда в нашей стране именовали военно-морские предприятия, имевшие в своем распоряжении мастерские и стапеля для ремонта или строительства кораблей.

Во время следования на «Гиляке» Шкот включил в штат Адмиралтейства всех крестьян, умевших читать и писать и владевших кузнечным или столярным ремеслом.

После решения неотложных проблем Николай Яковлевич стал продумывать меры по поиску в окрестностях Владивостока места для создания крестьянского поселения. С этой целью он пригласил на беседу известного общественного деятеля и купца Якова Лазаревича Семенова, исходившего по своим торговым делам всю юго-восточную часть Уссурийского края. Огромным достоинством Семенова было то, что он владел китайским языком, на котором тогда говорили не только манзы, но и все аборигены Приморья. Узнав, с какой целью его пригласил к себе Шкот, Семенов сразу посоветовал ему основать село в Цемухинской долине, аргументировав свое

молодого бойца Куцего, приказал им подавить японский ДОТ, остановивший продвижение роты. Маркелов и Куцый начали действовать по методу, отработанному ими несколько месяцев назад на полигоне в Шкотово. Суть этого метода заключалась в том, что Куцый должен был отвлекать внимание японцев на себя, а Маркелов, приблизившись к объекту, броском гранаты уничтожить его. Много раз отрабатывая этот маневр, они научились хорошо понимать друг друга. Куцый, худощавый, небольшого росточка, прекрасно владеющий автоматом, перебежал с места на место и обстреливал амбразуру дота, а Маркелов, оставаясь незамеченным, ползком метр за метром продвигался вперед и выбирал удобную позицию. И вот наконец сержант Маркелов приблизился к доту на расстояние броска гранаты. Отработанным жестом он подал сигнал Куцему, и тот открыл стрельбу по амбразуре, заставляя японцев, находящихся за пулеметом, отодвинуться от амбразур. Маркелов в этот момент поднялся и бросил гранату. Вслед за ней туда же полетела другая. Дот на несколько минут замолчал. Два взрыва подряд явились сигналом для десантников, и рота устремилась в атаку. Вместе со всеми к доту короткими перебежками приближался и Маркелов. На его пути оказался брошенный японцами пулемет с полным боезапасом. Николай Маркелов развернул его в сторону отступающего противника и открыл прицельный огонь, фактически решивший исход операции. Это был второй героический поступок, совершенный Маркеловым в данном бою. Через минуту высота перешла в руки морских пехотинцев.

За геройские действия в схватке за обладание высотой старший сержант Николай Григорьевич Маркелов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Командир батальона майор Барабольшко и его заместитель капитан Кочетков среди награжденных стоят в особом ряду. Подвиг, который они совершили, отличается от подвига остальных. Они стали готовиться к нему с первого дня создания батальона. Готовились сами и готовили своих подчиненных. Их пятимесячный труд завершился выполнением приказа командующего Тихоокеанским флотом СССР по освобождению от японских захватчиков корейского порта и города Сейсин, который сейчас называется Чхондждином.

Советские офицеры Юрий Мухин и Александр Лебединцев долгое время служили в подразделениях, занимавшихся

мандир пулеметного взвода стал укреплять огневые позиции. Кочетков, контролировавший выполнение этой работы, был рад грамотности сержанта Бирюли, который со знанием дела расставлял пулеметы и проводил их инженерное обеспечение.

Как только Страна Утренней Свежести окуталась темной, японцы начали атаку. Они бросали в бой все новые и новые силы. Атаки и контратаки сменяли друг друга. Потери росли с той и другой стороны. Сержант Бирюля всегда находился там, где его присутствие было крайне необходимо. Бой прекратился только тогда, когда на востоке забрезжил рассвет. На подступах к оборонительным позициям пулеметного взвода в пыли между камней лежали более двухсот трупов противника. Высота осталась в руках морских пехотинцев. И в этом, как справедливо посчитало командование, была заслуга командира пулеметного взвода.

Указом Президиума Верховного Совета Союза СССР сержанту Константину Пименовичу Бирюле в сентябре 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Огромный вклад в успешные действия батальона по освобождению Сейсина внес старший сержант Николай Григорьевич Маркелов, умением которого поражать гранатами цель еще месяц назад восхищались шкотовские подростки, которым он был известен как «дядя Коля».

По профессии Маркелов был педагогом и до войны преподавал математику и физику в школах Ольгинского района. С призывом на военную службу он был зачислен в береговую оборону Тихоокеанского флота. Весной 1945 года, когда был сформирован 355-й батальон, его назначили батальонным парторгом. Как человек с активной жизненной позицией, Маркелов стал помогать командованию в подготовке морских пехотинцев к предстоящим боям и одновременно совершенствовал собственное военное мастерство.

Перед высадкой десанта в порт Сейсин Н.Г. Маркелов был направлен в первую роту, которой командовал капитан Кочетков. Здесь сразу же пригодилось умение Маркелова скрытно продвигаться к противнику, терпеливо выжидать удобного случая и точным броском гранаты поражать огневую точку врага. В наградных документах Маркелова подробно описан его героизм в критические моменты боя. Первый раз это случилось, когда пулеметным огнем противника рота была прижата к земле и оказалась на грани гибели. Капитан Кочетков, следивший за ходом боя, увидев Маркелова, а рядом с ним

предложение тем, что эта долина уже в какой-то мере обжита тазами и китайцами. Далее он рассказал, что от устья и до верховьев реки Цемухе (ныне — Шкотовка), разбросано около 30 фанз, рядом с которыми их владельцы для собственных нужд выращивают хлебные и овощные культуры, в первую очередь те, которые распространены в Китае. Иногда они сеют овес, ячмень и пшеницу, но в очень малых объемах, потому что сбыт этой продукции пока не отлажен. На морском побережье к востоку от устья реки стоит несколько фанз. Проживающие в них китайцы ведут выварку соли, добывают морскую капусту, ловят медуз и трепангов. На склонах сопки по левому берегу Цемухе расположены плантации опиумного мака и маньчжурской конопли.

Китайские промысловики, обосновавшиеся в верхнем течении реки, копают женьшень, добывают олени панты. Сам Семенов был в этой долине два года назад, когда сопровождал туда командира Владивостокского порта Евгения Степановича Бурачка и познакомился там с руководителем китайских общин юга Приморья. Китайцы эту должность и самого человека называют тайе. Цемухинский тайе — умный и очень влиятельный в китайской среде человек. Семенов посоветовал Шкоту установить с ним личный контакт, как это сделал в свое время Бурачок. Такой контакт будет полезен обоим, тем более что тайе тоже стремится к знакомству с российским руководством во Владивостоке.

В конце беседы Семенов, как знаток манзовской психологии, пояснил, что китайцы при первом контакте с незнакомым человеком никогда не принимают решения по тем вопросам, которые только что обсуждали. Поэтому встречаться с тайе нужно будет несколько раз, чтобы о чем-то договориться. Таков китайский обычай и они его никогда не нарушают.

На следующий день Шкот и Семенов, взяв с собою трех крестьян, которым предстояло основать на предложенном месте первое русское крестьянское поселение, отправились в долину реки Цемухе. Шкот ставил перед собой задачу выяснить, действительно ли местность, предложенная Семеновым, способна удовлетворить требования, предъявляемые к будущей базе снабжения Владивостока продуктами и фуражом.

После детального изучения Цемухинской долины все участники поездки пришли к единому мнению, что именно в этих местах нужно строить село. Оно обеспечит питанием не только Владивосток, но и все корабли Сибирской флотилии. Кли-

мат в долине мягкий, почва с большим содержанием чернозема. По рассказам проживающих там китайцев, они выращивают в этих местах кукурузу, репу, редьку, лук, чеснок, огурцы, помидоры, морковь, свеклу и даже тыкву. Такое разнообразие культур, растущих на берегах Цемухе, обрадовало Шкота и его спутников, живших последние годы в холодном климате нижнего Приамурья. Все это Николай Яковлевич изложил в документе, отправленном военному губернатору в Николаевск.

Месяц спустя он получил ответ, в котором П.В. Казакевич предлагал, не мешкая, поселить в долине восемь крестьянских семей, из числа тех, которые прибыли во Владивосток на «Гиляке». Настойчивость Казакевича была не случайной. Он знал, что генерал-губернатор Восточной Сибири С.М. Корсаков отрицательно относится к Владивостоку как к претенденту на роль главного порта Восточного океана, и был уверен, что тот будет сдерживать создание сел вблизи гавани Золотой Рог. Сам Казакевич к этому времени уже готовился к отъезду на службу в Санкт-Петербург и приступил к передаче дел прибывшему ему на смену Ивану Васильевичу Фуругельму. Шкот как ближайший помощник Казакевича обязан был участвовать в передаче дел, в связи с чем ему нужно было срочно выехать в Николаевск.

Объезжая наиболее важные населенные пункты и хозяйственные объекты области, все трое побывали в Охотске, Аяне, Петропавловске, Святой Ольге, Посъете, на Сахалине. И только после этого у Шкота появилась возможность возвратиться во Владивосток. Фуругельм во время затянувшегося путешествия, видя беспокойство Н.Я. Шкота, связанное с вынужденной отсрочкой в закладке села в долине реки Цемухе и желая успокоить его, посоветовал не спешить направлять туда крестьянские семьи, так как скоро наступят морозы и будет лучше, если женщины с детьми проведут зиму во Владивостоке, где у них есть пусть плохонькая, но все-таки крыша над головой. А вот с местом, где желательно создавать крестьянское поселение, лучше было бы определиться в текущем, 1864, году. Тогда главы семей сами решат, чем им заниматься зимой: работать в Адмиралтействе или рубить лес на берегах Цемухе.

Шкот с благодарностью принял совет И.В. Фуругельма, разумного и ответственного человека, каким он показался ему с самого первого дня. Иван Васильевич был на восемь лет старше Шкота и значительно опытней его в ведении хозяйствен-

резали и искололи штыками все ее тело. Сегодня, в мирные дни, мы называем такие действия варварскими и виним в этом тех, с кем мы воевали. Однако любой профессиональный военный, знакомый с трудами Клаузевица, может пояснить, что подобное является следствием психологической подготовки солдат во всех без исключения странах, в том числе и в СССР. Война есть война. Она ведется по своим правилам. В годы войны мы обвиняли японцев в зверстве в первую очередь для того, чтобы разжечь ненависть наших солдат к солдатам противника. Сейчас мы должны говорить о таких фактах, чтобы напомнить людям о необходимости сохранения мира.

Сержант Константин Пименович Бирюля был парторгом роты, которой командовал лейтенант Бебих. После ранения Бебиха и гибели его заместителя Заболотникова Бирюля взял командование на себя. Потери в роте были столь велики, что дальнейшее ее продвижение вперед оказалось невозможным. Рота заняла круговую оборону, и Бирюля известил об этом командира батальона майора Бараболько, который направил туда своего заместителя, капитана Кочеткова, дав ему в помощь группу пулеметчиков. Разобравшись с положением, в котором оказалось это подразделение, Кочетков внес коррективы в ранее разработанный план боевых действий. Так как в роте не осталось ни одного офицера, он принял командование на себя, а сержанта Бирюлю назначил командиром пулеметного взвода. Рота продолжила наступление, но через несколько минут остановилась перед водным препятствием. Сержант Бирюля, оказавшийся в непосредственной близости от реки, за которой находились японцы, бросился в воду, установил на другом берегу свой пулемет и открыл огонь по приближавшемуся противнику, создав тем самым условия для переправы роты через водный рубеж. Наступление десантников было продолжено. Капитан Кочетков, следивший за продвижением морских пехотинцев, вдруг обнаружил, что противник пытается взять роту в кольцо. Оценив обстановку, он принял предложение сержанта Бирюли ударить во фланг японцев, а затем продолжить наступление к вершине горы по ее пологому склону. Маневр оказался очень удачным. Пулеметчики шли впереди. Под руководством парторга они первыми поднялись к вершине. Вечерело. Кочетков и Бирюля были уверены, что противник будет искать удобный момент для создания выгодной для себя обстановки. С приходом сумерек, мешавших японцам вести наблюдение за высотой, ко-

озверевшими лицами, одетых в чужую, ненавистную военную форму. В том, что противнику в этой схватке пришлось отступить, большая заслуга принадлежала Якову Баляеву.

По представлению командования Тихоокеанского флота Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил матросу Якову Илларионовичу Баляеву звание Героя Советского Союза.

Также посмертно было присвоено звание Героя и санитарке батальона Марии Никитичне Цукановой, которой на день гибели было всего 20 лет. Родилась Маша в таежном селе Красноярского края, училась в школе и мечтала стать педагогом. Когда началась война, она, как и многие другие, подала заявление с просьбой отправить ее на фронт. Получив отказ, Мария уехала в Иркутск, устроилась работать на один из заводов зная, что оттуда ей легче будет попасть в Красную Армию. В 1942 году она уже служила в Тихоокеанском флоте. Сначала была телефонисткой, а позже, когда Советский Союз стал готовиться к войне с Японией, окончила курсы санитарок при Владивостокском морском госпитале и была направлена в 355-й батальон, находившийся в Шкотово. Здесь Маша Цуканова продолжала осваивать новую профессию в условиях, приближенных к реальному бою. На занятиях, проводимых опытными санитарями, служившими в Шкотовском гарнизоне, училась на месте оказывать помощь раненым, выносить их из зоны обстрела или укрывать в безопасных местах от пуль и осколков снарядов.

Первое боевое крещение Мария Цуканова получила утром 14 августа 1945 года, когда торпедные катера, следовавшие с десантниками в Сейсин, были обстреляны японцами. Перевязав раненых и дав им обезболивающее, Цуканова вместе со всеми высадилась в Сейсинском порту и сразу взялась за работу. Не считаясь с опасностью молодая, крепко сложенная девушка всегда устремлялась туда, где ее помощь была особенно нужной. Укрываясь за поваленным телефонным столбом или за разбитым кирпичным забором, она грамотно делала перевязки, накладывала шины. Десантников, потерявших способность передвигаться, вытаскивала из-под обстрела. Бои разгорались в разных местах, и Маша спешила туда, чтобы оказывать помощь раненым. Своим самоотверженным трудом, как сказано в наградном документе, она спасла от смерти 52-х морских пехотинцев. В ходе боя Маша была ранена в ногу и потеряла сознание. Японцы захватили ее в плен. Вымещая на ней злость по отношению к русским, они выкололи Маше глаза, из-

ных дел. Кроме длительной службы на военно-морских кораблях, он четырнадцать лет работал в Российско-Американской компании (РАК), добывавшей морского зверя у берегов Аляски и прилегающих к ней островах, а три года из четырнадцати возглавлял эту компанию, в распоряжении которой находились порты, военно-морские корабли и суда промыслового флота, а также вооруженные подразделения для защиты имущества РАК от грабежей и разбоя.

К моменту, когда Фуругельм стал правителем РАК, ее промысловый ресурс был уже истощен и дела компании начали ухудшаться, вследствие чего содержать военный флот и порты она уже не могла. Кроме того, возникала угроза насильственного отторжения от России Аляски и Алеутских островов. Император Александр II вынужден был расформировать РАК, а Аляску с прилегающими к ней островами продать Северо-Американским соединенным штатам.

После годичного отпуска, проведенного на своей родине в Финляндии, находившейся тогда в составе Российской империи, в 1864 году Фуругельм был направлен на Дальний Восток на должность военного губернатора Приморской области, значение которой для нашей страны из года в год росло.

Основание Шкотово

Осенью 1864 года Николай Яковлевич Шкот вернулся во Владивосток. Помня совет Фуругельма, он сразу пригласил к себе Якова Лазаревича Семенова и крестьян, с которыми ранее обследовал долину реки Цемухе. Теперь ему нужно было определить территорию будущего поселения и договориться с тайе, чтобы тот разрешил главам крестьянских семей в период заготовки леса и постройки домов пожить в одной из пустующих фанз.

В беседе с приглашенными лицами Шкоту стало известно, что во время его отсутствия все трое крестьян несколько раз побывали в Цемухинской долине и нашли по их убеждению самое лучшее место для закладки села, где все было под рукой — пашни, пастбища, бухта, лес, река. Крестьяне просили Николая Яковлевича осмотреть и одобрить их выбор.

Шкот в свою очередь обратился к Семенову с просьбой поучаствовать вместе с ним в беседе с тайе, чтобы как можно быстрее решить проблему с жильем для будущих основателей поселения.

После повторного осмотра долины Н.Я. Шкот одобрил выбор крестьян, чем те остались очень довольны, а Семенов помог в один день решить вопрос относительно фанзы. И вся делегация заспешила во Владивосток, где у каждого были свои дела.

В ноябре 1864 года крестьянин Василий Андреевич Пашкеев и два его товарища, имена которых пока не установлены, взяв пилы, топоры, котелки для приготовления пищи и необходимый запас продуктов, отправились к устью реки Цемухе, поселились в манзовской фанзе и приступили к работе.

Н.Я. Шкот, будучи постоянно занятым неотложными делами, все же находил возможность оказывать помощь главам семей, строившим первые русские избы на берегу Цемухе. Содействовал он им и потом, когда в этих домах поселились крестьянские семьи. Шкот помогал им в приобретении дефицитных строительных материалов, а весной 1865 года настоял на том, чтобы манзы дали переселенцам несколько десятин подготовленной к посеву земли. Во всех случаях помощь Шкота была своевременной и крайне необходимой.

К началу апреля 1865 года на правом берегу Цемухе неподалеку от устья, на территории, ограниченной в настоящее время улицами Комсомольской, Ленинской и ручьем, впадающим в речку, стояли три готовых к заселению дома со всеми хозяйственными постройками и два недостроенных сруба. В середине апреля в Шкотово поселились первые три крестьянских семьи, а в 1866 году к ним присоединились еще две.

Тот, кто хоть раз своими руками строил собственный дом, способен понять ту радость, которая царит в душах основателей Шкотова. Им казалось, что нет и не может быть лучше домов, чем те, в которых живут их жены и дети. С огромнейшим удовольствием смотрели они на свои избы с односкатною крышей, покрытой свежей сосновой корой, на маленькие, низко сидящие окна, на прочные двери, собранные из дубового теса. Никого не смущало, что всякий входящий в избу должен был сильно пригнуться, чтобы не удариться головой о верхнюю перекладину. Владельцам домов очень нравился не совсем ровный, но без единой щелочки пол и точно такой потолок, утепленный глиной и прошлогодними листьями. Женщины, после долгих скитаний по чужим углам, радовались массивной русской печи, стоявшей чуть левее центра избы, сложенной из пузырчатого камня и обмазанного для эстетики желтой глиной.

Так как печь не имела трубы, дым из нее сначала собирался в избе, а потом через двери и волоковые окна выходил на

мент он увидел, что японцы пытаются взять группу в кольцо и сразу же отдал роте приказ открыть по противнику пулеметный огонь. Японцы приостановили движение, и это дало возможность разведчикам переместиться на другие позиции. Яков Баляев замыкал правый фланг разведгруппы. Постоянно маневрируя, он прицельным огнем прижимал японцев к земле, давая возможность своим товарищам продвигаться вперед. В результате умелых действий матроса Баляева разведчики шаг за шагом приближались к вершине горы. Впереди было несколько вражеских огневых точек. Возникла необходимость провести доразведку, чтобы найти наиболее безопасный путь. Яков обратился к Кочеткову с предложением направить в разведку его одного, а все остальные должны были усилить обстрел огневых позиций японцев. Предложение было принято и Яков, заменив ручной пулемет на более легкий по весу автомат, ползком стал пробираться в расположение обороны противника, запоминая все, что видел вокруг. Разведав подходы к огневым точкам противника, он начал возвращаться назад. В этот момент японцы увидели Якова, ползущего между камней, и открыли по нему перекрестный огонь. Баляев, старательно укрываясь от пуль, как его учили этому майор Барабошко и капитан Кочетков, продолжал пробираться к своим. Через несколько минут он, живой и невредимый, лежал в укрытии рядом с Кочетковым, докладывая обо всем, что видел на высоте. В конце доклада Яков попросил Кочеткова поставить его в первый ряд наступающих, мотивируя тем, что он лучше других знает дорогу к вершине горы.

Под прикрытием огня пулеметчиков разведгруппа, а за ней и вся рота решительно пошли в наступление. Гранатами и пулеметным огнем Яков гасил одну за другой огневые точки противника. Он был уверен, что еще один успешный бросок — и вершина окажется в руках морских пехотинцев. Во время очередной перебежки Яков почувствовал нестерпимую боль в ноге. Чтобы вести прицельный огонь, он лег на землю, нажал на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. В диске кончились все патроны. Пока он менял пустой диск, японцы приблизились к нему вплотную. Яков стал отстреливаться в упор. И тут пулемет вновь замолчал. Его раскаленный ствол оказался разорванным. Желая хоть чем-то помочь десантникам, находившимся в нескольких шагах от него, Яков схватил пулемет за раскаленный ствол и стал бить им японцев, как бьют обыкновенной дубиной. Он бил до тех пор, пока способен был видеть людей с

силы для подвига, формирует особый, геройский характер. Все шестеро десантников 355-го батальона, удостоенные высшей военной награды, выделялись среди других исключительной твердостью духа, бесстрашием, непреодолимым стремлением к достижению цели. Эти качества, полученные десантниками от природы, были многократно умножены во время тренировок на шкотовских полигонах.

В ходе подготовки личного состава к борьбе с сильнейшим противником, каким были тогда японцы, главной задачей командиров всех уровней стала отработка способов наступления и обороны, проявление инициативы в бою, строжайшее соблюдение дисциплины. Огромнейший труд, затраченный офицерами, сержантами и матросами в процессе учебных занятий завершился успехом. Сейсин, именуемый сегодня Чхонджином, был освобожден от японцев. Вся Россия и северная часть Кореи помнят имена советских солдат, погибших при его освобождении.

Матрос Яков Илларионович Баляев, которого шкотовские мальчишки уважительно именовали не иначе, как «дядя Яша» запомнился многим из них как воин, умеющий в нужный момент подавлять в себе страх и, встав во весь рост в тесном окопчике, метко бросать гранаты под гусеницу «японского танка». Вооруженный бутылкой с зажигательной смесью, «дядя Яша» дождался, когда «танк» пронесется над ним, бросал бутылку ему вдогонку. Огромных успехов добивался «дядя Яша» и на стрельбище, поражая очередями из пулемета и автомата появляющиеся в разных местах мишени. Ему не было равных и в рукопашном бою. Он мог использовать как оружие любой предмет, оказавшийся у него под руками. Это вызывало восхищение юных шкотовцев, почти всегда находившихся там, где проходили боевые занятия морских пехотинцев.

После высадки десанта в Сейсине Баляев был включен в разведгруппу, которая получила задание обеспечивать продвижение роты, а за ней и всего батальона к северной окраине города, чтобы занять там сопки, возвышающиеся над окружающей местностью.

Японцы шквальным огнем преградили разведчикам путь. Баляев, находившийся в первых рядах разведгруппы, умело подавлял пулеметными очередями огневые точки противника, расчищая путь себе и товарищам. Капитан Кочетков, только что принявший командование ротой, в помощь которой была направлена эта группа, наблюдал за ее действиями, чтобы в случае надобности оказать ей поддержку. В какой-то мо-

улицу. Топили печь один раз в день, но она давала столько тепла, что его даже зимой хватало на целые сутки.

Гордостью хозяина каждого дома был широкий обеденный стол, стоявший под образами в красном углу, и большие скамейки вдоль стен, на которых ночью отдыхала семья. Крестьяне в ту пору спали в верхней одежде, подстелив под себя какую-нибудь старую вещь и накрывшись плащом или шубой. Вечером изба освещалась лучинами, вставленными в щели меж бревен.

В каждую стену было вбито по 5-6 больших деревянных гвоздей, на которых висела одежда, принадлежащая проживающим в доме. Полушубки, ватные брюки и меховые шапки в теплое время года висели на дальних гвоздях, а летние вещи для удобства развешивали как можно ближе к выходу. Справа от входной двери было оборудовано рабочее место хозяина, где он чинил хомуты, подшивал валенки, ремонтировал полушубки.

На берегу реки около каждого дома стояла добротная баня, топившаяся тоже «по-черному». Воду для мытья грели в деревянных бочках раскаленными на печке камнями. Мылись в больших деревянных тазах, похожих на низкие бочки, а парились березовыми или дубовыми вениками на высоких двухъярусных полках. Мыло в то время в крестьянской среде было недостижимой роскошью, поэтому шкотовцы для мытья пользовались щелоком — водным раствором древесной золы. Мылись в бане в две очереди. В первую очередь мылись мужчины, тщательно экономя воду. После них шли мыться женщины и дети. Третья очередь предназначалась для банника, доброго славянского банного божества, по старинным поверьям, проживавшего в бане. Ему оставляли шайку с водой, щелок и банный веник. Если вдруг кто-то из жильцов по каким-то причинам вынужден был мыться в третью очередь, баннику это крайне не нравилось, и он делал так, чтобы у этого человека после мытья обязательно болела голова. Поэтому, не желая ссориться с банником и оберегая свое здоровье, шкотовцы в 19 веке мылись только в две очереди.

Изначальное название Шкотово

Четыре месяца Шкотово просуществовало без документального оформления акта своего основания. Оно не имело ни имени, ни закрепленных за ним земельных угодий. Морское ведомство, по инициативе которого было создано это село,

оказалось не готовым к тому, чтобы заниматься устройством гражданской жизни в Приморье. В канцелярии начальника южных гаваней даже не было штатного работника, который бы вел такие дела. Положение стало меняться только после того, как участились случаи массовых переходов границы со стороны Кореи и беспорядочного расселения корейских крестьян по территории области. Это побудило руководство Восточной Сибири выделить для канцелярии начальника южных гаваней средства на содержание чиновника по гражданским делам. В августе 1865 года во Владивосток на должность помощника начальника южных гаваней был назначен титулярный советник Вешняков. Шкот сразу же направил его в долины рек Майхе (ныне Артемовка) и Цемухе, где он должен был взять на учет существовавшие там поселения и составить документ, подтверждающий основание Шкотова. В Майхинской долине Вешняков пробыл всего один день. Он быстро обнаружил там корейский хуторок, состоящий из пяти еще недостроенных фанз, но, не владея корейским языком, не смог выяснить, когда тот начал застраиваться. На всякий случай Вешняков назвал зарождавшееся корейское поселение Андреевкой и записал, что оно было создано в 1865 году.

В долине реки Цемухе ему пришлось задержаться на три дня. Много времени ушло на обход территории, которую нужно было передать крестьянской общине. После этого Вешняков собрал глав семей и вручил им наспех составленный план закрепленных за ними земельных угодий. Дав пояснения по этому плану, он объявил, что по решению руководства Владивостока их поселению присвоен ранг слободы, и что отныне она будет называться слободой Цемухинской. Чтобы всем был понятен смысл такого решения, Вешняков уточнил, что в районах правительственной колонизации, к которым относится и Приморская область, поселения, создаваемые вблизи городов, чаще всего именуются слободами. Жители Цемухинской слободы по решению руководства Владивостока должны заниматься хлебопашеством. Слободчанам по закону предоставляются льготы. Цемухинцам они предусмотрены Правилами переселения крестьян на Дальний Восток.

Не смотря на то, что по документам с этого дня слобода именовалась Цемухинской, сами жители стали называть ее Чемухинской. Причина подобного явления заключалась в том, что все ее основатели были выходцами из Забайкалья, где буква «ц» произносится как «ч». Под этими двумя, народным и

наступление. Чтобы переломить обстановку, Бараболько связался с командованием подошедших к Сейсину кораблей Тихоокеанского флота и попросил у них помощи. Благодаря артиллерийской поддержке, десантники вышли на новые рубежи и закрепились на них. С огромным трудом и большими людскими потерями батальону удалось овладеть ситуацией. В результате длительных, упорных сражений горные высоты одна за другой стали переходить в руки морских пехотинцев. За двое суток непрерывных боев все десантники, в том числе и их командир, ни на минуту не расслаблялись. Многие в буквальном смысле валились с ног и только огромным усилием воли заставляли себя держать в руках оружие и стрелять по врагу.

Утром 15 августа началась высадка основного десанта. Бараболько облегченно вздохнул и поздравил с этим личный состав батальона. По-отечески он попросил десантников обеспечить силам основного десанта нормальную высадку. Ценой небывалых усилий приказ командования Тихоокеанского флота был выполнен.

В боях за освобождение Сейсина весь личный состав батальона показал высокую воинскую зрелость, отвагу и героизм. 560 десантников были награждены орденами и медалями, а шестерым присвоено звание Героя Советского Союза. Вот их имена:

Майор Михаил Петрович Бараболько, командир батальона.

Капитан Михаил Иванович Кочетков, замполит батальона.

Матрос Яков Илларионович Баляев.

Сержант Константин Пименович Бирюля, парторг 2-й роты.

Старший сержант Николай Григорьевич Маркелов, парторг батальона.

Краснофлотец Мария Никитична Цуканова, санитарка батальона.

Людей активных, умеющих успешно решать трудные боевые задачи, добиваться того, что недоступно другим, древние греки называли «героями». Они полагали, что «герой» — это сын человека и бога. Он способен творить чудеса, побеждать всякое зло и восстанавливать справедливость. С древними греками трудно не согласиться, что человек, совершающий подвиг, личными качествами отличается от всех остальных. И вероятней всего правы те, кто убежден, что геройский поступок даруется человеку всемогущей Судьбой, которая дает ему

На следующий день началось десантирование 355-го батальона, перед которым стояла задача прорваться в город, занять там преобладающие высоты, закрепиться на них и продержаться до подхода главных штурмующих сил. Высадка прошла в штатном режиме. Потерь в живой силе не было. Десантники продвигались вперед, легко преодолевая сопротивление разрозненных сил японцев. Однако вскоре положение стало меняться. Противник, словно опомнившись, обрушил на пехотинцев ураганный огонь и под его прикрытием пошел в наступление. Десантники перешли к обороне. У японцев было огромное преимущество: они хорошо знали местность и в любую минуту могли просочиться туда, где стыки между ротами пехотинцев были недостаточно защищенными. В этой связи Бараболок стал принимать меры по укреплению слабых участков. Он создал несколько групп для обеспечения безопасности флангов. Постоянно перемещаясь по фронту чтобы оценить обстановку, он опытным взглядом выявлял недостатки и давал указание, как их устранять.

Возвратившись на командный пункт, Бараболок получил сообщение о тяжелом ранении командира второй роты лейтенанта Бебиха и гибели его заместителя лейтенанта Заболотных. Из-за отсутствия других офицеров командование взял на себя парторг, сержант Бирюля. Японцы наседали на роту с разных сторон, и Бирюля вынужден был отдать приказ о переходе к круговой обороне. Чтобы не сорвать наступления, командир батальона направил в эту роту своего заместителя, капитана Кочеткова. Едва тот скрылся из виду, как на командный пункт прибыл посыльный из первой роты, командиром которой был лейтенант Катасонов. Посыльный сообщил, что рота оказалась прижатой к подножью окружающих гор, на вершинах которых расположены огневые точки японцев. Положение было настолько опасным, что Бараболок решил идти туда сам, взяв с собой несколько пулеметчиков. Прибыв на место, он помог Катасонову произвести перегруппировку, укрепить пулеметами фланги, в результате чего рота приобрела былую боеспособность.

Ожесточенные бои шли на всех участках, занятых 355-м батальоном. Не смотря на то, что десантники выбивались из сил, они создавали серьезную угрозу противнику. Японцы вынуждены были наращивать силы в местах, где действовала морская пехота. К сожалению, железная дорога пока оставалась в распоряжении японцев, и они направили по ней бронепоезд. Под прикрытием огня бронепоезда противник пошел в

официальным, названиями Шкотова просуществовало около двух с половиной лет. Современное имя поселку было присвоено при следующих обстоятельствах.

В конце 1866 года заканчивался десятилетний срок службы Н.Я. Шкота в Сибирской флотилии. После этого переставали увеличиваться надбавки к заработной плате и к будущей пенсии. Шкоту, согласно закону, предоставлялось право уйти на отдых, продолжить службу на прежнем месте или взять перевод на Балтику. Николай Яковлевич выбрал последнее. Его здоровье к этому времени заметно ухудшилось. Сказались ранения и контузии в годы Крымской войны в Севастополе. Он мог бы поехать домой в Костромскую губернию, где у него было имение. Однако, в преддверии собственных сорока лет становиться помещиком он не хотел. Учитывая, что Николай Яковлевич был неженатым и дома его никто не ждал, он принял решение продолжить службу на Балтике.

Друзья и товарищи, вместе с которыми Шкот прослужил десять лет, провожали его в Санкт-Петербург по обычаю, принятым в русском военно-морском флоте. На прощальных собраниях и торжественных вечерах они желали ему здоровья, долгих лет жизни и успехов в дальнейшем труде. С уважением, теплотой и признательностью вспоминали военные моряки годы, пройденные им в рядах российского офицерства на Крайнем Востоке, как тогда россияне называли Дальний Восток. Говорили, что предки Шкота были шотландцами, поступившими на русскую службу в начале 18 века, и что каждый из них за заслуги перед новым отечеством получил дворянское звание. Старший брат Николая Яковлевича первым из Шкотов стал военно-морским офицером, участвовал в обороне Севастополя, а в настоящее время в звании контр-адмирала командует Аральской флотилией. Николай Яковлевич по примеру своего брата тоже избрал для себя профессию военного моряка. Закончив Морской корпус, он несколько лет плавал на кораблях Черноморского флота. Во время Крымской войны корабль, которым командовал Шкот, по решению защитников Севастополя был затоплен у входа в одну из севастопольских бухт, чтобы лишить противника возможности прорваться на внутренний рейд. Весь экипаж затопленного корабля во главе с лейтенантом Шкотом перешел на Корниловский бастион. Здесь Николай Яковлевич получил тяжелое ранение и контузию.

Крымская война для нашей страны закончилась неудачно. Россия лишилась права иметь на Черном море военный флот.

Шкот после лечения уехал на Дальний Восток. В Николаевске, где в то время находилась Сибирская флотилия, его назначили старшим офицером корвета «Америка». Россия тогда проводила замену парусных кораблей на парусно-винтовые. Пароходо-корвет «Америка», построенный по заказу Казакевича в Северо-Американских соединенных штатах, был в Сибирской флотилии самым лучшим в техническом отношении кораблем. Знания, полученные Шкотом в Морском корпусе, позволяли ему успешно справляться со своими обязанностями, и вскоре он был назначен командиром данного корабля. Сначала все было хорошо, но спустя какое-то время Николай Яковлевич стал испытывать серьезные трудности в командовании кораблем, так как заикался. После контузии этот недуг то затихал, то усиливался. А «Америка» в этот период стала все чаще и чаще участвовать в межгосударственных политических мероприятиях в зарубежных портах. В чрезмерно торжественной обстановке Шкот с трудом подавлял в себе заикание, которое нередко мешало ему выполнять прямые обязанности и поддерживать положенный этикет, когда в кают-компании корабля собирались представители иностранных держав. В итоге Николаю Яковлевичу пришлось уйти с должности командира пароходо-корвета «Америка».

П.В. Казакевич, высоко ценивший Н.Я. Шкота, назначил его командиром военного транспорта «Японец», главного хозяйственного корабля Сибирской флотилии. Командуя экипажем «Японца», Николай Яковлевич участвовал в создании морских портов и военных постов в южной части Приморья и одновременно обеспечивал их жизнедеятельность, доставляя туда материалы, продовольствие и прочие грузы. Шкот оказывал помощь гидрографам, проводившим опись русского побережья Японского моря. Командир Сибирской флотилии контр-адмирал Казакевич видел в нем надежного помощника и всецело ему доверял.

Однажды у Шкота произошел конфликт с адмиралом Иваном Федоровичем Лихачевым, авторитетным флотским руководителем. Случилась так, что в интересах дела Николай Яковлевич вынужден был временно отложить выполнение приказа, данного ему Лихачевым, и тот в пылу гнева потребовал у военного губернатора отстранить Шкота от занимаемой должности. Казакевич, разобравшись в причине случившегося, стал решительно защищать своего подчиненного. Он убедил Лихачева, что таких офицеров, как Н.Я. Шкот, нельзя снимать

скоро начнется война, и теперь уже не где-то там, далеко, а здесь, рядом со Шкотово. Надежды на лучший исход сложившейся ситуации, теплившиеся в душе многих, к полудню были окончательно развеяны. Десятилетняя дочь заместителя командира батальона, Эля Кочеткова, со слезами рассказала подругам, что ночью ее отца вызвали по тревоге. Дежурный по батальону сказал, что майор Барабольшко вместе со второй ротой уже пошел к пристани, куда скоро должен прибыть военный корабль. Отец Эли торопливо взял «тревожный рюкзак» с документами и вещами, попрощался с семьей, открыл дверь и ушел в темноту. Эля и ее мама сразу заплакали. В этот день в Шкотовском гарнизоне плакали многие женщины, чьи мужья отправились в пункты сбора. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии, а утром 9 августа наши войска начали штурм границ по всей линии фронта.

Более двадцати дней о судьбе десантников не было никаких известий. И только к началу сентября М.И. Кочетков прислал жене коротенькую записку, в которой сообщал, что он жив и здоров, воюет в Корее и в ближайшие месяц-другой надеется побывать дома.

Пятнадцатого августа Япония объявила о своей капитуляции. Сразу же был снижен контроль военной цензуры за перепиской военнослужащих со своими семьями. К середине сентября жителям Шкотова стали известны обстоятельства, связанные с переброской батальона на Корейский полуостров. Выяснилось, что в ночь на восьмое августа в войска был разослан приказ, предписывающий всем быть готовыми к боевым действиям. Той же ночью к Шкотовской пристани подошли торпедные катера. Забрав морских пехотинцев, они взяли курс к Русскому острову, где формировался десант для штурма японской крепости Сейсин.

Для японцев Сейсин был очень важным стратегическим пунктом. Через него проходили дороги во все города Корейского полуострова. Из Японии в Сейсинский порт поступало оружие и боеприпасы для Квантунской армии. Потерять эту базу для японцев было равносильно потере всего. Это заставило их заранее построить в Сейсине и на подходах к нему более 120 долговременных огневых точек, соединенных между собой траншеями и телефонной связью.

Штурм крепости начался рано утром 13 августа. Первыми в порт высадились испытанные в боях подразделения Героя Советского Союза Леонова и старшего лейтенанта Яроцкого.

базаре торговали тапочками, сшитыми из разделанной по слоям транспортной ленты. Эти тапочки были тогда самой ходовой обувью в Шкотово. В них трудились на огороде, посещали кино, убирали навоз, ходили на работу.

Не смотря на множество привлекательных мест в центре поселка, морские пехотинцы бывали там крайне редко. Получив увольнение, они, повинувшись вечному зову природы, спешили на речку, где купались и загорали шкотовские девчата. С приходом десантников на пляже становилось шумно и весело. Здесь совсем юные парни и девушки, не испорченные нравами надвигающейся из Европы сексуальной революции знакомились, шутили, рассказывали анекдоты и смешные истории, радуясь счастливому случаю общения со своими сверстниками без присутствия взрослых.

Увольнения, проведенные на берегу Цемухе, пролетали так быстро, что десантники едва успевали в положенный срок возвратиться в расположение части. Девчата с уходом парней в беседах друг с другом с затаенной радостью вспоминали, как прошла их первая встреча с понравившимся пареньком, о чем они говорили. Девушки сожалели, что не нашли в себе силы договориться о следующей встрече. Пехотинцы не скрывали разочарования, что им редко дают увольнения и что закрепить завязавшееся знакомство в такой обстановке почти невозможно. Повторные встречи, если их так можно было назвать, чаще всего проходили на улицах Ленинской и Советской, когда десантники шли на свой полигон или на политзанятия в гарнизонный клуб. Девчонки, увидевшие издали военных в брюках из белого полотна и в таких же рубашках, надетых на тельняшки, как бы случайно выбегали из дому, чтобы повесить или снять с веревки белье, принести из колодца ведро воды. Недавно познакомившиеся молодые парни и девушки приветствовали друг друга нежными взглядами и едва уловимым взмахом руки, понимая, что за ними зорко следят бдительные мамы и бабушки.

За время пребывания десантников в Шкотово жители поселка привыкли к тому, что каждое утро на самой заре батальонные трубачи будили морских пехотинцев. Видели, как те торопливо покидали палатки, строились и шли на зарядку, а затем спешили к реке, чтобы умыться и приготовиться к завтраку. За пять месяцев это стало привычным явлением. И вдруг 7 августа 1945 года все это прекратилось. Горнисты не подали сигнал к пробуждению. Бараки и палатки к утру оказались пустыми. Это встревожило всех. Шкотовцы поняли, что очень

с должности «за мелкие упущения». Да и сам Лихачев, немного поостыв, узнал, что Шкот задержался с выполнением его приказа потому, что должен был помочь командиру военного поста в Новгородской гавани заготовить строительный материал для утепления казармы, в которой остались зимовать матросы, добывавшие уголь для кораблей и находящиеся под командованием Лихачева. Это заставило адмирала изменить свое отношение к Шкоту, и он отозвал свой рапорт, направленный на имя Казакевича.

После отъезда Шкота в Санкт-Петербург жители созданной им слободы постоянно вспоминали его добрым словом. Им было приятно узнать, что с уходом Шкота на пенсию Морское ведомство предоставило ему почетное право «во всех случаях носить вместо шляпы фуражку и пользоваться тростью». Такое право давалось только заслуженным флотским пенсионерам.

В 1870 году в Цемухинскую слободу пришла печальная весть о кончине в Санкт-Петербурге Н.Я. Шкота. Жители слободы, руководствуясь самыми лучшими чувствами к этому человеку, незамедлительно собрались на сход и своим решением переименовали Цемухинскую слободу в Шкотовскую. Этим они увековечили память о Шкоте, сделавшем много полезного для русского Дальнего Востока и всей России.

Шкотово в 60-х годах 19 века

К концу второй половины 60-х годов 19 века материальное положение жителей Шкотовской слободы в значительной мере наладилось. Крестьяне приспособились к местным условиям земледелия, научились ловить и заготавливать впрок рыбу, идущую на нерест в реку. По примеру китайцев, тазов, нанайцев и орочей, живших в Приморье, стали копать лудье, т.е. глубокие ямы с обрывистыми бортами, чтобы с их помощью ловить оленей, изюбрей и кабанов. В результате приобретенного опыта и ежедневного труда крестьяне забыли, что такое нехватка еды и даже смогли кое-что из продуктов продавать на владивостокском базаре, чтобы покупать для себя вещи, в которых они особо нуждались. Некоторые стали регулярно вывозить во Владивосток крупными партиями излишки того, что выращивалось на полях, добывалось в тайге, речке и бухте. Значительная часть овощей, зерна, рыбы, мяса и прочих продуктов, которыми торговали китайцы на Манзовс-

ком рынке во Владивостоке, производили жители Шкотовской слободы.

В 1867 году шкотовцы получили первый крупный заказ на поставку сена в воинские части Владивостока. В слободе в этот период было всего пять крестьянских дворов, в которых проживало 25 человек. Не смотря на малое число работников, слободчане с готовностью взялись за эту работу, понимая, что упустить такой счастливый случай нельзя, так как от него будет зависеть дальнейшее деловое сотрудничество жителей слободы с военными во Владивостоке. Чтобы преодолеть конкуренцию манз, живших неподалеку от города, слободчанам пришлось хорошо потрудиться. Они заблаговременно подготовили сенокосы, отремонтировали дороги, по которым планировали возить сено во Владивосток. Заказ был выполнен в срок. Это явилось прочной основой для дальнейших взаимовыгодных отношений шкотовских крестьян с командованием воинских частей и руководством Адмиралтейства. И хотя этот заказ не принес шкотовцам больших барышей, они остались довольны, потому что Интендантское управление сразу же заключило с ними договор на поставку овса для коней, находящихся в ряде гарнизонов юга Приморья. Задача, которую ставил адмирал П.В. Казакевич перед крестьянами созданного им села, начала выполняться.

С мая 1867 года население слободы стало увеличиваться за счет рождения первых детей. У Ефима Яковлевича Васильева и его жены Соломонида Филипповны родилась дочь. Приехавший из Владивостока священник окрестил ее Глафирой и пояснил, что православная церковь толкует смысл этого имени как родительское пожелание дочери быть всегда чуткой и внимательной ко всем окружающим, доброй и отзывчивой к нуждам людей, утонченной в собственных помыслах и делах. Как заверил мудрый священник, Глаша Васильева до конца своих дней будет во всем соответствовать смысловому значению своего имени, не взирая на трудности, которые могут возникнуть у нее на пути.

Через полмесяца Евдокия Пашкеева осчастливила мужа и слободчан рождением в Шкотово первого мальчика, названного при крещении Павлом. В переводе с латинского слово «павел» означает «маленький». Родился Павел действительно маленьким, но вырос большим, здоровым и сильным, как все мужчины в семье Пашкеевых.

В 1867 году в слободе начали создаваться новые семьи. В самый разгар сенокосных работ только что прибывший в

Рога и причалов Торгового порта. После этого работы по строительству здания были прекращены. Недостроенный каркас простоял до 1946 года, после чего работы в нем были продолжены. В настоящее время там находится Дальрыбвтуз.

Десантники слушали эту информацию очень внимательно, иногда перебрасываясь между собой короткими фразами. Исходя из реакции морских пехотинцев Бараболько понял, что занятие достигло поставленной цели.

С приходом в Шкотово летнего тепла десантники чаще стали появляться в поселке. Многие жители в эти дни поближе познакомились с ними. В разговорах между собой они называли их по именам и фамилиям. К шкотовцам, проявившим повышенный интерес к знакомству с военными, в первую очередь относились девчата, выросшие за годы войны до невест.

В дни, когда у морских пехотинцев появлялась возможность побывать в увольнении, десантники, отглаженные и начищенные, почему-то не спешили в поселок, в центре которого на высоком столбе было установлено громкоговорящее радио в виде колокола, из которого значительную часть дневного времени лилась прекрасная музыка. Так как во многих шкотовских домах тогда еще не было радиоточек, здесь, на перекрестке Ленинской и Советской, постоянно толпился народ, желавший послушать сообщения «Совинформбюро», озвученные лучшим диктором нашей страны Юрием Борисовичем Левитаном, а также пообщаться между собой и узнать, что нового произошло в Шкотово и в стране за последние дни.

Здесь в центре поселка работал базар, где помимо семечек, овощей, малины и черной смородины можно было купить американские сигареты, которые привозили сюда из Соединенных штатов шкотовские подростки, работавшие в качестве юнг на судах заграничного плавания. По содержанию никотина американские сигареты в сравнении с русской махоркой были «очень слабыми». Но достоинство их было в том, что от этих сигарет исходил аромат благоухающих роз, Melissa и иных экзотических трав. Ради такого аромата местные мальчишки, даже если они никогда не курили, носили в карманах штанов хотя бы половинку такой сигареты, тщательно пряча ее от взрослых.

В базарных киосках всегда был в продаже брусничный морс и хлебный квас. В воскресные дни кроме продуктов здесь можно было купить носки из собачьей шерсти, связанные шкотовскими бабушками. Перекупишки из Артема на этом

выступавших не произносил слова «Япония» или «японцы», всем было понятно, о ком идет речь и кого нужно остерегаться. На вечерних занятиях десантники, вспоминая все, что говорил им И.П. Арзамазов, поклялись отомстить японцам за их коварство, приведшее к гибели партизан 1-го Дальневосточного советского полка, дислоцированном в Шкотовском гарнизоне.

Кроме этого, Иннокентий Петрович рассказал, что в 1943 году через реку Цемухе вблизи улицы Зальпе был построен железнодорожный мост, по которому за всю войну не прошел ни один паровоз. Да и идти ему было некуда, потому что за этим мостом железнодорожные пути обрывались. Мост был нужен военным как ложный объект для отвлечения внимания японских летчиков, если они получат приказ нанести удар по железной дороге, соединяющей Сучанские шахты с Владивостокским военным портом. Такое известие вызвало оживление среди морских пехотинцев, так как они всякий раз идя на учения пользовались этим мостом, облепленным купающейся шкотовской детворой, и даже не предполагали, что это деревянное сооружение выполняет такую важную оборонную роль.

Командир батальона подтвердил все, о чем говорил Арзамазов, и дополнил, что траты на строительство моста были значительными, и к сожалению, советскому народу придется нести такие траты до тех пор, пока у наших границ будут находиться войска недружественного нам государства. Затем Бараболько изложил еще один факт, заставивший жителей края во время войны пойти на неплановые расходы. Он рассказал, что в годы Великой Отечественной войны Япония снабжала гитлеровскую Германию разведывательной информацией по СССР. Когда во Владивостокский порт стали приходить корабли с оборудованием, предусмотренным поставками по ленд-лизу, приморские контрразведчики уловили повышенный интерес японцев к работе Владивостокского торгового порта. Отработывая меры защиты они выяснили, что в здании японского консульства, которое располагалось тогда на северной стороне Океанского проспекта между улицами Светланской и Фокина, японцы установили оптические приборы и следят с их помощью за разгрузкой оборудования в порту. Борьба с таким видом разведки можно было только методом затруднения. В связи с этим в 1943 году краевым властям срочно пришлось возводить под самыми окнами Генконсульства Японии каркас четырехэтажного здания, стены которого полностью перекрыли японцам обзор акватории Золотого

Шкотово отставной матрос Александр Непомнящий обвенчался с Марией Павловой, отбывшей срок уголовного наказания и направленной в Шкотово на постоянное жительство. В Приморье таких женщин называли посёлками, хотя правильней было бы их называть поселенками. Посёлки тогда жили не только в Шкотово, но и в Посъете, во Владивостоке, в Святой Ольге. Большинство из них, оказавшись в местах поселения, не смогло избавиться от порочных наклонностей, приобретенных на каторге или еще до нее. Среди этих пороков были пьянство и морально-бытовая распущенность. Поселенкам нужно было иметь большое желание и огромную силу воли, чтобы преодолеть этот пагубный груз прошлой жизни. К числу таких сильных и волевых женщин, проживающих в Шкотово, относилась Мария Непомнящих. Своим безупречным поведением она добилась того, что никто никогда не бросил ей вслед обидно звучащее прозвище «каторжанка», которое всегда добавлялось к фамилиям проживающих здесь бывших каторжниц.

В том же году в слободу прибыла семья Михайловых, состоящая из пяти человек. Глава этой семьи Александр Михайлович был человеком мастеровым. Он умел и замок починить, и коня подковать, и связать оконную раму. Эти качества сделали его нужным в каждом шкотовском доме. И все же самой популярной личностью семейства Михайловых в слободе стал их трехлетний сынишка по имени Василек. Худенький, небольшого росточка, одетый в холщевую рубашонку, подпоясанную тоненьким пояском, он ежедневно заглядывал в гости то к одним, то к другим. Как полагается настоящему христианину, Василек, зайдя в избу, сначала крестился на образа, потом с почтением здоровался с хозяином и хозяйкой, обязательно называя их по имени и отчеству. Такое поведение несмысленного еще мальчугана вызывало добрые чувства у слободчан. Все старались его чем-нибудь угостить. В одном доме Василек получал горсть спелой малины, старательно завернутой в лист лопуха, в другом свежевыпеченный пирожок с начинкой из яйца и дикого лука. А Трофим Жаречкин однажды подарил ему маленького ежика, бог знает откуда забежавшего в слободу. Все подарки вызывали у Василька бурный восторг и поток благодарностей в адрес дарителей. Неподдельная радость ребенка, его счастливый смех поднимали настроение шкотовцев, отвлекая их от житейских забот, и повседневные трудности становились не такими тяжелыми.

Сведения о Казакевиче и некоторых других основателях Шкотова

Основателями населенного пункта считаются не только те, кто своими руками строил его, но и те, кто обосновал необходимость в его создании и оказывал содействие в строительстве. Значит, к основателям Шкотова следует отнести П.В. Казакевича, Н.Я. Шкота, И.В. Фуругельма, Я.Л. Семенова и троих крестьян, построивших здесь в 1865 году первые жилые дома.

Поселок Шкотово создавался в период, когда Владивосток начал развиваться как военный порт и ремонтная база для кораблей Сибирской флотилии. Чтобы обеспечить матросов на кораблях и рабочих механических мастерских нормальным питанием, военный губернатор Приморской области, он же командир Сибирской флотилии, П.В. Казакевич посчитал нужным вблизи Владивостока создать крестьянское поселение. Такое решение было единственно правильным, потому что тогда на огромном пространстве от Владивостока до гавани Святой Ольги не было ни одного русского населенного пункта. Надеяться на то, что временно живущие здесь китайцы будут поставлять продукты во Владивосток, Казакевич не мог, так как те в основном занимались выращиванием сырья и производством наркотиков для продажи в Маньчжурии и Китае.

Казакевичу тогда уже исполнилось 48 лет, 10 из которых он прослужил на Дальнем Востоке, пройдя путь от старшего офицера транспорта «Байкал» до командующего всеми морскими силами на востоке нашей страны. Сюда Василий Петрович прибыл вместе с Геннадием Ивановичем Невельским по просьбе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, и сразу же стал принимать участие в мероприятиях, проводимых в интересах скорейшего развития нового российского края. Вместе с другими он исследовал русло Амура и доказал, что эта река судоходна на всем протяжении; участвовал в проведении по Амуру сплавов воинских сил для защиты восточных окраин России в годы Крымской войны; содействовал разработке угольных залежей на Сахалине для обеспечения топливом кораблей Сибирской флотилии; был участником создания Новгородской гавани и порта Владивосток.

Другим из наиболее ярких основателей Шкотова являлся дальневосточный предприниматель Я.Л. Семенов. Родился он в 1831 году в Хакасии в небольшой деревушке недалеко от го-

Иннокентия Арзамазова не у кого не возникало сомнений. Однако уровень общего образования у него был невысок, и Бараболько в какой-то момент засомневался, хватит ли у Арзамазова эрудиции, чтобы доходчиво изложить десантникам, что основная опасность для Приморья в годы войны исходила, прежде всего, от Японии. Однако как только Иннокентий Петрович заговорил, сомнения сразу развеялись. Арзамазов начал с того, каждому шкотовцу во время войны были известны факты торпедирования советских подводных лодок в Тихом океане и в заливе Петра Великого. Германских подводных кораблей здесь не было. Значит, сделать это могли только их союзники, японцы. «Теперь подумайте сами», — глядя в глаза десантникам, уверенно продолжал Арзамазов, «от кого мы пять лет по ночам затемняли окна своих домов, отчего паровозы ночью ходили при потушенных фарах. Немецкие самолеты сюда долететь не могли. А японские были рядом, в Корее, в сорока минутах лету до нас. Японцы конечно же знали, что Шкотовский гарнизон находится в постоянной готовности к бою. Советский Союз в годы войны вынужден был держать огромный контингент войск на территории Приморья потому, что у самых наших границ стояла японская пехота, готовая в любой момент пойти в наступление. Не смотря на объявленный нейтралитет, верить правительству Японии мы не могли.

Старшее поколение шкотовцев помнит вероломство интервентов в 1920 году, когда их командование, заявив о намерении вывести свои войска из Приморья и назначив дату этого вывода, накануне указанного дня напало на все партизанские соединения в крае. В Шкотово тогда погибла почти половина полка партизан, командование которого поверило в «честное самурайское слово». Мы похоронили погибших товарищей в братской могиле на окраине старого поселкового кладбища, около переезда. Поставили им памятник в виде трибуны, мимо которой вы ходите каждый день. На этом памятнике и сегодня можно прочесть слова: «Вечная память борцам за дело революции».

Иннокентий Петрович обратился к рядовым десантникам и командованию батальона найти возможность и по обычаю военного братства отметить 25-летие гибели партизан от пуль японских захватчиков. Это предложение поддержали командир батальона и его заместитель. Через день в центре Шкотова, на площади около трибуны был проведен митинг в память о тех, кто похоронен на этом кладбище. И не смотря на то, что никто из

целью этих планов был захват российских земель на Дальнем Востоке и в Сибири. Зная об этих намерениях, Россия за несколько лет основательно укрепила оборону своих рубежей, тем самым заставив Японию надолго воздержаться от их выполнения. С тех пор прошло более полувека. И чем бы ни занимались в этот период японские правящие круги, коренной задачей для них оставалось ослабление СССР. В результате такой внешней политики японские войска к началу Второй мировой войны плотным кольцом окружили русский Дальний Восток. Они прочно обосновались в Корее, Маньчжурии, на Курильских островах и на Сахалине. Подытоживая свой доклад, майор Бараболок уверенно заявил, что реальная угроза войны для Советского Союза будет существовать до тех пор, пока по соседству находится враждебное нашей стране государство. Ждать, когда Япония нападет на СССР означает подвергать советский народ смертельной опасности. Позволить себе это СССР не может. Каждый из десантников понял, что хотел им сказать командир, и что сегодня по многим причинам сказать он не мог.

После занятий старший сержант Семчук, жена и десятилетний сын которого жили в Артеме, в беседах со своими товарищами высказал вслух невеселые мысли. Он говорил, что еще неделю назад командир батальона утверждал, что главной задачей морских пехотинцев является защита Приморья от вторжения в край вражеских сил со стороны моря. Тогда вся их учеба строилась на отработке мер обороны. Сегодня в докладе командира настойчиво звучат мысли, что нападение является лучшей формой защиты. Бараболок никогда ничего не говорит просто так. Значит, в ближайшее время следует ждать больших перемен. Семчук говорил осторожно, так, чтобы никто не мог его обвинить в раскрытии тайны, заложенной в докладе комбата.

Вслед за докладом командира, как и планировалось, слово было дано И.П. Арзамазову, возвратившемуся с войны в 1942 году в связи с осколочным ранением в глаз. Дефицит мужских опытных кадров в годы войны был крайне велик, и Арзамазов с первого дня по поручению Райисполкома стал заниматься вопросами гражданской обороны. Он организовывал строительство бомбоубежищ и мест временного укрытия населения в случае нападения вражеской авиации на поселок и находящийся рядом с ним гарнизон, на железнодорожную ветвь. С этой работой он справлялся отлично. В надежности

рода Минусинска. В юные годы, покинув родительский дом, стал заниматься предпринимательством, проявив на этом поприще величайшее трудолюбие и работоспособность. Вскоре в Минусинске его приняли в ряды купечества в качестве купца 3-й гильдии. В конце 50-х годов 19 столетия, когда нижнее Приамурье вошло в состав Российской империи, Семенов по заданию одного из сибирских купцов отправился в Николаевск. Выполнив данное ему поручение, он решил остаться на Дальнем Востоке. Около года проработал в Николаевске, затем поселился в гавани Святой Ольги и стал заниматься заготовкой пушнины, закупая ее у местных охотников. Поняв, что эта работа не принесет ему желаемых результатов, Яков Лазаревич переехал во Владивосток и занялся заготовкой морской капусты для отправки ее за рубеж. Убедившись в прибыльности этого дела, Семенов начал наращивать технические и экономические возможности по расширению этого бизнеса. В этих целях он построил парусную шхуну, что позволило ускорить транспортировку капусты из мест ее добычи к местам сбыта. Хорошо отлаженный бизнес позволил Якову Лазаревичу перейти в ранг купцов 2-й, а затем и 1-й гильдии. За несколько лет проживания во Владивостоке Семенов зарекомендовал себя честным, порядочным и очень ответственным человеком. Учитывая эти качества, владивостокцы избрали его общественным старостой. (Общественным потому, что эта должность тогда не оплачивалась). Однако Яков Лазаревич, несмотря на постоянную занятость купеческими делами, добросовестно выполнял все, что ему поручалось. Когда у генерал-губернатора Восточной Сибири появилась возможность содержать главу города за счет средств государства, Семенов вновь сосредоточил все свои силы на предпринимательской деятельности. С этого времени он вплотную занялся рыболовством, организовав промысел рыбы в Приморье и на Сахалине. Но где бы он ни трудился, Владивосток, где был его дом и в котором жила его семья, стал для Якова Лазаревича малой родиной.

Кроме перечисленных выше лиц, основателями Шкотова были главы трех крестьянских семей, построившие в 1865 году в этом селе три крестьянских усадьбы. К сожалению, из-за отсутствия документальных данных мы не можем назвать фамилии этих крестьян кроме В.А. Пашкеева, так как единственным источником сведений по Шкотову тех времен пока является Регистрационная книга Владивостокского Успенского собора, в которой записаны акты рождения, смерти и реги-

страции браков в Цемухинской слободе за 1867 и 1868 годы. Анализируя записи этой книги мы можем предположить, что основателями Шкотова, кроме Пашкеева, могли быть Ефим Яковлевич Васильев, Трофим Иванович Жаречкин или Дмитрий Прокопьевич Волков. Но насколько мы правы в своих предположениях, покажет история.

Манзовская война в Приморье

Хлебные поля шкотовцев долгое время располагались на южном берегу реки Цемухе. Крестьяне работали на них весь световой день. Но успешней и быстрее других продвигались дела у Пашкеевых. У Василия Андреевича было трое взрослых сыновей и две дочери подросткового возраста. Пашкеевы сажали и сеяли значительно больше других шкотовцев. Родственники Пашкеевых, жившие во Владивостоке, посоветовали Василию Андреевичу организовать поставку на Манзовский рынок ранних овощей, особенно когда спрос на них становился очень высоким.

Прислушавшись к совету, Василий Андреевич побывал на базаре, приценился к тому, чем торговали китайцы, и начал готовить свой огород и поля к потребностям рынка. Чтобы удешевить доставку сельхозпродукции во Владивосток, он сделал большую лодку, ходившую под парусами, чем значительно сократил время доставки овощей во Владивосток.

За лето 1867 года торговля принесла ощутимый доход, и тогда он договорился с семьями Жаречкиных, Васильевых, Волковых о том, что в следующем году он будет скупать у них оптом капусту, горох, лук, огурцы, помидоры, укроп. Компаньоны Пашкеева стали готовить поля для посадок в новом, 1868 году. Каждый из участников договора надеялся на успех. Однако жизнь распорядилась иначе.

Двадцать восьмого апреля 1868 года в Шкотовскую слободу неожиданно пришла большая беда. В этот день почти все ее жители работали на полях. В самом Шкотове остались лишь три семьи. Внезапно нагрянувшие в слободу толпы разъяренных манз забили камнями и палками всех, кто не успел укрыться в лесу и попался им под руку. Манзы подожгли слободские дома и хозяйственные строения, уничтожили коров, овец и свиней, перебили всю домашнюю птицу, поломали сельхозинвентарь.

Работавшие на полях, услышав крики и увидев клубы дыма над своими домами, бросились в слободу. Добежав до речки,

Готовясь к предстоящим военным действиям против Японии, командование батальона регулярно проводило занятия, используя в качестве пособия переработанный советскими авторами труд военного теоретика Карла Клаузевица, жившего на рубеже 18 и 19 веков и находившегося долгое время на русской службе. Свою работу этот талантливый теоретик озаглавил кратко и емко: «О войне». Руководители Коммунистической партии СССР и советские полководцы были знакомы и с самим трудом, и с созданными на его основе инструкциями. Бараболько и Кочетков изучили эти пособия и каждое занятие начинали с одной и той же фразы, заимствованной у Клаузевица: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать всегда сложно». И только после этого оглашали тему занятий, и старались вести ее обсуждение в том направлении, которое было рекомендовано самим Клаузевицем.

В конце июля 1945 года М.П. Бараболько начал подготовку к занятиям, цель которых заключалась в выполнении приказа командования вооруженных сил на Дальнем Востоке разъяснить личному составу причины, побуждающие Советский Союз объявить войну милитаристской Японии. Обсуждение этой темы должно было укрепить боевой дух десантников, разжечь у них ненависть к противнику и мобилизовать батальон на решительные действия против японцев. Занятия проводились в обстановке строгой секретности. Каждый морской пехотинец письменно был предупрежден о недопустимости разглашения информации, которая будет ему предоставлена.

Доклад по оперативной обстановке сделал сам командир. Он начал с того, что изложил историю взаимоотношений нашей страны с Японией за прошедшие полвека, привел конкретные факты, указывающие на то, что Япония в течение этого времени воспринимала Россию, а потом и Советский Союз как препятствие для господства Страны Восходящего Солнца на Дальнем Востоке. Это подтолкнуло Японию в 1904 году развязать войну с Российской империей и бросить все силы на вытеснение русских из Китая и Кореи. Япония в той войне одержала победу. Однако мировое сообщество, не желая усиления непомерно агрессивной японской военной верхушки, при заключении мирного договора поднялось на защиту нашей страны. Требования победителя были урезаны. Будучи неудовлетворенной условиями подписанного мирного договора, Япония сразу же стала разрабатывать новые планы нанесения военных ударов по неуголному ей соседу. Главной

себя к счастливым людям, потому что ежедневно могли видеть солнце, пить холодную воду, дышать свежим воздухом, мокнуть под теплым летним дождем, ходить по первому снегу и ощущать исходящий от него аромат разрезанного на доли свежего арбуза. Об орденах и медалях в ту пору в солдатской среде вести разговор было не принято. И все-таки иногда эта тема сама собой становилась предметом обсуждения. Николенко вспомнил случай, когда в таком обсуждении они предложили поучаствовать командиру их роты капитану Петренко. Тот согласился и сразу продекламировал четверостишие французского поэта Беранже, утверждавшее, что «награда — штамп на золотом, а золотой мы сами». Говоря эти слова, Петренко обвел взглядом всех, кто участвовал в этом скоротечном собрании, как бы подчеркивая, что речь идет именно о них. Возражать командиру ни у кого не возникло желания. Все поняли, что причины, сдерживающие представление к наградам, лежат за пределами полномочий капитана Петренко. Однако через полгода, когда Красная Армия пошла в наступление, разговоры о наградах среди красноармейцев стали вновь возникать. И теперь уже сам Петренко, пресекая неприятную для него тему беседы, или как он говорил, «для прекращения пустой болтовни» привел слова, сказанные в годы Первой мировой войны немецким генералом Гинденбургом, что «ордена получают не там, где их зарабатывают, а там, где дают». Глубокий смысл этой фразы подсказал Н. Николенко и его боевым товарищам, что реальная жизнь намного сложнее, чем о ней пишут в газетах и говорят на собраниях.

Разговор Николая Савельевича с десантниками, длившийся около двух часов, оказался полезным не только для рядовых пехотинцев, но и для батальонного замполита, который задумался над мыслью, озвученной Гинденбургом. Он соглашался с ним и в то же время протестовал, понимая, что многое в наградном деле зависит от командиров. Награды нередко получают те, кто находится ближе к начальству, т.е. в штабах, и за пределами справедливости остаются те, кто воюет на передовой, ежеминутно рискуя собственной жизнью. М.И. Кочетков в этот день мысленно дал клятву, что в руководимом им подразделении каждый, кто совершит подвиг, обязательно будет отмечен наградой. Забегая вперед подчеркну, что в августе 1945 года после освобождения от японцев корейского города Сейсин, по настоянию Кочеткова ордена и медали получили все, кто их заслужил, независимо от того, где они находились в период двухдневного боя.

они сквозь заросли тальника увидели толпы китайцев, бегавших между пылающими строениями. Здравый смысл подсказал шкотовцам уйти как можно дальше в тайгу и спрятаться там.

Назад они вернулись только на следующий день, когда в слободе все утихло. Ужасная картина предстала перед их глазами. В слободе не осталось ни одного целого дома. Вдоль берега речки, на лугу и на вытоптанных огородах валялись трупы убитых коров, телят, овец и других домашних животных. На окраине слободы, среди остатков одного из сгоревших домов, шкотовцы обнаружили несколько изуродованных тел своих товарищей, оставшихся в слободе в тот трагический день. С большим трудом распознали они тела Еремея Афанасьевича Васильева, Дмитрия Прокопьевича и Марии Павловны Волковых, Афанасия Михайловича и Анны Семеновны Михайловых, а также троих их сыновей — Дмитрия, Михаила и Василька. Все это глубоко потрясло слободчан. Они растерялись, забыв, что в таких случаях следует делать.

Первым оправился от шока В.А. Пашкеев. Он предложил предать земле тела погибших товарищей и распределил обязанности между всеми, кто остался в живых. Жаречкин, Жишин и Непомнящий ушли на пепелища собирать доски, пригодные для изготовления гробов. В.А. Пашкеев стал копать могилы, а его сын Яков отправился во Владивосток за священником.

На третий день все погибшие были похоронены на кладбище, где уже была могила Павла Овсянникова, умершего полгода назад. Кладбище это находилось на взгорке неподалеку от нынешнего переезда между железной дорогой и улицей Зальпе. С этого дня более сорока лет вблизи могил первых шкотовских жителей обретали покой от земной суеты все, дожившие до глубокой старости, а также умершие задолго до этого. С годами кладбище разрослось, однако шкотовцы старшего поколения, проходя мимо могил погибших в апреле 1868 года, молились за упокой души каждого и просили Бога уберечь в будущем их родное село от подобных несчастий.

Через несколько лет шкотовцам стали известны причины Манзовской войны. Оказалось, что осенью 1867 года руководство Приморской области получило данные, что китайская преступная группировка, осевшая в верховьях реки Сунгари, ведет нелегальную добычу золота на острове Аскольд и контрабандой отправляет драгоценный металл за границу. Чтобы пресечь эту незаконную деятельность, весной 1868 года из

Владивостока к берегам Аскольда был направлен военный корабль «Алеут» под командованием капитан-лейтенанта Александра Адольфовича Этолина, которому было приказано потребовать от золотодобытчиков прекратить противозаконный промысел и покинуть Приморье. По прибытии корабля к острову Этолин увидел, что золотодобыча идет полным ходом и сразу же высадил на Аскольд 2-х офицеров в сопровождении 20-ти матросов. Офицеры должны были предъявить руководству старателей ультиматум. Но как только отряд начал продвигаться вглубь острова, где работали бригады старателей, по нему из кустов была открыта стрельба. Трое матросов были убиты, а оба офицера тяжело ранены. Отстреливаясь, моряки начали отходить к береговой полосе, где был пришвартован их катер. Хунхузы, охранявшие манз, кинулись за ними вдогонку. Увидев это, командир корабля отдал приказ уничтожить преследователей огнем судовой артиллерии. После нескольких залпов на острове началась паника. Манзы и их охранники сначала бросились врассыпную. Но, осмыслив случившееся, и, полагая, что русские высадят новый десант, стали уходить на противоположную сторону острова, защищенную от прицельной артиллерийской стрельбы, а потом, используя лодки и различные подручные средства, начали переправляться на материк. Те, кто не смог найти ни бревна, ни доски, попытались добраться до берега вплавь. Сколько их погибло в тот день, не считали ни хунхузы, ни манзы, ни русские. Кому удалось достичь берега, собрались все вместе и двинулись в сторону русско-китайской границы. Как полагал Этолин, их было около тысячи человек. Озверевшие от случившегося, манзы жгли и ломали все, что встречалось им на пути, и что хоть как-то было связано с русскими.

28 апреля вся эта лавина ворвалась в Шкотово и учинила там полнейший погром, а потом двинулась дальше. Идя по тайге в сторону государственной границы, они наткнулись на телеграфную станцию штабс-капитана Дубинина, находившуюся вблизи нынешнего села Михайловка. У Дубинина в подчинении было шесть вооруженных солдат, которые, выполняя свой воинский долг, дали манзам такой мощный отпор, что те разбежались по всей округе и стали добираться до границы мелкими группами, прячась от каждого встречного человека.

События 1868 года надолго испортили сложившиеся было теплые отношения между жителями Цемухинской слободы и проживающими рядом с ними китайцами. Как ни старались

том шкотовцы помогут поддерживать боевой дух в батальоне. Первым на встречу был приглашен Николай Николенко. Стройный, подтянутый, одетый в красноармейскую форму без погон он, заметно прихрамывая, вошел в палатку, стоявшую на морском берегу, поздоровался и сел на предложенный ему табурет. Присутствовавшие отметили, что на тщательно отглаженной гимнастерке Николенко были аккуратно пришиты два ровных столбика красных и желтых полосок общей численностью более двадцати штук. Чтобы дать возможность Николаю Савельевичу войти в разговор, капитан Кочетков попросил его пояснить, что означают эти полоски. Николенко, заметно волнуясь рассказал, что желтые нашивки указывают на полученные им легкие ранения, а красные — на тяжелые. Так завязалась беседа между бывшим фронтовиком и молодыми, еще не бывавшими в боях пехотинцами. Николенко чувствовал, что каждое сказанное им слово воспринимается десантниками как слово бывшего человека. Не желая выставлять себя перед ними героем, прошедшим огонь и воду, он со значительной долей юмора стал пояснять, что в первые годы войны ранения получали те, кому очень не повезло или те, кто не научился беречь себя от неприятных случайностей. К числу последних, как заявил Николенко, он относит себя. Эти слова разрядили начавшую назревать напряженность, и беседа продолжилась в доверительной обстановке. Десантники спрашивали, Николай Савельевич отвечал. Кочетков направлял ход разговора в нужное русло.

Все офицеры Шкотовского гарнизона, приходившие ранее на политические и военные занятия, были увешаны орденами и медалями и очень гордились этим. У Николая Савельевича боевых наград было мало. Опережая возможные вопросы по этому поводу он пояснил, что ему пришлось быть на фронте с первых дней войны, когда Красная Армия отступала, ведя тяжелые оборонительные бои. Ордена и медали тогда давали в исключительных случаях. Без наград оставались даже те, кто совершил подвиги, подобные подвигу Александра Матросова. Положение стало меняться после того, когда Красная Армия пошла в наступление. Но он, Николай Николенко, в этот период подорвался на mine, потерял ногу и был демобилизован из армии. Поэтому похвастаться боевыми наградами он не может. В таком положении были многие, кто принял на себя удары немецких войск в первый период войны. Однако каждый, кто остался живым, не жаловался на свою долю. Все они относили

искренность его слов. Однако он постоянно заглядывая в конспект, как это обычно делают докладчики, слабо владеющие информацией по проблеме, которую им поручено осветить. В результате речь замполита нередко звучала формально, не убедительно. Но как только вопрос касался увязки марксизма-ленинизма с военным искусством и формированием нового советского человека, Кочетков преображался, его мысли и слова начинали подчиняться логике и здравому смыслу.

К каждому докладу, в полезности которого он был убежден, Михаил Иванович готовился загодя, подбирая примеры из окружающей жизни. На такие занятия он приглашал наиболее грамотных и авторитетных работников Шкотовского райкома ВКП(б). Чаще других в батальон приходил В.К. Медведев, работавший в Райкоме инструктором. На первой встрече Кочетков представил его десантникам как фронтовика-танкиста, воевавшего под Сталинградом и на Курской дуге, танк которого в последнем сражении был подбит, потерял управление и загорелся. Чтобы дать возможность экипажу эвакуироваться, Валентин Константинович занял место пулеметчика и отражал атаки немецкой пехоты, пока все его товарищи не покинули горящую машину. Сам он выбрался из танка последним, с глубокими ожогами рук, головы и лица. Фронтовые врачи сделали все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, но восстановить былое здоровье оказалось невозможно. Медведев стал инвалидом 1-й группы. Демобилизовавшись из армии, он вернулся в Шкотово, в дом родителей, живших на Октябрьской улице. Будучи талантливым пропагандистом, верившим в торжество марксистско-ленинской мысли, он с удовольствием приходил на встречи с десантниками, делился с ними взглядами на будущее. Пехотинцы слушали его с огромным вниманием. Говорил Медведев интересно, напористо, увлеченно. Десантники, в том числе и сам Кочетков, ловили каждое слово этого человека, нашедшего в себе силы продолжить полноценную жизнь после постигшей его трагедии.

В Шкотово тогда проживало более десяти бывших фронтовиков, получивших ранения, исключавшие возможность их дальнейшего пребывания на войне. Медведев был знаком с каждым и посоветовал Кочеткову приглашать некоторых из них на занятия. Замполит выбрал из всех предложенных фронтовиков Николая Савельевича Николенко и Иннокентия Петровича Арзамазова. После обстоятельной беседы с ними Кочетков убедился, что именно эти умудренные жизненным опы-

крестьяне убедить себя в том, что местные манзы никак не связаны с бандитами, погубившими их товарищей и уничтожившими все слободское имущество, они не могли настроить себя на прежний дружеский лад. Манзы сразу почувствовали произошедшую перемену, и зная по опыту, что душевные травмы людей способно лечить только время, стали как можно реже общаться со шкотовцами. Взаимная настороженность между русскими и китайцами сохранялась до конца 70-х годов и прекратилась лишь после того, когда численность населения слободы возросла в несколько раз за счет новых переселенцев из окрестностей Святой Ольги.

Приближавшаяся зима 1868 года заставила шкотовцев искать приюта во Владивостоке. Ушли к своим родственникам и знакомым Пашкеевы, Жишины, Жаречкины, Непомнящие. В слободе остались лишь те, кому идти было некуда, и кто успел для себя отстроить кое-какое жилье. Эти шкотовцы более полугода жили в постоянной тревоге. У каждого из них наготове был узелок с продуктами и вещами, которые позволили бы им в зимнюю стужу дойти до Владивостока или Раздольного. Но, к счастью для слободчан, зима прошла без происшествий.

Военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм, встревоженный незащищенностью русского населения перед китайцами, стал добиваться увеличения числа военных постов на юге Приморья. Он направил генерал-губернатору Восточной Сибири письмо с предложением разместить вблизи Шкотова воинский гарнизон, который по своей численности и военному снаряжению смог бы выступить на защиту русских крестьян от зарубежных бандитов. Генерал-губернатор Восточной Сибири ознакомился с письмом Фуругельма, но из-за отсутствия реальных возможностей в тот момент вынужден был отказать в его просьбе, пообещав с наступлением более благоприятных времен повторно обсудить эту проблему.

К решению этого вопроса дальневосточные власти вернулись только через два десятилетия, когда возникла угроза войны с Японией, ставившей целью захватить русский Дальний Восток. В самом начале 20 века на северо-западной окраине Шкотова был создан небольшой по численности воинский пост с задачей вести наблюдение за береговой полосой, уязвимой с точки зрения высадки десанта противника. Вскоре этот пост военное командование преобразовало в воинский гарнизон, выполнявший свои оборонные функции более семидесяти лет.

Соперничество между Ольгой и Владивостоком

Весной 1869 года все шкотовцы возвратились назад и начали заново отстраивать слободу. Дела у них продвигались медленно и несколько раз останавливались вообще. Остановки всегда были связаны с публикациями статей в «Морском сборнике», говорящими о целесообразности переноса главного порта из Николаевска в гавань Святой Ольги, а не во Владивосток, как это планировалось ранее. Такие статьи обсуждались в кругах военно-морского руководства обоих портов, вступивших в соперничество. За ходом спора в первую очередь следили жители Шкотова, больше других заинтересованные в том, чтобы все оставалось в рамках старых решений.

Предлагаемый перевод кораблей Сибирской флотилии в Ольгу шкотовскими крестьянами воспринимался как приговор, исключающий не только благополучие, но и само существование Шкотовской слободы, потому что вслед за моряками, как они были уверены, в Ольгу из Владивостока уйдут и все армейские части. Покупать продукты у слободчан будет некому, и слобода, превратившись в захудалую деревеньку, постепенно сама по себе отомрет. Однако крестьяне все-таки надеялись на здравый рассудок тех, кто совсем недавно добивался переноса главного порта во Владивосток. Шкотовцам очень хотелось верить, что в «Морском сборнике» обязательно будет опубликована статья, разбивающая в пух и прах все аргументы противников Владивостока. Но такая статья не появлялась, и слободчане начали прорабатывать различные варианты своего переезда в места, где их труд будет востребован. От переселения в Ольгу они сразу же отказались, потому что там и без них было много крестьян, способных в любой момент увеличить производство овощей и зерна. А вот переезд ближе к местам дислокации армейских сухопутных частей казался им более привлекательным и реальным.

Собравшись в очередной раз на сход, шкотовцы единодушно решили направить ходяков в районы Раздольного, Посъета и Никольского, поставив перед ними задачу выяснить, не ожидается ли там увеличения численности войск, а вместе с тем и расширения потребности в крестьянском труде. В ходяки назначили самых разумных и коммуникабельных слободчан Алексея Степанова и его товарища Алексея Силкина.

емого в их среде семиклассника Веньки Черкашина, который, как он сам говорил, был лично знаком с Бараболько и по его просьбе помогал один раз пехотинцам наливать воду в бутылки и закупоривать их высохшими початками кукурузы. Эти початки Венька принес из дому по просьбе самого Бараболько и около часу просидел около Ключика, дожидаясь прибытия роты. Не верить тому, что говорил Венька, было нельзя, и мальчишки стали ежедневно отслеживать, кто из пехотинцев лучше других бросает бутылки и связки гранат. После длительных наблюдений и последующего обсуждения итогов, лучшими были признаны «дядя Коля Маркелов и дядя Яша Баляев». Их броски, по общему мнению, всегда были точнее других, да и сами они отличались от многих спокойствием и непоколебимой уверенностью.

Заместитель командира батальона М.И. Кочетков в соответствии со своими обязанностями регулярно проводил в ротах политзанятия, главной темой которых был марксизм-ленинизм, признанный в то время в Советском Союзе самой передовой общественно-политической наукой, указывающей народам единственно правильный путь к счастливому будущему. Михаил Иванович доходчиво разъяснял морским пехотинцам теоретические выводы Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, увязывая их, как было принято в те времена, с успехами, достигнутыми советским народом в науке, в военном искусстве, в культуре, в формировании нового советского человека. Для подтверждения правильности положений марксизма-ленинизма Михаил Иванович приводил широко распространенные тогда примеры научных достижений академиков Т.Д. Лысенко и О.Б. Лепешинской, которые «благодаря глубоким знаниям теории Маркса и Энгельса и его учеников Ленина и Сталина достигли вершин мировой науки и делали одно открытие за другим на благо нашей страны и всего человечества». После высказывания похвалы в адрес этих и других научных авторитетов замполит Кочетков, как и все его коллеги по профессии, клеймил позором таких лжеученых, каким был, согласно официальному мнению, Н.И. Вавилов, «тратящий народные деньги на изучение никому не нужных проблем». Одновременно Михаил Иванович, как это было положено, выражал благодарность «руководству партии большевиков и лично товарищу Сталину», пресекающему «творчество отщепенцев, пытающихся продвигать вперед такую «буржуазную науку, как кибернетика». Эти мысли Михаил Иванович излагал громким решительным голосом, призванным подчеркнуть

двигался макет японского танка, установленный на колеса шахтовой вагонетки. Между рельсами был вырыт окоп, в котором во время учений сидел десантник со связкой гранат или с бутылкой, наполненной «зажигательной смесью». Макет танка лебедкой подтягивали к вершине одного борта оврага и в нужный момент сталкивали вниз. Громяхая по рельсам, он мчался на десантника, укрывшегося на дне окопа. Если в руках была связка гранат, пехотинец должен был с приближением «танка» быстро подняться и бросить ее «под гусеницу», а затем моментально укрыться в окопе, чтобы уберечь себя от взрывной волны. В том случае, если десантника вооружали бутылкой с «горючей смесью», ему нужно было дожидаться, когда «танк» проскочит над ним и бросить бутылку вдогонку, так, чтобы она ударилась о броню, как можно ближе к танковой башне.

Первые занятия показали, что не каждый из морских пехотинцев был способен своевременно сделать бросок. Некоторые, оцепенев от страха, боялись высунуть голову из окопа, чтобы не подставить ее под удар мчавшейся железной махины. С такими десантниками командиры рот, а также Бараболько и Кочетков работали отдельно, стараясь научить их избавляться от вполне естественного в таких случаях страха.

Тренировочные занятия на полигоне почти всегда проходили в присутствии «заинтересованных наблюдателей» из числа местных мальчишек, прибегавших сюда со всех концов поселка. «Наблюдатели» проявляли бурный восторг при каждом удачном броске, а на все промахи реагировали пронзительным свистом и криком: «мазилу на мыло!». К тем, кто был не способен выполнить бросок, подростки относились с сочувствием, потому что почти каждый из них сам испытал на себе «удовольствие» посидеть в окопе между рельсами и ощутить на собственной шкуре скорость и грохот, с которыми проносился над ним этот «вражеский танк».

Большое огорчение шкотовских «огольцов», как их называли десантники, вызывало то обстоятельство, что у морских пехотинцев гранаты были не настоящие, а бутылки заполнены не горючей смесью, а обыкновенной водой, набранной из Ключика около школы. Однако каждый из юных шкотовцев искренне верил, что однажды морским десантникам будет поручено взорвать или сжечь этот «танк». И сделает это один из лучших гранатометателей батальона. Мальчишки верили в это потому, что такую информацию они получили по большому секрету от уважа-

Через неделю ходоки возвратились назад и доложили, что увеличения войск в Раздольном в ближайшие годы не планируется, а для того контингента, который там есть, вполне достаточно местных крестьян. В Посъете и Никольском, как им показалось, ситуация была совершенно иной. Там командиры пехотных частей по приказу областного начальства занимались расселением корейских крестьян, нелегально пришедших на российскую территорию. На важность такого приказа указывал тот факт, что генерал-губернатор Восточной Сибири направил в Приморье одного из своих подчиненных, который требует от местных властей сделать все, чтобы корейцы обосновались вблизи Никольского и Посъета и занялись бы там хлебопашеством. Степанов и Силкин пришли к заключению, что в обстановке, когда руководство области занято решением судьбы перебежчиков из Кореи, голос шкотовцев вряд ли будет услышан. Выводы ходоков были весьма убедительными. Поэтому после долгого и всестороннего обсуждения было решено дожидаться решения проблемы с корейцами, а уже потом подумать, что предпринимать дальше.

Через полгода корейцев, перешедших границу, расселили в трех созданных для них хуторах — Корсаковке, Кроуновке и Пуцилловке. Генерал-губернатор Восточной Сибири, разбираясь в происходящих событиях, обвинил направленного в Приморье чиновника в превышении данных ему полномочий и отстранил от занимаемой должности. Такое решение генерал-губернатора обеспокоило всю приморскую власть, и она стала более взвешенно подходить к расселению в области как иностранных, так и русских крестьян. Узнав об этом, шкотовцы укрепились во мнении все-таки дождаться окончания спора между Владивостоком и Ольгой, который, к сожалению, продолжался еще два года и закончился полной победой Владивостока. Эта победа стала судьбоносным событием не только в развитии портов Владивостока, Посъета и Ольги, но и крестьянского поселения Шкотова. Затянувшаяся на несколько лет неизвестность нанесла огромный ущерб и Владивостоку и Шкотову. Во Владивостоке в этот период прекратилось всякое строительство, а в Шкотово крестьяне перестали заниматься расширением пахотных площадей и увеличением поголовья скота.

Обстановка в Шкотовской слободе стала меняться с весны 1872 года. Начавшиеся перемены в памяти жителей слободы долгое время увязывались с возвращением из Владивостока слободчанина Григория Комарова, торговавшего на Ман-

зовском рынке салом и соленой кетой. Там Комаров случайно услышал, что Владивосток уже почти полмесяца является главным портом Восточного океана. Не поверив своим ушам, он кинулся к знакомым в Адмиралтейство, которые подтвердили эту информацию. Комаров растерялся от радости. Спешно сложив в телегу не проданные рыбу и сало, он на своей старенькой лошаденке помчался домой.

В Шкотово Комаров приехал поздним вечером и, не в силах держать в себе сведения, полученные во Владивостоке, стал забегать в каждый дом и сообщать хозяевам о подарке судьбы. Его тут же приглашали за стол отметить это радостное сообщение кружкой хорошо устоявшейся браги. Домой он добрался еле держась на ногах, и удивился, что его лошаденка мирно жует в конюшне овес из стоящего перед нею корытца, телега с рыбой и салом кем-то разгружена, а жена откуда-то знает радостную новость. Не успел Григорий открыть рот, как супруга строго спросила, почему он не продал весь товар, который брал на базар. «Постоял бы еще час другой, и все было бы продано», — с гневом сказала она. Протрезвев на минуту от такого упрека и мобилизовав все свои силы, Григорий ответил: «Дык, домой торопился, навоз надуть на поля вывозить, срочно пахоту зачинать. Нам теперича уезжать отседова нету никакого резону».

Так думала и вся слобода. Утром крестьяне собрались на сход и решили, что надо отремонтировать дорогу, идущую на поля, и подправить пешеходную кладку на другой берег, подпорченную за истекшую зиму. Обычно на сходах, когда решался даже самый пустяковый вопрос, не принято было отвлекаться на что-то другое. Говорили только по существу. Однако на это раз крестьяне попросили Григория Комарова повторить со всеми подробностями все, что он слышал во Владивостоке.

Григорий стал рассказывать, что в ближайшее время в городе начнут строить причалы Военного порта, у которых зимой будут стоять корабли. Восточней этих причалов вдоль берега бухты отведена территория для Докторской слободы и лечебных корпусов нового Морского госпиталя. Рядом с госпиталем уже строится Матросская слобода, которая по величине будет больше, чем Шкотово. Матросам Сибирской флотилии дают деньги на постройку домов и обустройство личных хозяйств.

Слова Григория радовали всех без исключения. Каждый в уме подсчитывал, сколько человек в ближайшие годы будет жить во Владивостоке, сколько им потребуется лошадей, ко-

ции идущие с запада воинские части размещались в Забайкалье, в Хабаровском и Приморском краях, а также на Камчатке.

В феврале 1945 года Тихоокеанский флот создал из подразделений береговой обороны батальон морских пехотинцев, который было решено расположить в Шкотово. В Шкотовском гарнизоне к этому времени не было ни одной свободной казармы и десантников пришлось размещать поротно за пределами гарнизона как в самом поселке, так и в его ближайших окрестностях. Одна рота заняла старый барак в конце улицы Зальпе, в котором до войны жили заключенные, строившие шоссеные дороги. Другая расположилась на берегу бухты в полуразрушенном здании, служившем когда-то жильем для рыболовецкой бригады НКВД, снабжавшей рыбой дорожных строителей. Рядом с этим зданием установили палатки для остальных подразделений десантников.

Личный состав 355-го батальона не имел фронтового опыта, и его командир, майор Михаил Петрович Бараболько незамедлительно стал проводить учебные боевые занятия. Командование флота выделило ему в помощь несколько инструкторов, воевавших с фашистами на Балтийском и Черном морях. Под их контролем морские пехотинцы отрабатывали тактику десантирования на берег в светлое и темное время суток, вели тренировки по уничтожению огневых точек и живой силы противника, а также решали многие другие боевые задачи. С раннего утра и до позднего вечера жители Шкотова слышали на другом берегу реки пулеметные очереди, взрывы гранат, громкие крики «ура». Видели, как пехотинцы, высадившись с катеров, занимали круговую оборону или сходу устремлялись в атаку.

В это время заместитель командира батальона, капитан Михаил Иванович Кочетков обучал молодых пехотинцев умению укрываться от пуль за камнями, стволами деревьев, в придорожных канавах. Он методично добивался того, чтобы десантники не теряли присутствия духа при внезапных взрывах гранат и были способны подняться в атаку под ураганным обстрелом врага.

По инициативе командира батальона и при активном участии его заместителя в Шкотово на склоне горы, отделявшей гарнизон от улицы Горького, был оборудован полигон, где пехотинцы учились уничтожать японские танки с помощью связок гранат и бутылок с зажигательной смесью. На этом полигоне, расположенном в небольшом овражке, были уложены рельсы от одного борта оврага к другому, по которым пере-

кой Отечественной войны, и кто обеспечивал победу, работая в тылу. Через полчаса список поздравляющих был исчерпан. Казаков еще раз поздравил шкотовцев с Днем Победы и объявил об окончании митинга.

Однако, собравшиеся на площади не расходились. Женщины, а их около школы было подавляющее большинство, от радости смеялись и плакали. Они задавали друг другу вопросы, когда их мужья вернутся домой. Но никто не знал ответа на этот вопрос. Секретарь райкома Казаков и все члены экстренно собранного президиума тоже не расходились. Пытаясь повлиять на поведение всех находившихся на площади около школы, Казаков еще раз поздравил их с окончанием войны и вновь объявил, что торжественный митинг закончился. Но в такой знаменательный день все ждали чего-то особенного. И тогда фронтовик В.К. Медведев в сапогах влез на стол с кумачовой скатертью и громко закричал «ура». Все моментально поддержали его, и более десяти минут вся площадь утопала в этом призывном радостном крике. Когда участники митинга выдохлись, Валентин Константинович соскочил со стола и обращаясь ко всем, громко сказал: «А теперь расходитесь, Райком и Райисполком объявляет нынешний день нерабочим. Запомните, это первый ваш выходной за все годы войны». И шкотовцы постепенно начали расходиться.

Последним с площади ушел Л.А. Ределин, проследив, чтобы старшекласники занесли в учительский кабинет взятые там стол и стулья.

355-й батальон морской пехоты в Шкотово и Корее

Когда победа антигитлеровской коалиции в Европе была predetermined, лидеры СССР, Великобритании и США, собравшись в Тегеране договорились, что Советский Союз по завершении военных действий против Германии поможет Соединенным Штатам Америки сокрушить войска милитаристской Японии. За несколько месяцев до победы СССР, Великобритания и США провели повторную встречу в Ялте, где Сталин уточнил, что Советский Союз объявит войну Японии не позднее 3-х месяцев после окончания военных действий в Европе. Выполняя данное обещание, СССР с февраля 1945 года начал переброску своих войск на Дальний Восток. С соблюдением мер конспира-

ров, сколько зерна и овощей. Перед крестьянами Шкотовской слободы открывались большие возможности, к которым надо было серьезно готовиться. Опасаясь ошибиться в своих ожиданиях, на этом же сходе постановили, что каждый, кто будет ездить во Владивосток, обязан выяснять и докладывать старшине, где и что уже начало строиться.

В начале 1873 года жители Шкотова своими глазами увидели, что Владивосток превращается в крупную стройку. Чтобы с выгодой для себя использовать все происходившее там, в каждой семье стали решать, на чем следует сосредоточить свои усилия. В результате одни начали разводиться для продажи кур, уток, гусей, ориентируясь, прежде всего, на ранний вывод цыплят. Другие вплотную занялись свиноводством, построив у себя свинарники с печным отоплением. Семья Пашкеевых, которая к тому времени была намного богаче других, занялась выращиванием коров и производством зерна. Свободных земель у Шкотовской крестьянской общины было много, и Пашкеевы усиленно стали ее разрабатывать, нанимая для этого китайцев и сдавая участки земли им же в аренду. В итоге в руках Пашкеевых оказались большие площади общинной земли, на которой работали китайцы. Перед манзами Пашкеевы выдвигали жесткие требования сеять строго определенные виды культур, которые находили бы сбыт в Морском и Военном ведомствах. Продажа всего этого приносила большой доход, несравнимый с доходами других слободчан.

Жизнь устроена так, что вслед за успехами всегда наступает затишье, а иногда и длительная полоса неудач. Большие убытки слободе принес 1876 год. От чумы погибло большое число коров. Убыток больше других ударил по Пашкеевым и Комаровым. К счастью, эпизоотия прошла сравнительно быстро и крестьяне, приняв случившееся как неизбежное зло, вновь взялись за работу, чтобы восстановить, а затем и увеличить поголовье скота.

Переселение в Шкотово крестьян из окрестностей гавани Святая Ольга

Во второй половине 70-х годов 19 столетия население Владивостока выросло вдвое, а Шкотово, как и прежде, оставалось маленькой слободой с числом жителей около шестидесяти человек. В канцелярии Военного губернатора стали заду-

мываться, чем в ближайшие годы будут кормить находящихся во Владивостоке солдат и матросов, а также растущее по численности гражданское население. Надежды на то, что хлебопашеством займутся нижние чины, уходящие в запас, не оправдались. За время военной службы они полностью теряли квалификацию хлеборобов и не хотели ее восстанавливать. Военному руководству области пришлось вновь поставить вопрос о переселении в южную часть Приморья опытных хлебопашцев. Однако из-за отсутствия средств в этом им было отказано.

Казна действительно оказалась пустой, так как император Александр II все свободные деньги направил на поддержку западных славян, боровшихся против турецкой зависимости. В 1875 году пять тысяч русских воинов и армейских врачей, названных добровольцами, включились в борьбу за независимость Сербии и Черногории. По всей России собирали пожертвования для закупки оружия, снаряжения для госпиталей и медикаментов. Выдающиеся российские медики во главе с хирургом Н.В. Склифосовским и терапевтом С.П. Боткиным работали в полевых армейских госпиталях. Российская общественность постоянно обращалась к императору с просьбой оказать максимальную помощь братьям-славянам. Не прислушаться к этим просьбам Александру II было нельзя, и в апреле 1877 года он подписал манифест, объявивший войну Османской империи.

Все деньги ушли на эту войну и российский военный флот на Дальнем Востоке остался без финансирования. Чтобы не останавливать начавшийся рост порта во Владивостоке и обеспечить городское население питанием, главный командир портов Восточного океана контр-адмирал Густав Федорович Эрדман отдал приказ о переводе в Шкотово значительной части крестьян, живших в окрестностях гавани Святой Ольги.

Весной 1878 года 35 крестьянских семей численностью в 174 человека прибыли в Шкотово. Это были государственные крестьяне из Тамбовской, Вятской и Пермской губерний, переселившиеся на Амур в августе 1860 года. Четыре года спустя они по распоряжению генерал-губернатора были переведены в гавань Святой Ольги. Напомню, что в свое время П.В. Казакевич вынужден был назвать их «лодырями и бездельниками», чтобы сдвинуть с места проблему подготовки южных портов к переводу туда кораблей Сибирской флотилии. Сейчас им предстояло обеспечивать продуктами население Владивостока, выросшее в несколько раз.

Встреча шкотовцами Дня Победы

Радостные и печальные события к людям очень часто приходят внезапно, и не смотря на то, что День Победы в Шкотово ждали с самого начала войны, он пришел неожиданно. 9 мая 1945 года был обычным рабочим днем. Жители Шкотова трудились на предприятиях, на колхозных полях, на собственных огородах. Без дела на улицах были только мальчишки. Они-то и оповестили шкотовцев о пришедшей победе. Примерно в 9 часов утра по улице Зальпе от первого дома и до последнего с возгласами «Война закончилась! Мы победили!» пробежали третьеклассник Жан Ушаков и его школьный товарищ второклассник Гена Шерстюк. Все, кто увидел и услышал их, устремились в центр Шкотова. Здесь, на площади около кирпичного здания школы уже шла подготовка к торжественному митингу. Под руководством директора школы Л.А. Ределина старшеклассники Геннадий Волошин, Владимир Гамаюнов и Леонид Шевченко вынесли из учительской комнаты большой канцелярский стол и около десятка стульев, поставили их под окнами школы, выходящими на Ленинскую улицу. Накрыли стол праздничной шерстяной красной скатертью и стали ожидать руководителей района, почетных шкотовских жителей и вернувшихся с войны фронтовиков.

Леонид Альбертович торопился закончить все приготовления к приходу Первого секретаря Райкома ВКП(б) Казакова, уехавшего с утра в Смоляниново, и инструктора райкома В.К. Медведева, срочно отправившегося к участнику Первой мировой войны Комарову, чтобы пригласить его на торжественный митинг.

Площадь перед школой быстро заполнялась народом, и Леонид Альбертович уже начал волноваться. Успокоился он только тогда, когда увидел идущих по дороге в сторону школы Медведева и Комарова, а вслед за ними спешившего туда же Казакова.

Митинг начался без традиционных вступительных речей. Казаков, подойдя к столу, выполнявшему роль трибуны, поздравил всех собравшихся с величайшим праздником советского народа и объявил об открытии митинга по случаю Дня Победы. В своей краткой речи он пожелал, чтобы больше никогда на советской земле не было войн. После этого Первый секретарь райкома поочередно стал предоставлять слово для выступления всем желающим. Таких было много, однако большинство из них ограничивались десятком поздравительных фраз в адрес всех, кто воевал с фашистами на фронтах Вели-

тя 35 лет, когда со всех документов был снят гриф секретности. В 1980 году Терентий Григорьевич рассказал, что к 1943 году артиллерийские заводы СССР производили в год 130 тысяч орудий, далеко перегнав военные заводы Германии. Советский Союз стал выпускать в 2,5 раза больше танков и самоходных орудий. Было преодолено отставание в производстве боеприпасов, особенно для зениток. Начиная с 1943 года СССР ежегодно поставлял на фронт самолетов на 10 тысяч больше, чем Германия и ее союзники. Мощными темпами шло перевооружение пехотных частей. Все они стали оснащаться автоматическим стрелковым оружием.

По воспоминаниям Т.Г. Дорофеева, с 1943 года более эффективно стала работать армейская разведка, что позволяло предельно точно выявить направление главных ударов противника на Курской дуге и осуществлять противодействие этим ударам. Ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение о формировании условий для контрнаступления. Повсюду начали создавать три полосы обороны, оснащенные ДЗОТами по 6-7 штук на каждом километре. Вблизи каждого ДЗОТа строились бетонированные склады для боеприпасов, чтобы снаряды всегда были у красноармейцев под рукой. Как утверждал Т.Г. Дорофеев, план битвы на Курской дуге стал сердцевиной предстоящей летне-осенней кампании. Для обеспечения скрытного передвижения живой силы от передовой до глубокого тыла были вырыты ходы сообщения и широко разветвленная система траншей. В лесах и рощах устраивали завалы, усиленные противотанковыми рвами, минными заграждениями и фугасами. Перед всеми армейскими соединениями была поставлена задача незамедлительно уничтожать немецкие самолеты на прифронтовых аэродромах.

По оценке Терентия Григорьевича, такая оборона была действительно непреодолимой, и немецкие войска увязли в ней на долгое время. 12 июля 1943 года советские войска перешли в наступление. Начавшаяся битва под Курском поставила фашистскую армию перед неминуемой катастрофой. Стало ясно, что планам Гитлера по перехвату стратегической инициативы в войне не суждено было сбыться.

В решающих битвах в Курском сражении была заслуга и шкотовских фронтовиков, таких как командир батальона подполковника Т.Г. Дорофеев, назначенный сразу после войны председателем Шкотовского районного исполкома.

Среди крестьян, переведенных в Шкотово, наиболее крупные семьи были у Арзамазовых, Аникиных, Астафуровых, Барановых, Валитовых, Гамаюновых, Горшковых, Ждановых, Колягиных, Комаровых, Кочергиных, Кустовых, Мамантовых, Муратовых, Мякишевых, Напольских, Пермьяковых, Поповых, Пятышиных, Толкановых, Чурсиных и других.

В день прибытия новоселов слободской старшина Алексей Степанов завел специальный журнал, в который вписал поименно всех старых и новых жителей. Их оказалось 235 человек, 128 мужчин и 107 женщин. Новоселы и старожилы по совместному согласию распределили места для строительства усадеб вновь прибывшими семьями. Не тратя впустую времени, крестьяне начали рубить лес и кусты. Они спешили как можно быстрее расчистить территорию для огородов, чтобы потом можно было заготавливать бревна для постройки домов.

Лесные угодья Шкотовской слободы занимали обширную территорию по обеим сторонам Цемухе. Ближе к морскому побережью росли лиственные деревья, а на севере, в сторону нынешнего села Штыково, преобладали хвойные породы — ель, лиственница, сосна. Заготовка леса, как на юге, так и на севере, требовала одинаковых трудозатрат, а вот доставка его с северной части лесного массива была более трудоемкой. Поэтому рубить лес там никто не спешил. Новоселы, чувствуя себя совершенно свободными, стали валить сосны там, где им было удобней, и оголили территорию, прилегающую к населенному пункту. Создавалась угроза, что через неделю-другую вокруг крестьянских домов не останется ни одного крупного дерева. Это заставило глав семей Гамаюновых, Колягиных и Мамантовых, беспокоившихся, как сказали бы в наши дни, об экологии в окрестностях Шкотова, потребовать от слободского старшины Алексея Степанова навести порядок в заготовке строительных материалов. Занятый другими делами, Степанов отмахнулся от этого требования, заявив, что пусть новоселы сами наводят порядок там, где им предстоит дальше жить. Не удовлетворенные таким ответом, Колягины, Гамаюновы и Мамантовы стали настаивать на своем. Степанов воспринял их настойчивость как вмешательство в его дела, и на следующий день созвал слободское собрание, на котором громко, чтобы слышали все, объявил, что отныне и новоселы, и старожилы обязаны подчиняться указаниям старшины. Это касается в первую очередь планировки новых улиц, устройства дорог и вырубки леса. После этих вступительных

слов Степанов сделал паузу, потом твердо сказал, что для поддержания должного порядка он предлагает Колягиным заготавливать лес для постройки домов к северо-востоку от слободы. И он указал рукой туда, где сплошной стеной стояла тайга, сквозь которую с трудом пробивался ручей, спешивший отдать свои воды реке Цемухе. Сказав это, Степанов опять сделал паузу, посмотрел с укоризной на Мамантова и Гамаюнова, сидевших на только что спиленных бревнах, и продолжил: «За Колягиной падью есть еще две пади. Ту, что слева пусть берут Гамаюновы, а которая справа — Мамантовы. Остальным разрешаю рубить лес на той и другой стороне реки, но не ближе версты от первого слободского строения». Этим решением он дал понять, что любая, не согласованная заранее с ним инициатива будет пресечена.

Реакция на решение старшины последовала без задержки. Глава семейства Колягиных, Никита Семенович, решительно поднявшись с пенька, хотел было что-то сказать Степанову, но его вовремя остановил мудрый и осторожный в житейских делах Филимон Никитович Комаров. Колягин, увидев предупредительный жест своего товарища, горестно махнул рукой и отвернулся от старшины. Глава семьи Гамаюновых, восьмидесятилетний, но еще достаточно крепкий мужик, которого все называли уважительно Петром Ивановичем, взглянув на своего друга Мамантова, насмешливым голосом произнес: «Теперь, я думаю, всем понятно, что козла надо опасаться спереди, коня сзади, а старшину Степанова со всех сторон!». Присутствовавшие громко и весело засмеялись этой к месту сказанной шутке, поднялись с бревен, заткнули за пояса топоры и отправились на работу.

Несмотря на то, что таким решением остались недовольными многие, открыто перечить Степанову никто не стал, зная, что плохой порядок всегда лучше, чем отсутствие порядка вообще. Постепенно все недочеты, связанные с заготовкой леса, отрегулировались. Степанов, будучи человеком разумным, поняв свою ошибку, сделал для себя правильный вывод и впредь не допускал поспешных решений. О размолвке, случившейся в тот день между старшиной и новоселами, скоро забыли. Единственной памятью о тех временах в Шкотово остались названия Колягина падь, Гамаюнова падь, Мамантова падь, данные старшиной Степановым трем широким распадкам, прилегающим к слободе и известными сегодня каждому жителю Шкотова.

ева, военные сошлись в едином мнении, что в условиях военного времени все партийные указания надо воспринимать как приказы. И если кто-то этого не хочет понять, Пленум должен направить на него материалы в суд. Дорофеев попытался оппорить это мнение, но убедить высокопоставленных командиров не смог. Пегов, являясь одним из инициаторов перевода животноводства края на использование коров голландской породы, попытался было смягчить требования военных, но те настаивали на своем. И Пегову пришлось отступить. В последний день работы Пленума он пришел в гостиничный номер Дорофеева и откровенно сказал, что защитить Дорофеева он не может и посоветовал ему обратиться к Пленуму с просьбой направить его на фронт добровольцем, как это делали тогда многие партийные и хозяйственные руководители.

На фронте Дорофеев был назначен командиром роты, оборонявшей подступы к городу Орел, где обстановка с каждым днем накалялась. Немцы, руководствуясь планом «Операция Барбаросса», наращивали усилия, чтобы на оккупированной части Орловской области собрать как можно больше зерна, муки, крупы, мяса и вывезти все это в Германию. Кроме того, с железнодорожных станций Орловщины уходили в Германию поезда, до отказа набитые трудоспособными юношами и девушками, не успевшими эвакуироваться на восток. Их угоняли трудиться на немецких шахтах, военных заводах, на каоторжные работы в немецких деревнях.

После поражения гитлеровцев под Сталинградом всех мужчин в возрасте от 16 до 45 лет, проживавших в Германии, срочно призвали в армию и стали готовить к боям на Орловско-Курском направлении, которые должны были начаться там в середине 1943 года. Советское руководство, осведомленное о планах Гитлера, приняло решение создать в районе Орла и Курска зону непреодолимой обороны. В создании этой зоны принимал участие и Т.Г. Дорофеев, будущий председатель исполкома Шкотовского района, командовавший тогда батальоном на одном из оборонительных рубежей вблизи Курска.

Термин «непреодолимая оборона», принятый в годы войны, указывал на то, что Советский Союз создавал здесь такую оборону, которую не смог бы преодолеть даже самый сильный противник. Когда создавалась эта зона, все документы по Курской дуге были засекречены, поэтому говорили и писали о «непреодолимой обороне» в самых общих чертах. Чем занимался тогда Т.Г. Дорофеев, он смог рассказать только спус-

никакой вины, терпеливо ждал, когда будут закончены все эти проверки. В начале 1946 года его, как и всех остальных прошедших проверку, записали в категорию репатриантов, т.е. лиц, возвращенных на родину, и определили для каждого постоянное место жительства, обязав регулярно отмечаться в специальной комендатуре. Стефана по его личной просьбе направили в город Сучан (сейчас это Партизанск). Там он стал работать крепильщиком на шахте № 21. Через год ему выдали паспорт и пообещали в одном из рабочих бараков выделить комнатку, чтобы он смог забрать свою семью из Новонежина.

Еще один шкотовский фронтовик, Терентий Григорьевич Дорофеев, в самом начале Великой Отечественной войны возглавлял исполком Кировского района. За год до этого краевая советская власть поставила перед ним задачу заменить в районе коровьи стада, состоявшие из местных пород, на высокоудойных коров голландской породы, и выделила для этого огромные деньги. Дорофеев с желанием взялся за эту работу. Ему удалось в кратчайшие сроки закупить за границей несколько сотен голландских коров, создать условия для их содержания, подготовить специалистов по уходу за ними. Война разрушила планы руководства Приморского края по переводу Кировского района на новое, высокопродуктивное животноводство. С началом войны из Москвы в Крайком партии пришел циркуляр, которым предписывалось всем районам максимально пополнить государственный запасы продовольствия. Для этого нужно было отправить на бойню значительную часть поголовья скота. Согласно этому циркуляру, Кировский район должен был лишиться более половины элитных коров.

Терентий Григорьевич стал искать выход из этого труднейшего положения, и ему пришла в голову мысль обменять в других районах элитные породы коров на обыкновенные, и тогда на забой пойдут не высокоудойные голландские коровы, а обыкновенные, дающие молока в несколько раз меньше. Но на проведение такого обмена нужно было около месяца. И Дорофеев обратился за помощью в Крайком ВКП(б). Первый секретарь Крайкома Н.М. Пегов в личной беседе поддержал Терентия Григорьевича, но учитывая особенности обстановки военного времени, решил вынести этот вопрос на предстоящий Пленум.

В 40-е годы 20 века процент коммунистов-военных в крае был намного выше, чем коммунистов из числа гражданского населения. Когда стали обсуждать предложение Т.Г. Дорофе-

Стремительно пролетевшие годы приблизили эти распадки к поселку. В начале 20 века Колягина падь стала частью жилой территории Шкотова. Пройдет время и наши потомки, безусловно, построят дома в Гамаюновой и Мамантовой падах, которые пока служат шкотовцам местом сбора земляники, калины, кишмиша и лимонника.

Обязанности слободского старшины

В апрельские дни 1878 года у Степанова было много забот. Он показывал новоселам места, где они могут раскорчевывать пашни, рубить кусты и жечь траву на будущих сенокосах; разбирался вместе со всеми, где шкотовцы будут пасти скот, потому что старый выгон для разросшегося коровьего стада стал уже тесен; согласовывал условия найма пастухов, оговаривал основные работы по благоустройству растущей день ото дня слободы, организовывал ремонт дорог, идущих на пашни.

Степанов, как и все крестьяне, избранные на должность старшины, работал бесплатно. Поэтому на второй срок (3 года) редко кто оставался. В 1879 году Степанов попросил слободское собрание освободить его от общественной работы, мотивируя свою просьбу тем, что с увеличением числа жителей Шкотова ему, безграмотному человеку, стало трудно справляться со своими обязанностями, да и дела в личном хозяйстве нужно подправить. Шкотовцы удовлетворили его просьбу и в знак благодарности за работу подарили ему двухмесячного ягненка и новую косу-литовку, купленную для этого случая на базаре во Владивостоке. На том же собрании слободским старшиной был избран Яков Васильевич Пашкеев, энергичный и напористый молодой человек. Все полагали, что он будет достойно вести дела крестьянского общества, создавая условия для роста благосостояния жителей Шкотовской слободы.

Довольные проведенными выборами, новоселы решили текущий, 1879 год посвятить обустройству собственных хозяйств, расширению пахотных площадей. Кроме того, вместе со всеми им предстояло прокладывать дороги на сенокосы, рыть каналы на только что созданных улицах, строить поскотины для защиты слободских огородов от потрав отбившимися от стада коровами. В этих делах принимали участие Яков Пашкеев и его более опытный в крестьянских делах отец, Василий Андреевич Пашкеев, или Пашкеев-старший, как его стали называть жители Шкотова.

В результате напряженного труда слободчан, значительного расширившего территорию их населенного пункта, а также увеличения числа проживающих в нем, Шкотово с 1880 года стало официально именоваться селом.

Хунхузы вблизи Шкотово и меры защиты от них

После трагедии 1868 года безопасность села и всех его жителей стала первейшей заботой сельского схода. В 1879 году крестьяне, работая на полях и в тайге, стали фиксировать следы пребывания посторонних лиц возле Шкотова. Сначала думали, что лежбища и кострища оставляют после себя китайские промысловики, занимающиеся охотой и поиском корня женьшеня, но местные манзы не разделяли с русскими такого предположения. Кроме того, крестьяне начали замечать, что китайцы чем-то обеспокоены, но пытаются скрыть это от русских. По опыту шкотовцы знали, что такое поведение манз является следствием присутствия где-то поблизости китайских разбойников. Вскоре обстановка начала проясняться. В селе внезапно пропали овца и теленок, ходившие без присмотра на пустырях. Следов нападения диких зверей на домашних животных шкотовцами обнаружено не было и всем стало понятно, что рядом с селом обосновалась банда хунхузов, от которой можно ожидать всякое. Крестьянский мир стал обдумывать меры защиты от этих грабителей, но ничего существенного придумать не мог. На всякий случай жители Шкотова перестали ходить в одиночку в тайгу, женщины, идя на пастбище доить коров, собирались все вместе, а пастух подгонял стадо как можно ближе к селу.

Осенью, когда манзы сняли весь урожай опиумного мака и маньчжурской конопли, хунхузы ограбили несколько фанз в Цемухинской долине и стали появляться на таежных тропах, по которым китайские ходоки переносили в Маньчжурию приготовленные в Приморье опиум и гашиш. Это был признак того, что хунхузы намерены надолго оставаться в здешних местах. Шкотовцев не устраивало такое соседство, так как не было гарантии, что хунхузы не станут грабить русское население.

Вести эффективную борьбу с китайскими разбойниками крестьяне не могли, так как у большинства из них не было ружей. И тогда сельский мир решил обратиться за помощью к

Через полчаса немцы увидели Стефана, несущего в их сторону со связанными руками и ногами другого преследуемого ими беглеца. Мурач угрюмо положил Тимофея к ногам немцев, а тот с большой убедительностью разыграл сцену своего презрения к «предателю, немецкому прихвостню и подлецу». Стефан, как было оговорено ранее, ударил Краснова ногой, а тот, собрав все свои силы, плюнул ему в лицо. Немцы поверили в искренность действий обоих русских. Тимофея они застрелили, а Мурачу приказали его похоронить. После этого Стефану связали руки и повели в лагерь.

Только благодаря Тимофею Краснову Мурач остался жив, но уже никогда не выходил за ворота лагеря без конвоя.

В июне 1944 года Советский Союз добился открытия второго фронта в Европе. Англо-американские войска пошли в наступление, не встречая на своем пути должного сопротивления немцев. Концлагерь, в котором находился Мурач, оказался в зоне, оккупированной войсками США. Американцы создали для советских военнопленных условия, соответствующие международным договорам. Их стали нормально кормить, переодели в чистую, достаточно приличную форму. В определенные дни лагерь посещали врачи для оказания медицинской помощи заболевшим. Одновременно с улучшением условий существования к ним зачастили американские чиновники, предлагая желающим эмигрировать в США. Многие советские пленные, знавшие, как относятся в СССР к бывшим пленным, давали согласие. В основном это были молодые люди. Пожилые, стремившиеся быстрее возвратиться на родину, ждали, когда американцы передадут их советскому командованию. Для С.П. Мурача это были дни радостного и мучительного ожидания, растянувшиеся более чем на полгода. Не было того дня, чтобы он не вспоминал о родном селе Новонежино, где прошла его жизнь. Каждую ночь Стефан во всех деталях видел во сне маленький дом и дворик на Вокзальной улице, в котором, как он был убежден, продолжает жить его семья.

После того как Германия капитулировала, началась передача пленных. Стефана вместе с другими посадили в вагоны, отправили в Советский Союз и разместили в концлагере, охраняемом подразделениями внутренних войск СССР. Бывших пленных переодели в арестантскую форму и стали кормить, как кормят уголовных преступников. Сотрудники Особых отделов начали выявлять среди них немецких пособников и лиц, завербованных Абвером или Гестапо. Мурач, не чувствуя за собой

торая, по их заверениям, борется не с народом, живущим в СССР, а за освобождение советских людей от большевистского ига. Мурач и Краснов от таких предложений молча отказывались. Но были и те, которые соглашались. Их сразу одевали в специальную форму и давали сытно поесть.

Концлагерь часто пополнялся новыми пленными. Мурач и Краснов осторожно расспрашивали, где и когда те попали в плен. Анализируя ответы они делали вывод, что советские войска хотя и медленно, но настойчиво продвигаются на запад. Со стороны пленных, находящихся в концлагере, были попытки вырваться на свободу, но почти все они заканчивались провалом. Беглецов немцы вешали. Их трупы подолгу не снимали с виселиц.

В такой обстановке между Стефаном и Красновым, жившими единым желанием скорее вернуться на родину завязалась крепкая мужская дружба. Однажды Краснов предложил Мурачу совершить побег и объяснил, как это можно сделать. План показался настолько убедительным, что Стефан согласился.

В очередной раз, когда их обоих направили за медикаментами в аптечный пункт, находившийся за воротами лагеря, они скрылись в ближайшем лесу и стали спешно уходить на восток. Как только лагерные охранники обнаружили отсутствие Мурача и Краснова, они забили тревогу. На поиск и задержание беглецов были направлены солдаты с овчарками. Хорошо обученные собаки взяли след, и немцы периодически из автоматов открывали стрельбу в том направлении, куда их настойчиво увлекали собаки. Стефану и Тимофею лай собак был слышен все ближе и ближе. При очередном обстреле Краснов был ранен в ногу. Дальше идти он не мог и Стефан, взвалив его на себя, понес, стараясь идти по воде, чтобы собаки как можно чаще теряли их след. Выбившись из сил, Мурач остановился, чтобы передохнуть. Лай собак с каждой минутой близился. Тимофей сделал вывод, что скоро оба они будут убиты, и попросил Стефана бросить его и дальше бежать одному. Мурач отверг это предложение. Подняв лежавшего на земле Тимофея, он снова побрел по реке. В этот момент он услышал слабый голос своего друга: «Стефан, останься хоть ты живой. Неси меня к немцам и скажи, что гнался за мной, чтобы не дать мне возможности убежать. А я твои слова подтверждаю. Если ты останешься живым, напиши моей матери, как мы жили в плену, как оба хотели вернуться на родину».

военным властям. Направленные во Владивосток ходоки подробно описали сложившуюся обстановку и напомнили, что в свое время военный губернатор И.В. Фуругельм обещал разместить в Цемухинской долине воинский гарнизон, но из-за отсутствия денег свое обещание выполнить не смог. Представители военных властей честно признались, что денег у губернатора и сегодня нет. Однако видя, что шкотовцы оказались в критическом положении, предложили им создать у себя отряд самообороны, твердо пообещав со своей стороны помочь крестьянам приобрести для этого отряда оружие.

Отряд был немедленно создан. Выполнили свое обещание и военные. Этому способствовали обстоятельства, сложившиеся в стране. Россия в этот период продолжала перевооружение армии. В войска поступали винтовки системы Бердана-2, сконструированные американцем Берданом в содружестве с русскими офицерами А.П. Горловым и К.И. Гиниусом. Стрелковое оружие старого образца Бердана-1 передавалось ополченцам. Шкотовский отряд самообороны тоже получил винтовки Бердана-1.

С зимы 1881 года самые дисциплинированные сельские парни под контролем поселившегося в Шкотово отставного солдата Семена Мосолова, вооруженные берданами, стали патрулировать сельские окрестности, включая долины рек Цемухе и Кангауза (последняя сейчас называется Суходолом). При всяком удобном случае они демонстрировали ружейной стрельбой свое появление в самых глухих таежных местах и способность отряда самообороны дать отпор любой грабительской шайке, находящейся в окрестностях Шкотова. Хунхузы поняли, что русские крестьяне владеют оружием, и стали обходить стороной ближние и дальние окрестности Шкотова.

Охотничий промысел в Шкотово

Приобретенное оружие оказалось полезным не только для защиты села от хунхузов. С этого времени в Шкотово стал развиваться охотничий промысел. В тайгу на добычу зверя стали ходить практически все, но чаще всего удача сопутствовала Ждановым, Поповым, Толкановым. Они никогда не возвращались домой без добычи.

Шкотовские подростки, получив в руки оружие, быстро освоили приемы охоты на рябчиков, уток, гусей. После того как в Раздольном были куплены собаки породы «сеттер», все

жители Шкотова стали охотиться на фазанов и перелетную птицу, маршрут пролета которой находился над самым селом, где в начале 20 века появилась Пролетная улица. Начиная с лета 1882 года в каждой шкотовской семье на столе круглый год было мясо. Об этом с гордостью за крестьян сообщала газета «Владивосток».

Но какой бы результат ни давала охота, она оставалась для шкотовцев второстепенным занятием. Главным источником жизненных благ, как и в прежние годы, оставалась все-таки пашня, потому что все жители Шкотова по своему духу были хлеборобами, убежденными в том, что крестьянин должен работать с землей, а все остальное может только сопутствовать его деятельности.

Все шкотовские семьи, с учетом выделенных на их долю властями ста десятин земли, официально относили себя к стодесятинникам. Наличие территорий, пригодных для пашен, позволяло крестьянам распахивать столько земли, сколько каждый из них мог обработать за лето. Но, не смотря на это, земельный вопрос в Шкотово всегда стоял очень остро, порождая временами ожесточенные споры и затяжные конфликты, потому что всем хотелось иметь самые лучшие пашни и самые лучшие сенокосы.

Первый земельный конфликт разгорелся в Шкотово в 1882 году. Причина его заключалась в том, что после 1878 года, когда численность населения Шкотова увеличилась, всем новоселам пришлось разрабатывать целину в 7 верстах от села вблизи нынешней Стеклянухи, тогда как остальная, уже разработанная общественная земля была занята старожилами. Значительную часть ее старожилы сдавали в аренду китайцам. Новоселы, зная земельный закон, принятый в России в 1840 году, и остальные законы по землепользованию, стали требовать регулярных переделов общинной земли. Они поставили этот вопрос на рассмотрение сельского общества и добились того, что крестьянский мир принял решение проводить всеобщие переделы пашен и сенокосов через каждые 6 лет, начиная с 1882 года.

Порядок всеобщих переделов земли

Первым шагом к всеобщему или черному переделу, согласно закону, являлась ревизия всех земельных угодий, принадлежащих общине. Ее проведение показало, что у всех крестьянских семей в Шкотово было по 8-12 десятин пахоты и примерно столько же сенокосов. А семьи В.А. Пашкеева и его

ри, оказалось разбросанным на десятки метров вокруг. Этот несчастный солдат ползал по пыльной земле, сгребая руками свои внутренности и заталкивая их на прежнее место. Глядя безумевшими глазами, он умолял Стефана пристрелить его. Мурач поднял винтовку, валявшуюся рядом, и выстрелил. Красноармеец затих. Много лет спустя, когда Стефан Павлович уже работал на одной из шахт Сучана, он рассказал об этом священнику, попросив снять с его души этот грех. И тот не колеблясь пообещал, что будет в молитвах просить Господа простить его, потому что грех был совершен из необходимости облегчить страдания ближнего.

В 1944 году в одном из боев на границе с Венгрией Мурач, оказывая помощь раненому, был придавлен поваленной взрывом железной трубой находившейся рядом котельной. Самостоятельно выбраться из-под нее он не мог, а поблизости кроме раненного никого не было. От боли он потерял сознание и в беспомощности пролежал много часов. Нашим войскам в этом бою пришлось отступить. Очнувшись он от того, что кто-то сильно ударил его по спине. Открыв глаза он увидел, что рядом стоит немец, а другие бросают в телеги трупы русских солдат, разбросанные в разных местах. Стефан застонал. Немцы, поняв, что он живой, приподняли трубу, и взяв Мурача за руки и ноги, бросили в телегу, где лежало несколько раненых, не способных самостоятельно двигаться. Подвода с убитыми была отправлена к подготовленному заранее рву, а с живыми остановилась около полуразрушенного дома, огороженного колючей проволокой. Видя, что у Стефана через плечо висит санитарная сумка и он раньше других стал адекватно реагировать на события, один из немцев жестами предложил ему идти к лежавшим на земле советским солдатам и начать делать им перевязки. С трудом встав на ноги, Стефан стал работать. Через день ему дали помощника из таких же пленных. Это был человек средних лет, родом из Харькова. Звали его Тимофеем Красновым. Вдвоем они занесли раненых, не способных передвигаться, в дом, а остальных разместили под навесом. Никаких медикаментов у них не было, поэтому многие красноармейцы вскоре умерли. Тех, кто пошел на поправку, немцы стали направлять на строительство землянок и блиндажей, на рытье окопов.

В концлагерь несколько раз приходили посыльные от командующего Русской Освободительной армией (РОА) генерала Власова. Они агитировали пленных вступать в эту армию, ко-

заставила Булгакова отдать личному составу приказ мелкими группами просачиваться к своим. Бойцы распределились по три человека и, избрав свое направление, ползком двинулись в путь. Ночью ползли, днем, замаскировавшись, отдыхали. Сначала питались мясом, срезанным с трупов убитых коней, валявшихся на болоте, а когда стало тепло и растаяли лужи, начали питаться лягушками, пойманными в воде. Воду пили из тех же луж. Через несколько дней Василий и его товарищи заболели дизентерией, но продолжали ползти, ориентируясь по солнцу, чтобы не потерять направление. За время блуждания по болотам все они обессилили так, что уже не могли тащить за собою винтовки. Пришлось бросить их, тем более что патронов ни у кого не осталось. В начале мая группа натолкнулась на красноармейцев и те отнесли их в госпиталь.

Большинство фронтовых врачей были опытными хирургами, а лечить инфекционные болезни из-за отсутствия нужных лекарств они не умели. Более полугода Василия переводили из одного госпиталя в другой. Потом отправили на медкомиссию, которая выдала ему документы, что он является инвалидом 1-й группы. Фронтовая жизнь для В.Г. Колягина закончилась в 1944 году в Белоруссии.

Судьба другого фронтовика, Стефана Павловича Мурача из Новонежина, сложилась иначе. Его призвали в армию в возрасте 45 лет. Командир роты, в которую он был зачислен, оценив физическое состояние Стефана сказал, что тому будет тяжело выполнять обязанности рядового, когда вокруг одна молодежь, и чтобы Мурач в бою не чувствовал себя ущемленным предложил ему взять санитарную сумку, так как перевязывать раны легче, чем идти в штыковую атаку. Стефан Павлович сначала обиделся, но потом понял, что командир прав.

В первые месяцы санитарной службы ему было особенно тяжело переносить психические нагрузки, с которыми приходилось сталкиваться почти в каждом бою. Он видел столько страданий людей, оказавшихся без глаз, рук и ног, сколько ему не приходилось видеть за всю предыдущую жизнь. Многие раненные осознав, что с ними случилось и не в силах ничего изменить умоляли Стефана пристрелить их и тем самым избавить от дальнейших мучений. Мурач по-человечески понимал их, но выполнить эту страшную просьбу не мог. Однажды он все-таки принял грех на душу. В одном из боев Стефан увидел, как разрывом снаряда у бойца разорвало живот и все, что было внут-

сына Якова имели того и другого в десять раз больше. Сами они уже много лет не обрабатывали землю и не косили сено, а сдавали все это в аренду без предварительного получения на то согласия сельского схода. Плату за сдачу в аренду общинной земли, вопреки закону, забирали себе. Общее собрание предупредило Пашкеевых о недопустимости нарушения российских законов.

Василий Андреевич воспринял это предупреждение с видом глубокого понимания, однако попросил сельский сход дать ему возможность лично ознакомиться с законами о землепользовании. Учитывая авторитет Василия Андреевича в сельском обществе, крестьяне согласились удовлетворить его просьбу. Василий Андреевич более года искал эти законы и выяснил наконец, что новоселы были правы. И тогда он стал просить дать ему еще время, чтобы «на законной основе» выкупить у общины пашни и сенокосы, которые он фактически использует много лет. Из уважения к нему мир дал и на это согласие. Пашкеев, не торопясь, поочередно стал направлять обращения в разные инстанции, имевшие, по его мнению, отношение к купле-продаже земли, и отовсюду получал разъяснения, что земля, принадлежащая крестьянскому обществу, не может быть предметом торговли. Такая переписка растянулась на два года, после чего Василий Андреевич сам прекратил ее, попросив у крестьян извинения за незнание им российских законов. При этом он старательно обходил стороной то, что все это время регулярно присваивал деньги, которые получал за незаконные арендные операции. В результате такого поведения Василий Андреевич полностью потерял былое уважение большинства шкотовский жителей.

Сын Василия Андреевича, Яков, не унаследовал от отца гибкости ума и житейской изворотливости. Во взаимоотношениях с сельским миром он шел напролом. Стал терроризировать каждого, кто требовал от него сведений о количестве земли, находящейся в его пользовании. Эти действия он сопровождал оскорблениями и насилием. Последней каплей, переполнившей чашу терпения шкотовцев, стал «арест» Яковым одного из жителей Шкотова, якобы за «неуважительное отношение к нему, как к сельскому старосте». Как писала газета «Владивосток», обстоятельства этого «неуважительного отношения» заключались в следующем.

Подвыпивший Яков шел по селу и вдруг увидел, что один из крестьян преклонного возраста старательно выкладывает

фундамент на участке, отведенном под строительство дома его младшему сыну. Яков вспомнил, что этот крестьянин вместе с другими пытался выяснить, сколько общинной земли незаконно находится в пользовании Пашкеевых, и решил, используя подвернувшийся случай, выместить на нем свое зло. Подойдя вплотную к участку, Яков Васильевич громко произнес: «Ты, хрен собачий, дожил до седых волос, а фундамент укладывать не научился. Развали его полностью и найми для укладки кого-нибудь более умелого». И неожиданно для себя услышал в ответ: «От хрена собачьего слышу. Шел бы ты мимо, пьяный дурак, и не совался бы в чужие дела». Такого неуважительного отношения к себе как к сельскому старосте стерпеть Яков Васильевич не мог и тут же решил арестовать этого крестьянина и посадить его под замок. Как только об этом узнали сельчане, они сразу созвали общий сход и, разобравшись в причинах случившегося, постановили «исключить Пашкеева Якова Васильевича из Шкотовской общины как систематически наносящего крестьянскому обществу вред». Пашкееву пришлось покинуть родное село и уехать в Раздольное, где в это время жил его родственник Иустин Худяков. Там Яков прожил два года и умер.

Всеобщие переделы земли в Шкотово вошли в обычай. Проводились они по следующей схеме. Староста собирал сельский сход, который определял дату начала работы и выбирал из своей среды передельщиков. Как правило, в состав этой группы включались опытные и уважаемые люди с развитым чувством долга и справедливости. Им поручалось перемерить все пашни и сенокосы, нанести их на план, разделить все участки на хорошие, средние и плохие.

Так как ревизия считалась самым ответственным делом, в ней разрешалось участвовать всем. Каждый мог высказать свое мнение, вносить поправки в результаты ревизии. После того как крестьяне приходили к единому мнению, староста начинал жеребьевку.

Начиналась она с того, что передельщики заполняли листки с номерами участков хороших, средних и плохих отдельно по пашням и сенокосам, сворачивали их в трубочки и клали в шесть разных мешков. Сначала делили пашни, а потом сенокосы.

Главы семей под контролем всех присутствовавших вытаскивали жребии из каждого мешка. Если в семье было пять едоков, то глава семьи вытаскивал по пять трубочек, если шесть, то, соответственно, по шесть и т.д. Таким образом, каждой семье доставались участки хорошие, средние и плохие.

На следующий день началась передислокация войск. Одни уходили с передовой на отдых, другие занимали их место. Василий, идя скорым шагом в строю, сильно натер ногу подвернувшейся в ботинке портянкой и попросил у взводного разрешения переобуться. Было ветрено и морозно. Неподалеку стояла избушка, из трубы которой шел дым. Василий решил переобуться в тепле. Однако с радиостанцией за плечами войти в переполненное укрытие он не смог. Кто-то изнутри посоветовал ему оставить «бандуру» у двери и без нее втиснуться в избушку. Переобувшись, Колягин торопливо выскочил на свежий воздух и обомлел: радиостанции, там, где он ее оставил, не было. Пытаясь найти ее, Василий метнулся в одну сторону, затем в другую, но все его старания оказались напрасными. Тот, кто ее украл, вероятней всего был уже далеко. С тяжелым чувством В. Колягин догнал свою часть и доложил о случившемся взводному командиру, а тот по инстанции выше. На первом привале был собран полевой суд. Вина Василия была очевидной, и он понимал, что приговор суда будет один — расстрелять. Как только начался суд, в батальон прибыл командир полка, тот самый, который вчера подписывал представление о его награждении орденом. Подойдя к подсудимому, он, вероятно, вспомнил вчерашний случай, и спросил: «Этот ты?». Василий виновато кивнул головой. Командир полка, громко выругавшись, достал из нагрудного кармана подписанное им представление, разорвал его на клочки, и твердо сказал: «Если через два дня в батальоне не будет радиостанции, прикажу расстрелять тебя без суда». Когда все разошлись, командир роты спросил: «Что делать-то будешь, Василий Григорьевич?». Тот поднял взгляд от земли и ответил: «Пойду, подежурю около той избушки, так как другого выхода у меня нет». Через два дня он возвратился с радиостанцией за плечами, но без карманных часов фирмы «Павел Буре» и с пустым рюкзаком, в котором до этого лежали шерстяной свитер и теплые кальсоны.

Весной 1943 года подразделение, к которому был прикомандирован Колягин, вместе с техникой застряло в болотах, и было отсечено немцами от основных сил. Капитан Булгаков, командовавший подразделением, предпринимал отчаянные попытки вырваться из окружения, однако все они заканчивались неудачей. Вскоре у бойцов кончились продукты, а затем и боеприпасы. Регулярные бомбежки немецкой авиации приводили к большому людским потерям. Безвыходность положения

пленным было страшней, чем погибнуть. Колягин стал лихорадочно думать, что следует предпринять в такой ситуации. Наконец ему удалось подавить в себе страх, и он сумел разобраться, в какой стороне свои, а в какой — противник. Немцы тогда были вооружены автоматами, в рожках которых каждая пятая пуля была трассирующей. По полету этих пуль можно было понять, где находятся немцы и куда они стреляют. Василий оказался на левом фланге фашистов. Стрельба нарастала с обеих сторон, и он стал понимать, что следует делать. Колягин пополз в блиндаж, вытащил оттуда ящики с гранатами и положил их рядом с собой. Расстояние до немцев было большим, гранату туда не добросишь, и Василий ползком, толкая впереди себя ящик, стал приближаться к сражавшим фашистам, все внимание которых было сосредоточено на отражении действий красноармейцев, находившихся впереди. Приблизившись к стрелявшим, он в темноте поднялся во весь рост и метнул гранату туда, откуда начинался полет трассирующих пуль. Огневая точка фашистов была подавлена. Василий пополз с ящиком дальше и уничтожил следующую огневую позицию. Пока немцы не успели опомниться и обнаружить его, он раскидал все гранаты первого ящика и пополз за вторым. Счастье улыбнулось Василию и на этот раз. Его гранаты ложились прямо в цель. Немецкие автоматчики перестали стрелять. Колягин надеялся, что его товарищи сумеют воспользоваться временной тишиной и пойдут в наступление. Так оно и случилось. Через десять минут около блиндажа появились разведчики. Убедившись, что он свой, один из них поинтересовался, «кто это здесь лихо швыряет гранаты». Василий ответил, что это он «от страха и скуки». Разведчики пошли дальше. Вслед за ними мимо блиндажа пробежал весь батальон. Штабисты вернулись на прежнее место. Василий, рассказав начальнику о случившемся, настроил радиостанцию и стал ожидать дальнейшей команды.

Ближе к полудню в штаб прибыл командир полка и пригласил всех на несколько минут собраться на поляне около блиндажа. Колягин вышел вместе со всеми и увидел на ближайшей сосне фанеру, приколоченную гвоздями, на которой углем был нарисован красноармеец с рацией за плечами, а вокруг него горы фашистских трупов. Командир полка зачитал приказ, в котором излагалось, что старший сержант В.Г. Колягин за совершенный подвиг представлен к награждению орденом Красной Звезды. На этом торжественная часть была закончена, и командир полка покинул расположение батальона.

По окончании жеребьевки начинался свободный, или как говорили тогда, «полюбовный» обмен уже поделенных угодий. Одним хотелось, чтобы пашни и сенокосы находились поближе к селу. Другие стремились собрать все участки где-нибудь в одном месте. Кто-то предлагал при обмене доплату, кто-то менял «баш на баш». После того как все проблемы и пожелания были разрешены, писарь заносил в книгу, какие угодья кому принадлежат до следующего передела, а староста в это время для морального закрепления достигнутых результатов «ставил на стол ведро водки». Другой меры для подобного случая у шкотовцев не было. На первый взгляд может показаться, что наши предки были большими любителями выпивки. Но если принять во внимание, что в 80-х и 90-х годах 19 века в Шкотово на сход собиралось около 70-80 человек, то в среднем на каждого приходилось меньше стакана. Но и этого количества спиртного было достаточно, чтобы после долгих волнений, споров и взаимных упреков снять напряжение, успокоиться и отдохнуть, теперь уже в мирной товарищеской обстановке.

Заселение Маньчжурии китайцами и реакция на это российских властей

На юге Приморья, где сейчас расположен Шкотовский район, китайцы появились приблизительно в первой четверти 19 века. Тогда этим краем управляли маньчжуры. Управляли они номинально. Местные чиновники, занятые текущими делами в местах проживания основного маньчжурского населения, практически не появлялись на правом берегу реки Уссури и не вникали в жизнь приморских аборигенов. Однако в положенный срок они направляли отчет богдыхану, в котором непременно подчеркивали, что речные долины и горы Уссурийской тайги богаты природными ресурсами, которые, к сожалению, пока еще очень слабо освоены.

Читая такие отчеты, чиновникам Поднебесной империи приходила в голову мысль о необходимости заселения Маньчжурии и Приморья китайскими крестьянами. Для сбора дополнительных данных, которые бы позволили успешно решить этот вопрос, из Пекина в Маньчжурию направлялись рабочие делегации, чтобы на месте во всем разобраться. Но маньчжурские феодалы понимали, что заселение северо-востока Поднебесной империи китайцами принесет им ненужные хлопоты и

делали все возможное, чтобы этого не случилось. Встречая посланников богдыхана, они убеждали их, что ради спокойствия всей страны в Маньчжурии должны жить только маньчжуры и родственные им по языку племена, такие как сибиряки, хэчжени, эвенки и орофоны. Заселение края китайцами, как утверждали они, посеет вражду в среде искусственно созданного многоязычного населения. И богдыхан, доверяя своим подчиненным, издавал указы, запрещающие миграцию китайцев в северо-восточную часть империи.

Однако тревожная обстановка, сложившаяся в 60-х годах 19 века в западной части Китая, заселенной тюркоязычными племенами, и поднятое ими антикитайское восстание заставили богдыхана изменить свое отношение к некитайскому населению северо-востока страны. Сюда экстренно стали переселять китайцев. К концу 70-х годов здесь проживало уже около 200 000 человек. Они были уравнены в правах с маньчжурами. На земли, граничащие с Россией, начали переводить воинские части. Кроме того, власти Поднебесной империи стали усиленно предлагать манзам, живущим в Приморье и знающим русский язык, переселяться в китайские районы, расположенные рядом с китайско-российской границей.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин, получив информацию об изменениях, происходящих в Маньчжурии, сообщил об этом Александру II, и тот принял решение ускорить заселение Уссурийского края крестьянами из России. Оно должно было начаться в 1882 году с ежегодным направлением на Дальний Восток по 250 крестьянских семей. К этому времени уже действовал Суэцкий канал, сокративший по времени перевозку людей и грузов из Европы в азиатские страны, а также был создан Добровольческий флот России, который в мирное время работал в интересах промышленности и торговли, а в годы войны обязан был выполнять военные заказы правительства.

Анучин, под руководством которого планировалось вести переселение, лично принял участие в разработке переселенческих правил. Чтобы привлечь на Дальний Восток как можно больше мужчин, из которых можно было бы формировать воинские подразделения, он предложил предусмотреть новыми правилами льготы для лиц мужского пола. В частности, каждый мужчина в семье, независимо от возраста, по прибытии к месту своего поселения должен был получить по 15 десятин земли, удобной для пахоты. А если в семье было несколько лиц

находился в состоянии клинической смерти и что так бывает со многими. Однако один из лежавших рядом бойцов не согласился с врачом и слабым голосом произнес: «Это Господь уберет тебя от гибели и послал твоего ангела-хранителя, чтобы сообщить тебе об этом». Василий Григорьевич до конца своих дней не знал, кому верить.

Зимой 1942 года на ряде фронтов наши войска перешли в наступление. Стали продвигаться вперед и воинские части, расположенные в Белоруссии. Колягин в одном из локальных наступлений волей судьбы оказался в центре событий и своими действиями помог батальону сдерживать внезапный натиск врага, за что был представлен к награде — ордену Красной Звезды. Обстоятельства, связанные с этим, развивались в следующем порядке.

Немцы с боями отходили назад. Наши теснили их, не давая возможности закрепиться. Батальон, радистом которого был Колягин, шел за наступающими войсками. Выбив противника с занятой им территории, штаб батальона занял блиндаж, из которого только что были выбиты немцы. Работники штаба при свете коптилок, сделанных из консервных банок и стреляных гильз, развернули на столах армейские карты и приступили к своей обычной работе. Василий настроил радиостанцию и приготовился к очередному сеансу радиосвязи. Ему было некомфортно сидеть, так как под ногами что-то мешало. При свете коптилки он увидел два ящика немецких гранат с длинными деревянными рукоятками. Гранаты были очень удобными для дальних бросков. Василий отодвинул ящики в сторону и начал работать. В этот момент в блиндаж забежал посыльный из соседнего батальона и сообщил, что немцы опрокинули фланг и быстро движутся в нашу сторону. Через минуту-другую они будут здесь. Начальник штаба отдал приказ уходить и указал пальцем на карте точку, куда следует пробиваться. Работники штаба привычно смахнули со стола в свои рюкзаки документы и, потушив коптилки, выбежали из блиндажа. Василий Григорьевич не успел уйти вместе со всеми, так как не мог сдернуть антенну, зацепившуюся на сосне. А когда он это сделал, то в ночной темноте не мог разобраться, в какую сторону надо бежать. Вокруг шел бой, и трудно было понять, где свои, а где немцы. Пули свистели с разных сторон, повсюду рвались снаряды. Уходили минуты, а он никак не мог сориентироваться. Василию стало не по себе от осознания, что он может оказаться в плену. Для красноармейца тех лет стать

За весь период войны Василию Григорьевичу много раз приходилось участвовать в корректировке огня артиллерии. Для выполнения этой работы обычно создавалась группа из нескольких человек, в которую входили корректировщики, радист и несколько человек для прикрытия. Выдвинувшись к месту, откуда должна вестись корректировка, радист подыскивал укрытие для радиостанции, защищенное от прицельного огня противника, устанавливал связь со штабом и ждал начала обстрела. После первого залпа корректировщики смотрели, куда ложатся снаряды и передавали артиллеристам поправки. Этим корректировщикам приходилось постоянно появляться в местах, из которых удобно вести наблюдение. Немцы прилагали все силы, чтобы уничтожить их. На эту группу направлялся огонь всех видов оружия. Чаще всего первыми погибали корректировщики. Радист, находясь в защищенном месте, погибал в том случае, если в укрытие попадал снаряд или его вместе с радиостанцией засыпало землей, поднятой артиллерийскими взрывами.

Десять раз Василий Григорьевич попадал под завалы от взрывов немецких снарядов и находился на грани гибели. К счастью, его всегда удавалось вовремя откопать. Один из таких случаев надолго засел в его памяти. Артподготовка в тот раз проводилась более часа. Радиостанция постоянно работала, передавая в эфир информацию, полученную от корректировщиков. Немцы перенесли огонь всей своей артиллерии на ту территорию, откуда хорошо просматривалось расположение их ударных сил. Возвышенность, на которой находилась группа корректировщиков, превратилась в сплошной ад. «Вдруг совсем рядом что-то ухнуло», — вспоминал В. Колягин много лет спустя, — «земля вздрогнула и на укрытие навалилось несколько тонн песка». Василия придавило со всех сторон так, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Стало трудно дышать, и сознание покинуло его. Несколько раз он то приходил в себя, то отключался. Поняв, что близится смерть, он мысленно попрощался с детьми и женой. В этот момент прямо перед собой Василий Григорьевич увидел отца, погибшего в сталинском концлагере несколько лет назад. Отец спокойно посмотрел на него и сказал: «Не беспокойся, Василий, все закончится хорошо». После этих слов лицо отца начало заслоняться туманом и Василий понял, что теряет сознание. Очнувшись он лишь после того, как его откопали. Находясь в госпитале, о своем видении он рассказал врачу. Тот на минуту задумался и сказал, что, вероятней всего, какое-то время Колягин

мужского пола, то такая семья получала в пользование по 100 десятин. Землю разрешалось выкупить в собственность по три копейки за десятину, что по тем временам было совсем недорого. Кроме того, переселенцы в течение первых пяти лет освобождались от всех налогов. Они обязаны были выполнять только общественные повинности, то есть вместе со всеми строить дороги, мосты, школы, храмы и пр. А через пять лет проживания на Дальнем Востоке государство могло облагать их только земельным налогом.

Переселенческие села планировалось располагать не ближе 10 верст друг от друга, и каждое из этих сел должно было состоять из 10-25 крестьянских усадеб. По прибытии на место каждой семье выдавалась ссуда на 33 года в размере 600 рублей для приобретения инвентаря, рабочего и домашнего скота. Условия переселения позволяли крестьянам быстро обжиться на новых местах.

Так начиналась вторая волна переселения в Приморье и Приамурье. В Шкотовском районе на этих условиях были созданы села Майхе (Штыково), Многоудобное, Петровка, Романовка, Речица, Новонежино, Домашлино, Новохатуничи, Нововасильковка, Царевка, Промысловка, Южная Лифляндия. Основателями подавляющего большинства этих сел были переселенцы из северо-восточной части Черниговской губернии, где проживали в основном белорусы.

Основание села Майхе (Штыково)

Восемнадцать лет Шкотово было единственным русским селом между Владивостоком и Ольгой. Переселенцы, создавшие Майхе, активно включились в освоение этого богатого уголка на юге Приморья.

Шкотовцы старшего поколения сразу же зачастили в это село, надеясь узнать у прибывших из России хоть что-нибудь о своей исторической родине, которую сами они покинули двадцать четыре года назад. В Майхе по нескольку раз побывали бывшие вятичи, пермяки, тамбовцы. Ефим Жданов, Дмитрий Пырков и Никита Пермяков побеседовали с Савелием Мурачом, Григорием Голиковым, Герасимом Шевцовым и Мироном Буренком. Однако никто из них не располагал сведениями, которые интересовали шкотовцев. Майхинцы даже не слышали о существовании Вятской, Тамбовской и Пермской губерний.

Смирившись с реальностью, жители Шкотова стали спрашивать новоселов о том, что их заставило переселиться на Дальний Восток. Ответы были самые разные, но все они сводились к тому, что жизнь хлебопашцев в европейской части России за истекшие четверть века намного ухудшилась из-за постоянно растущего малоземелья. Правительство пыталось изменить условия крестьянского бытия, но все, что оно делало, не достигало поставленной цели. Более подробно об этом шкотовцам рассказал Савелий Мурач.

До 1861 года основатели Майхе были крепостными. Став свободными в юридическом отношении, они надеялись на скорое улучшение жизни. Однако этого не случилось, так как правительство дало крестьянам свободу, а земли оставило у помещиков. Теперь, чтобы работать на ней, хлебопашцы должны были ее выкупить или взять в аренду. Но установленная государством выкупная цена на пахотную землю была столь высокой, что крестьянин о ней как о собственности мог только мечтать. Арендную плату устанавливали сами помещики. Они включали в нее все, о чем крепостной крестьянин раньше даже не догадывался, а теперь должен был за это платить. Кроме того, после отмены крепостного права отношение помещиков к крестьянам стало абсолютно другим. Если в прежние времена помещик смотрел на крестьянина как на свою собственность и ради ожидаемой прибыли старался помочь ему, то теперь, когда крестьянин стал независимым, помещику не было никакого смысла идти на расходы. Оказавшись в труднейшем положении, хлебопашцы начали думать о бунте, к которому их усиленно подталкивали революционеры. Но вовремя поняв, что бунтом ничего не добьешься, крестьяне стали уклоняться от контактов с этой категорией лиц.

В последние годы по всей Черниговщине начали распространяться слухи, будто правительство хочет забрать землю у помещиков, чтобы раздать ее тем, кто на ней работает. Но, как заявил Савелий Мурач, многие из его знакомых сомневались, будет ли от этого толк, потому что земли, которые хотят изъять у помещиков, были известны крестьянам как абсолютно бесплодные. Вот и решились нынешние основатели Майхе переехать на Дальний Восток.

Шкотовцы, увидев в майхинцах здравомыслящих людей, начали переводить свои отношения с ними в деловое русло. Они предложили жителям Майхе посетить их село, присмотреться и прицениться, что они хотели бы приобрести в Шко-

Через полмесяца в ходе одного из боев погиб батальонный радист, и Василий стал работать вместо него. Батальон продолжал отступать, уклоняясь от огневых контактов с противником, стремясь как можно быстрее соединиться со своими главными силами. Измученные до предела бойцы в буквальном смысле валились с ног. Василию приходилось не спать по нескольку суток. Однажды, идя по грунтовой дороге, он уснул на ходу и свалился в глубокую яму. Его подняли, поставили на ноги, но проснуться он еще долго не мог. И так случалось со многими.

За первые шесть месяцев войны, по убеждению В. Колягина, он допустил много оплошностей, одна из которых едва не закончилась для него трагедией. Теоретически Василий знал, что радист обязан передавать в эфир только то, что диктует ему командир или лицо, его заменяющее. Но однажды из-за чрезмерной усталости он нарушил это святое правило. Их батальон тогда переходил на новые позиции, время от времени сообщая командиру полка о месте своего пребывания. Во время очередного сеанса связи командир продиктовал ему текст радиogramмы следующего содержания: «№ 12 перешел через ручей и движется в сторону высоты в квадрате 15». Василий, не задумываясь, передал в эфир: «№ 12 перешел через ключ и движется в сторону сопки в квадрате 15». В этот момент он почувствовал у своего виска ствол нагана и услышал истерический крик: «Повтори, сволочь, что ты передал!». Василий от растерянности не знал, что он должен был повторить. Комбат, едва державшийся на ногах от усталости, сумел взять себя в руки и приказал своему заместителю срочно разыскать находящегося в их батальоне сотрудника службы «Смерш». Через десять минут тот уже слушал устное заявление комбата, который утверждал, что радист передал в эфир кому-то какие-то условности, заменив в радиogramме слова «ручей» и «высота» на слова «ключ» и «сопка». Разбираясь в случившемся, сотрудник «Смерша» побеседовал с Василием, прежде всего спросив, откуда он родом. Колягин ответил, что родился и прожил всю жизнь в Приморье. Услышав это, контрразведчик облегченно вздохнул и сказал, что ему теперь все понятно, так как сам он из Хабаровска. Докладывая командиру батальона о результатах своего разбирательства, он пояснил, что на Дальнем Востоке, откуда родом он сам и батальонный радист, почти всего говорят «ключ», а не «ручей» а возвышенности именуют не сотами, а сопками. После таких разъяснений Василий был допущен к работе на радиостанции. Впредь он стал передавать слово в слово то, что ему говорили.

В светлое время суток эшелон прошел через Сызрань, Пензу, Калугу, Смоленск. Дальше была Белоруссия, и эшелон стал останавливаться в безлюдных местах. В каждом из них освобождались по два-три вагона. Последним покинуло воинский состав подразделение, в которое был зачислен В. Колягин. Кругом стоял лес, совсем не такой как в Приморье, без единого кустика под соснами и елями. Командир роты отдал приказ как можно быстрее покинуть вагоны, так как составу нужно возвращаться назад, а роте приступить к строительству оборонительной линии, потому что в самое ближайшее время здесь должны появиться немцы. Все начали рыть окопы и ходы сообщения, устанавливали пулеметы, маскировать огневые точки. Как это должно было делаться, знали только командир роты и командиры взводов. Они поторавливали бойцов, постоянно находясь рядом с ними. В это время к ротному обратились совсем еще молодые бойцы, мобилизованные в Хабаровске, с просьбой разрешить им на минуту отлучиться, чтобы посмотреть на «мертвых», лежавших около железной дороги. Ротный сразу поправил их: «Это не мертвые, а погибшие. А отлучиться не разрешаю. Завтра посмотрите на все это здесь, если не успеете оборудовать окопы».

Первый бой для большинства оказался последним. Взвод, в котором был В. Колягин, держал оборону у склона оврага. Немцы после короткой артподготовки пошли в атаку через овраг, лежащий у них на пути. Красноармейцы встретили их мощным огнем, и противнику пришлось отступить. Наши сразу же были подняты в контратаку. Василий бежал, перепрыгивая через трупы немецких солдат. Однако автоматные очереди немцев заставили красноармейцев вернуться в свои окопы. Немцы снова начали атаковать. Так продолжалось всю ночь. Утром Василий увидел, что овраг до самого верха завален убитыми и ранеными немцами и русскими, а вся долина вокруг залита человеческой кровью. Отовсюду слышались стоны и просьбы о помощи. Но помочь им было некому. Из роты, в которой служил Колягин, в живых осталось всего несколько человек, и все они были ранены или контужены.

Немцы обошли разбитую часть стороной и двинулись дальше. Красноармейцы, способные стоять на ногах, пошли на восток вдоль разрушенной железной дороги. По пути их догнал организованно отходивший батальон Красной Армии. Санитары оказали медицинскую помощь остаткам отступающей роты, по пятам за которой шли фашистские части.

Майхинцы приняли это предложение с большим интересом. После ряда целевых посещений они купили у своих соседей несколько коров, лошадей, поросят и овец. В результате взаимовыгодных сделок остались довольными жители Майхе С. Мурач, М. Буренок, Р. Шпилько, Г. Мурашевский и В. Дубровский. Повезло и шкотовцам, особенно Е. Толканову, Ф. Попову и Г. Напольскому, которые продали выращенных у себя молодых жеребцов и тем самым наладили дела в собственных хозяйствах.

При совершении сделок майхинцы, являвшиеся белорусами и шкотовцы, обоснованно считавшие себя великоросами, имели одинаковые представления о древних народных правилах предосторожности, защищавших интересы продавцов и покупателей от колдунов и нечестных людей при совершении сделок купли-продажи домашнего и рабочего скота. Эти правила утверждали, что прибыль от продажи коней и коров «может уплыть по речной воде от продавца к покупателю, если покупатель проживает ниже того места, где живет продавец». Размышляя об этом, шкотовцы старались понять, какое из сел, Шкотово или Майхе, находится ниже по течению реки, а какое выше, если они расположены на берегах разных рек. Чтобы разобраться в этом вопросе, в Шкотово был создан консилиум из мудрых и грамотных стариков. Используя все знания в географии, шкотовские мудрецы пришли к заключению, что жителям того и другого села не следует ожидать неприятностей от взаимной торговли, потому что Цемухе течет на юг от Шкотова, а селение Майхе расположено строго на севере. Значит, при всем старании колдунов и нечестных людей, прибыль от шкотовских продавцов не может утечь к майхинцам. Не следует опасаться и майхинским продавцам, потому что воды реки Майхе впадают в бухту Майтун (сейчас это бухта Муравьиная), на большом удалении от Шкотова. Значит, жителям обеих сел можно спокойно торговать друг с другом.

Шкотовские и майхинские крестьяне считали, что для взаимной удачи в торговле коров и телок нужно продавать вместе с подойником или с крынкой, поросят и овец только с пучком сена, а лошадей вместе с уздечкой, в которой отсутствуют удила. Сделка по купле-продаже коня или коровы будет удачной только в том случае, если продавец передаст покупателю повод уздечки или конец веревки «из полы в полу», то есть не касаясь их голой рукой. Для этого продавец клал на ладонь правой руки полу своей одежды, в которой находился

поводок уздечки или конец веревки, а затем перекладывал все это в правую руку покупателя, укутанную полой его одежды. Так делалось потому, что среди славян обернутая рука считалась символом богатства. Прежде чем передать и принять уздечку, обязательно нужно было сделать взаимный легкий удар «по рукам», означающий завершение сделки.

Если шкотовцы и майхинцы старшего поколения при знакомстве друг с другом старались извлечь из общения материальные выгоды, то молодежь этих сел жила совершенно иными заботами. И те и другие старались найти среди своих сверстников возможных кандидатов в женихи и невесты. Удачей молодым в этом деле желали родители и ближайшие родственники. Особенно в этом были заинтересованы шкотовцы, которым до недавнего времени приходилось ездить в Ольгу, Ветку или в село Пермское, чтобы помочь своим выросшим детям найти подходящую пару. А теперь, как полагали шкотовцы, все должно пойти по-иному. И к счастью для всех, они не ошиблись. Почин создания совместных шкотовско-майхинских семей положили Иван Колягин из Шкотова и Елена Голикова из Майхе. На их свадьбе, длившейся несколько дней, стали известны подробности переселения майхинцев на Дальний Восток.

По рассказам одного из основателей Майхе, Михаила Яцкова, разговоры о переселении на Дальний Восток в белорусском селе Кажаны начались после того, как их земляк, Григорий Семенович Голиков, вернулся из поездки в город Сураж. Там он узнал, что идет запись желающих переселиться в Приморье. Вербовщики в беседе с крестьянами так расхваливали этот край, что у Голикова сразу появилось желание переехать туда. Вместе с суражцами он пошел составлять договор, особо не задумываясь, как это будет воспринято его женой и детьми. Договор был составлен. Оставалось только поставить подпись под ним. Григорий, как и большинство других, не умел читать и писать, и ему предложили приставить измазанный чернилами палец к последнему листку договора. Только в этот момент Голиков понял, что отступать уже некуда. С решительным видом он взял договор, поставил «подпись» и посоветовал вербовщикам приехать к ним в Кажаны, где, по его заверению, каждый второй согласится поехать хоть на край света, если там им дадут землю.

По возвращении в Кажаны Голиков рассказал о случившемся своим близким друзьям Р. Шпилько, Г. Мурашевскому и В. Дубровскому, красочно повторив им рассказ суражских

восток, другие на запад. Сергей Георгиевич выбрал позицию, где колонны, идущие навстречу друг другу, замедляли свой шаг. Стоя на самом видном месте, он громко спрашивал проходящих солдат, нет ли среди них приморцев. Через двадцать минут из строя, идущего в сторону фронта, послышался громкий ответ: «Есть!», «А из Шкотовского района есть?», — с радостью и надеждой переспросил Колягин. И услышал в ответ: «Сережа, сынок, это я, твой отец!». Торопливо ищущим взглядом Сергей Георгиевич увидел, что сквозь строй к нему пробивается солдат в полном боевом снаряжении. Тут же к ним заспешил командир роты и попросил обоих надолго не задерживаться с разговором, так как их рота должна своевременно занять исходные позиции на подступах к Риге. Чтобы не прерывать встречу с отцом, Сергей Георгиевич прошагал вместе с ним несколько километров, рассказывая отцу и слушая, что говорил ему Георгий Лаврентьевич. Видя это, командир роты перестал поторапливать своего подчиненного понимая, что такие встречи случаются на фронте не часто. Через полчаса командир роты жестом показал Сергею Георгиевичу, что пора заканчивать беседу. Георгий Лаврентьевич обнял сына и легонько вытолкнул его из строя, идущего в сторону фронта. Сергей Георгиевич простоял на обочине, пока его отец не скрылся за городскими домами. Через месяц он получил письмо от матери, в котором Полина Андреевна сообщала, что его отец погиб под Ригой 14 ноября 1944 года.

Более обширная информация о фронтовых делах была мне дана моим отцом, Василием Григорьевичем Колягиным, призванным в армию в сентябре 1941 года вместе со своими сверстниками. Из Шкотова их отправили поездом во Владивосток. Там, на станции «Вторая речка», формировались эшелоны, идущие на запад. Шкотовцев вместе с другими посадили в теплушки, прицепленные к паровозу. Состав проследовал через станции Уссурийск, Спасск и Лесозаводск. На каждой из этих станций к нему добавлялись один-два вагона с красноармейцами. В Хабаровске эшелон был полностью сформирован и далее без остановок прошел через всю Сибирь, задерживаясь на некоторых станциях, чтобы пропустить встречные поезда и дать возможность пройти вперед составам с военной техникой. Все мобилизованные хотели знать, куда их везут, и спрашивали об этом своего командира. Тот коротко отвечал: «На запад».

быстро начало улучшаться. Через месяц он уже устроился на работу монтером в Шкотовское почтовое отделение связи.

Борис Шерстюк выглядел еще совсем юным и преподаватель Шкотовской средней школы Григорий Александрович Таксубаев пытался было привлечь его к воспитательной работе в старших классах. Несколько раз он приглашал Шерстюка в школу для беседы с учениками, но тот отказывался, говоря, что лучше если это сделает кто-то другой, так как он не знает, о чем нужно говорить, что рассказывать. На войне он никакого героизма не совершал, делал то же, что и другие. Будучи связистом, он прокладывал телефонные провода из одной траншеи в другую, стрелял из винтовки, когда немцы поднимались в атаку, рыл окопы, когда их батальон переходил на другие позиции. Борис Васильевич не скромничал. То же говорили о своих фронтовых делах Иннокентий Петрович Азрамазов и Валентин Иванович Зоценко, а также все, кто только возвратился с фронта домой. Все они относились к войне как тяжелой и опасной работе, где каждый день гибли или становились калеками люди. Вспоминать об этом никому не хотелось.

Более подробную и совершенно иную информацию о фронтовых делах шкотовцы стали излагать спустя много лет после победы, когда у них зарубцевались душевные раны, полученные в годы войны и они обрели способность осмысливать то, что происходило на фронте.

Сергей Георгиевич Колягин, преподававший физкультуру в Шкотовской средней школе на вопрос директора Л.А. Ределина, какой день на войне ему запомнился больше других ответил, что это был ноябрьский день 1944 года, когда он случайно встретил отца и провел с ним почти тридцать минут. Далее Сергей Георгиевич рассказал, каким образом в годы войны фронтовики, находясь вблизи передовой, пытались найти своих родственников, знакомых и земляков. Происходило это при большом передвижении войск. Тот, у кого появилась свободная минута, становился где-нибудь на обочине дороги, по которой шли войска, выкрикивал область, из которой он родом, и просил откликнуться своих земляков. Используя этот метод, Сергей Георгиевич отыскал своего отца Георгия Лаврентьевича Колягина.

Дело было в Риге. Шла переброска частей наших войск, освобождавших Латвию. Одни уходили с передовой, другие занимали их место. Часть, в которой служил Сергей Георгиевич, отходила в тыл на кратковременный отдых. Вместо нее на линию фронта выдвигались другие войска. Одни шли на

чиновников. Для пущей важности он подчеркнул, что сам император обязал правительство оплатить все расходы по переселению, в том числе и затраты, связанные с направлением на Дальний Восток ходоков, и что на новом месте каждой семье предоставят по 100 десятин самой лучшей земли, включая лесные угодья, пашни, сенокосы и луга.

В Кажанах в то время каждая семья имела земли в десять раз меньше, и по качеству она была очень плохой. Вероятно поэтому Григория внимательно слушали все. Слушали, спрашивали, обсуждали, надеялись, сомневались. Первыми высказали согласие на переезд братья Иаким и Михаил Деменки, за ними — Иван Дорошенко и Исаак Кратенок. Не торопились и осторожничали М. Буренок и С. Мурач. А когда в Кажаны приехали посланцы из Суража, все уже были морально готовы к переселению. Запись прошла организованно, быстро.

Староста собрал сельский сход, который разрешил записавшимся выйти из крестьянской общины, утвердил ходоков, направляемых для разведки в Приморье. По предложению С.Г. Мурача, ходоками были назначены Остап Шелупайко и Герасим Шевцов. В Сураже им выдали деньги на оплату проезда, и ходоки на первом же пароходе отбыли из Одессы во Владивосток.

Через полтора месяца они уже находились в Переселенческом управлении. Здесь им предложили осмотреть несколько участков для будущих сел. Герасим и Остап решили обследовать тот, который находился на речке Лефу, переименованной в 1972 году в Илестую. Другие ходоки из Черниговщины, прибывшие вместе с ними на одном пароходе, пошли в долину реки Майхе.

Кажановцы, взяв в Переселенческом управлении проводника, отправились в путь. Сначала они ехали на почтовой карете, потом шли пешком и, наконец добрались до Илестой. Проводник показал территорию, предназначенную для будущего села. Место по всем показателям было прекрасным. Увалистая равнина в пойме реки пересекалась несколькими ручейками. Густой лес периодически сменялся лугами. С небольшой возвышенности, заросшей кустами, куда их привел проводник, ходоки увидели, что именно здесь лучше всего строить село. Эта мысль пришла в голову Остапу и Герасиму одновременно. Проводник тоже был с ними согласен. Он сказал, что землемеры, нарезавшие этот участок, тоже считали нужным именно в этом месте ставить село. Они называли его Ивановкой в честь праздника Ивана Купалы.

С чувством удовлетворения Остап и Герасим обошли всю территорию еще несколько раз, оставив на месте утомившегося за день проводника. Ближе к вечеру они возвратились назад, вместе с проводником развели костер в самом центре теперь уже родной им Ивановки, вскипятили чай, поужинали, устроили теплые лежанки из прошлогодней листвы, положили в костер друг на друга несколько толстых сосновых валежин и крепко уснули. Рано утром все трое заспешили во Владивосток, чтобы оформить там нужные документы. Проводник повел их назад кратчайшим путем через долину реки Майхе. Шли не спеша, наслаждаясь прекрасной весенней погодой и радуясь первой удаче на Приморской земле.

В среднем течении Майхе они неожиданно встретили своих земляков, с которыми ехали на одном пароходе. Те тоже уже осмотрели предложенный им участок и остались очень довольны. На радостях наловили рыбы в реке, сварили уху и уже собирались обедать. Увидев Герасима и Остапа, с радушной улыбкой пригласили их потрапезничать вместе. Отказываться от совместной трапезы, тем более на реке, те не стали.

Из котелка, висевшего над костром, по всей округе разносился приятный запах ухи, приправленной луком, лавровым листом и черным немолотым перцем. Неподалеку от котелка на пригнутой сухой прошлогодней траве лежал нарезанный хлеб и то, без чего ни один нормальный русский крестьянин не станет варить уху на реке — спиртное.

Компания из шести человек удобно улеглась вокруг снятого с костра котелка. Глухо стукнулись одна о другую луженые кружки, и после нескольких секунд тишины стало слышно, с каким удовольствием каждый по очереди черпает уху из общего котелка. Потом та же самая процедура повторилась еще несколько раз. Когда спиртное в бутылках иссякло, все вынули из карманов трубки, неспешно набили их табаком, купленным в Одессе, прикурили угольком от костра и с наслаждением затянулись крепким табачным дымом, смешанным с дымом горящего рядом костра.

В другом котелке над притухшим костром мел чай, заваренный стеблем лимонника и пучком сушеных цветков липы. Но пить его никто не спешил. Возникшая было беседа тоже не клеилась. Герасим, уловив настрой всей компании, со значени-ем посмотрел на Остапа и тот, согласно кивнув головой, проворно сунул руку в мешок и вынул оттуда узкогорлую четверть вместимостью более двух литров. Один только вид этой емкос-

переносил постигшее горе, успокаивая себя тем, что «на войне никто не застрахован от гибели». Полина Семеновна, мать Бориса, в отличие от отца известие о смерти сына восприняла как самую большую трагедию.

В Шкотово и в других населенных пунктах подобные случаи не были редкостью. Местные почтальоны разносили по домам почтовые отправления с 9 до 10 часов утра. Все, кто встречались с ними в этот период, тревожно спрашивали, не несет ли почтальон кому-нибудь похоронку. Она отличалась от обычного письма тем, что отправителем ее всегда был командир войсковой части, а не тот, от кого каждая семья ждала весточки. При наличии похоронного сообщения почтальоны, как правило, называли улицу и дом, куда им сегодня надо зайти. В таком случае весть о трагедии моментально распространялась по Шкотову. Значительно реже, но все же случилось, что почтальон приносил в дом внезапную радость, как это произошло в семье Шерстюков в конце марта 1944 года, когда работник почтового отделения вручил им солдатское письмо, адрес на котором был написан рукою Бориса. Полина Семеновна торопливо вскрыла конверт, пробежала глазами по строчкам и не в силах сдержать радость, выбежала на улицу и стала громко кричать, что Борис, ее сын, не погиб, а был только ранен и что скоро он приедет домой. Она повторяла эту фразу без остановки. Соседки, сбегавшиеся на крик, поняли, что радость Полины Семеновны была столь огромной, что у нее произошел нервный срыв. Кто-то уже собирался бежать за врачом, но подоспевший сосед Иван Савельевич Зоценко его остановил. «Не нужно никуда бежать. От радости еще никто не умер. Дайте ей холодной воды, и она успокоится», — заявил он со знанием дела. Увидев находившегося среди взрослых Геннадия, младшего брата Бориса, Зоценко подозвал его к себе и приказал: «А ты беги быстрее к отцу на работу, пусть он на минуту заглянет домой, его приход будет лучше любого врача».

Борис приехал домой через месяц и рассказал, что в последнем бою он получил контузию и ранение. О том, что родителям было направлена похоронка, он не знал, и, не желая сообщать им, что находится в госпитале, решил написать письмо после того как немного поправится. Фронтовые врачи обследовали Бориса и посчитали, что он быстрее пойдет на поправку в семейном кругу. Медицинская комиссия признала его инвалидом 2-й группы и демобилизовала из армии. Дома здоровые Бориса Васильевича

ли назвать Новонежином. Все эти сведения сохранились до наших дней только благодаря К. Фишеру и А. Ределину, находившимся продолжительное время в близких отношениях с основателем Новонежина и передавшими полученные от него сведения своим потомкам — Валентине Карловне и Леониду Альбертовичу Ределиным.

В 1938 году А.П. Ределин умер. Его друг, К.А. Фишер, со своей женой и женой Альберта Лидией при участии их детей и с соблюдением всех старинных русских обычаев похоронили прах Альберта на Новонежинском кладбище.

Когда в 1941 году по всей стране началось выявление поволжских немцев, о Ределиных и детях Карла Фишера, крещенных в Новонежинской церкви православным священником и числившихся русскими, никто как о немцах даже не вспоминал.

Коренной шкотовский житель, Владимир Афанасьевич Гамаюнов, родственник Фишеров и Ределиных, помнящий судьбы А. Ределина и К. Фишера, высказал твердое убеждение, что жизнь немцев Поволжья в России должна стать уроком для всех эмигрантов, покинувших свою родину. Если они хотят избежать тех несчастий, которые обрушились на поволжских немцев в СССР, то уезжая на жительство в другую страну должны как можно быстрее ассимилировать с местными жителями, стать частицей того народа, с которым решили связать свою дальнейшую жизнь, как это сделал когда-то Альберт Ределин.

Воспоминания шкотовских фронтовиков

Сколько и кто конкретно из шкотовцев сражался на фронте с фашистами в период Великой Отечественной войны, сегодня вряд ли кто точно может сказать. Из-за отсутствия полных сведений я расскажу об отдельных из них, которые по возвращении с фронта долгое время жили в Шкотовском районе.

Самым молодым из фронтовиков, демобилизованных в годы войны в связи с инвалидностью, был Борис Васильевич Шерстюк. Он получил тяжелое ранение в 1944 году и стал инвалидом 2-й группы. Случилось так, что родителям Шерстюка в период его пребывания в госпитале ошибочно была направлена так называемая «похоронка», в которой сообщалось, что их сын погиб в боях за освобождение Чехословакии. Отец Бориса, Василий Тимофеевич, находясь «на брони», стойко

ти, наполненной под самую пробку, был способен поднять настроение даже самого грустного человека на всей Черниговщине и на Дальнем Востоке. Остап не спеша, с подчеркнутой важностью наполнил до половины поставленные в ряд кружки и предложил продолжить столь важное мероприятие. Через минуту над чистыми водами Майхе разгорелась беседа. Говорили о вкусной приморской ухе, о солнце, сияющем в небе, о пароходе, на котором они прибыли на Дальний Восток, о русском царе, организовавшем переселение, о птицах, называемых в Приморье фазанами и о женщинах, живущих в Российской империи. Беседа иногда прерывалась различными содержательными тостами, смысл которых уже было очень трудно понять.

Остап Шелупайко, оказавшийся самым трезвым из всех, вдруг предложил выпить за самый лучший земельный участок в Приморье, находящейся на берегу прекраснейшей речки Лефу, что в переводе на русский язык означает «река счастливой охоты». Этот тост вызвал протест со стороны тех, кто обследовал долину реки Майхе. Через минуту, забыв обо всем, как это часто бывает в нетрезвой компании, каждый из ходоков, не слыша других, как глухарь на току, начал хвалить ту территорию, которую он лично сам осмотрел и сам выбрал, и с пренебрежением отвергал доводы всех остальных. Вскоре спорщики стали срываться на крик и размахивать кулаками. Герасим Шевцов понял, что если немедленно не переменить тему этой горячей беседы, то ходоки станут друг для друга врагами. Для предотвращения неминуемой катастрофы он пошел на отчаянный шаг. Налив каждому по полкружки, и, поднявшись во весь рост, громко предложил выпить за нерушимую дружбу крестьян, переселяющихся на Дальний Восток, которым отныне предстоит жить по соседству на приморской земле. А чтобы дружба между ивановцами и майхинцами закрепилась навечно, твердо добавил: «Предлагаю не глядя махнуть участками, выбранными той и другой стороной!». Ходокам эта мысль показалась прекрасной. Возникла короткая пауза. Цепляясь за нее, как за спасительную соломинку, Герасим проследил, чтобы каждый выпил до самого дна. В результате все ходоки оказались в таком состоянии, что спорить друг с другом уже не могли.

Во Владивосток ходоки со своими проводниками добрались на второй день и сразу пошли в Переселенческое управление, чтобы составить и подписать там необходимые документы. Остап и Герасим отправили в тот же день письмо в Кажаны, в котором с большим знанием дела доказывали, что свободной

земли на Дальнем Востоке столько, что хватит ее не только на Суражский уезд, но и на всю Черниговскую губернию. Не забыли они похвалить и участок в долине реки Майхе, который отныне предназначается переселенцам из Кажанов. Чтобы подчеркнуть свою значимость в выборе места, где будут жить и работать их земляки, они назвали его самым лучшим участком на юге Приморья. Назвали и сами поверили в это. И, вероятней всего, не ошиблись, потому что Г. Шевцов до конца своих дней любовался природой и был доволен условиями жизни в селе, основанном при его личном участии.

Дальнейший рассказ о переселении жителей Кажанов на Дальний Восток продолжил неторопливый и рассудительный Савелий Григорьевич Мурач. Он напомнил, что в письме, направленном в Кажаны, Остап и Герасим советовали своим землякам ехать на Дальний Восток на пароходе, который приходит во Владивосток в начале апреля, потому что с этого времени в Приморье уже не бывает ночных холодов и можно будет до зимних морозов успеть построить жилье и к осени вырастить кое-что на полях. О себе они написали, что решили остаться на Дальнем Востоке, чтобы заготовить лес для постройки домов. Если успеют, то заготовят его на всех, кто приедет.

Деньги у Остапа и Герасима подходили к концу, и им пришлось отправиться в Шкотово, чтобы поработать по найму у местных крестьян. Сезон летних работ был в разгаре, и в каждом хозяйстве было много незаконченных дел. Кажановцы сначала устроились батраками у Ильи Мосолова, а потом у Мирона Колягина. Договорились, что они будут работать до холодов, а когда наступит пора лесных заготовок, уйдут вместе с другими на участок, отведенный переселенцам из Кажанов, чтобы начать заготавливать строительный лес для себя и других. Однако на лесозаготовках остался работать только Остап Шелупайко, а Герасим Шевцов возвратился домой в Кажаны.

К концу января 1883 года 25 кажановских семей собрались в дорогу. Они уложили в телеги все, что могли взять с собой на Дальний Восток. Тепло укутали малых детей, простились с родными и близкими, поклонились до земли своей родине и, держась по бокам за повозки, двинулись в путь. Им предстояла дорога в Одессу, а оттуда пароходом во Владивосток.

В Одессу переселенцы прибыли в начале марта. Спустя несколько дней сели на пароход «Россия», принадлежавший Добровольному флоту. Раздался протяжный гудок, и судно вышло

первых дней стали складываться нелегкие отношения. До открытых конфликтов дело не доходило только благодаря преобладанию среди переселенцев людей здравомыслящих, способных положительно влиять на других.

Весной 1885 года сводная нежинско-суражская группа на пароходе прибыла во Владивосток. Переселенческое управление выделило ей территорию на правом берегу Суйфуна, южнее Раздольного. Созданное село переселенцами было названо Нежином. Когда крестьяне стали составлять планы будущих улиц и располагать на них крестьянские усадьбы выяснилось, что мест, удобных для проживания на всех не хватает. Почти всем белорусам по жребии достались места на заболоченных берегах Суйфуна (ныне река Раздольная). Однако строить усадьбы в болоте никто не хотел. На общем собрании решили направить в Переселенческое управление своего представителя. Принимая во внимание, что от неправильного подбора участка для переселенческой группы больше всего пострадали белорусы, решено было направить во Владивосток старшего белорусской подгруппы П.С. Мурача. Не теряя ни минуты драгоценного для крестьянина весеннего времени, Мурач оседлал коня и через полчаса уже был в пути. Во Владивостоке ему предложили другое место для поселения, которое находилось на территории нынешнего Шкотовского района, вблизи только что созданных сел Петровки и Речицы. Учитывая просьбу Мурача ускорить решение проблемы, ему в тот же день дали проводника, с которым он отправился на осмотр нового участка. По пути заглянули в Майхе, где три года назад поселился отец Павла, С.Г. Мурач. Тот в общих чертах одобрил предложение Переселенческого управления, и чтобы помочь сыну и другим своим родственникам и землякам, находившимся в Нежине, поехал вместе с Павлом и его проводником. Весна была в самом разгаре, поэтому особо задерживаться на осмотре всего участка они не стали, тем более что он еще не был оформлен документально. Беглый осмотр территории, предлагаемой прибывшим показал, что здесь можно поселить всех белорусов из нежинско-суражской переселенческой группы, а также украинцев, не удовлетворенных доставшимися им участками в Нежине. После этого Павел Мурач и его проводник заспешили во Владивосток, а Савелий Мурач поехал в Нежино, чтобы поторопить ожидавших там земляков быстрее собраться в дорогу.

Так во второй половине апреля 1885 года было создано село, которое сотрудики Переселенческого управления попроси-

части прибыли, получаемой от эксплуатации КВЖД. Недовольство ширилось, угрожая вылиться в военный конфликт. Советские рабочие и служащие стали уезжать из Маньчжурии. Альберт Павлович, зная, что его друг детства, К.А. Фишер живет в приморском селе Новонежино, написал ему письмо. И тот предложил Альберту поселиться рядом с ним. В 1928 году Ределин купил себе просторный крестьянский дом в Новонежине. С этого времени это село стало малой родиной для Альберта, Лидии и их двух сыновей, Леонида и Анатолия. В 1930 году Леонид поступил в педагогическое училище во Владивостоке, а затем в педагогический институт в Благовещенске, а Анатолий начал осваивать перспективную в 30-е годы 20 века профессию машиниста паровоза. Несколько лет он трудился в рабочих поселках на станциях Архара, Облучье и в Хабаровске.

Леонид Альбертович спустя год после окончания пединститута возвратился в родное село и вместе с женой Валентиной Карловной, дочерью Фишера, стал учительствовать в Новонежинской школе.

Дома Ределиных и Фишеров находились в районе Больничной улицы. Рядом с ними жил основатель села Павел Савельевич Мурач. Условия сельского бытия сблизили этих людей, находящихся на разных ступенях развития. Кругозор К. Фишера и А. Ределина, отслуживших в вооруженных силах России и участвовавших в боевых операциях в годы русско-японской войны, был значительно шире объема знаний и круга интересов П.С. Мурача, всю жизнь занимавшегося хлебопашеством. Как большинство российских крестьян, Мурач был неграмотным. До прибытия на Дальний Восток он ни разу не выезжал Суражского уезда Черниговской губернии. После создания Новонежина Мурач был избран старостой этого села и добросовестно выполнял все возложенные на него обязанности. Эта должность побуждала его не только быть в курсе всех сельских событий, но и руководить хозяйственной деятельностью местной крестьянской общины.

В Приморье Мурач прибыл в составе переселенческой группы, сформированной в Черниговской губернии из украинцев, проживавших вблизи уездного города Нежина и белорусов, родиной которых был Суражский уезд Черниговской губернии, ныне входящий в Брянскую область России. Украинцев в этой группе было в два раза больше, чем белорусов. Между отдельными представителями этих национальных групп с

из порта в Черное море. Погода стояла отличная. Легкий северный ветерок с небольшими порывами отгонял в сторону густой дым, вырывающийся клубами из паровой трубы, создавая комфорт пассажирам, находившимся на палубе и впервые увидевшим водный простор. Ночью дорогу «России» освещала луна. Утром на смену ей приходило яркое южное солнце, заботливо согревая остывшую за ночь палубу и находившихся на ней пассажиров. В новизне постоянно менявшихся впечатлений пролетела пара недель. Позади остались Босфор, Дарданеллы, Суэцкий канал и Красное море. Впереди был открытый простор загадочного Индийского океана. Здесь «Россия» не раз попадала то в шторм с проливными дождями, то в штиль с тропической духотой. Длительное пребывание в непривычных условиях сказалось на самочувствии пассажиров. Не стало слышно громкого смеха на палубе, прекратились песни по вечерам. Не поднимали упавшего настроения анекдоты и шутки известного в Кажанах балагура и весельчака Романа Шпилько.

На переходе из Анаданского моря в Южно-Китайское «Россия» вошла в нулевые широты. На этом участке пути моряки по традиции отмечали праздник, посвященный владыке морей Нептуну. Праздник сопровождался маскарадными представлениями, шутивными играми, купанием в специальной купели всех, кто впервые попал на экватор. Молодые матросы «России», ряженые под «гадов», то есть слуг Нептуна, гонялись с брезентовыми ведрами, наполненными водой, за симпатичными девушками из Кажанов, грозя окунуть их в купель, если они не предоставят выкуп в виде нескольких поцелуев. Этот праздник несколько разрядил обстановку на судне, находящемся в центре Индийского океана, и поднял настроение пассажирам.

За время перехода по тропикам и субтропикам многие из будущих майхинцев почувствовали на себе, что такое морская болезнь и тропическая духота, не прекращавшаяся даже ночью. Они с нетерпением ждали конца морского пути как избавления от всех бед и несчастий.

За неделю до прибытия во Владивосток погода стала заметно меняться. Подул свежий ветер, уменьшилась качка. Солнце стало приветливо ласковым. Владивосток встретил переселенцев приятным апрельским теплом. Пароход бросил якорь у входа в бухту Золотой Рог. Пассажиров на лодках начали доставлять на берег, где стояло десять недавно построенных деревянных барачков. Около одного из них Остап ожидал своих земляков. Этот барак на время карантина был отведен для

группы переселенцев из Кажанов. В нем была печь для приготовления пищи, двухъярусные нары с соломенными матрацами, подушками и с дерюжными одеялами.

Как только лодка коснулась берега, Остап Шелупайко, не скрывая радости, пригласил всех в барак. В центре его стоял большой обеденный стол, на котором стараниями Остапа было разложено все для встречи родных ему людей, ради которых он почти год жил в Приморье. В глиняных чашках разной величины были кушанья, приготовленные из продуктов, которые только можно было купить во Владивостоке в середине весны. Все прибывшие, особенно женщины, с любопытством смотрели на тонкие ломтики ярко красной соленой кеты, на поджаренную до румяной корочки свежую корюшку, на тушеную в томатном соусе камбалу, отваренную и запеченную с луком картошку, на соленые грузди, обильно политые растительным маслом, на сушеный кишмиш, на котлеты из оленины и дикого кабана. Было видно, что Остап изо всех сил старался показать кажановцам, что те правильно сделали, переехав на Дальний Восток. После непродолжительного осмотра прибывшими знакомых и не знакомых им блюд, Остап, картинно раскланявшись, пригласил всех за обеденный стол, пожелав каждому, чтобы отныне все эти яства были в их семьях не только в праздники, но и в будни. Спиртного на столе почти не было. Уловив недоуменные взгляды некоторых своих старых друзей, он пояснил, что в Приморье не принято много пить прямо с утра, но если кому-то очень хочется, то он готов сбежать в ближайшую винную лавку. Женщины запротестовали, заявив, что никуда бегать не надо. Хватит и того, что есть на столе, тем более что сами они пить совсем не намерены.

Разместить всех за столом было практически невозможно, поэтому каждый брал себе то, что считал нужным и садился на нары. Обедали не спеша, стараясь попробовать все, что было в тарелках. Вскоре на столе не осталось картошки, тушеной капусты и котлет из диких свиной. Увидев это, Остап громко подметил, что на отведенном для кажановцев участке диких свиной столько, что если их во время не отстреливать, то к осени на полях не останется ни картошки, ни капусты, ни других овощей. В своем заверении он был близок к истине. Это переселенцы поняли в первый год своего проживания в Майхе.

На десятый день жизни в карантинном бараке кажановцев забрала военная шхуна и доставила к устью реки Цемухе, откуда они через Шкотово должны были отправиться к месту

русских строек восставшие рушили все, что было возведено французами, англичанами, немцами. Это делалось для того, чтобы принудить иностранцев покинуть Китай. Не сумев навести порядок в стране, власти Поднебесной стали лавировать между ихэтуанями и иностранцами, работавшими в Китае. Однако положение на строящихся объектах с каждым днем ухудшалось и европейские страны, включая Россию, вынуждены были ввести свои войска в Маньчжурию. Восстание было подавлено. Полк, в котором служил А. Ределин, стал нести охрану железной дороги.

Срок службы Альберта приближался к концу и начальство стало готовить ему демобилизационные документы, поручив это дело полковому писарю. Тот, работая с бумагами, обратил внимание, что Ределин по всем документам значится немцем. Любитель пошутить и поразмышлять, писарь, глядя Альберту в глаза, громко подметил: «Ну ты смотри, никогда бы не подумал, что ты не русский. Лицо у тебя такое, как у всех нижних чинов, то ли рязанское, то ли тамбовское». Удовлетворившись сказанным, он обмакнул перо в чернильницу и чуть-чуть помедлив, добавил: «Хочешь, я за секунду превращу тебя в русского? Запишу вот здесь всего одно слово и прощай твое немецкое прошлое!». Для убедительности писарь ткнул пальцем в бумагу, куда ему нужно вписать это волшебное слово. «Делай, что хочешь, только скорее пиши!», — ответил Альберт с безразличной готовностью. И писарь через минуту выдал ему документы, согласно которым, он, Альберт Ределин, стал Альбертом РеДелиным.

Спустя много лет, Альберт Павлович рассказал об этом случае своему старшему сыну Леониду. И тот, не задумываясь, одобрил поступок отца, так как всегда чувствовал себя русским.

Вернувшись из армии в 1907 году, Ределин не нашел себе подходящего дела в Поволжье и вынужден был вновь уехать в Маньчжурию, где шел набор в охрану объектов Китайско-Восточной железной дороги. Условия и оплата труда на КВЖД для Альберта были приемлемыми, и он стал охранником. Со временем приобрел жилье в Харбине, женился на дочери одного из своих харбинских друзей. Жену звали Лидией. Немецким языком она не владела, поэтому и Альберт стал быстро забывать язык своих предков.

Во второй половине 20-х годов взаимоотношения между СССР и Китаем ухудшились. Начался спор за руководство железной дорогой. Китайцы обвиняли русских в утаивании

вить коллектив данного технического комплекса. С этого времени и до ноября 1941 года семья Фишера проживала в этом самом отдаленном селе Шкотовского района. Уроженка села Новонежина, Федосья Павловна Мурач, в замужестве Колягина, многократно возвращаясь мыслью во времена своей молодости вспоминала, что новонеженцы уважали Фишера как делового, грамотного и очень порядочного человека. В Новонежино у Карла Августовича и Анны Герасимовны родилось шестеро детей. Других немцев, кроме Фишера, в Новонежино тогда не было, и к началу 40-х годов он совершенно забыл немецкий язык. Не было в Новонежино и лютеранской кирхи, поэтому он вместе с женой посещал местный храм и воспитывал детей в православной вере. Связи с немцами Поволжья Фишер утратил и не стремился их восстанавливать. О его принадлежности к немецкой национальности указывала только фамилия и записи в документах, находящихся в архиве Шкотовского района.

В 1941 году К. Фишера на основании этих документов местное руководство причислило к немцам Поволжья и отправило в Трудовую армию, созданную в Самарканде. Как только Карл Августович устроился там с жильем, к нему переехала его жена. Жаркий климат Средней Азии плохо сказался на ее здоровье и в 1954 году она умерла. После ее смерти ухудшилось здоровье и 72-летнего Карла Фишера. В 1955 году, когда немцам Поволжья было разрешено возвращаться из ссылки, одна из дочерей Карла Августовича, жившая в Подмосковье, забрала его к себе. Через год он умер и был похоронен на кладбище города Истры.

Несчастья, связанные с депортацией немцев, обошли стороной семью еще одного бывшего поволжского немца, Альберта Ределина, поселившегося в Новонежино в 1927 году.

Родился он в Поволжье в одном селе с Фишером. В один год они были призваны в вооруженные силы страны. Фишер стал моряком, а Ределин — пехотинцем. Военная часть, где служил Альберт Ределин, располагалась в Раздольном, а в 1901 году была переведена в Маньчжурию на усмирение ихэтуаней, восставших против присутствия европейцев в Китае. В России ихэтуаней называли боксерами, так как слово «ихэтуань» переводится на русский язык как «большой кулак». В Маньчжурии ихэтуани громили объекты Китайско-Восточной железной дороги, построенные при участии русских. Кроме

своего переселения. Шкотово показалось им очень богатым селом: жилые дома, амбары, конюшни, коровники, бани и прочие постройки были срублены из хорошего леса и выглядели свежими и ухоженными. В этот день жители Шкотова сажали на огородах картошку и ранние овощи. Прервав работу, они с удовольствием начали объяснять вновь прибывшим, как и когда нужно сажать в здешних местах. Многие из того, о чем говорили шкотовцы, переселенцы сразу понять не могли, потому что жители Шкотова говорили по-русски, а будущие майхинцы понимали только родной им белорусский язык. На помощь в качестве переводчиков им приходили Остап и Герасим, уже освоившие русскую речь. Шкотовцы, не смотря на загруженность весенними работами, ради будущей дружбы с соседями запрягли в телеги своих лошадей и довели казановцев до места, где им предстояло строить село.

Переселенцам несказанно повезло. На левом берегу реки Майхе стояло около десятка брошенных фанз. Полгода назад в них жили тазы, кочевавшие в этих местах. Узнав, что скоро сюда должны приехать русские, они покинули стойбище и ушли подальше в тайгу, где никто им не будет мешать охотиться, ловить рыбу, собирать дикоросы. Эти фанзы стали первым жильем основателей Майхе. Семьи переселенцев разместились в них, после чего мужчины, переправившись на другую сторону реки, стали внимательно изучать будущую сельскую территорию, чтобы решить, где будут пашни и огороды и где нужно строить дома. К концу дня эта работа была закончена. Жилой массив будущего села решено было разместить вдоль правого берега речки, где стояла великолепная дубовая роща, а территорию, находящуюся северней рощи, посчитали целесообразным использовать под огороды и пашни. Сенокосы и выгон по предложению Г. Шевцова отвели ближе к болоту, как это сделали в свое время жители Шкотова.

На следующий день майхинцы шагами разметили первую и на многие годы единственную сельскую улицу. Разбили ее на участки по количеству крестьянских дворов, которые надо будет срочно застраивать.

Наступили трудные дни обустройства на месте и вживания белорусских крестьян в непривычную для них климатическую обстановку. Каждая семья на своем участке построила шалаш, чтобы не тратить время на ежедневную переправу через реку. Это позволяло им работать на поле, пока было видно то, что

находится под руками. Майхинские женщины в связи с занятостью даже рожали не в фанзах, а в своих шалашах.

Первые такие роды случились 11 июня 1883 года. Жена Г. Шевцова подарила мужу сына. Назвали его Митрофаном. Счастливый отец всю ночь бегал от шалаша к шалашу, угощая на радостях всех китайской гаоляновой водкой.

В праздничные дни, когда по церковным законам работать было нельзя, майхинцы ходили в Шкотово, чтобы выяснить, в какие сроки в Приморье нужно сеять зерно, когда косить сено, когда убирать урожай, как хранить картофель.

Когда начали строить дома, С. Мурач вспомнил совет своего прадеда, оставшегося на Черниговщине. Он говорил, что дом обязательно надо ставить на счастливом месте. Чтобы найти это место, нужно разложить по всему участку куски только что снятой с дуба коры и прикрыть их камнями или тоненьким слоем земли. Дней через десять-пятнадцать нужно посмотреть, кто обоснуется под этой корой. Счастливым местом следует считать то, где под корой окажутся дождевые черви или муравьи. Нельзя строить дома там, где под корой будут прятаться пауки. Не все майхинцы поверили в то, что говорил им Мурач, но из уважения к нему разложили на своих участках дубовую кору. А через полмесяца с радостной улыбкой оповещали друг друга, что пауков на их участках не оказалось. Поэтому жители Майхе пришли к заключению, что все их село расположено на счастливом участке.

Переселенцы были людьми на редкость трудолюбивыми, и в результате ко второй половине 80-х годов каждая семья уже имела собственный дом, срубленный из бревен, в свое время заготовленных Остапом и работавшими вместе с ним Ильей Мосоловым и Иваном Колягиным. Первые майхинские дома мало чем отличались от таких же первых домов в Шкотово. Однако в них усматривался вековой опыт устройства жилья белорусами, проживавшими в Черниговской губернии. Срубы домов укладывались на землю без фундаментов, если не считать, что под все четыре угла клали большие камни или несколько дубовых колод, трудно поддающихся гниению. Пол в этих домах делали земляным, а крышу соломенной. Своим жильем майхинцы обогревали русской печью, топившейся по-черному. Над входной дверью почти во всю длину стены устраивали полаты для отдыха. Часть места под ними служило прихожей. Здесь висела одежда, стояли ведра с водой. Угол справа или слева от двери был отдан главе семьи, где он чинил хо-

митинге, проходившем перед зданием Шкотовской средней школы. Она чувствовала, что этот день приблизит ее свидание с сыновьями, разбросанными по разным областям СССР. И Елена стала ждать этого дня. Не смотря на то, что здоровье ее с каждым днем ухудшалось, она твердо сказала себе, что не умрет, пока ни увидит каждого из своих сыновей.

В середине 1948 года старший сын Елены, проживавший в Омской области, приехал в Шкотово, чтобы забрать ее к себе. Радостная и счастливая, она никак не могла наговориться с ним на родном для обоих немецком языке. Каждое слово сына отдавалось сладкой музыкой в ее материнской душе. Соседи помогли ей собраться в дорогу, а Кузьма Ольховой и Петр Кузин проводили их на поезд, идущий во Владивосток, чтобы оттуда Шнайдеры могли добраться до Омска.

Другой заметной фигурой из немцев Поволжья, депортированных из Шкотовского района, был житель села Новонежино Карл Августович Фишер. В 1941 году ему исполнилось 60 лет. Со слов его внука, Эдуарда Леонидовича Ределина, Фишер покинул Поволжье в 1901 году в связи с призывом в вооруженные силы России и был зачислен матросом на броненосец «Орел», стоявший в Кронштадтском потру. После гибели российского флота под Порт-Артуром, этот старый корабль был включен в эскадру адмирала Рождественского, которая направлялась на помощь защитникам крепости Порт-Артур. В Цусимском проливе эскадра, столкнувшись с превосходящими силами японцев, была разгромлена. Русских моряков из экипажей потопленных и утративших способность вести бой корабли японцы взяли в плен. В числе пленных оказался и Карл Фишер. Несколько месяцев он пробыл в японском концлагере. А по окончании войны, когда Япония и Россия стали обмениваться военнопленными, Фишер вместе с другими моряками был доставлен во Владивосток. Денег на то, чтобы добираться до родного Поволжья, у него не было и он стал работать на монтаже оборудования водокачек, построенных еще до войны на станциях Угловая, Озерные Ключи, Шкотово, Смоляниново, Новонежино. Монтируя оборудование на станции Шкотово, Фишер познакомился с миловидной девушкой Аней Поповой, жившей в этом селе вместе с родителями. Вскоре они обвенчались.

В 1910 году, когда была введена в эксплуатацию водокачка на станции Новонежино, Карлу Фишеру предложили возгла-

дуктору и Елена. Но вскоре поняла, что шкотовцы избегают при ней говорить о фашистах. Для Елены такое поведение односельчан стало тяжелым моральным ударом, и она перестала ходить в центр села.

В ноябре 1941 года четверых сыновей Елены, работавших в Артеме, призвали в Трудовую армию и направили в Челябинскую область, куда эвакуировалось оборудование заводов из центральных областей СССР. Елена смутно представляла себе, что такое Трудовая армия, а когда разобралась, что в нее направляют немцев Поволжья и других «ненадежных и подозрительных лиц», ее охватила тревога за судьбу сыновей. Вскоре умер Денис Иович, а через полгода забрали в Трудовую армию оставшихся с нею двух младших сыновей. Потеряв опору в семье, она первые месяцы не находила себе места, не зная, что ей следует делать. И как ни парадоксально, именно эта безвыходная ситуация помогла ей определить свой дальнейший жизненный путь. Елена во что бы то ни стало решила доказать жителям Шкотова, что она такая же как все шкотовские женщины, из-за войны оказавшиеся в беде. Превозмогая усталость, она стала ходить на все воскресники, собирать металлолом, перекапывать картофельные поля колхоза Лазо, а собранную картошку сдавать «в фонд обороны». С этого времени Елена в числе первых подписывалась на государственные займы. Она, единственная в Шкотово женщина, выступала на митингах, которые организовывала местная власть. Как только в Шкотово приступили к сбору продуктов, выращенных на приусадебных участках для отправки на фронт, Елена первая принесла ведро картошки и литровую банку фасоли. А когда колхоз имени Лазо выступил с инициативой в зимний период отгружать для действующей армии сушеные овощи, она, переделав в своем доме печную духовку, стала сушить в ней лук, свеклу, тыкву, кабачки. В праздники, 7 ноября и 1 мая, она обязательно вывешивала на своем доме красный флаг. Шкотовцы сначала не понимали, для чего Елена так старательно подчеркивает свое уважение к советскому государству, но когда поняли, что все это она делает для защиты своих сыновей, подвергшихся депортации, перестали воспринимать ее действия как «показуху» и при всяком удобном случае стали поддерживать ее. Отношение к ней шкотовских женщин повлияло даже на то, что немецкий акцент Елены стал казаться не таким сильным.

Девятого мая 1945 года, в день Победы Елена Колягина-Шнайдер вместе со всеми шкотовцами смеялась и плакала на

муты, конскую сбрую, седла, точил пилы и топоры, подбивал сапоги, подшивал валенки.

В переднем углу избы, которую белорусы называли не избой, как русские, а хатой, стоял большой обеденный стол. За ним обедали и принимали гостей. Глава семьи, он же батька, в таких случаях всегда садился на почетное место под образами. Все, что происходило в белорусской хате, подчинялось древним славянским обычаям.

Один раз в сутки мать, которую в майхинских семьях называли маткой, варила пищу в русской печи в большом глиняном горшке. Готовила она обычно только одно блюдо. Как правило, это были щи, борщ, уха или суп. Сварив еду, matka с помощью рогача доставала горшок из печи, ставила его на край стола, открывала крышку и черпаком наливала приготовленное в общую чашку, стоявшую в средней части стола и после этого садилась слева от батьки. Глава семьи кивком головы приглашал всю семью к общей трапезе. Начиналась она с того, что батька, взяв в руки буханку хлеба, отрезал от нее по большому ломтю и не спеша подавал их каждому сидевшему за столом. После раздачи хлеба батька брал ложку и первым черпал ею из общей чашки. За ним черпала matka, а потом все остальные по старшинству.

Когда щи или суп были съедены, батька, поднявшись из-за стола, доставал из горшка находившийся там кусок мяса, резал его на части по числу едоков и клал в общую чашку. Затем, сев за стол, брал свою порцию, которая обычно была больше других, и кивком головы разрешал брать мясо всем остальным.

Во время еды нельзя было разговаривать, вертеться, ерзать на скамейке. Тот, кто нарушал это правило, немедленно получал предупреждение в виде строгого взгляда батьки, а если это не помогало, виновник наказывался легким шлепком ложкой по лбу.

Из-за стола вся семья по сигналу батьки поднималась одновременно. Каждый осенял себя крестным знаменем, благодарил Господа Бога за хлеб-соль. А потом все расходились по делам, которые заранее определяли им родители.

Ужинали и завтракали майхинцы тем, оставалось от обеда, или довольствовались молоком, простоквашей, салом и хлебом. Хлеб в майхинских семьях пекли один раз в полмесяца и никогда не ели его свежеспеченным, так как были убеждены, что такой хлеб плохо сказывается на здоровье.

Семьи у майхинцев были большие, в каждой по 8-9 детей. Во многих семьях преобладали девочки. Это вызывало беспо-

койство не только родителей, но и всего старшего поколения, которое понимало, что со временем девочки подрастут, выйдут замуж и покинут село. В итоге наступит момент, когда Майхе начнет чахнуть, и старания всех, кто жил и живет в этом селе, окажутся никому не нужными.

Первым об этом задумался инициатор переезда кажановцев на Дальний Восток Григорий Семенович Голиков, который вообще не имел сыновей. Нужно было что-то предпринимать, и Голиков с согласия крестьянского мира отправился во Владивосток и Раздольное, где находились воинские гарнизоны. Побеседовав там с командирами армейских частей, попросил их рекомендовать увольняющимся в запас нижним чинам поселиться на жительство в Майхе. Командиры дали согласие стать своего рода агитаторами в пользу майхинских крестьян.

Окрыленный этим согласием, Голиков возвратился домой, внес предложение сельскому старосте упростить порядок выделения участков под строительство в селе новых домов. Согласно его предложению, каждому вновь прибывшему достаточно было в присутствии одного свидетеля высказать старосте просьбу и в тот же день участок ему будет предоставлен. Все майхинцы стали ждать новоселов, но они почему-то не появлялись. Тогда Голиков поехал в Посыет и побеседовал с командиром порта. Но и тут его инициатива больших результатов не принесла. До конца 80-х годов в Майхе поселился всего один отставной солдат, Иван Силков, родом из Полтавской губернии. Он женился на младшей дочери Григория Голикова. Не смотря на все старания майхинцев, долгие годы их село не росло. И причина была не в том, что природные условия на Дальнем Востоке были хуже, чем в западных регионах страны, а в том, что отставных солдат, отслуживших безвыездно в Приморье, как и всякого человека тянуло на склоне лет побывать на своей исторической родине.

Переняв опыт шкотовских крестьян, жители Майхе стали сеять пшеницу, овес, ячмень, гречиху и такие забытые в наши дни культуры, как просо и лен. Они быстро освоили промысел рыбы, сбор орехов, кишмиша и дикого винограда. Майхинцы первыми из жителей юга Приморья стали заниматься бортничеством. Этот промысел был известен еще их дедам и прадедам, оставшимся на родине. Людей, добывающих дикий мед, в Черниговской губернии называли земцами, а на Дальнем Востоке за ними закрепилось название бортников. Бортником, согласно словарю великорусского языка, составленно-

Для осуществления мер по выселению немцев районные власти создали специальную группу, которая уточнила, что поволжские немцы проживают в Шкотово, Романовке и Ново-нежине. Наиболее многочисленной из всех немецких семей была шкотовская семья по фамилии Шнайдер. Глава ее, Густав Шнайдер, умер в 1919 году. У его жены, Елены, осталось 9 детей, шестеро из которых были мальчишки. Примерно в это же время умерла жена и у крестьянина села Шкотова Дениса Иовича Колягина, оставив ему девятерых детей малого возраста. Условия сельской жизни подтолкнули Дениса Колягина и Елену Шнайдер объединить свои семьи. Они зарегистрировались в ЗАГСе и Елена приняла фамилию мужа, а ее дети остались на своей прежней фамилии.

У Дениса Иовича на улице Зальпе была крестьянская усадьба с большим жилым домом и просторным двором, со всеми хозяйственными строениями, но не было средств, чтобы обеспечить малых детей одеждой, обувью и нормальным питанием. Совместно с Еленой они решили обменять свою большую усадьбу на меньшую, а разницу в цене потратить на текущие нужды. После обмена жилья семья Дениса Колягина купила еще одну корову, свинью с поросятами и домашнюю птицу. Таким образом, на какое-то время проблемы Дениса и Елены были решены.

К середине 30-х годов дети Елены выросли и стали покидать родительский дом. Четверо старших сыновей, носивших фамилию Шнайдер, устроились на одну из артемовских шахт. Они мечтали заработать деньги и возвратиться в Поволжье на родину предков, как перед смертью просил их отец.

Здоровье Дениса Иовича к началу 40-х годов резко ухудшилось. Он слег и более полугода был прикован к постели. Когда началась война, Денис Иович уже с трудом понимал, что происходит вокруг. Елена, будучи моложе его, с ужасом слушала передачи московского радио, освещавшие зверства фашистов в областях, захваченных гитлеровцами. Говорила она по-русски с сильным немецким акцентом. Если до войны на этот акцент шкотовцы не обращали внимания, то сейчас именно он стал выделять ее из всех остальных.

Тогда редко в каком доме было радио, и чтобы послушать последние известия, шкотовцы ежедневно в 14 часов собирались на перекрестке Советской и Ленинской улиц, где на вершине столба висел репродуктор. Выслушав сводку «Совинформбюро» и обменявшись мнениями о событиях на фронте, все расходились. Сначала вместе с другими ходила к репро-

материальную помощь, позволившую им быстро обжиться на новых местах. По мере роста числа переселенцев центральные власти увеличивали территорию, где им разрешалось селиться. В течение семидесяти лет немецкие колонисты пользовались большими льготами, что позволяло им самим создавать необходимые социальные микроструктуры и жить автономно от остального российского населения.

Император Александр II отменил льготы, которыми пользовались немецкие поселенцы в Поволжье, и многие из них стали уезжать из страны или переезжать в другие российские регионы.

Когда началась Первая мировая война и появилась реальная угроза вторжения германских войск в Россию, правительство Николая II выслало все немецкое население из областей, которые могли быть оккупированы противником, и стало готовить указ о депортации всех поволжских немцев в отдаленные регионы страны. Февральская революция и Брестский мир остановили этот процесс.

Вторая мировая война заставила советское правительство возвратиться к вопросу о немцах Поволжья. В это время уже было известно о намерении Гитлера использовать немецкое население в войне против СССР. Красная Армия отступала, фашисты рвались к Волге. Нужно было принимать срочные меры. И правительство Советского Союза решило депортировать немцев Поволжья в отдаленные от театра военных действий места.

Через два месяца после начала войны Шкотовский райком ВКП(б) получил указание обеспечить высылку из района немцев, прибывших сюда из Саратовской и Сталинградской областей. В указании сообщалось, что поволжские немцы по сигналу из Германии начнут проводить в СССР диверсионную деятельность.

Приморским властям было известно, что в Шкотовском районе проживает более десяти семей немецкой национальности, но имеют ли они отношение к немцам Поволжья, никто точно не знал. Претензий к этим немцам власти района не имели. Они, как все другие шкотовцы, стойко несли тяготы военного времени. Указание о выселении их из района обеспокоило всех жителей, и многие стали обращаться в милицию с просьбой разъяснить, насколько серьезны обвинения в адрес поволжских немцев. Сотрудники Районного отдела милиции отвечали, что у них нет другой информации, кроме той, которая изложена в Указе Верховного Совета СССР.

му В.И. Далем, назывался человек, занимающийся лесным пчеловодством и имеющий в лесу борти, т.е. колоды, приспособленные для жизни диких пчел. Сбор меда майхинские бортники вели до начала 20 века, а потом этот промысел стал затухать, так как с вырубкой леса количество пчел в окрестностях Майхе уменьшилось. Бортникам пришлось осваивать новую профессию пасечников. Вершиной квалификации пасечников было освоение рамочных ульев. Они появились в селе во втором десятилетии 20 века. Майхинцы купили их в Шкотово у священника.

Переселенцы из Кажанов постоянно стремились к тому, чтобы труд приносил им ощутимые результаты, так как очень хотели забыть унижающее достоинство человека положение бедняка, какими все они были в Черниговской губернии. Быстрее всех к этой цели приблизились семьи Шпилько, Мурача, Буренка, Дорошенко и Кратенка. От многих других эти семьи отличались настойчивостью, умением отказаться от праздного отдыха. По пятам за ними шли семьи остальных майхинских крестьян. Самыми последними на пути к богатству были те семьи, в которых было мало рабочих мужских рук.

Льноводство и ткачество полотна почти сразу стало главным занятием майхинцев. Огромные площади вблизи Майхе крестьяне засеяли льном и коноплей. Сеяли эти культуры только мужчины. При этом они обязательно снимали с себя всю одежду. Этого требовал древний обычай, соблюдая который крестьяне, по их убеждению, показывали небесам, что конопля и лен им очень сильно нужны в первую очередь для того, чтобы можно было просто одеться. Майхинские женщины всю зиму занимались выделкой пряжи. Тех, кто работал качественно, т.е. прядь очень тонкую пряжу, сельские жители уважительно называли тонкопряхами. В числе первых майхинских женщин, получивших такое уважительное прозвище, были жены Г. Голикова, С. Мурача, И. Кратенка и Г. Мурашевского.

Когда изготовление пряжи было закончено, женщины садились за ткацкий станок. До самой весны они ткали. А с наступлением весенних погожих дней расстилали вытканное полотно по свежей траве для отбеливания.

Покупателями майхинского полотна традиционно были шкотовцы, которые к этому времени уже нашли для себя более доходное дело, чем льноводство и ткачество. Майхинцы же продолжали совершенствовать свое мастерство в изготовлении полотна. О том, что у них это хорошо получалось, свидетельствует

известный факт. Интендантское управление Морского ведомства во Владивостоке два года подряд покупало в Майхе полотно для пошива формы новобранцам, призванным для службы на флоте.

Другим, не менее важным, занятием жителей Майхе являлось скотоводство. К концу 19 века в селе было два стада коров, численностью по 240 голов в каждом. Успешному развитию животноводства способствовало наличие у сельской общины прекраснейших сенокосов, расположенных по соседству с сенокосами шкотовцев, а также огромнейших площадей, используемых под выгон.

Кроме Владивостока, крупных городов в Приморье тогда еще не было, а значит успешно сбывать молоко и молокопродукты в больших объемах крестьяне не могли. Поэтому майхинцы ориентировались, прежде всего, на продажу коров и говяжьего мяса. Регулярно из Майхе малыми партиями угоняли скот на владивостокскую бойню, откуда оптовики развозили мясо по кораблям, воинским продуктовым складам и базарам Владивостока.

Развитие животноводства требовало больших трудозатрат. Нужно было сплошным забором огораживать пашни, чтобы уберечь их от потравы животными. Забор этот назывался поскотинной городьбой. Не будь ее, пастухи не смогли бы удержать стадо коров, перегоняемых ежедневно из села на пастбище и обратно. В строительстве поскотинной городьбы по решению сельского схода обязаны были участвовать все сельские жители. Участие в этом майхинских семей находилось в прямой зависимости от величины используемых ими пахотных земель.

На рубеже 80-х и 90-х годов 19 столетия владивостокский предприниматель Кучелинов построил неподалеку от Майхе дегтярный завод. Этот завод стал первым производственным предприятием, на котором по найму зимой работали майхинцы. В техническом отношении получение дегтя было предельно простым. В неглубокую яму укладывали стволы и ветви деревьев хвойных пород, содержащих много смолы. Сверху яму укрывали дерном и небольшим слоем земли, чтобы ограничить в нее доступ свежего воздуха. После этого поджигали содержимое ямы и следили, чтобы огонь в ней горел очень слабо и медленно. Смола, расплавленная без доступа воздуха, стекая в нижнюю часть ямы, постепенно превращалась в деготь. Деготь, вырабатываемый на заводе Кучелинова, обеспечивал все

колониальными правилами. Там будет запрещено создавать новые отрасли по производству потребительских товаров и готовых изделий. Всеми силами будет сдерживаться повышение жизненного уровня населения. Зарплата в восточных областях «новой Германии» должна быть минимальной. Излишки продуктов, производимых на этой территории, необходимо немедленно отправляться в рейх по самым низким ценам.

Борман на совещании руководителей фашистской партии заявлял, что Крым после оккупации будет очищен от посторонних и заселен немцами. Германия не позволит западнее Урала быть даже самому маленькому государству, оснащеному оружием. Железным правилом для империи станет запрет всем кроме немцев владеть огнестрельным оружием. Так будет, даже если для этого немцам придется вести войну сто и более лет.

Георгий спросил комиссара, можно ли эти сведения изложить в письме, и направить родителям, проживающим в Шкотово. Комиссар ответил, что не только можно, но и нужно. И Георгий написал, старательно подчеркнув, что весь их батальон после этого политзанятия поклялся не оставить фашистам ни малейшей возможности реализовать свои изуверские замыслы.

Родители Г. Волошина, Павел Тимофеевич и Валентина Андреевна, прочитав письмо сына, ознакомили с его содержанием всех соседей в Кривом переулке. Когда о письме узнали в Шкотовском исполкоме, его председатель настоятельно посоветовал жителям переулка написать коллективный ответ Георгию Волошину и его боевым товарищам, сражающимся на Курско-Орловской дуге, пожелать им победы и скорейшего возвращения домой.

Подобные письма получали также семьи П.Г. Колягина, З.З. Захарова и многих других фронтовиков.

Депортация немцев Поволжья из Шкотовского района

В 1762 году императрица Екатерина II подписала Манифест «О позволении иностранцам селиться в России». Через год началось массовое переселение немецких крестьян в Саратовское Поволжье, где сразу было создано 106 сельскохозяйственных слобод. В 1765 году немецкие колонисты основали свою первую слободу около города Царицына. Всем немецким переселенцам правительство России оказало существенную

ский Союз обязательно победит. Такая работа шла и в тылу и на фронте. Шкотовцы, воевавшие с немцами в Белоруссии, на Украине, в западных областях России в письмах домой заверяли своих родных и близких, что они полны решимости сражаться с фашистами до победы. Такие письма присылали в Шкотово и опытные воины, прошедшие Первую мировую войну, и красноармейцы, едва достигшие 18-ти лет. К таким молодым воинам, старавшимся в эти тяжелые годы морально поддержать своих родителей, относился Георгий Волошин. Еще до начала войны, в первых числах июня, он, выпускник Шкотовской средней школы, стал готовиться к поступлению в институт. Нападение немцев разрушило его планы. Георгия призвали в армию и направили в Хабаровск на краткосрочные курсы по изучению немецкого языка и подготовке к ведению военной разведки. По окончании курсов он был отправлен на фронт. Воинский эшелон, в котором следовал Волошин, не снижая скорости, промчался по Сибири и остановился на подступах к Орловской области. Красноармейцы получили приказ покинуть вагоны, так как составу нужно было снова идти на восток. Георгий вместе со всеми начал строить землянки, копать траншеи, укреплять огневые позиции. Позже основным занятием Волошина было участие в мероприятиях по добыванию разведанных путем захвата вблизи фронтовой полосы и опроса так называемых «языков». В короткие минуты отдыха батальонный комиссар проводил с ними политзанятия. Он рассказывал о намерениях фашистов разгромить Красную Армию, уничтожить советское государство и превратить проживающих там людей в германских рабов. Комиссар цитировал выдержки из речей немецких руководителей самого высокого ранга. В частности он говорил, что летом 1941 года начальник Имперского управления безопасности Гейдрих хвалился в своем окружении, что в ближайшее время немцы намерены дойти до Урала и превратить советскую территорию в сырьевую базу Германии. Батальонный комиссар приводил слова рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Гимmlера, говорившего, что для населения СССР немцы создадут школы самого низшего ранга, где будут учить детей считать до 500 и объяснять, как правильно писать собственную фамилию. Других школ в России не будет, так как умение читать и писать для русских не обязательно.

Геринг, развивая эту мысль заявлял, что «вновь оккупированные области должны эксплуатироваться в соответствии с

крестьянские хозяйства Шкотовского района. Использовался он в основном для смазки тележных колес. Работа на дегтярном заводе была не тяжелой, и майхинские мужики с большим желанием трудились на нем. Просуществовал этот завод короткое время и в силу каких-то причин был закрыт. Но участок тайги, где он находился, майхинцы стали называть Кучелиновой падью.

В конце 19 — начале 20 века значительные доходы крестьянам Приморья стали приносить олени хозяйства. Оленей начали разводить все, у кого для этого были условия. Но быстрее всех увеличивала поголовье скота на территории Шкотовского района семья Патюкова, усадьба которого располагалась в устье реки Майхе, и объединенная семья братьев Семена, Тихона и Николая Буренков, проживавших сначала в селе Майхе, а потом взявших заимку в Кучелиновой пади и построивших там хутор, известный в округе как хутор Буренков.

Оленеводство являлось безотходным хозяйством. Доход приносило все, но в первую очередь прибыль давали панты, идущие на изготовление лекарства. Оленьи шкуры скупали владивостокские скорняки, называемые кожемяками. После несложной выделки из шкур шили обувь. Не пропадали и олени рога. Городские мастера изготавливали из них рукоятки для охотничьих ножей. Оленье мясо, обладавшее превосходными вкусовыми качествами, пользовалось большим спросом как в городах, так и в сельской местности. Но чтобы олени хозяйства давали ощутимый доход, крестьяне должны были всецело посвятить себя только этой работе, отказавшись от всего остального. Владельцы хутора Буренков были исключительно трудолюбивыми. Их рабочий день начинался в 6 утра и заканчивался в 8 вечера. Они построили в этом хуторе 5 усадеб для себя и столько же и для наемных работников.

Буренки сначала обнесли прочным забором таежную территорию, способную вместить более ста оленей. Создали там пункты подкормки животных, построили помещение для срезки пантов и их консервирования. Через год в этом загоне уже обитало несколько стад пятнистых оленей. Когда у Буренков появились свободные деньги, они в первую очередь стали расширять олений загон и создавать вокруг него кормовую базу в виде сенокосов и крытых сенохранилищ. К середине 20-х годов 20 века братья Буренки были самыми состоятельными крестьянами из всех майхинцев. Однако внешне они ничем

не отличались от остальных крестьян. У них не было дорогостоящей одежды и обуви. Питались они скромно, как все майхинцы. Спиртное не пили, поэтому многие считали, что Буренки исповедуют старообрядчество.

В 1907 году в Майхе была построена школа. Государство выделило на это 1000 рублей и 800 рублей собрало сельское общество. Обучение детей велось по программе Министерства народного просвещения. Характерно, что во всех, находящихся рядом с Майхе деревнях действовали церковно-приходские школы. А майхинцы, исходя из экономических соображений, церковь в своем селе не строили.

По воспоминаниям старожилов, из всех работавших в Майхе учителей наибольшим авторитетом пользовался Филипп Данилович Бердник. Он был не только хорошим учителем, но и прекрасным воспитателем, прививавшим своим ученикам самые лучшие человеческие качества.

Новая экономическая политика пришла в Приморье вслед за окончанием Гражданской войны. Тревожные времена миновали. У трудоспособных крестьян появилась возможность спокойно работать и жить. За два первых года существования НЭПа зажиточная прослойка села Майхе расширилась. В нее кроме сводной семьи Буренков вошли семьи Гавриила Мурача, Евдокима Дорошенко и Ивана Шпилько. Три последних семьи, как и в прежние годы, сами косили сено, сами пахали и сеяли хлеб, сажали картошку, ловили рыбу, рубили лес. Подростки в этих семьях работали вместе с родителями, постигая нелегкое крестьянское ремесло и стремясь в скором времени тоже стать крепкими хозяевами. На это майхинских крестьян ориентировала экономическая политика правительства СССР. К этому их призывал лозунг «Обогащайтесь!», выдвинутый идеологом большевиков Николаем Ивановичем Бухариным.

Население Майхе в период НЭПа не превышало 70-80 человек, поэтому, строить в селе магазин крестьяне не стали, так как торговый оборот его был бы очень маленьким. Все продукты майхинцы производили сами, а за промышленными товарами им дешевле было сходить в Шкотово.

В 1925 году рядом с селом государство построило цех по изготовлению бочек для хранения и перевозки соленой рыбы. Потребность в промышленных товарах в селе увеличилась. В Майхе стали торговать заезжие продавцы. Они брали в селе в аренду какое-нибудь помещение, завозили туда товар, пользующийся повышенным спросом. А чтобы привлечь в этот вре-

спустя месяц после призыва все его товарищи поняли, что лучше сытым погибнуть на фронте, чем ежедневно в тылу страдать от нестерпимого голода. В один из дней вся их рота, стоворившись, написала рапорты своему командиру. В них особо подчеркивалось, что им, не нюхавшим пороха, «стыдно будет после победы возвращаться домой». Командир роты, прочитав рапорты, ответил, что не может удовлетворить просьбу своих подчиненных, потому что на границе с Маньчжурией тоже кто-то должен служить. Но рота продолжала настаивать на своем, и повторно направила ему рапорты. Видя упорство бойцов, командир передал рапорты ротному старшине и попросил его доходчиво объяснить бойцам, почему их просьба не может быть удовлетворена. Старшина, закаленный ежедневным преодолением трудностей воинской службы, построил роту и не стесняясь в выражениях стал говорить, что «служить родине надо там, где ты нужен, а не там, где тебе захотелось». А потом тем же тоном добавил, что «в рапортах не нужно врать, как это сделали вы. И я, и командир роты не дети и понимаем, что на тыловых харчах жить тяжело, но изменить положение мы не можем, поэтому прошу забрать свои рукописи». Вызывая поочередно к себе каждого, кто находился в строю, он показывал рапорт и спрашивал: «Твой?!», и, не дожидаясь ответа, приказывал: «Забери!». Пока красноармеец тянул руку за рапортом, перед его носом появлялся увесистый кулак старшины и слышались с громкие пояснения, что если еще раз он напишет такой документ, вот этот кулак погуляет по его дурной голове. «Запомнил?!», — спрашивал старшина, и дождавшись громкого ответа «так точно» приказывал встать в строй, и вызывал к себе очередного бойца. «После этого случая рота перестала проситься на фронт, поняв бесполезность этой затеи», — закончил рассказ С.И. Шатило.

Политико-воспитательная работа на фронтах и в тылу

С первых дней войны политико-воспитательной работе среди гражданского населения стало придаваться такое же значение, как и в войсках. Какая бы тема ни прорабатывалась на занятиях, главной ее задачей было сплотить советских людей на борьбу с фашистской Германией, вселить в них уверенность в том, что не смотря на огромные трудности, Совет-

были небольшие рыбалки, на которых трудились гарнизонные рыбаки, снабженные маленькими неводами. А в среднем течении реки в этот период не смолкали взрывы гранат и толовых пашек, которыми военные глушили рыбу. Милиция и гарнизонные патрули делали вид, что стараются поймать преступников, наносящих ущерб дикой природе. А командиры воинских частей, не желая иметь неприятностей от своего руководства, в случае, если их подчиненные будут задержаны при глушении рыбы, применяли различные хитроумные способы. Один из них заключался в том, что взвод красноармейцев, вооруженных винтовками, на полutorке продвигался по шоссе в сторону Новороссии. В кузове под ногами бойцов лежали пустые мешки. Подъезжая к месту, где предполагалось глушить рыбу, грузовик загоняли в кусты. Несколько бойцов, снабженных взрывчаткой, бежали к реке. Другие, сняв с себя всю одежду, сидели в кузове в ожидании взрыва. Как только столб воды взлетал вверх и оглушенная рыба вверх брюхом начинала всплывать, голые красноармейцы бросались в воду, ловили ее и складывали в мешки. Быстро погрузив рыбу в полutorку и накрыв ее брезентом, красноармейцы надевали сухое обмундирование, брали в руки оружие, и полutorка мчалась в сторону Шкотова. Милиция не успевала даже отреагировать на случившееся. А если и успевала, то не имела права останавливать и обыскивать машину, в которой находились вооруженные военнослужащие во главе со своим командиром, сидевшим в кабине.

Взрывы прекратились только после окончания войны. Местные власти с этого времени усиленно взялись за реализацию мер по сохранению природных ресурсов.

Причины, побуждавшие красноармейцев писать рапорты об отправке на фронт

Армейский паек для солдат тыловых частей в годы войны по питательности был в полтора два раза слабее, чем на фронте. Поэтому вечно голодные красноармейцы постоянно писали рапорты с просьбой отправить их туда, где Красная Армия ведет бои с фашистами. Причину таких просьб они излагали как желание «защитить родину, а не отсиживаться в тылу, когда другие воюют». Писал такой рапорт и житель Шкотова Сергей Иванович Шатило, служивший тогда в Приамурье. Вспоминая об этом периоде своей жизни он рассказывал, что

менный магазин покупателей, продавцы вывешивали на нем красный флаг. Удовлетворив покупательский спрос майхинцев, торговцы переезжали в другое село и там повторяли всю процедуру создания временных магазинов.

Так продолжалось до конца 20-х годов. Советское правительство, отказавшись от НЭПа, запретило частное предпринимательство. Всеми делами стало руководить государство. На поверность сразу всплыло множество нерешенных проблем, устранить которые советская власть при централизованном руководстве оказалась бессильной. Страну захлестнули народные протесты, переросшие во многих регионах в вооруженные столкновения с властью. Но началось это не сразу, не в один день.

К концу 20-х годов в Майхе многое стало меняться. То, что вчера было разрешено, сегодня стало запретным. В селе перестали торговать частные продавцы. Крестьянам запрещено было нанимать сезонных рабочих. Началась агитация по созданию коллективных хозяйств и товариществ по совместной обработке земли. Но как все это нужно было делать, никто не говорил. Не знали этого и в Шкотовском исполкоме, руководившем всеми селами района. В начале 30-х годов в Райисполком из Владивостока стали поступать директивы по созданию сельских коллективных хозяйств, в которых особо подчеркивалось, что организационная помощь крестьянам в этом деле будет оказана государством. Помощь эта скоро пришла в лице подготовленных специалистов из числа рабочих, живущих в больших городах. В Майхе колхоз было поручено организовать рабочему Супруненко, всю жизнь безвыездно прожившему во Владивостоке. Он в общих чертах знал, что такое плуг и борона, потому что в цеху, где он работал, ремонтировали и то и другое. В ходе подготовки к созданию колхоза ему рассказали, как и когда нужно сеять рожь, пшеницу, ячмень. Но научиться отличать зерна друг от друга он так и не смог. Как Супруненко сам признавался, ему эти тонкости и знать было незачем. Партия перед ним поставила цель создать в Майхе колхоз и сделать так, чтобы он заработал, а потом передать руководство этим коллективным хозяйством кому-нибудь из наиболее грамотных сельских крестьян. И Супруненко выполнил эту задачу при активной поддержке председателя Шкотовского Райиспокома.

Созданный колхоз получил название «Красный Маяк». Через полгода руководить колхозом был поставлен местный крестьянин Григорий Исаакович Кратенок. А Супруненко в тот же день уехал из Майхе и больше никогда там не появлялся.

Долгое время дела в колхозе шли тяжело. Советский Союз в этот период ускоренными темпами создавал индустрию, вкладывая в нее каждый свободный рубль и забирая у колхоза «Красный Маяк» все до последнего зернышка. В 1932 году в Майхе впервые за полвека его существования начался голод. Это бедствие жители села сумели преодолеть. В реке тогда еще была рыба, в том числе лососевых пород, в тайге бродил дикий зверь, повсюду росли грибы, орехи, ягоды, виноград и кишмиш.

Майхинские старожилы помнят, что кета, горбуша, сима перестали заходить в реку Майхе во второй половине 30-х годов 20 века после того, как была построена Артемовская ГРЭС и отработанную на электростанции воду стали сбрасывать в речку. Температурный режим реки Майхе изменился и лососевые перестали заходить в нее.

К середине 50-х годов 20 века территория Майхе выросла в несколько раз. Село пододвинулось ближе к дороге, идущей из Владивостока в Сучан, Находку и Ольгу.

В этот период начали строить так называемый Большой Владивосток. Растущему городу нужно было в несколько раз больше воды, чем прежде. Имеющиеся водохранилища были малы, и расширить их не представлялось возможным из-за отсутствия рядом с городом больших рек. Ближайшей к Владивостоку крупной рекой была Майхе. В 1956 году в ее верховьях, там, где находилось село Харитоновка, началось строительство водохранилища, а рядом с селом Майхе Владивостокский водоканал стал вести монтаж очистных сооружений. Весь водоснабжающий комплекс был назван Майхинским.

Краевую организацию Коммунистической партии СССР возглавлял в это время Терентий Фомич Штыков. Сначала все строительно-монтажные работы на водоснабжающем комплексе велись вахтовым методом. Однако Штыков доказал правительству, что все строительные работы будут идти быстрее, если инженеров, рабочих и служащих обеспечить квартирами, находящимися рядом со стройкой. Предложение Штыкова было поддержано, и в Майхе развернулось строительство современных жилых домов средней этажности со всеми коммунальными удобствами, которые были тогда в городах Дальнего Востока. В итоге Майхе за несколько лет из захудалой деревни превратилось в одно из лучших сел Шкотовского района.

тельных рубахах и в почерневших от грязи кальсонах. Шкотовские женщины со слезами смотрели на солдат, сокрушенно покачивая головами.

Проблему с одеждой для новобранцев гарнизонное руководство решило до наступления холодов, а вот проблема с питанием устойчиво держалась до начала 1943 года, когда по программе ленд-лиза во Владивосток стали поступать продукты из США. А до этого были нередки случаи, когда заготовители дров, возвращаясь в гарнизон с бревнами на плечах, падали в голодный обморок. Случалось это на улицах Зальпе, Лазо, Анисимовской. И тогда на помощь им приходили шкотовские женщины. Они кормили голодных бойцов и давали им возможность собраться с силами. В этот период многие женщины, чьи сыновья ушли в армию, с чашками вареной картошки стали выходить на улицу, когда красноармейцы с дровами возвращались назад, и раздавали ее голодным бойцам. Они делали это по зову души, будучи уверенными, что там, на далеком западе, обязательно найдутся такие же матери, которые накормят их сыновей и мужей.

На улицах, расположенных вблизи гарнизона, обстановка была несколько иной. Здесь голодные красноармейцы тайком от своих командиров ходили по домам, прося что-нибудь покушать. Ученица Шкотовской средней школы Паша Черепанова, проживавшая на Красноармейской улице, с болью в душе вспоминала трех молодых пареньков, вынужденных зимой 1941 года просить подаяние у жителей этой улицы. Вид у них был такой несчастный, что даже собака, охранявшая двор, глядя на этих красноармейцев не лаяла, а только виляла хвостом, будто чувствуя, что страшный голод заставляет их ходить по домам. Родители Паши так привыкли к их посещениям, что всегда имели в запасе что-нибудь из съестного. Глава семьи Черепановых, Семен Сысоевич, перед уходом на фронт просил свою жену, Анну Петровну, помогать голодным бойцам, утверждая, что именно в этом и заключается человеческое милосердие. Вернувшись с фронта в 1946 году, Семен Сысоевич поинтересовался судьбой этих троих пареньков, и Паша рассказала ему, что последний раз они приходили в 1942 году. Видимо после этого их отправили на фронт.

Командование гарнизона, понимая, что тыловой паек далеко недостаточен для молодого растущего организма, старалось хоть как-то улучшить питание поступавших к ним призывников. В низовьях реки Цемухе, пока она не покрывалась льдом,

построил сушильный цех для переработки всего, что поступало из ближайших колхозов. Но производственных площадей этого цеха было недостаточно, и тогда во всех населенных пунктах района дополнительно стали сушить овощи в духовках домашних печей. Работники Райпо упаковывали эту продукцию в мешки и везли на станцию для погрузки в вагоны. Там этим делом занимался начальник пакгауза Иван Пантелеймонович Пересада, у которого в помощниках была только одна женщина-кладовщик, поэтому Пересаде самому приходилось грузить мешки с сушеной картошкой, морковью, тыквой, луком, кабачками и баклажанами.

Ближе к зиме стали готовить для отправки на фронт собранные населением шерстяные носки, свитера, пуловеры. Пошивочная мастерская перешла на пошив телогреек и ватных рукавиц с прорезью для указательного пальца правой руки. Женщинам Шкотова очень хотелось, чтобы эти вещи попали в воинские части, где находились их мужья, сыновья, братья или просто знакомые. Поэтому в каждый мешок они клали письма фронтовикам с пожеланиями скорейшей победы и возвращения домой, указывая в них, что все эти подарки приготовили жители Шкотовского района.

Шкотовский гарнизон несколько месяцев после начала войны находился в бедственном положении. Воинские части, ранее располагавшиеся в нем, были отправлены в Белоруссию, на Украину и в Брянскую область России, где проходила линия фронта. Их место в гарнизоне заняли подразделения, сформированные из новобранцев, которых нужно было одеть, обути, расселить по казармам. Осенью командиры частей обнаружили, что в гарнизоне нет дров для отопления казарменных помещений и что поставлять топливо, как в довоенные годы, было некому. Поэтому с середины сентября и до заморозков в ближайшие к Шкотову лесные массивы ежедневно стали направлять отряды красноармейцев с пилами и топорами. Путь этих отрядов пролегал по улицам Советской, Зальпе, Лазо, Анисимовской. Внешний вид лесорубов показывал, в каком ужасном положении были красноармейцы, только что призванные в армию. Для отправки в тайгу командиры строили их повзводно. В первых шеренгах были бойцы, одетые в новую форму, обутые в ботинки с обмотками. Далее шли бойцы в выдавшей виды гражданском одежде, в стоптаных сапогах, в старых, пришедших в негодность ботинках. Красноармейцы в последних шеренгах были разутыми, в одних на-

Переименование села Майхе в Штыково

В 1972 году, в связи с возникшими в конце 60-х годов политическими проблемами во взаимоотношениях между Советским Союзом и Китаем, все нерусские топонимы и гидронимы в Приморье были заменены на российские. Приморский Крайком КПСС, возглавляемый в ту пору Виктором Павловичем Ломакимым, предложил переименовать село Майхе в Штыково в память о Т.Ф. Штыкове.

Родился Терентий Фомич в 1908 году в Витебской губернии. До 17 лет работал в крестьянском хозяйстве отца. В 1925 году покинул родное село и устроился рабочим на Пролетарский завод в Ленинграде. Там он закончил профтехучилище, был принят в ВКП(б), и с этого времени посвятил свою жизнь общественно-политической деятельности. Это побуждало его к постоянному повышению своего образовательного уровня. Вскоре Штыков стал одним из наиболее грамотных и эрудированных сотрудников Пролетарского завода.

В те годы в стране практиковался порядок зачислять активных, грамотных и деловых людей в резерв выдвижения. Терентия Фомича зачислили в этот резерв по партийной линии. В 1937 году он был избран секретарем Выборгского райкома ВКП(б) Ленинграда, а через год стал Вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б).

Летом 1941 года, после нападения Германии на Советский Союз, Терентия Фомича призвали армию и направили на Волховский фронт, где наши войска сдерживали натиск фашистов, стремившихся захватить Ленинград. Назначенный заместителем командующего фронтом по политической части, он сосредоточил все свои силы и знания на повышении дисциплины и патриотическом воспитании личного состава. Вскоре сфера его деятельности расширилась: он стал участвовать в разработке боевых операций на Ленинградском, Новгородском, Карельском и Волховском направлениях.

Когда блокадное кольцо Ленинграда было разорвано и исход Великой Отечественной войны был предрешен, генерал-полковника Штыкова направили на Дальний Восток для подготовки советской войск к боевым действиям против Японии. Назначенный на должность заместителя командующего Приморской группы войск, Терентий Фомич стал организовывать конспиративную переброску воинских частей из западных регионов страны в Забайкалье, Хабаровский и Приморский

края. В августе 1945 года Приморская группа войск была преобразована в 1-й Дальневосточный фронт, которому поручалось освободить от японцев Маньчжурию и Корею.

Восьмого августа войска этого фронта во главе с маршалом Мерецковым и генерал-полковником Штыковым перешли границу Маньчжурии. В течение месяца Терентий Фомич находился в зоне непрерывных боев. Вместе с командующим фронтом он обеспечивал проведение войсковых операций по планам, утвержденным маршалом Василевским.

Одновременно с 1-м Дальневосточным фронтом войну с японцами в Корею вели войска Соединенных Штатов Америки. Согласно ранее достигнутой договоренности, американские и советские военные части, дойдя с юга и севера до 38 параллели, прекратили дальнейшее наступление.

Второго сентября 1945 года Япония капитулировала. Страны антигитлеровской коалиции приняли решение создать на Корейском полуострове два независимых государства: одно — южнее 38 параллели, другое — северней. В 1948 году в южной и северной Кореях были проведены выборы и созданы все государственные структуры. Южная Корея стала называться Корейской республикой, а северная — Корейской Народной Демократической республикой.

Советским послом в КНДР был направлен Т.Ф. Штыков. Информировав правительство СССР о положении дел на полуострове он сообщал, что лидеры северной и южной Кореи, Ким Ир Сен и Ли Сын Ман, после прихода к власти в тайне от США и СССР начали изучать возможность создания единого корейского государства, причем каждый из них претендовал на роль главы объединенной Кореи. Наибольшую активность в этом проявлял Ким Ир Сен. Он убедил Сталина, что КНДР оказалась в худшем положении, чем республика Корея, и предложил восстановить справедливость путем ввода войск Северной Кореи на территорию южного корейского государства. Доводы и предложения Ким Ир Сена внешне были настолько убедительными, что Сталин после некоторых колебаний согласился с ним. Войска КНДР перешли 38 параллель и за несколько дней оккупировали значительную часть Корейской республики. Это заставило Ли Сын Мана обратиться за помощью в Организацию Объединенных Наций и к президенту Соединенных Штатов Америки. Реакция на просьбу последовала незамедлительно. Войска пятнадцати европейских держав высадились на Корейском полуострове. Около десяти дней

рос, почему по радио выступил Молотов, а не глава партии и государства. Ответ на него был получен только после ухода из жизни Сталина. В 1953 году жителям Шкотова стало известно, что в период двух предвоенных лет Иосиф Виссарионович искренне верил, что Гитлер является самым надежным союзником СССР. Когда Германия напала на Советский Союз, Сталин понял, что его обманули, и у него произошел сильнейший нервный срыв. Закрывшись в своем кабинете, он десять дней никого к себе не пускал и ни с кем не общался. Что происходило в эти дни в душе руководителя нашего государства, сегодня можно только предполагать. Многие члены правительства считали, что Сталин, осознав ошибки, допущенные им после 1939 года, морально готовил себя к самому худшему. Однако советское руководство во главе с В.М. Молотовым, руководствуясь принципом, что «на переправе коней не меняют», поступило очень разумно. В один из дней, когда Сталин начал адекватно реагировать на события, Молотов доложил ему о создании Государственного Комитета Обороны, наделенного чрезвычайными полномочиями. Выслушав Молотова, Сталин осторожно спросил: «А кого вы хотите назначить руководителем этого Комитета?». «Вас, товарищ Сталин!», — ответил Молотов. Было видно, что этот ответ в корне изменил настроение Сталина. Помедлив немного, он облегченно сказал: «Хорошо, я согласен». Третьего июля Иосиф Виссарионович выступил по радио. Его речь содержала краткий перечень действий советского руководства по мобилизации народа на борьбу с фашистской Германией.

Шкотово в период войны

Жители Шкотова стойко встретили нависшую над страной опасность. Все предприятия района сразу были переведены на 11-ти часовой рабочий день при полном отсутствии выходных и отпусков. Народ начал трудиться по принципу «все для фронта, все для победы». Вместе со всей страной шкотовцы стали готовить продукты для отправки на фронт. Железнодорожные составы, груженные мукой, крупой, овощами, картофелем ежедневно уходили из Приморья на запад, где шли тяжелейшие бои Красной Армии с фашистами. Осенью, когда продукты, следовавшие по Сибири в вагонах, стали замерзать, шкотовцы приступили к их сушке. Райпищекомбинат, находившийся тогда в конце Советской улицы, в срочном порядке

превратить Германию в великую державу с огромным жизненным пространством. Сподвижников Гитлера не смущало, что для реализации этой цели Германии нужно будет подчинить себе все европейские страны. Приступив к осуществлению задуманного, они разработали планы скоротечных войн в Европе. Успешное их осуществление позволило Германии присоединить к себе Австрию, Чехословакию, Данию, Норвегию. Впереди были войны с Францией и Польшей. И здесь военное счастье сопутствовало немцам. Перед натиском гитлеровских войск Франция продержалась всего 14 дней, Польша — 18.

Летом 1940 года Гитлер принял решение начать подготовку к завоеванию СССР. Германские стратеги разработали план «Операция Барбаросса», получивший такое название по прозвищу средневекового германского короля Фридриха I, ставившего перед собой цель объединить в одно государство все немецкоговорящие страны. Смелость планов Фридриха I Барбароссы, т.е. Рыжебородого, воодушевляла Гитлера.

Начиная «Операцию Барбаросса», фашисты сосредоточили у западных границ СССР войска, в два раза превосходившие войска нашей страны. Гитлер рассчитывал в течение 5-6 месяцев массированными ударами принудить Советский Союз к безоговорочной капитуляции.

Советская разведка в конце декабря 1940 года доложила Сталину содержание «Операции Барбаросса». Однако Иосиф Виссарионович, будучи уверенным, что Гитлер является искренним другом СССР, посчитал это донесение обычной дезинформацией, проводимой немецкими генералами для усыпления бдительности Великобритании, и не придавал ему должного внимания. В результате война для многих советских людей пришла в нашу страну неожиданно.

Жители Шкотова узнали о ней утром 23 июня 1941 года из выступления по радио главы советского правительства В.М. Молотова. Он говорил, что Германия, нарушив договорные обязательства, напала на Советский Союз и что руководство СССР принимает решительные меры, чтобы остановить продвижение немецких войск на восток. В конце выступления Молотов произнес обнадёживающую фразу: «Наше дело правое, враг будет разбит». Эти слова вселили надежду в сознание советских людей. После выступления Молотова в Шкотовском районе, как и во всех других регионах страны, началась мобилизация.

Не останавливаясь ни на минуту в решении труднейших проблем, шкотовцы не находили ответа на мучавший их воп-

понадобилось им, чтобы отбросить армию Ким Ир Сена до советской границы в районе Хасана.

Сталин был вынужден принять срочные меры, чтобы не допустить полного поражения КНДР. После переговоров с американцами мир на Корейском полуострове был восстановлен. Но Штыкову, как советскому послу, по политическим соображениям пришлось покинуть КНДР. Решением ЦК ВКП(б) он был назначен Первым секретарем Новгородского Обкома партии.

В конце 1954 года во Владивосток с рабочим визитом прибыл Никита Сергеевич Хрущев, только что вернувшийся из США. Вместе с ним прибыла большая группа членов ЦК КПСС и правительства. Этот год стал началом кратковременной «хрущевской оттепели». Никита Сергеевич стремился к тому, чтобы Советский Союз превратился в страну открытую для посещения иностранцами. Владивосток был первым из городов, стоявших на пути следования в нашу страну иностранных гостей. По замыслу Н.С. Хрущева, столица Приморья должна была поразить иностранцев своей красотой и великолепием. Преследуя эту цель, Никита Сергеевич изыскал средства, которые бы позволили сделать Владивосток «лучше американского Сан-Франциско».

Для освоения выделенных государством средств нужен был грамотный и надежный руководитель. Выбор Никиты Сергеевича пал на Т.Ф. Штыкова и в январе 1956 года он был переведен на работу в Приморский край. Краевая партконференция избрала его Первым секретарем Крайкома и выдвинула делегатом на XX съезд КПСС.

С этого времени у жителей Владивостока появилась возможность ближе познакомиться с Терентием Фомичом, оценить его и как руководителя и как человека. Те, кто контактировал со Штыковым по работе, отмечали доброжелательный тон его бесед с подчиненными. Другие ценили в нем вежливость и тактичность в разговорах с людьми малознакомыми. Свои намерения Терентий Фомич излагал простым, доходчивым языком, избегая малопонятных слов иностранного происхождения, отчего речи его отличались ясностью и простотой восприятия. Так мог говорить только глубоко образованный человек. Длительная служба в армии выработала у Штыкова привычку быть всегда чисто выбритым и аккуратно подстриженным. В рабочие дни он, как и все партработники того времени, носил одежду полувоенного образца. На нем неизменно была темная шерстяная гимнастерка, подпоясанная

широким офицерским ремнем, и такого же цвета брюки, покрой которых напоминал покрой галифе. Обувался он в хромовые сапоги, какие носили офицеры высшего ранга. На голове у Терентия Фомича была фуражка с обшитым материей козырьком. Весной и осенью поверх гимнастерки Терентий Фомич надевал шерстяной темный плащ и носил его не застегивая, как это было принято в кругах партийного руководства. В выходные и воскресные дни Штыков чаще всего появлялся на улице в демисезонном пальто и фетровой шляпе. Внешне он выглядел человеком среднего роста, чуть полноватым, неторопливым в движениях.

Некоторые жители Шкотова лично знали его по совместной службе в войсках Дальневосточного фронта и по официальным встречам на оборонных объектах, когда он являлся членом Военного Совета Тихоокеанского флота. Эти шкотовцы добавили некоторые штрихи к характеристике Штыкова. Так, например, Евгений Михайлович Андреев, выпускник Шкотовского пехотного училища, воевавший в Маньчжурии и Корее в 1945 году в составе войск 1-го Дальневосточного фронта, узнав, что Штыкова избрали Первым секретарем Крайкома, с уверенностью заявил, что Приморскому краю несказанно повезло в том, что руководителем его стал деловой, серьезный и очень ответственный человек. В период освобождения Маньчжурии и Кореи генерал-полковник Штыков, по словам Андреева, был известен в войсках как командир, способный брать на себя ответственность за все, что делали его подчиненные в пределах согласованных с ним мероприятий. Полковник Владимир Афанасьевич Гамаюнов, коренной житель Шкотова, будучи ведущим строителем оборонных объектов в заливе Стрелок и периодически встречавшийся с Терентием Фомичом в официальной обстановке вспоминал, что Штыков всегда приходил на объекты, предварительно ознакомившись с проектной документацией, и все его беседы с офицерами носили деловой и предметный характер.

Прибыв во Владивосток после XX съезда, Штыков начал претворять в жизнь решения партии. Обстановка в крае в тот период была не из легких. Промтоварные магазины практически были пустыми. Не было ни одежды, ни обуви. Все это жители края «доставали по блату» или покупали у моряков заграничниками. В продуктовых магазинах ничего кроме хлеба, соленой селедки и 2-3 видов круп не было. Колхозные рынки практически не работали, так как колхозам нечего было

зажглись в поселке в начале июня 1940 года. Те, у кого появилось электричество, были очень рады. Однако никто из шкотовцев не спешил расставаться с привычными керосиновыми лампами, и причин для этого было много.

В довоенный период квартирный электросчетчик был очень дефицитным прибором. Для учета потребляемого электричества при подключении к электросети с каждым домовладельцем подписывали договор, в котором указывали, сколько у него будет осветительных точек, какой мощности лампочки будут ввинчены в каждый электропатрон, сколько в доме будет электророзеток. Плата за розетку была такой, что большинство шкотовцев их не ставили. А электроплитки почему-то старались приобрести все. Комментируя эти обстоятельства, Илья Семенович Кошелев, проживавший на улице Зальпе, с шутиливой серьезностью в кругу друзей заявлял, что «для советского человека не существует препятствий, которые он не смог бы преодолеть», но дальнейших разъяснений по этому случаю он не давал, «чтобы не нанести вред общему делу». В итоге фактическое потребление электричества в поселке оказалось намного выше заявленного. К середине 1941 года в темное время суток напряжение в сети падало настолько, что лампочку, висевшую под потолком, можно было увидеть только благодаря чуть-чуть красневшей нити накаливания. В результате шкотовцы вынуждены были возвратиться к освещению квартир керосиновыми лампами. Положение с электричеством в Шкотово начало улучшаться только в послевоенный период, когда в свободной продаже появились электросчетчики.

Начало Великой Отечественной войны

Вторую мировую войну развязала Германия. Поражения этой страны в Первую мировую войну, послевоенная разруха, необходимость выплачивать репарации создали в Германии социальный и экономический хаос. Справиться с ним вновь созданное правительство не могло. Народ, доведенный до крайности, требуя перемен, стал искать нового лидера, способного срочно решить государственные интересы. И такой лидер нашелся. Это был выходец из народной среды, талантливый оратор, обладающий способностями убеждать людей. Звали его Адольф Гитлер.

Исторические обстоятельства помогли ему быстро создать вокруг себя группу единомышленников, которая поставила цель

чить пакт о ненападении, которым предусматривалось, что «Советский Союз и Германия будут воздерживаться от агрессивных поступков друг против друга и не станут поддерживать третью страну, если она нападет на одного из участников пакта». Одновременно с договором о ненападении были подписаны секретные документы о разграничении сфер влияния между Германией и Советским Союзом. В такой политической обстановке начиналась Вторая мировая война.

Электрификация Шкотова

За несколько лет до начала Второй мировой войны в Приморье на полную мощность заработала электростанция в поселке Артемовском. Ее начали строить в 1934 году для обеспечения электроэнергией шахт и других предприятий Артемовского угольного месторождения. В 1938 – 1939 годах станция начала наращивать мощность. Кроме предприятий Артема она стала обеспечивать электричеством близлежащие населенные пункты.

В 1939 году наступила очередь электрифицировать Шкотово. Расстояние от Артемгреса до Шкотова через болото не превышало семи километров, однако Шкотовский исполком с огромным трудом собрал деньги на прокладку ЛЭП, а дальше всю работу нужно было проводить за счет воскресников местного населения. Организация этих воскресников была возложена на заместителя председателя исполкома Алексея Филипповича Хортова. Он обошел все улицы, заглянул в каждый дом, побеседовал со всеми жителями, довел до их сведения стоимость работ, которые надо выполнить и стоимость материалов, нужных для монтажа уличных линий. Когда Алексей Филиппович понял, что шкотовцы согласны участвовать в этой работе, он создал уличные бригады и назначил общественных бригадиров. При участии Хортова бригадиры составили планы воскресников по каждой из улиц, и жители Шкотова приступили к работе. Чем плотнее была заселена улица, тем быстрее на ней продвигалась работа. На воскресники шкотовцы выходили с радостным настроением понимая, что электричество в первую очередь нужно им. К маю 1940 года поселковая электросеть была готова к пуску. Оставалось только провести электропроводку в каждом жилом доме и подключить ее к общей сети. А это должны были делать специалисты, которых в Шкотово тогда было еще очень мало. Но тем не менее первые лампочки

продавать. Торговля овощами, выращенными на приусадебных участках, в то время не поощрялась, так как она, якобы, развивала у населения «частнособственнические тенденции».

Терентий Фомич, посетив однажды дальзаводскую столовую, был поражен, увидев, чем там кормят рабочих. После этого одной из его главнейших задач стало повышение уровня жизни населения края. Решая ее, он столкнулся с проблемой острейшего недостатка руководящих кадров в колхозах и совхозах. Нехватка сельских специалистов была обусловлена тем, что в начале 50-х годов большинство из них в поисках лучших условий жизни покинуло Приморье и обосновалось в западных регионах страны, где жизнь была более обеспеченной. Возвращаться назад они не хотели, и Штыкову пришлось обратиться в ЦК КПСС и в Правительство с просьбой оказать Приморскому краю кадровую помощь. Просьба была удовлетворена. В край прибыло 150 человек, имевших длительный опыт руководства колхозами и совхозами. Терентий Фомич, создав вокруг себя круг активных единомышленников, начал вытаскивать край из тяжелейшего продовольственного кризиса. К 1957 году число специалистов сельского хозяйства увеличилось еще на 1180 человек. В 1958 году в городских магазинах Приморья периодически стали появляться картошка, капуста, огурцы, помидоры, а кое-где даже мясо и молоко. По тем временам это была огромная победа. Большинство жителей городов понимало, что основная заслуга в этом принадлежит Первому секретарю Приморского крайкома КПСС Т.Ф. Штыкову. И, не смотря на то, что достигнутые результаты были далеки от полного удовлетворения потребностей населения, у людей появилась надежда, что со временем проблема с питанием будет обязательно решена.

Другой причиной, сдерживавшей рост материального уровня, была низкая производительность труда на промышленных предприятиях края, особенно в горнодобывающих отраслях. Над устранением этой причины Штыкову пришлось работать несколько лет. В результате его внимания к мерам по увеличению добычи угля, олова, цинка и серебра шахты Артема, Сучана, Тавричанки и Липовцев к 1959 году увеличили плановую добычу в среднем на 13%. Стабильно стали работать рудники Дальнегорского и Кавалеровского районов. Хрустальненским горно-обогатительным комбинатом была начата разработка двух новых рудных месторождений в Тернейском районе. Кто знаком с горным делом, тот,

безусловно, поймет, какую большую работу нужно было сделать краевому партийному аппарату, возглавляемому Т.Ф. Штыковым, чтобы переломить положение дел в горной промышленности.

В этот же период благодаря энергии Штыкова и его подчиненных получила мощный толчок рыбоконсервная отрасль Дальнего Востока. Выпуск продукции был увеличен почти на 50%. Старшее поколение жителей края и сегодня с благодарностью вспоминает те времена, когда в любом магазине по вполне доступной цене можно было купить консервированную или соленую лососевую икру, крабовые консервы и брикеты из мороженого крабового мяса, копченые балыки лососевых рыб и т.д. Этими продуктами тогда питались даже студенты, что свидетельствовало о доступности цен на них для жителей края.

Но, пожалуй, самой большой заслугой Терентия Фомича было то, что он организовал во Владивостоке и других городах широкомасштабное жилищное строительство. Для этого сначала ему пришлось создать в крае строительную индустрию, ориентированную на производство кирпича, пустотных настилов, панелей перекрытия, лестничных маршей, фундаментных блоков и других железобетонных изделий, необходимых для постройки кирпичных домов, которые сегодня все мы называем «хрущевками». В 1957-1958 годах кирпичные и железобетонные заводы появились во Владивостоке, на ст. Угольной, в пос. Трудовом, в городах Артеме и Уссурийске. В период, когда в Приморье создавалась строительная промышленность, значительная часть жилфонда Владивостока состояла из деревянных одноэтажных домов, построенных в дореволюционные годы. Такие дома стояли в микрорайонах Вторая и Первая речка, в Голубиной пади, по обе стороны реки Объявления, вблизи мыса Эгершельда. А в некоторых, ныне густонаселенных городских районах, никаких домов вообще не было. Например, там, где в наши дни расположен Проспект 100 лет Владивостоку, находилось капустное поле одного из флотских совхозов. Нынешняя территория Минного городка использовалась для хранения морских мин и взрывателей к ним. У перекрестка улицы Русской с дорогой, идущей в сторону 14 километра, находился военный аэродром.

Обстановка в городе стала меняться в 1957 году в связи с организацией строительства так называемого «Большого Вла-

Февральско-мартовский Пленум 1937 года санкционировал в стране невиданный до этого политический террор. В течение 12 месяцев проводились аресты, расстрелы, смещение с должностей сотен тысяч народнохозяйственных, партийных и военных кадровых работников. В числе первых кара обрушилась на военных. В начале июня 1937 года военный трибунал вынес смертельный приговор заместителю Наркома обороны маршалу М.Н. Тухачевскому. Вместе с ним были осуждены виднейшие военные деятели Якир, Путна, Кокк, Эйдеман и многие другие. К 1941 году вооруженные силы страны потеряли 11 заместителей Наркома обороны, 75 членов Высшего военного совета СССР, восемь адмиралов, двух маршалов, 14 генералов армии. Из 80 тысяч находившихся тогда в стране офицеров погибло 35 тысяч. Таким образом, армия и флот были фактически обезглавлены.

Для проведения чисток среди гражданского населения Сталин направлял в каждую область специальных уполномоченных, в помощь которым передавались подразделения НКВД. Ставилась цель уничтожения на местах высшего партийного и хозяйственного руководства, сформированного в период, когда Сталин еще не казался таким всемогущим руководителем, в какого он превратился к 1937 году. В ходе террора были расстреляны члены Политбюро Коссиор, Эйхе, Постышев, Чубарь. Почти полностью уничтожен управленческий аппарат Наркоматов авиастроения, судостроения, станкостроения. Все это происходило на глазах мировой общественности. Экономика СССР покатила вниз. Оказавшись в критической ситуации, здравомыслящие члены правительства страны начали осознавать, что в такой обстановке Советский Союз не способен не только влиять, но даже просто участвовать в европейских делах. Это побудило правительство СССР предложить Великобритании и Франции принять участие в международной конференции, на которой предполагалось обсудить меры по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Как и следовало ожидать, обе эти страны отказались участвовать в данной работе. Таким образом, идея о европейской коллективной безопасности, выдвигаемая Советским Союзом, оказалась в ту пору неосуществимой. Противоречия между ведущими европейскими странами усиливались, и каждая из них стала искать себе союзника, в содружестве с которым можно было бы обеспечить свою безопасность. Советский Союз делал то же самое. В 1939 году он принял предложение Германии заклю-

мень, рожь. И тут же все это грузили в вагоны для отправки в центральные регионы страны. Шкотовский исполком ужесточил контроль за работой колхозов. Для каждого колхозника была определена годовая норма выработки трудодней. Не выполнявшие ее подлежали исключению из колхоза с изъятием приусадебного участка, который тогда был единственным источником существования любого колхозника. В этот период правительство пересмотрело порядок налогообложения крестьян. Теперь колхозники Шкотовского района обязаны были платить за каждую грядку земли, находившейся в их распоряжении, независимо от того, использовалась она или нет. Одновременно с этим увеличился размер обязательных поставок зерна государству.

Шкотовцам стало известно, что страна с 1939 года в четыре раза увеличила расходы на оборону.

Правительство начало наводить соответствующий порядок на промышленных предприятиях. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 26 июня 1940 года запретил увольнение рабочих по собственному желанию. Шестидневная рабочая неделя с двумя выходными днями была заменена на семидневную. Рабочий день увеличен с 7 до 8 часов. Опоздание на работу свыше 20 минут стало считаться прогулом. Дела на прогульщиков направлялись в суд. С апреля 1941 года было введено уголовное наказание за выпуск бракованной продукции. Такие случаи прокуратура стала рассматривать как вредительство. Эти меры способствовали укреплению дисциплины на всех предприятиях Шкотовского района.

Попытки СССР создать систему коллективной безопасности в Европе

Не смотря на принимаемые меры, обстановка в стране не улучшалась. Экономисты пришли к заключению, что виной этому были чистки военных и политических кадров, проводившиеся в 1937 – 1938 годах. Они существенно ослабили советскую экономику и сдерживали дальнейшее развитие страны. Влияние прошлого на все жизненные сферы было настолько серьезным, что руководители ведущих европейских держав стали публично выражать сомнения относительно обороноспособности СССР и прочности его политического режима. И для этого у них были веские основания.

дивостока». Возглавлял эту крупнейшую стройку Первый секретарь Приморского Крайкома КПСС Т.Ф.Штыков.

Первый жилой массив из пятиэтажных домов был возведен в районе нынешней Спортивной улицы. Потом строительство перешло на Капустное поле, в долину Второй речки, затем в Минный городок и другие окраины.

Нужно сказать, что в период строительства Большого Владивостока еще не было такого понятия, как «хрущевка», тем более с его нынешним негативным оттенком. Тогда каждый, живущий во Владивостоке и других городах, был несказанно рад возможности получить для себя отдельную квартиру. Получить, а не купить, как говорим мы сегодня. Первыми стали обеспечиваться жильем те, кто работал на стройке и специалисты по окончании ВУЗов, а затем все остальные. Это была счастливейшая пора в истории Владивостока и всего Приморского края.

Новое жилье со всеми коммунальными удобствами требовало большого количества воды. В связи с этим во второй половине 50-х годов началось сооружение крупнейшего в крае водохранилища. Само водохранилище и очистные сооружения к нему краевые власти расположили в долине реки Артемовки, называвшейся тогда рекой Майхе. Чтобы привлечь на стройку рабочих и специалистов, в селе Майхе было построено несколько благоустроенных кирпичных домов, точно таких, как строили во Владивостоке. В разные годы водохранилище и его очистные сооружения жители края именовали по-разному. Сначала весь этот комплекс назывался Майхинским, затем Артемовским, а после 1972 года, когда село Майхе было переименовано в Штыково, за этим комплексом навсегда закрепилось название Штыковский.

Терентий Фомич с молодых лет работал с большим напряжением, не щадя сил и здоровья, и в 1959 году его самочувствие ухудшилось. Врачи рекомендовали ему переменить место жительства, так как приморский климат с постоянными перепадами влажности и давления плохо влиял на его здоровье. Правительство СССР с согласия ЦК КПСС предложило Штыкову должность посла в Венгерской социалистической республике. Но и там Терентию Фомичу не пришлось задержаться надолго. Здоровье его заметно ухудшалось. По личной просьбе он был переведен в Москву, где стал руководить Комиссией партийно-государственного контроля.

Умер Терентий Фомич 25 октября 1964 года в возрасте 57 лет.

Жизнь русских, китайцев и корейцев в Приморье

Особенностью истории Шкота и Шкотовского района в течение многих лет было желание русского населения установить и поддерживать нормальные отношения с проживающими рядом китайцами. Контакты между ними начали возникать сразу после того, как трое русских крестьян, поселившись в китайской фанзе на берегу Цемухе, приступили к заготовке леса для постройки домов. Разовые контакты быстро переросли в постоянное общение. На первых порах это общение шло с помощью жестов и мимики. Повседневные бытовые потребности побуждали русских запоминать китайские слова и простейшие выражения. Так же поступали и китайцы. Через несколько месяцев и те и другие уже могли изъясняться между собой на смеси китайских и русских слов, подкрепляемых жестами. Но даже и из такого общения обе стороны научились извлекать для себя огромную пользу. Русские за короткий срок в беседах с китайцами сумели понять, как нужно выращивать такие сельхозкультуры культуры как чумиза, соя, суцза, гаолян, из которых китайцы готовят повседневные блюда и экзотические приправы к ним. В первую зиму основатели Шкота научились выпаривать соль из морской воды. Китайцы научили шкотовцев ловить в бухте кальмаров, показали, как соскабливать с прибрежных морских камней прилипшие к ним ракушки и варить их в соленой воде.

В начале весны, когда в только что построенные дома вселились крестьянские семьи, китайцы рассказали шкотовцам, когда в здешних местах созревает земляника, малина, кишмиш, виноград, дикие груши и яблоки. Они же научили русских сохранять все это на долгое время.

В ходе общения с китайцами у жителей Шкота сложилась уверенность, что в отличие от коренных народов, живущих в здешних местах, китайцы не намерены оставаться в Приморье надолго. Вероятно поэтому китайцы, не смотря на наличие добротного строительного леса, продолжали строить и жить в фанзах, мало пригодных для приморского климата. Вокруг Шкота было много свободной земли, что позволяло крестьянам делать запасы на будущее, однако китайцы сеяли ровно столько, сколько им нужно было на время сезонного промысла, которым они здесь занимались. Манзы не вступали в российское подданство, хотя понимали, что это способ-

Большинство переселенцев из Татарии стали работать на кирпичном заводе, построив себе жилье восточнее поселкового кладбища. Среди шкотовцев за ними закрепилось прозвище «кладбищенские».

Переселение 1939 – 1941 годов значительно увеличило численность населения Шкота и окружающих его сел. С началом Великой Отечественной войны мужская часть переселенцев была призвана в армию. Многие из них не вернулись домой. Память о них увековечена в монументе, воздвигнутом в Шкотово, на котором выбиты имена каждого из погибших. В создании этого памятника активное участие принимал шкотовский житель Иван Деомидович Касияненко, действительный член Русского Географического общества.

Шкотовский район перед Великой Отечественной войной

В одном из своих выступлений И.В. Сталин твердо сказал, что война СССР со странами капиталистического мира становится неизбежной. Центральные и местные газеты откликнулись на заявление Сталина критикой всех капиталистических стран. Эта критика в равной степени касалась Англии, Франции и Германии. Однако которая из них будет противником Советского Союза в предстоящей войне, утверждать никто не решался.

Государственная пропаганда старалась всячески поддерживать боевой дух и уверенность советских людей в завтрашнем дне. Красноармейцы шкотовского гарнизона, проходя строем по поселковым улицам, подбадривали население громким пением популярной в те годы песни, в которой были слова, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». И шкотовцам очень хотелось верить в это. Была популярной еще одна песня, слова которой «если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов» раскрывали жителям Шкота основную причину резкого снижения материальных условий жизни. Хлеб в магазинах стали продавать только в утренние часы и в очень малых объемах. Чтобы купить его, надо было занимать очередь не позднее 6 часов утра. Шкотовцы, работавшие на предприятии «Заготзерно» и проживавшие рядом с его складами видели, что район усиленно ведет заготовку зерна. В склады ежедневно свозили пшеницу, овес, яч-

вольственная ссуда до 3-х центнеров зерна на каждую семью с условием ее погашения в течение 2-х лет. Они обеспечивались бесплатным проездом и бесплатным питанием в пути следования на Дальний Восток.

Первыми заключили контракты на переселение семьи Шатило, Коваленко, Глушко, Двигун, Наконечных, Перетятыко, Швиденко. За ними потянулись семьи Олифер, Свиноренко, Шалаенко, Моисеенко, Негренко, Кононенко, Опойко.

Район стал готовиться к приему новых колхозников. В Шкотово для них построили дома на Ключевой улице, а также освободили дом на улице Зальпе, в котором до этого был детский сад.

Чтобы обеспечить переселенцев работой, шкотовцы стали строить молочно-товарную ферму на противоположной от поселка стороне реки между сопками ближе к морю. Место для нее подбирали тщательно, так, чтобы коровники и хозяйственные помещения были защищены от холодных зимних ветров, и была бы возможность проложить к ним дороги. Поодаль расчищали места для сенокосов и пастбищ, устраивали удобные водопой.

В мае 1939 года Шкотово торжественно встречало поезд с переселенцами. Для их доставки к месту жительства была выделена полуполторка. Так называли тогда грузовые машины Горьковского автозавода, способные перевозить тяжести весом до полутора тонн. Полуполторка, за рулем которой был бессменный водитель Петр Семенович Шацкий, приходила на станцию к прибытию каждого поезда и развозила прибывших по деревням, где их встречали председатель колхоза и глава сельсовета. Вежливость и предупредительность П.С. Шацкого запомнились каждому, кто переселившись из Украины стал жить в Шкотово, Майхе, Харитоновке, Новохатуничах, Новомоскве, Новороссии, Романовке. Для многих из них он с первого дня был родным человеком, готовым помочь, посоветовать, подсказать, научить.

Вслед за украинцами начали пребывать переселенческие партии из Мордовии и Казанской области. В них в основном были рабочие. Те, кто приехал из Мордовии, трудоустроились в Шкотово на «Абозо-бондарном заводе», на железной дороге, в Шкотовском пищекомбинате. Многие из них построили дома на окраинах улиц Анисимовской и Лазо. Появившийся там поселок шкотовцы стали именовать Мордовским. Его первыми жителями были Тремаскины, Окуловы, Матюшкины, Хмельницкие.

Ствовало бы их более устойчивой жизни на Дальнем Востоке. Они старались как можно быстрее заработать нужные средства и возвратиться на родину, где остались их семьи, родные и близкие.

Если русские крестьяне, стремясь как можно прочней осесть на освоенной территории, регулярно удобряли разработанные пашни, то китайцы выжимали из земли все, что она могла дать, а потом бросали поля и уходили в другие места. Чувствуя себя здесь временными жильцами, китайцы, тем не менее, редко когда шли на конфликт с русской властью, предлагавшей им передать русским переселенцам земли, подготовленные к посеву. Они беспрекословно выполняли требования властей и уходили в места, где еще не было русских. Основатели Шкотова сначала расценивали такое поведение китайцев как проявление врожденной дисциплинированности, но потом разобрались, что манзы делали это только потому, что их поля, не знавшие навоза, очень быстро истощались, и бросить их было легче, чем восстанавливать прежнее плодородие. Такое отношение китайских крестьян к земле лишней раз подтверждало мнение шкотовских жителей, что выходцы из Поднебесной империи не намерены оставаться здесь навсегда.

Шкотовцы, привыкшие к российским порядкам, настороженно относились к тому, что китайцы без веских причин время от времени меняли свои имена и фамилии. Нередко случалось так, что китаец, ловивший рыбу в прилегающей к Шкотову бухте, был известен в своем окружении под и менем И Хай Чун, а, побывав на своей родине и возвратившись назад, говорил, чтобы его теперь именовали Цзинь Ченем. Китайцы к этому относились спокойно, а русские с подозрением, пытаясь выяснить, что заставило этого манзу отказаться от своего настоящего имени. Многие полагали, что он, вероятней всего, в период пребывания на родине совершил какое-то преступление и теперь под вымышленным именем скрывается здесь. Русским казались наивными объяснения китаец, говорившего, что при старом имени ему не везло, а теперь, став другим человеком, он может рассчитывать на удачу.

С большим интересом восприняли шкотовцы сведения о том, что в Поднебесной империи только что рожденный младенец считается прожившим уже один год. Китайцы вполне убедительно объясняли, что жизнь человека начинается не с того дня, когда он появился на свет, а с момента зачатия. Жители Шкотова не оспаривали это, но и согласиться с китайцами

не могли. Для себя они сделали вывод, что если китаец говорит, что ему тридцать лет, значит, он прожил на свете на один год меньше. А на вопрос китайца, заданный русскому о его возрасте, следует отвечать, что по китайским понятиям ему столько-то лет, а по русским на год меньше.

Руководствуясь древними обычаями, все китайцы были уверены, что каждый прожитый год приносит человеку дополнительную долю мудрости. Поэтому они не могут считать похвалой, если кто-то из русских ему говорил, что он выглядит очень молодо. Такие слова для китайца не могут быть комплиментом, а многие даже склонны воспринимать их за желание принизить умственные способности того, кому они адресованы. И наоборот, если сорокалетнему манзе заявят, что он выглядит на все шестьдесят, он примет это за похвалу и останется очень довольным.

Древние обычаи Поднебесной империи сопровождают китайцев всегда и везде. Незнание своих обычаев было для китайца позором. Поэтому жившие в Шкотово манзы во всех мелочах старались следовать правилам, установленным их далекими предками. Например, если китайца, зашедшего по делам в соседнюю фанзу, приглашали к столу, он, в соответствии с этикетом, обязан вежливо отказаться. То же самое он должен был сделать и после второго приглашения. И только когда его пригласили в третий раз, он мог садиться за стол.

На праздничном обеде все гости рассаживаются по левую сторону от хозяина. Предложение кому-нибудь сесть справа воспринималось как унижение. Поэтому при любом количестве гостей несколько мест правее хозяина всегда оставались свободными. Этим китайцы подчеркивают, что каждый из присутствующих является уважаемым человеком.

По внешнему виду китайца, живущего в Приморье, можно было понять, женат он или холост. Древний обычай давал женатому почетное право носить усы, чтобы все видели, что по годам он перешагнул возраст юности и теперь является главой семьи. А если в Шкотово появлялся китаец с бородой, то каждому становилось понятно, что у него уже имеются внуки. Уважение к такому мужчине в китайской среде значительно возрастало.

По китайскому пониманию, умственные способности человека находятся в его животе. Поэтому в спорах между собой китайцы заучено повторяли фразу: «Думай лучше своим животом». А если китайцы хотели похвалить своего собесед-

Желающих переселиться оказалось много. Причины у всех были разные, однако преобладающей являлась одна — крайняя бедность населения. По словам переселенцев, прибывших в Шкотовский район, именно в силу этой причины в Приморье стали переселяться крестьяне Киевской области. Они уже не надеялись, что на их родине жизнь может измениться к лучшему. Украина край степной, лесных районов там мало. Поэтому дрова для отопления жители сел везли издалека. Стоимость их была неподъемной. Если до 30-х годов крестьяне топили печи сухой травой, скошенной в степи, то когда были созданы колхозы и вся земля оказалась под пашнями, дома пришлось отапливать картофельной и свекольной ботвой с приусадебных участков, которой с трудом хватало до половины зимы.

Материальное положение колхозников держалось на уровне, близком к уровню бедности. На трудодни крестьяне получали так мало, что во всем приходилось рассчитывать только на урожай, собранный на приусадебном участке. Если овощами они себя кое как обеспечивали, то животноводство из-за высоких налогов не давало прибыли. Колхозники и все другие, живущие в селах, обязаны были сдавать государству молоко, яйца, шкуры, снятые с забитых животных. После сдачи всего этого и уплаты налога за землю самим крестьянам ничего не оставалось. Жители Каневского и Черкасского районов помнили голод пятилетней давности, когда в их селах ежедневно умирало по 5-10 человек. К концу 30-х годов из-за постоянно растущих обязательных поставок зерна государству угроза голода вновь стала витать над этими районами.

Как вспоминал в 90-х годах 20 века житель Шкотово Сергей Иванович Шатило, его односельчане, выслушав вербовщиков, не задумываясь стали записываться в очередь на составление переселенческих договоров. Их манили на Дальний Восток, прежде всего, льготы, обещанные правительством. Подумать только, все они на десять лет освобождались от сельскохозяйственных и от обязательных поставок государству различных сельхозкультур. Для строительства домов им бесплатно будут выделены участки для заготовки строительной древесины. Многие колхозы, как например, в Майхе, Харитоновке, Новороссии, Новомоскве, Петровке, Романовке стали строить переселенцам дома с условием, что через пять лет беспрепятственной работы в колхозе эти дома перейдут в их собственность. Помимо того, переселенцам предоставлялась продо-

Аресты и обвинения, приносившие неисчислимыя беды людям, продолжались до конца 1938 года, как вдруг Иосиф Виссарионович решил развернуть острие терроризма в противоположную сторону. Он заявил, что сотрудники НКВД на местах превысили данные им полномочия. По его указанию сразу были арестованы и расстреляны Ежов и Фриновский. Во Владивостоке сняли с работы и расстреляли начальника Окружного отдела НКВД Деметмана, а также его ближайших помощников Мочалова и Лиходзиевского. Руководителей линейных подразделений Окружного отдела и рядовых работников, которые вели следствие с применением пыток, осудили на 10 лет. Правду о том, что происходило в стране в этот период, граждане СССР начали узнавать только после смерти И.В. Сталина.

Создание Приморского края и меры по налаживанию экономики

Двадцатого октября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Дальневосточный край был разделен на Хабаровский и Приморский. Правительство сделало это для удобства управления восточными окраинами СССР. Руководить Приморским краем стал Николай Михайлович Пегов, избранный Первым секретарем Приморского крайкома ВКП(б). От Сталина, принимавшего участие в разделе ДВК, он получил задание активизировать работу промышленного и сельскохозяйственного производства. Делать это нужно было в рамках законов СССР и требований, которые выдвигало руководство Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Причин неудовлетворительного положения дел в экономике края было много, но Пегов к числу главных относил проблему острейшего дефицита рабочих и сельскохозяйственных кадров. Для устранения этого дефицита правительство по его просьбе санкционировало переселение в край специалистов из ряда российских и украинских областей.

Переселение началось в 1939 и закончилось в 1941 году. В районы, из которых в Приморье должны были ехать специалисты, приморское руководство направило вербовщиков, которые знакомили будущих переселенцев с природными условиями нашего края, с характером той работы, которая будет предложена им в здешних местах, а также со льготами, которые они получат в пути следования и на новом месте жительства.

ника, то обязательно говорили: «Ты умный человек, у тебя много мудрости в животе».

Многие обычаи подданных Поднебесной империи, живших в Шкотово, существенно отличались от обычаев русских. Например, китаец, здороваясь, обязан был надеть головной убор. При этом он крепко пожимал свои руки, а не руки того, с кем здоровался.

Если с китайцем случалось большое несчастье, он не имел права открыто выражать свое горе. На его лице всегда должна была держаться улыбка. Даже похороны преждевременно умершего у китайцев проходили в обстановке приподнятого настроения. Знакомым из русских крестьян китайцы в таких случаях объясняли, что их товарищ, уходя в мир иной, до самой последней минуты своего пребывания на земле должен видеть радостными и счастливыми всех, кто окружал его на этом свете.

В Китае до конца 19 века существовал обычай хоронить умерших спустя несколько месяцев после кончины. Все это время тело усопшего находилось в плотно закрытом гробу, в рогожном шатре, стоящем около дома для всеобщего обозрения. Это заставляло китайцев задолго до старости приобретать себе гроб. Прочно сделанный и богато украшенный, он являлся предметом гордости каждого жителя Поднебесной империи. Его показывали всем друзьям и знакомым. Гроб являлся одним из лучших подарков отцу от его сыновей. Если китайцу приходилось менять место жительства или путешествовать, он обязательно вез гроб за собой. В конце 19 столетия в России получил известность такой исторический факт. В Санкт-Петербург прибыл знаменитый китайский дипломат Ли Хунчжан. Он привез с собой красивейший гроб, и в ходе служебных поездок по нашей стране возил его в отдельной карете. При всяком удобном случае Ли Хунчжан показывал гроб высокопоставленным лицам России.

К сожалению, мы не знаем, имелись ли такие гробы у китайцев, живших в 19 веке в Шкотово. Но, думается, что имелись, так как ни один из подданных китайского богдыхана не мог позволить себе «потерять лицо» перед своими соотечественниками.

Китайская мудрость гласит, что если человек живет у горы, он должен питаться тем, что есть на этой горе. Если живет у воды, то ему нужно употреблять в пищу все, что находится в воде. Приморские китайцы, в том числе и жившие в долине реки Цемухе, также придерживались этой мудрости, употребляя в пищу все,

что росло, ходило и ползало по земле, плавало в воде, летало в воздухе. Но самой распространенной едой у них был рис. Простейшее блюдо из вареного риса они называли словом фань, т.е. вареный рис. Его ели всегда. Поэтому слово «фань» стало синонимом слова еда. Процесс приема пищи китайцы называют словом «чифань». Буквально оно означает «кушать вареный рис». Шкотовцы в конце 19 — начале 20 века иногда применяли этот термин в речевых оборотах с шутливым оттенком. Когда приближалось время обедать или ужинать, они говорили друг другу, что пора почифанить.

Кроме риса, у китайцев было много других продуктов. Но повседневная еда шкотовских манз, как и манз вообще, не отличалась изысканностью и разнообразием. Чаще всего они ели несоленые мучные пампушки, приготовленные на пару, вареные бобы, кашу из чумизы или из гаоляна с добавлением суцзы, содержащей много растительного жира. Каждое вареное блюдо они сдабривали острыми приправами, в которые входили лук, чеснок, жгучий перец, черемша и различные ароматические таежные травы. Шкотовцы обратили внимание, что китайцы никогда не использовали в пищевых целях укроп. Зимой китайцы ели два раза в сутки. Летом, когда увеличивался световой день, а вместе с ним и рабочее время, они принимали пищу три раза.

Китайский праздничный стол славился деликатесами. К числу наиболее распространенных блюд они относили консервированные в растворе гашеной извести куриные яйца. Порядок застолья определялся древними правилами. Сначала пили чай. Потом ели холодные закуски — овощные, мясные или рыбные, затем горячие блюда, в первую очередь пельмени. В промежутках между новыми блюдами участники застолья употребляли подогретую рисовую водку, которую называли ханшин. Каждая доза спиртного не превышала объема наперстка. После пельменей ели суп, применяя для этого фарфоровые ложки. Потом на столе появлялось сладкое.

В праздники китайцы очень любили поест, и обязанностью хозяина, принявшего на себя организацию застолья, было накормить и напоить каждого из гостей. Древняя поговорка Поднебесной империи, отражающая главные условия проведения праздника, гласила, что «гостю в праздник можно нагрубить, но нельзя оставить его голодным и трезвым».

В фанзах, расположенных рядом со Шкотово и на восточном берегу Уссурийского залива, с ранней весны и до поздней осени

монович решил разыскать Козлова и «набить ему морду». Через адресное бюро он узнал, где живет его бывший учитель и пошел к нему домой. Дверь Михаилу открыл немощный старичок. Ярусов назвал себя. Андрей Федорович сразу заплакал и стал просить у него прощения, подробно объясняя, что заявление он написал под давлением сотрудника НКВД. Произошло это так.

В конце 1937 года домой к А.Ф. Козлову во Владивостоке пришел сотрудник НКВД, которого он знал еще с того времени, когда учительствовал в Стеглянхуе и приказал, чтобы Козлов в течение трех дней нашел ему трех врагов народа. «А если не найдешь, то первым из них станешь ты, вторым и третьим твои братья. Подумай о них и их малых детях, которые останутся сиротами», — закончил разговор этот сотрудник. «Я знал, что с НКВД шутки плохи и лихорадочно начал искать этих врагов. Перебрав в памяти всех, кого знал, я не мог остановиться ни на ком из них. У одного были малые дети, у другого здоровье совсем никудашнее, третий кормил больную престарелую мать, лежавшую без движения. Я понял, что, окажись любой из них в заключении, пострадают другие безвинные люди. А этот сотрудник торопил меня. Он пришел ко мне через день и сказал, что если я буду медлить, то первым врагом народа он сделает моего младшего брата, в семье которого месяц назад родился ребенок». Говоря эти слова, Андрей Федорович не выдержал и зарыдал. Чуть успокоившись, он продолжил: «И тогда я вспомнил о тебе. Ты молодой, здоровый, сильный. Дадут тебе 10 лет, ты выдержишь, вернешься домой и сможешь наверстать упущенное». Едва договорив эту фразу, Андрей Федорович опять зарыдал, а потом сквозь слезы продолжил: «Прости меня, Миша, тяжелое время мне пришлось пережить, очень тяжелое. Не дай Бог, чтобы еще раз такое случилось. Тебе, наверное, это трудно понять. Ты был тогда в заключении и не видел того, что творилось вокруг, а мне это все пришлось пережить. Мало того, меня длительным шантажом заставляли быть участником всех этих непорядочных дел. Много раз я пытался повеситься, но не смог. Сил не хватило». Андрей Федорович вновь зарыдал и сквозь слезы умолял о прощении. «Мне стало до боли жалко его, и я твердо сказал, ему и себе, что прощаю», — тихо сказал Михаил Ярусов. Услышав эти слова, Андрей Федорович стал успокаиваться. Оба они посидели молча несколько минут, а потом Ярусов попросил его сварить картошки, а сам побежал в магазин за водкой.

время Михаилу Ярусову было 16 лет. Дом, где он жил вместе с родителями, стоял в конце сельской улицы. Однажды вечером, когда уже было темно, кто-то негромко стукнул в окошко, рядом с которым находилась кровать Михаила. Обычно так делали деревенские парни, когда хотели вызвать его на улицу. Михаил вышел и увидел своего друга детства из Романовки Дмитрия Куксенко, сына Афанасия Куксенко, руководившего восстанием крестьян. Дмитрий был очень взволнован и рассказал Михаилу, что восстание провалилось и за ними по всей тайге гоняются красноармейцы. Каждому из восставших грозит расстрел. Поэтому он вместе со своими товарищами решил бежать за рубеж. В Романовке, Петровке и других селах, жители которых участвовали в восстании, на всех улицах круглосуточно ходят патрули, поэтому взять дома продуктов они не смогли. И Куксенко попросил Михаила дать им хлеба и что-нибудь еще, чтобы они смогли дойти до границы. В Китае они намерены сразу наняться к кому-нибудь в батраки, пока не обзаведутся собственным хозяйством. Михаил, ни слова не говоря, пошел в дом и вынес ему две булки хлеба и кусок сала. На следующий день Ярусов рассказал об этом своим друзьям в Стеклянухе.

Прошло шесть лет. Семья Ф.М. Ярусова покинула Стеклянуху и переехала в Артем. Михаил вместе с отцом стал работать на шахте. В 1937 году Ярусова-старшего арестовали. «Тройка» приговорила его к десяти годам лишения свободы. Так как большинство осужденных в этот период лишалось права переписки, дальнейшая его судьба осталась неизвестной. Никто не знал, за что он был арестован. На запросы Михаила в милицию, касавшиеся его отца, приходил короткий ответ, что «Ярусов Филимон Матвеевич осужден «Тройкой» сроком на 10 лет без права переписки». Домой он так и не вернулся.

Через полгода арестовали Михаила. И он тоже для всех словно в воду канул. Но в отличие от отца, Михаил Филимонович через 10 лет вернулся в Артем. Своим родственникам он рассказал, что был осужден «Тройкой» на 10 лет без права переписки и все эти годы проработал на лесоповале вблизи Воркуты.

Во время суда в качестве доказательства вины Михаила Ярусова было предъявлено заявление учителя из Стеклянухи Андрея Федоровича Козлова, (имя и фамилия изменены автором), в котором тот сообщал, что в 1930 году Ярусов был пособником банды Куксенко, ставивших цель свергнуть власть Советов в Приморье. Возвратившись домой, Михаил Фили-

трудились заготовители морской капусты, ловцы трепангов, осьминогов, медуз. Они не только ловили и собирали дары дикой природы, но и делали из них полуфабрикаты для отправки шанхайским купцам, по заданию которых находились в Приморье.

С прекращением сезонного промысла большинство китайцев возвращалось на родину. Другие переключались на выварку соли из морской воды. Для этого на побережье Уссурийского залива вдали от устья реки стояли фанзы с большими котлами, вмонтированными в массивные каменные печи. Зимой под котлами постоянно горел огонь, подогревая воду до слабого кипения. Как только вода выпаривалась, солевары выгребали соль небольшими скребками, укладывали ее в мешки, и тут же наполняли котлы новой водой, которую набирали в прорубях, расположенных как можно дальше от берега, и подвозили к котлам на лодках с плоским дном, легко передвигавшимися по воде и по льду.

Работа солеваров была очень тяжелой и мало производительной. Однако соль постоянно требовалась рыбакам и поэтому выварка ее не прекращалась всю зиму.

Жители Шкотова называли всех местных китайцев манзами. Но по мере общения с ними стали понимать, что такое название можно применять только к китайцам, находящимся на самой низкой социальной ступени. Состоятельный или развитый в умственном отношении китаец будет оскорблен, если его так назовут. Такой китаец на заданный вопрос, «кто он такой» с достоинством ответит, что он «ханьжень», то есть «человек из племени хань». Из подобных ответов шкотовцы сделали вывод, что Китай так же как и Россия является многонациональной страной. Спустя годы, когда почти все мужское население Шкотова свободно владело китайским языком, т.е. языком племени хань, шкотовцы узнали, что в Китае живут народы, именуемые себя дун, цян, лоба, лису, бай, дулун, мяо, салары, маньчжуры, и многие другие. Большинство из них с трудом понимают друг друга или не понимают совсем. Жители Шкотова обратили внимание, что манзы, живущие в долине реки Цемухе, не смотря на то, что говорят на разных языках и внешне отличаются друг от друга, все до единого имеют одинаковые прически. Каждый из них бреет лобную часть головы, а волосы на затылке заплетает в две небольшие косички. Когда языковый барьер между русскими и манзами был полностью преодолен, китайцы рассказали о происхождении этих причесок следующее.

В 1664 году воинственное маньчжурское племя захватило власть в Поднебесной империи. Царствовавший там император династии Мин был свергнут. На престоле оказался маньчжурский император династии Цин. Как наблюдательный человек, новый император увидел, что большинство народов империи внешне отличаются от своих покорителей тем, что маньчжуры брили головы и заплетали волосы в косы. Значит, любой житель Китая может понять, что маньчжуров по численности значительно меньше, чем всех остальных. По мнению императора это могло спровоцировать в стране действия, опасные для завоевателей. И богдыхан решил сделать всех подданных империи внешне похожими на маньчжуров. С этой целью он издал указ, требующий, чтобы все живущие в Китае немедленно побрили голову и заплели волосы в косы. Указ был объявлен всему населению. Но китайцы не спешили его выполнять. Тогда император решил применить силу. Вместе с глашатаями, объявлявшими этот указ, по стране стали ходить цирюльники, у которых в одной руке были бритва и ножницы, а в другой хорошо наточенный меч. Заходя в китайскую фанзу, цирюльник предлагал мужчинам выбор: или срезать ножницами волосы, или отрубить мечом голову. Китайцы, естественно, согласились и на подстрижку и на ношение кос. Император остался очень довольным. Однако прошло какое-то время и волосы у китайцев вновь отрасли, и стричь их заново никто не собирался. Богдыхан понял, что для достижения цели ему нужно поступать как-то иначе. Для этого он созвал всех своих мудрецов, и те сказали ему, что нужно действовать не угрозами, а моральными поощрениями. Выслушав их, император издал новый указ, в котором сообщалось, что отныне он «разрешает брить голову и заплетать волосы в косы только уважаемым в империи людям, достойным быть похожими на маньчжуров, и, наоборот, запрещает брить голову и носить косы мошенникам, жуликам, ворам, убийцам и прочим непорядочным людям». Мудрость помощников богдыхана легла на благодатную почву. Никто из китайцев не захотел, чтобы окружающие принимали его за непорядочного человека и через месяц все жители Поднебесной империи своими прическами стали походить на маньчжуров. В годы, когда Приморье было включено в состав России, китайцев уже невозможно было отличить от их бывших завоевателей.

В 30-х годах 19 века в Приморье начало работать китайское общественное самоуправление. Весь край по указанию

скажите, что мне надо написать. Я же понимаю всю сложность ситуации». Мы молчали, и тогда он взял ручку и без нашей подсказки описал все подробности своей «шпионской деятельности в пользу Англии». «Тройка» приговорила его к расстрелу.

С этого дня каждый сотрудник отдела, защищая себя от неминуемой гибели, стал работать с упорством дикого зверя. Никто не хотел становиться «пятым». Не выдержав этого адского напряжения, в течение первого полугодия 1937 года трое сотрудников Окружного отдела НКВД покончили жизнь самоубийством. На их место начальство поставило других, и террор продолжал наращивать обороты. Планы по ежедневному расследованию уголовных дел теперь стали получать не только во Владивостоке, но и во всех других подразделениях НКВД, находившихся в городах и поселках Приморского края. Оперативные работники, оказавшись под постоянной угрозой смерти, свыклись со своим положением, и тупо выполнял все, что от них требовало часто меняющееся руководство Окружного отдела. За полтора года после гибели Я.С. Визеля в отделе сменилось два руководителя. Они были обязаны жестко требовать, а мы беспрекословно выполнять их требования».

Когда Иосиф Виссарионович считал нужным навести порядок в партийно-советских органах, в Шкотово был арестован председатель Райисполкома Анненков, который, как выяснилось, «проводил враждебную деятельность в экономике». Когда Сталину нужно было утратить военных, трагедия развернулась в Шкотовском гарнизоне. Сколько там было погублено в этот период командиров и рядовых, до сих пор никто точно сказать не может. Когда Хозяин счел нужным провести акции устрашения среди крестьян, НКВД приступило к арестам наиболее активных председателей сельскохозяйственных предприятий, руководителей колхозных бригад и рядовых хлебопашцев. За два года сталинского террора в Шкотовском районе редкая семья избежала репрессий.

Нередки были случаи, когда сотрудники НКВД арестовывали людей только для того, чтобы выполнить навязанный им план по выявлению врагов народа. Именно по этой причине был отправлен в Воркутинские концлагеря уроженец Стекланухи М.Ф. Ярусов. Вот как это произошло.

Жители Стекланухи в 1930 году не принимали участия в вооруженном протесте крестьян Шкотовского района, но со многими повстанцами они были в близком знакомстве. В то

ло. Сердце мое тревожно забилося. Я почувствовал, что из кабинета живым мне не уйти.

Фриновский, отхлебнув из кружки, взглянул на меня, изобразил на лице улыбку и сказал, что, посоветовавшись с товарищами, он решил назначить меня начальником одного из новых отделов. А потом, глядя мне прямо в глаза, спросил, что я думаю по этому поводу. Я не знал, что ответить, так как еще не оправился от испуга. Видя мое замешательство, Фриновский более мягко продолжил, что считает мое молчание как согласие. И без всякой паузы стал говорить, что новый отдел состоит из 17-ти человек и будет заниматься контрразведывательной деятельностью по линии морского транспорта. Отдел ежедневно должен завершать работу по пяти уголовным делам для направления в народный суд, на заседание «Тройки» или на рассмотрение «Особого совещания». Сделав короткую паузу, он начальственным голосом произнес, что если у меня к нему нет вопросов, то я могу идти и начинать действовать. Материалы по первым пяти уголовным делам я должен был принести ему на подпись через день.

За работой отдела в течение отпущенных мне двух дней следили только что назначенные в Окружном отделе инспекторы Лиходзиевский и Мочалов. Они настоятельно требовали, чтобы в отношении каждого из допрашиваемых непременно применялись меры физического воздействия, ускоряющие получение признательных показаний. Мы с большим трудом закончили расследование первых пяти уголовных дел. Фриновский их подписал. На следующий день нам удалось завершить работу только по четырем делам. Это вызвало недовольство Фриновского. «Доиграетесь», — предупредил сотрудников отдела Лиходзиевский. Утром мы поняли, что предупреждение было сделано не случайно. К началу нового рабочего дня в нашем кабинете собралось только 16 человек. Один, как выяснилось, был задержан на проходной и отправлен в КПЗ. В полдень нам было объявлено, что этот сотрудник является агентом английской разведки, и мы должны были подтвердить это в течение суток. «Иначе рядом с этим мерзавцем окажутся еще два шпиона, которые пока что работают в вашем отделе», — твердо заявил нам Лиходзиевский. Мы поняли, что он не шутит. Эти слова слышал и тот, кто оказался у нас под подозрением. Видя, в каком положении мы оказались, этот, так сказать, «подозреваемый» сам пришел нам на помощь, подсказав: «Ребята, не мучайтесь,

маньчжурских чиновников был поделен на округа, которыми управляли старшины. Китайцы их называли тайе. Они назначались из местного китайского населения. Тайе доводили до манз указания, поступавшие из Китая, и организовывали их выполнение, пресекали преступность в китайской среде, организовывали общественный суд над преступниками, приводили решение суда в исполнение. Следили, чтобы китайцы соблюдали обычаи и законы Поднебесной империи. Такой порядок давал возможность маньчжурским чиновникам практически не участвовать в управлении делами Уссурийского края.

Шкотовский тайе проживал в Цемухинской долине. Кроме китайцев этой долины ему подчинялись манзы, жившие по рекам Кангауз (Суходол), Шитухе (Петровка) и далее на юг до залива Стрелок.

Следовательно, после заключения Айгуньского договора в Приморье стали действовать две власти — русская и китайская. Тайе управлял китайцами, опираясь на законы Поднебесной империи. Русские руководили краем по законам России. Двоевластие продолжалось без малого 40 лет. В 1897 году китайское самоуправление было ликвидировано как несоместимое с законами Российского государства.

Численность контингента манз, добывающих средства к существованию в Уссурийском крае, к концу 19 века достигла небывалой величины. Местные китайцы при содействии властей Поднебесной империи получили разрешение создавать в Приморье коммерческие союзы, чтобы обеспечивать китайских подданных постоянной работой. Такие союзы создавались там, где было много китайцев. Первенство в этом держал Владивосток. Следом за ним шло Шкотово, в котором находился филиал Владивостокского китайского общества. Этот филиал имел свой устав и правление. Деятельность его распространялась на деревни и села Шкотовской и Петровской волостей. Все, что делали здесь китайцы, предварительно согласовывалось с государственной властью Приморья.

Как только начали действовать коммерческие союзы, в Шкотово увеличилось количество китайских магазинов и лавок, где продавались товары широкого потребления, начиная от иголок, рыболовных крючков и кончая дорогими вещами. Китайцы стали практиковать доставку на дом дефицитных товаров. В период заготовки продуктов на зиму Китайское общество проводило во всех населенных пунктах герметическую закупорку жестяных банок с огурцами и помидорами при

помощи пайки. С этой целью китайские паяльщики обходили все населенные пункты и выполняли заказы сельчан.

Коммерческое общество по предварительной договоренности направляло шкотовским крестьянам рабочих на полевые работы и контролировало качество выполнения китайцами порученной им работы. Это повысило авторитет общества в глазах местного населения.

К сожалению, были случаи, когда деятельность общества вызывала протест русского населения. Так, в 1908 году китайцы заключили договор со шкотовским домовладельцем Ильей Герасимовичем Пырковым на аренду его дома, стоящего у пересечения Главной улицы с железной дорогой. Китайская сторона взяла на себя обязательство открыть в арендованном доме магазин продовольственных товаров и общежитие для китайских рабочих, приходящих в село на заработки. Пырков согласился. Но как только магазин заработал, выяснилось, что там организована торговля опиумом. Купив этот наркотик, манзы сразу шли в «общежитие» и там курили его. В Шкотово отовсюду потянулись китайские наркоманы. Накурившись, они валялись на полу «общежития», под кроватями, под столами. Ночью персонал «общежития» вышвыривал их в придорожную полынь, откуда они расползались в разные стороны, порой засыпая на шпалах начавшей работать железной дороги. Пырков потребовал от китайцев прекратить продажу опиума. Те обещали, но, не желая терять выгоду от своего заведения, всячески тянули со сроками выполнения своего обещания. Тогда шкотовский староста Василий Пашкеев и околоточный надзиратель предложили Пыркову расторгнуть договор с Китайским коммерческим обществом.

Согласно уставу, одной из задач филиала Китайского коммерческого общества в Шкотово являлась ведение совместной китайско-русской борьбы с хунхузами, периодически появляющимися вблизи мест проживания китайских отходников. Для организации этого дела глава китайского филиала и волостной старшина Василий Васильевич Пашкеев оговорили, что именно должна была делать та и другая сторона. Пашкеев старательно убеждал главу филиала, что до тех пор, пока китайцы будут уклоняться от этой борьбы, грабежи китайских крестьян будут продолжаться. После этих бесед управа Цемухинской волости какое то время получала отрывочные сведения и о передвижении хунхузов по тайге, и о живущих в волости манзах, помогающих этим разбойникам. Такая

обстановку, которая царил в 1937 — 1938 годах во Владивостокском Окружном отделе НКВД, а после этого он ответит на все мои вопросы. Я согласился и Федор Федорович стал рассказывать.

До 1937 года Владивостокский Окружной отдел занимался решением вопросов, оговоренных приказами НКВД. Руководил Отделом капитан НКВД Яков Савельевич Визель, смелый и очень решительный человек. В Отдел как обычно поступали приказы по усилению деятельности на отдельных оперативных направлениях. В самом начале 1937 года на одном из таких приказов Визель наложил резолюцию: «Запрещаю арестовывать невинных людей». Сотрудники Отдела были обеспокоены такой резолюцией, понимая, что она не останется без внимания руководства НКВД в Москве. Так и случилось. Через десять дней Визеля вызвали в Хабаровск, а во Владивосток прибыл Фриновский, заместитель Наркома Внутренних дел Ежова. Он сразу арестовал всех руководителей отдела, а остальным объявил, что прибыл во Владивосток «по приказу Хозяина» (Сталина), чтобы навести здесь порядок. «Хозяин мне лично сказал, что по Владивостоку спокойно разгуливают троцкисты, зиновьевцы, шпионы, диверсанты и саботажники», — закончил Фриновский свою недолгую речь.

На следующий день во дворе Окружного отдела с утра затарахтел откуда-то пригнанный трактор, поставленный около конюшни. Грохот его заставил всех закрыть форточки в окнах. Вдруг в отдел забежал один из сотрудников, находившийся минуту назад во дворе, и с волнением произнес: «Слышите, в конюшне наших ребят расстреливают». Все, кто находился в кабинете, были ошеломлены такими словами.

Далее Ф.Ф. Вернер продолжил: «Утром следующего дня в кабинет зашел прибывший из Москвы вместе с Фриновским работник НКВД и, обратившись ко мне, твердо сказал: «Вас вызывает товарищ Фриновский, поторопитесь, пожалуйста». Я поднялся и пошел вслед за этим сотрудником в приемную начальника Окружного отдела. Там меня обыскали, как обычно обыскивают преступников, потом предложили зайти в кабинет и сесть в кресло, стоявшее в 10-ти шагах от стола, за которым в белой натальной рубашке с расстегнутым воротом сидел Фриновский. В руке у него была кружка с пивом, на столе лежала сушеная корюшка. Этот же сотрудник стал за моей спиной, положил свои руки мне на плечи и вдавил меня в крес-

тайцам. «Сдавал до революции и в годы НЭПа», — ответил Григорий Иванович, — «потому что тогда это не только разрешалось, но даже поощрялось». Это тоже было занесено в протокол допроса. Следующий вопрос следователя был такой: «Вы нанимали батраков для работы в вашем крестьянском хозяйстве?». «Нанимал», — ответил Колягин, — «и до революции и в НЭПовские времена, пока существовали частные крестьянские хозяйства. Я нанимал, когда появлялась необходимость, и точно так нанимали меня». Выслушав это, следователь сказал, что житель Шкотова, Новиков, сообщил, что «вы заставляли своих батраков работать за предельно низкую плату. В частности, Новиков пишет, что вы платили ему в день всего 7 рублей». «Согласны ли вы с заявлением Новикова?», — спросил следователь. «Согласен, но только частично, так как размер заработной платы батракам в Шкотово устанавливал крестьянский сход. Батраку, работавшему на своем коне, наниматель должен был платить 11 рублей в день, а батраку без коня — 7 рублей. У Новикова коня не было, поэтому я платил ему 7 рублей. Новиков мог отказаться от работы на таких условиях, но он этого не делал», — ответил Колягин.

Протокол с вопросами и ответами, составленный следователем и подписанный подозреваемым, находился в уголовном деле. Никаких дальнейших следственных мероприятий по делу не проводилось. Следователь посчитал нужным направить уголовное дело на рассмотрение «Тройки», которая осудила Г.И. Колягина на 10 лет.

Я был обескуражен вопиющей, как мне показалось, безграмотностью следователя в ведении данного уголовного дела и беспринципностью руководителя Okружного отдела, утвердившего решение следователя. В это время в кабинет зашел сотрудник УКГБ Геннадий Тимофеевич Николаев. Увидев мое состояние, он поинтересовался, что случилось. Я рассказал ему, что судя по документам, мой дед был осужден безвинно. Николаев, привыкший за период своего участия в реабилитации к случаям подобного рода, взял карандаш и написал на листке номер телефона и пояснил, что это телефон Ф. Ф. Вернера, работавшего в НКВД в 1937 году. Он может доходчиво объяснить, что творилось в нашей стране в тот период. Я сразу же позвонил Вернеру, и мы договорились о встрече.

Вернеру тогда было 80 лет. Несмотря на преклонный возраст, выглядел он физически крепким, говорил грамотно, понятно, доходчиво. Я изложил ему суть проблемы. Федор Федорович, подумав, сказал, что он хотел бы сначала осветить ту

информация позволяла местным властям проводить мероприятия по разгрому грабительских банд. Но вскоре поступление сведений прекратилось. Глава китайского филиала по секрету сказал Пашкееву, что его соотечественники, опасаясь мест хунхузов, отказываются от сотрудничества с русскими.

Таким образом жизнь показала, что бороться с международными бандами только силами общественных организаций совершенно бесперспективно. Таковую работу должны взять на себя государственные силовые органы.

Корейцы появились в Приморье в 1863 году. Они пришли сюда из северной части Корейского полуострова, где в течение нескольких лет свирепствовал голод, вызванный стихийными бедствиями. Первая группа корейских крестьян, перешедших границу, была задержана военным нарядом порта Посъет, контролировавшим территорию, прилегающую к этому населенному пункту. Когда корейцев привели к начальнику порта, тот был поражен ужасающей худобой и болезненным видом большинства перебежчиков, умолявших не возвращать их в Корею, так как там они будут немедленно казнены. Такая просьба заставила русского офицера разрешить им временно поселиться рядом с Посъетом. На следующий год здесь же была задержана другая группа корейцев, перешедших границу. Состояла она из взрослых людей, малолетних детей и немощных стариков, просивших разрешения остаться жить в Приморье. Их тоже поселили вблизи Новгородской гавани. Слух о том, что русские разрешают корейцам селиться на своей территории, распространился по всему корейскому северу, и голодающие крестьяне большими партиями стали переходить границу. Особенно много их пришло в 1868 году. Приморские власти не знали, как поступить с таким числом перебежчиков и сообщили об этом генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову, который посчитал нужным детально разобраться в данном вопросе и направил в Приморье чиновника по особым поручениям Михаила Павловича Пуцилло, человека далекого от политики, занимавшегося главным образом научными проблемами.

Прибыв в Посъет, Пуцилло увидел много голодных людей, ожидавших решения своей участи. Движимый состраданием к этим людям, он пошел на превышение данных ему полномочий. Со ссылкой на генерал-губернатора Пуцилло приказал местным чиновникам расселить корейцев на пустующих землях

вблизи села Никольского. При его личном участии там было создано четыре корейских поселения, названных Пуцилловкой, Кроуновкой, Корсаковкой и Синельниково, а также оказана помощь корейцам в приобретении ими самых необходимых вещей. На это М.П. Пуцилло потратил около тысячи рублей из собственных сбережений.

Генерал-губернатор принципиально одобрил все, что сделал Пуцилло, но не мог согласиться с его обманом приморских властей. За это он был уволен со службы. А корейцев Корсаков оставил жить в крае.

Чтобы избежать возможных политических осложнений с Королевством Корея, Корсаков направил в российское правительство документ с предложением начать переговоры с королем Кореи для выработки соглашения о миграции корейских крестьян на русский Дальний Восток. Переговоры закончились в 1875 году. Подданные корейского короля получили возможность легально пересекать границу и селиться там, где им будет предложено местными властями.

С этого времени в Приморье, в том числе и на территории нынешнего Шкотовского района, ежегодно стало создаваться по 3-4 корейских села. Однако областная администрация не могла их брать на официальный учет, так как их основатели не являлись российскими подданными и по этой причине не имели права постоянного пользования землей. Чтобы корейские населенные пункты в правовом отношении уравнились с русскими, корейцам сначала нужно было принять православие, затем оформить российское подданство, создать в соответствии с законами нашей страны крестьянские общины и только после этого местные власти могли закрепить за корейцами земельные участки под строительство сел. Для решения этой длинной цепочки проблем первыми за дело должны были взяться православные миссионеры Успенского кафедрального собора во Владивостоке.

Как только корейцы поняли, с чего им следует начинать, они направили своих представителей к миссионерам, и дело сдвинулось с места. К середине 80-х годов почти все корейцы, проживающие на восточном побережье Уссурийского залива, официально числились православными и сразу же оформили документы на вступление в российское подданство. В итоге через несколько лет на территории н Шкотовского района уже значились корейские села Гвандон, Гиамдон, Гванфирса, Денфенваза, Евихондон, Коречон, Ханго, Хамхындон, Синанчон, Синменхен, Черсандон и другие.

все, что снижало темпы строительства социализма. Сюда относились и выпуск бракованной продукции, и аварии в промышленности и на транспорте, и несчастные случаи, приведшие к человеческим жертвам, и срывы государственных планов на предприятиях. В одном из своих выступлений Сталин, говоря о саботаже, выразил твердое убеждение, что Советский Союз оказался в опаснейшем положении из-за происков шпионов и диверсантов, беспечности руководящих кадров, утративших способность распознавать истинное лицо врага. Этим выступлением руководитель коммунистической партии и страны фактически указывал, что нужно делать во имя спасения социализма. Путь тотального террора в стране был открыт. Кульминацией его стал 1937 год. О том, как он начинался и проводился в Приморье, со всеми подробностями изложил один из свидетелей этого тяжелейшего для Советского Союза времени, бывший сотрудник НКВД Федор Федорович Вернер.

В 1987 году Управление КГБ СССР по Приморскому краю занималось анализом дел репрессированных во второй половине 30-х годов и реабилитацией незаконно осужденных. Я, как и все остальные оперативные работники, участвовал в этом. Однажды мне передали на рассмотрение уголовное дело на моего деда, Григория Ивановича Колягина, осужденного «Тройкой» в 1938 году. Несколько раз перечитав все двадцать страниц этого дела, я не нашел в нем ни одного эпизода, в котором содержался бы состав преступления. Следовательно обвинял Григория Ивановича в том, что он был кулаком, что до 1925 года имел заимку, которую «на кабальных условиях сдавал в аренду китайцам», что «регулярно нанимал батраков для работы в личном хозяйстве и платил им предельно малые суммы». Защищая себя от таких обвинений, Григорий Иванович предъявил квитанции по уплате налогов за несколько лет и пояснил, что он ежеквартально платил по 24 рубля. Таким был налог на середняка. А кулак облагался индивидуальным налогом, самая низшая сумма его составляла 400 рублей в квартал. Следовательно, ознакомившись с представленными документами, приобщил их к делу и в протоколе допроса сделал запись: «Вы лжете. Вы кулак».

Потом начался допрос по заимке. Григорий Иванович пояснил, что заимку он взял в дореволюционный период, руководствуясь теми законами, которые были тогда. «Значит, вы не отрицаете, что имели заимку?», — переспросил следователь, и услышав утвердительный ответ, зафиксировал его в протоколе. После этого он спросил, сдавал ли Колягин заимку в аренду ки-

подразделения Белой Гвардии. Такая оценка боеспособности офицерских полков быстро распространилась по фронтам Гражданской войны европейской России, и со временем белогвардейцами стали называть не только корниловцев и де-никинцев, но и всех остальных, воевавших в европейской части страны против Красной Армии.

На Дальнем Востоке обстановка была совершенно иной. Здесь не было той взаимной ненависти воевавших друг с другом красных и белых. Не было, как на Дону и Кубани, обязательных пыток солдат и офицеров, попавших в плен. Партизаны и войска Дальневосточной республики сражались с подчиненными Колчака, Каппеля, Семенова и называли их соответственно колчаковцами, каппелевцами, семеновцами. В годы Гражданской войны на Дальнем Востоке никому из сторонников красных не приходила в голову мысль именовать своих противников белогвардейцами. Полагаю, что ради сохранения исторической правды не следует их так называть и сейчас. Пусть каждый из них останется в нашей памяти и в истории тем, кем он фактически являлся в суровые годы Гражданской войны.

Государственный террор 1937–1938 годов

Условия для массового террора в СССР начали формироваться с конца 20-х годов 20 века, когда Сталин, устранив с политической сцены большинство своих идейных противников, стал полновластным хозяином в стране. Руководствуясь своим пониманием марксизма-ленинизма, он приступил к ускоренному строительству социализма в Советском Союзе. Страна превратилась в гигантскую стройку, финансирование которой было возложено на плечи крестьян. Вскоре повсеместно начались срывы в выполнении намеченных сроков. Эти срывы были настолько серьезными, что Сталин без всяких сомнений отнес их к деятельности вновь возникшей политической оппозиции. И многие в угоду Иосифу Виссарионовичу стали поддерживать эту мысль. Те, кто этого не делал, заплатились собственной жизнью, как это случилось с главой НКВД Генрихом Ягодой, высказавшем публично иную точку зрения. Он был снят с должности и расстрелян. В 1936 году руководить Народным Комиссариатом Внутренних дел стал Николай Иванович Ежов, который решительно повел борьбу с саботажем в стране. Под термином саботаж тогда понималось

Став полноправными россиянами и получив землю, корейцы посчитали, что стратегическая цель ими достигнута, и теперь они могут жить так, как им хочется. Они сразу сняли с себя нателные крестики, вычеркнули из своей памяти данные им христианские имена, и вновь стали буддистами. Сами корейцы не видели в этом ничего предосудительного, так как вступление в православие они с самого первого дня рассматривали лишь как инструмент для решения своих жизненно важных проблем. А когда этот вопрос был решен, то и православие им оказалось не нужным. А вот миссионеры из Владивостока заподозрили в этом хорошо продуманный коллективный обман, но изменить что-либо в случившемся они уже не могли. Желание православных священников духовно сблизить корейское и русское население края не увенчалось успехом. Спустя несколько лет стало понятно, что такому сближению мешает не только разница в вероисповедании, но и многое другое.

Корейцы и русские стремились жить на приморской земле так, как жили когда-то их предки на своей родине. Но русским крестьянам было в этом отношении проще, так как они пришли на пустующие приморские земли и принесли с собой трудовую и бытовую культуру своих предков. А корейцам, окруженным чуждой средой, приходилось отстаивать свою бытовую культуру и культуру труда от посягательства преобладающего русского населения.

В первую очередь это касалось устройства корейского жилья, которое русские называли фанзами, по аналогии с примитивным жилищем китайцев, вкладывая в это название свое отрицательное отношение к корейскому национальному дому. Сами корейцы называли свой дом тибби, произнося это слово с глубокой любовью и теплотой.

Тибби существенно отличалось от русской избы по жилой площади и способности зимой сохранять тепло. Стены его делались из жердей и штукатурились с обеих сторон глиной, смешанной с измельченной сухой травой. Окон в корейском жилище не было. Дневной свет проникал туда через проем в верхней части двери, оклеенный полупрозрачной бумагой, отчего в тибби всегда стоял полумрак. Пол в этом жилище был земляным, крыша соломенной. Зимой там было намного холоднее, чем в русской избе.

Почти половину тибби занимал каменный кан, похожий на обогреватель голландской печи, лежащий плашмя на полу. Он служил для обогрева тибби и ночного отдыха всей семьи. На ночь кан делился матерчатой занавеской на мужскую и женскую

половины. В углу жилища стояла маленькая печурка, теплый воздух и дым от которой, проходя через кан, выводился на улицу по трубе, сделанной из дуплистого дерева.

Между каном и входной дверью было оборудовано место для костра, на котором корейские женщины готовили пищу. Корейки ежедневно варили кашу из чумизы и подавали ее к столу, предварительно разбавив сырой холодной водой. Кроме каши, повседневной едой у корейцев были супы из бобов, сои и овощей. Мясо они ели в исключительных случаях. Молоко и молокопродукты не употребляли совсем. Хлеб, который считался у русских основой питания, корейцы никогда не пекли и не ели. Главными зерновыми культурами у корейцев были чумиза, пайза, гаолян и суцза. Из бобовых культур предпочтение отдавалось бобам и в меньшей степени сое. Картошку и кочанную капусту корейцы не культивировали. Зато в большом ходу у них была листовая капуста, которую они называли чимча.

В праздники корейцы ели блюдо под названием хе. Его обычно готовили из свежей селедки или из парного мяса собаки. Русские к этому блюду, особенно из собачины, относились крайне отрицательно, и совсем не потому, что оно было не вкусным, а потому, что в русской среде не было принято употреблять мясо собаки.

Примерно так же и корейцы воспринимали русскую пищу. На коровье молоко, сметану, простоквашу, творог и прочие молокопродукты они смотрели с явным пренебрежением, как и на многое другое из того, что готовили и ели живущие рядом с ними русские.

Причина такого отношения русских к корейской и корейцев к русской еде была в том, что вкусовые пристрастия обеих народов формировались в далекие времена в собственной национальной обстановке. А люди, как известно, очень консервативны в своих привычках.

Корейские села по внешнему виду и расположению на местности очень сильно отличались от русских. В самых больших из них было не более 10-15 крестьянских дворов, расположенных в 500-600 шагах друг от друга. Улиц как таковых эти селения не имели. Дома в них ставились беспорядочно. Вокруг тибя корейцы не оставляли ни кустика, ни деревца. Все пространство распахивалось и засевалось овощами и различными съедобными травами.

Культура сельскохозяйственного труда у корейских крестьян была совершенно иной, чем у русских. Лошадей у них не

ство ДВР им не доверяет и приравнивает к колчаковцам и семеновцам, каппелевцы стали участвовать в карательных экспедициях против партизан, находящихся в Шкотовском районе. Как только войска ДВР под командованием Уборевича начали приближаться к Уссурийску, каппелевцы, численность которых значительно поредела, организованно ушли в Маньчжурию и растревались там среди русских эмигрантов.

Что означает слово «белогвардеец»

В газетных публикациях советского периода многие авторы называют белогвардейцами всех, кто в годы Гражданской войны сражался с большевиками. Это идет вразрез с исторической истиной. Слово «белогвардеец» родилось в донских и кубанских степях. Его появлению сопутствовали вполне конкретные обстоятельства.

После Октябрьской революции руководство большевиков стало относиться к бывшим офицерам Русской армии как к врагам революции. Большинство из них, отдавшие все силы служению Родине, оказались на обочине жизни. В Красную Армию их не брали или брали с большой опаской, так как по своим убеждениям они не поддерживали новую власть. Узнав, что на Дону Корнилов и Деникин формируют Добровольческую Белую армию, бывшие царские офицеры устремились туда, зная, что только победа белых над красными может гарантировать им прежнюю материальную и духовную жизнь. Через месяц в Добровольческой армии числилось 3683 человека, в числе которых было 36 генералов, 254 старших офицеров, 435 капитанов и штабс-капитанов и 1385 офицеров более низких званий. Все они готовы были служить на любых должностях, в том числе рядовыми солдатами, и во многих полках были сформированы роты, состоявшие исключительно из бывших офицеров. Такие роты сражались с глубоким знанием дела и высочайшей отвагой. Взаимная ненависть красных и белых на Дону и Кубани достигла крайних пределов. Белые понимали, что оказавшись в плену, они будут подвергнуты нечеловеческим пыткам и только потом расстреляны. Поэтому всякий, даже кратковременный бой превращался в массовое кровопролитие.

Стойкость в боях рядового и командного состава Добровольческой армии побуждала командиров красноармейских частей в письменных докладах военному министру Троцкому утверждать, что против них воюют не добровольцы, а бывшие

их за собой не сумел. Войска революционной России стали теснить Каппеля на восток и вынудили его пойти на союз с Колчаком. Верховный правитель России, увидев в Каппеле талантливого полководца, присвоил ему звание генерал-лейтенанта и передал в подчинение весь стратегический военный резерв. В 1919 году Владимир Оскарович, командуя вооруженными силами Колчака, успешно сдерживал наступление объединенных частей Красной Армии. Но вскоре удача стала обходить его стороной. Были безвозвратно утеряны Челябинск, Казань, Омск, Тюмень, Красноярск и другие крупные города. Каппель стал отводить войска на восток в надежде соединиться там с остатками армии Колчака. Отрезанные партизанами от железной дороги, каппелевцы шли по тайге. Сибирские морозы крепчали. Переходя через реку Кан, Владимир Оскарович провалился под лед, отморозил ноги и потерял способность передвигаться. Бросить армию, чтобы спасти себе жизнь, ему не позволял воинский долг и гражданская совесть. Потеря в предыдущих боях на ледяных дорогах Сибири более 50 тысяч солдат, беспокойство за каждого, кто шел вместе с ним заставили Каппеля обратиться к своим товарищам по оружию с прощальной, по сути своей, речью. Он посоветовал всем, кто не считает возможным идти дальше, сдать в плен красным, чтобы после войны живыми вернуться в родные края. При этом командующий дал клятву, что не будет считать изменником того, кто в ближайшие дни покинет его. Выслушав эту грустную речь, более половины солдат, попрощавшись со своим командиром, организованно сдались в плен. Дальше на восток с Каппелем пошли только добровольцы. В январе 1920 года Владимир Оскарович умер. Тело его отвезли в Маньчжурию и похоронили в Харбине со всеми воинскими почестями.

В Приморье каппелевцев привел генерал Войцеховский. Он разместил их в Шкотовском, Раздольненском и Романовском гарнизонах. Время тогда в нашем крае было тревожное. Партизаны готовились к решающим битвам с японцами и остатками войск Колчака, вступившими с ними в союз. Каппелевцы, уставшие от войны, обратились к правительству Дальневосточной республики разрешить им возвратиться в Поволжье и на Урал заверив, что участвовать в войне они больше не будут. Это обращение обсуждалось в правительстве ДВР, но командующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики, опасаясь повторения того, что три года назад случилось с чехословаками, не поддержал их просьбу. Поняв, что правитель-

было. Для пахоты и перевозки грузов они применяли быков и коров. Рабочий скот корейцы весь год держали на привязи. Кормили измельченной травой, смешанной с гаоляном, соей и чумизой. Сено корейцы не заготавливали. Зимой сухую траву для скота распаривали горячей водой.

Из особенностей корейского быта постоянное нареkanie русских вызывало то, что в корейских семьях все поголовно курили. Курили мужчины и женщины, малые дети и старики. У них выработался своего рода ритуал курения табака. Сразу после еды вся семья садилась на корточки, прислонившись спиной к стене тибби. У каждого была трубка с длинным тоненьким мундштуком. Самозабвенно затягиваясь табачным дымом, они демонстрировали удовольствие, получаемое от курения. В русской среде в 19 веке курили только мужчины. Курение табака женщинами, не говоря уже о детях, считалось не только непозволительным, но даже греховным.

Русские, жившие в Приморье, совершенно не знали корейского языка, а корейцы с трудом понимали русский. Все вместе взятое создавало непреодолимое препятствие для общения и эмоционально-бытового сближения.

Главой корейской семьи, также как и русской, в те времена был отец или кто-то другой из мужчин, старший по возрасту, но обязательно уважаемый и влиятельный человек. На него возлагалась обязанность поддерживать в семьях древние бытовые, религиозные и культурные обычаи. Любого, кто пытался нарушить их, главы семей строго наказывали. Вследствие этого до середины 20 века на территории Шкотовского района не было ни одной смешанной, русско-корейской, семьи.

Основание Саинбара корейцами

Начиная с шестидесятых годов 19 столетия и до середины двадцатых годов 20 века, корейское население в крае увеличилось всякий раз, когда в Стране Утренней Свежести случались природные или политические потрясения. Это стало особенно заметным в конце 19 века в связи с тотальным закабалением Корейского королевства Японией. Там участились случаи вооруженного противодействия поработителям. Однако они были настолько слабы, что без труда подавлялись японцами. После ликвидации каждого из очагов сопротивления население Шкотовской волости пополнялось корейскими политическими иммигрантами, их семьями и ближайшими родственниками.

В марте 1919 года в Корее произошло очередное народное выступление. Как и все предыдущие, оно было разгромлено. Те, кто участвовал в нем, вынуждены были покинуть родину и искать спасения на русском Дальнем Востоке. Корейцы стремились сюда потому, что после русско-японской войны 1904 — 1905 годов антияпонские настроения в Приморье оказались предельно обострены. Не смотря на то, что гражданская война в России в тот период была в самом разгаре, власти Владивостока согласились принять беженцев, и весной 1919 года в междуречье Стекланухи и Цемухе на границе земель Шкотовской и Стекланухской крестьянских общин корейские иммигранты создали село, назвав его Саинбаром.

Основатели Саинбара перешли границу с корейским отрядом сопротивления, который намеревался в Приморье продолжить борьбу с японцами, чтобы помочь своей родине обрести независимость. Командование отряда надеялось, что их братья по крови, живущие в нашем крае, тоже примут участие в этой борьбе. Однако эти надежды быстро развеялись. На патриотические призывы корейцев, прибывших из-за рубежа, откликнулась только малая часть российских корейцев, которая сразу вошла в зарубежный партизанский отряд, и стала воевать вместе с русскими по плану, составленному штабом партизанских отрядов Приморья. Другая часть российских корейцев, не желая идти на конфликт с японцами, заняла нейтральную позицию. Но среди корейцев были и такие, которые пошли на сотрудничество с японцами. Как вспоминал впоследствии командир корейского отряда, Пак Чен Лим, после прибытия его отряда в Приморье он сразу почувствовал отрицательное отношение к повстанцам этой части своих соотечественников, заявлявших, что корейцы должны относиться к японцам не как к врагам, а как к братьям по вере и близким по духу людям. Пак Чен Лима насторожило, что любая подготовка его отряда к боевому контакту с японцами становилась известной противнику и корейские партизаны несли большие потери. Командование японских оккупационных сил в Приморье незамедлительно внесло коррективы в политическую пропаганду в корейской колонии. Эту работу японцы вели до самого последнего дня своего пребывания в крае. Вели грамотно, умело, используя все возможности, чтобы привлечь на свою сторону местных корейцев или хотя бы нейтрализовать враждебные действия с их стороны.

Жители села Саинбар, будучи родственниками политических иммигрантов, опасаясь за собственную судьбу в годы ин-

кие пленные, опрокинулась и один человек утонул. Многие жители Шкотова были свидетелями этой трагедии и не могли сдержать слез по поводу гибели молодого японца. Пришедшие к переправе женщины искренне сожалели, что жизнь этого солдата, уцелевшего на войне, оборвался от несчастного случая в мирное время. Утонувшего похоронили на японском кладбище, где уже были могилы его соотечественников.

В 70-х годах 20 века Шкотово посетила японская делегация, состоявшая из родственников тех, кто был похоронен на кладбище в Шкотовском районе. Делегация состояла из пожилых людей, очень похожих на наших российских стариков. Они осмотрели места захоронения своих близких, в скорбном молчании поклонились приморской земле, принявшей прах их отцов, положили цветы на едва заметные могильные холмики, выразили благодарность представителям местной власти за возможность побывать на святых для каждого японца местах и возвратились к себе на родину. Никто из шкотовцев, принимавших участие в этом ритуальном мероприятии, даже не вспомнил, что тридцать лет назад русские и японцы находились в непримиримой вражде. Комментируя произошедшие перемены, Ананий Петрович Арзамазов, родившийся, выросший и доживший до седых волос в Шкотово, задумчиво произнес: «Меняются времена, меняются люди».

Каппелевцы в Шкотовском гарнизоне

В середине 1921 года в Шкотовском гарнизоне появились каппелевцы, отнесенные сюда Народно-Революционной армией Дальневосточной республики. По численности их было значительно меньше, чем колчаковцев. И в поведении они отличались от колчаковцев большей сдержанностью и доброжелательностью к местному населению. Они не претендовали на роль главной политической силы в Приморье и не скрывали, что не хотят воевать с партизанами и ищут возможности возвратиться в Поволжье и Предуралье, где остались их семьи, родные и близкие. Знакомясь со шкотовцами, они рассказывали, что в войска Каппеля их привела безысходность, созданная на их родине политикой Военного коммунизма, против которого стал воевать бывший участник Первой мировой войны подполковник Владимир Оскарович Каппель. В результате ряда умело организованных операций он освободил от большевиков города Сызрань, Симбирск и Казань, однако удержать

лись так, что вероломные действия интервентов вызвали протест не только в России, но и в других странах, и в первую очередь в США. Понимая, что достижение цели путем провокации провалилось, японское правительство сделало вид, будто не знало о том, что намерены были делать их подчиненные в Приморье, и предложило ввести представителей Японии в состав международной комиссии, созданной во Владивостоке.

В ходе переговоров Владивостокской земской управы с японцами все партизаны, попавшие в плен 4 и 5 апреля, были освобождены. После этого начался долгий процесс выработки взаимоприемлемых соглашений по выводу иностранных войск из Приморья. Не смотря на то, что документы по соглашению были подписаны и японцы стали покидать Приморье, провокационные действия японцев в апреле 1920 года надолго испортили отношение к ним жителей Дальнего Востока. С этого времени шкотовцы стали смотреть на японцев как на людей, которым нельзя доверять. Такое мнение сохранялось многие десятилетия. Неуважение русских к японцам стало проявляться во всем. Жители Шкотова, бывшие свидетелями случившегося, не считали нужным сдерживать себя в высказываниях в адрес подданных императора Страны Восходящего Солнца: многие шкотовцы с сарказмом стали подчеркивать такую особенность японцев, как их маленький рост. Если кто-то в 20-х и 30-х годах 20 века хотел оскорбить японца, он презрительно именовал его не иначе как макака, по названию небольшой обезьянки, обитавшей на Японских островах. Японское слово «самурай» (синонимом европейских слов «рыцарь» и «дворянин») приобрело на русском Дальнем Востоке уничижительно-ругательный смысл.

Отношение шкотовцев к японцам стало меняться в лучшую сторону в 1946 году, когда на полях местного колхоза имени Лазо стали работать японские пленные. Шкотовцы увидели в них не тех самураев, о которых четверть века назад говорила страна, а обыкновенных людей с их заботами и ежедневными трудностями. В минуты отдыха молодые японцы приходили купаться в реке, где с утра и до вечера плавали и ныряли шкотовские подростки. Не смотря на то, что пленные внешне были похожи друг на друга, шкотовские мальчишками через неделю всех их звали по именам, пытались беседовать с ними, применяя отдельные японские слова и понятные обоим сторонам жесты.

Однажды, во время наводнения на реке Цемухе случилось несчастье. Лодка, на которой переправлялись на поля японс-

тервенции старались держаться в стороне от активных действий корейского отряда, чтобы не привлечь к себе внимание японцев и не навредить ни себе, ни отряду Пак Чен Лима. Так поступали не только жители Саинбара, но и многие другие корейцы. В итоге этот отряд, оказавшись без поддержки своих соотечественников, не смог включиться в борьбу, которую вели приморские партизаны. Постоянно уклоняясь от огневых контактов с японцами, он стал помехой плановым действиям русских партизанских отрядов, воевавших по единому плану. В итоге отряд Пак Чен Лима был расформирован.

Стремление приморских корейцев к политической самостоятельности

По окончании Гражданской войны Коммунистическая партия России приступила к решению мирных проблем. В.И. Ленин в это время уже был тяжело болен, в силу чего не мог влиять на внутреннюю политику государства, однако старался давать деловые советы коллегам по партии. В 1923 году «Правда» опубликовала его статью «К вопросу о национальностях или об «автономизации». В ней автор указывал, что до революции существовало два типа наций — угнетающие и угнетаемые. Угнетающие нации, к которым Владимир Ильич относил, прежде всего, великорусскую, эксплуатировали малые нации. К угнетаемым нациям в нашей стране помимо многих других, были отнесены и корейцы. Принятая Советским Союзом конституция положила конец угнетению, и В.И. Ленин потребовал, чтобы великие нации, и в первую очередь русская, компенсировали ранее нанесенный вред малым нациям. Ленин подчеркивал, что компенсировать нужно при любых обстоятельствах, даже в ущерб себе.

Революционная власть в Приморье, находясь под жестким контролем Центра, с 1923 года стала помогать малочисленным народам в местах их компактного проживания. Наиболее крупные корейские колонии в Приморье были во Владивостоке и в Хасанском районе. В Корейской слободе Владивостока советская власть построила цех по изготовлению канатов и веревок, чтобы дать возможность проживающим там корейцам найти для себя работу и хотя бы немного улучшить условия жизни. На территории Хасанского района власти создали рыболовецкие предприятия, оснастили их орудиями лова.

Краевая власть помогала хасанским корейцам всем, чем только можно было помочь. Была построена школа, где преподавание велось на корейском языке, потому что корейские дети почти не владели русским. Педагогов для этой школы набирали из местных корейцев и направляли учиться во Владивостокские ВУЗы. В районе учредили газету, издававшуюся на корейском языке, обеспечив местную типографию нужным оборудованием. Из числа корейцев стали готовить административные и технические кадры, которые в ближайшей перспективе должны были руководить корейскими селами и корейскими предприятиями. Власть Приморья строго выполняла указания Владимира Ильича.

В ряде корейских сел Шкотовской волости Ревком распорядился расширить земельные участки корейских поселений за счет территории, принадлежащей государству. В целом корейские крестьяне и рыбаки были довольны такой помощью.

Прочитав статью В.И. Ленина, корейские активисты начали вести пропаганду по созданию в Приморье автономного корейского образования. Они полагали, что автономию нужно создавать без участия русских. Наиболее подходящим местом для этого активисты считали Корейскую слободу во Владивостоке. Собрав всех корейцев, проживающих в слободе, но не пригласив на это собрание русских, активисты предложили создать здесь Корейскую республику. Это же собрание постановило «учредить во Владивостоке «Корейскую компартию» и «Союз корейской пролетарской молодежи», перед которым была поставлена цель «сбросить с себя иго прошлого и добиться настоящей свободы, не останавливаясь ни перед какими трудностями». Документы по принятым решениям корейцы отправили в Коминтерн. Все это вызвало решительные протесты русских жителей слободы и вполне обоснованные действия городской администрации.

Революционная власть Дальневосточного края, административный центр которого был в Хабаровске, увидела в этом «недружественные намерения некоторых советских и иностранных граждан корейской национальности» и отменила все, что шло в разрез с существующими законами и политическими установками ВКП(б).

Во второй половине 20-х годов 20 века жизненный уровень в Корее упал. В поисках лучшей доли корейские крестьяне стали покидать страну. Надежной охраны советско-корейской и китайско-корейской границ тогда еще не было. Обходя ред-

Во второй половине дня японцы разрешили К.Н. Павленко приступить к оказанию помощи раненым. Их было более 150 человек. Многим требовались операции и стационарное лечение. Земская больница не могла обеспечить лечением такое количество раненных, и председатель Земской управы приказал остановить занятия в школе, освободить от парт учебные классы на всех двух этажах, чтобы устроить там временный госпиталь. Для лечения нужны были врачи, и Павленко потребовал от японцев отпустить арестованных ими военных врачей гарнизона Харитонов, Тихонов, Манцева и Лебедева. Вместе с медперсоналом больницы они начали делать операции, которые продолжались до утра.

Постепенно стала проявляться обстановка, сложившаяся в гарнизоне к моменту возникновения боя. Оказалось, что днем раньше командир полка Н.К. Ильюхов был вызван во Владивосток для участия в процедуре подписания совместных русско-японских документов, регламентирующих вывод японских войск из Приморья. Обязанности командира он передал начальнику штаба полка, бывшему колчаковцу П.И. Иванову. В ночь нападения Иванов находился дома. Японцы ворвались в его квартиру и потребовали, чтобы он отдал приказ личному составу гарнизона сложить оружие и сдаться в плен. Иванов ответил отказом и был тут же застрелен. После этого начался штурм казармы 1-го Дальневосточного советского полка. Застигнутые врасплох партизаны в первые минуты боя понесли большие потери. Интернациональная рота мадьяр, располагавшаяся в казарме в северной части гарнизона, услышав стрельбу, заняла оборону на вершине сопки и открыла огонь по японцам. Этим она помогла партизанскому полку организовать оборону. Руководить обороной стал В.П. Сосинович, оказавшийся сначала отрезанным от основных сил полка. Через восемь часов ожесточенной перестрелки боеприпасы у партизан закончились, а японцы продолжали интенсивный обстрел. Чтобы сохранить жизнь своим подчиненным, Сосинович отдал приказ прекратить сопротивление. К этому времени более трехсот человек были убиты и полторы сотни ранены. Из роты интернационалистов в живых осталось только восемь человек.

Внезапное нападение японцев на партизан в Шкотово и многих других пунктах Приморья было продиктовано стремлением руководства Страны Восходящего Солнца любой ценой отстоять на русском Дальнем Востоке. Но обстоятельства сложи-

тельствующие о мирном настрое японцев. При встрече со шкотовцами они приветливо улыбались, их лица сияли счастьем и радостью. В это время командование японских войск вместе с Владивостокской земской управой и руководителями партизанских отрядов дорабатывало документы, уточняющие порядок вывода японских подразделений из Приморья. Для подписания уже отработанных документов был определен день — 5 апреля 1920 года. Видя, что все идет так, как запланировано, руководители партизан занялись текущей работой. Всем казалось, что мир между Японией и Россией наступил навсегда и можно после изнурительного напряжения расслабиться. Никто и подумать не мог, что все это умело разыгранный японцами спектакль, призванный усыпить бдительность партизан. План японцев раскрылся в ночь с 4 на 5 апреля.

5 апреля в 4 часа утра Шкотово было разбужено интенсивной ружейной стрельбой в гарнизоне, длившейся почти восемь часов. Ожесточенные бои около казарм 1-го Дальневосточного советского полка и роты интернационалистов то разгорались, то затухали. Когда стрельба прекратилась, у проходной гарнизона собралось руководство Шкотовской волостной земской управы и медперсонал земской больницы. Японцы строго запретили им заходить на территорию гарнизона, откуда слышались стоны раненных и их просьбы о помощи. Требования председателя Волостной управы Л.И. Колягина и главного врача больницы К.Н. Павленко пропустить в гарнизон фельдшеров и санитаров японцы оставляли без внимания.

Вдруг все, кто находился у проходной, увидели около казармы 1-го Дальневосточного советского полка почтальона С.И. Колягина. В руках у него была санитарная сумка и чайник с водой. Он перебежал от одного раненного к другому, давал им напиток, обмывал и перевязывал раны. Увидели это и японцы. Офицер что-то громко приказал находившимся рядом солдатам, и те кинулись к Семену, отобрали у него сумку и чайник, и стали бить прикладами ружей, а потом, повалили на землю и саблём отрубили ему голову. Двоюродный брат Семена, Л.И. Колягин, увидев случившееся, побледнел, сжал кулаки и готов был броситься на японского офицера. Но стоявший рядом Павленко преградил ему путь и оттолкнул в сторону. А потом попросил больничного фельдшера отвести Льва Ивановича домой, и побыть вместе с ним, пока тот успокоится и возьмет себя в руки.

кие заслоны пограничных страж СССР и Китая, подданные короля Страны Утренней Свежести устремились в Приморье. Экономическая и политическая жизнь Корейского королевства находилась в ту пору под полным контролем Японии. Отслеживая обстановку на русском Дальнем Востоке, Генконсульство Японии во Владивостоке сообщало своему правительству, что в 1927 году на Дальний Восток прибыло свыше 10 тысяч корейских беженцев и что советские пограничники не в состоянии пресекать нарушение госграницы, а тем более возвращать беженцев на их родину.

Небывалый наплыв перебежчиков в 1927—1929 годах испытывал и Шкотовский район. Корейские села вблизи Моленного Мыса, Новонежина, Кангауза, Майхе, Стеклянухи, Крыма и других русских селений территориально разрослись в несколько раз, но по сведениям, представляемым с мест во Владивостокский Окружной исполком, «увеличения корейского населения на юге Приморья не отмечалось». Специальная комиссия, разбиравшаяся в этом вопросе, пришла к заключению, что сельсоветы корейских сел укрывают нелегально проживающих там иностранцев. Обстоятельства, обусловившие это явление, были следующие.

В 1926 году в ходе административной реформы в Приморье вместо волостей были созданы районы. В каждом селе стали создавать сельсоветы, которым давалось право распоряжаться землей. Так как в корейских селах жили только корейцы, то и сельсоветы получились там чисто корейскими. Корейские беженцы это знали и устремились туда. Прибыв в Приморье и не имея никаких документов, они заходили в любое корейское село и, ничего не скрывая, просили председателя сельсовета дать им землю и разрешить построить на ней тиби. Председатель, движимый стремлением помочь своим братьям по крови, выдавал каждому справку с печатью, указывающую, что данный человек является жителем корейского поселения и сразу же предоставлял ему необходимый участок земли. Так как паспортной системы в Приморье еще не существовало, легализовавшийся кореец строил фанзу и жил в ней, как живут все остальные бывшие подданные Страны Утренней Свежести. Если по каким-то причинам ему нужно было поменять место жительства или возвратиться на родину, он бросал свое жилье и уходил. Никто из сотрудников районных органов власти даже не предполагал, что в корейских селах может твориться подобное. Круговая порука, сложившаяся в корейской

среде с давнего времени, способствовала сокрытию истинного положения дел.

Разобравшись в сложившейся ситуации, сотрудники ОГПУ и милиции, обеспокоенные тем, что корейские села при участии председателей сельсоветов дают убежища любому лицу корейской национальности, забили тревогу. В ходе наведения порядка представители местных властей провели беседы с каждым председателем корейского сельсовета. А те, или не понимая, или делая вид, что не понимают, в чем заключается их вина, с большой убежденностью говорили о трудностях жизни народа в Корее, и что в Приморье свободной земли еще много и не грех помочь людям, которые в ней нуждаются. Когда речь заходила о безопасности государства, председатели сельсоветов клялись, что они «кроме своих никому не позволяют жить в корейских селах». Они говорили так потому, что для любого лица корейской национальности того времени слово «кореец» и слово «свой» являлись синонимами.

Эти обстоятельства побудили руководство ОГПУ усилить оперативную работу в корейской колонии края. В начале 1928 года в Приморье были арестованы два корейских активиста, выезжавшие за рубеж. В результате всестороннего разбирательства были получены данные, что их деятельность противоречила советским законам. В соответствии с судебными приговорами они были высланы на жительство в глубинные районы страны. В корейской колонии края после этого случая стали распространяться слухи, что всех активистов, добывающих самостоятельности приморских корейцев, русские намерены сослать в Сибирь.

Весной 1929 года приморские корейцы широко отмечали десятилетнюю годовщину мартовского вооруженного восстания в Корее. Мероприятия проводились с выездом в каждое крупное корейское село специально подготовленных групп активистов. Помимо всего остального, там решался вопрос о сохранении среди российских корейцев памяти об этом восстании. По окончании объезда всех корейских сел Шкотовского, Хасанского и других районов, активисты сошлись во мнении, что лучшим способом сохранения этой памяти будет переименование двух главных улицы Корейской слободы во Владивостоке — Амурской и Хабаровской. Первую они решили назвать улицей Хон Бон До (руководитель восстания), а вторую — улицей Первого Марта (день начала восстания). Вернувшись во Владивосток, корейские активисты собрали корейцев, живу-

В декабре 1919 года Антанта перестала поддерживать Колчака. Мощное наступление Красной Армии и партизан оттеснило его полки на восток. Неудачи преследовали колчаковцев одна за другой. Моральный дух войск был подорван. Началось массовое дезертирство. Надеясь на чудо, Александр Васильевич, прихватив золотой запас России, по железной дороге начал отходить на восток. Его бывшие союзники, мятежные чехи, разуверившись в силе Верховного правителя, взяли его в плен и передали большевикам. В ночь с 6 на 7 февраля 1920 года он был расстрелян.

Колчаковские войска в Приморье оказались без военного руководства и материального обеспечения. Голодные, с минимальным запасом боеприпасов они сосредоточились в Сучанской долине. Солдаты требовали от своих командиров прекратить военные действия и дать им возможность разойтись по домам. Смутой в рядах колчаковцев воспользовалось руководство партизанских отрядов. Оно направило в бунтующие полки самых лучших своих агитаторов, поставив перед ними задачу исключить участие колчаковцев в дальнейших боевых операциях. В итоге два колчаковских полка перешли на сторону красных. В январе 1920 года на базе этих полков был создан 1-й Дальневосточный советский полк. Командиром его стал Николай Кондратьевич Ильяхов, который до Первой мировой войны учительствовал в Стекланухе. Заместителем командира по строевой части был назначен В.П. Сосинович, руководивший партизанским отрядом в Петровке. Местом дислокации 1-го Дальневосточного советского полка стало Шкотово. Кроме бывших колчаковцев, в состав партизанского полка вошла сформированная в концлагере из мадьяр и австрийцев рота интернационалистов.

Провокационное выступление японцев в 1920 году

Поражение Белого движения в России подтолкнуло Антанту дать указание правительству США, Японии и других стран вывести свои войска из Приморья. Американцы сразу покинули Шкотово. Было видно, что к эвакуации готовятся и японцы. Солдаты стали чаще ходить в увольнение, чтобы приобрести вещи, которые могли бы пригодиться им на родине. На одежде японских солдат появились красные бантики, свиде-

Надо тебе нарубить дров, возьми его, наруби и возврати на прежнее место», — уверенно говорил Николаев. А потом, понизив голос, словно заставляя прислушаться к тому, что он скажет, спокойно добавлял: «Топор брать будут все, а вот наточить его будет некому». Эта заключительная фраза заставляла крестьян крепко задуматься.

В другой раз Николаеву было поручено довести до сведения шкотовцев решения, принятые Восьмым съездом РКП(б) в марте 1919 года. В Программе партии на переходный период от капитализма к социализму было предусмотрено начать подготовку к отмене денег в стране, чтобы потом перейти к полному товарообмену. В своей речи Николаев старательно подчеркнул, что главная роль в разработке этой Программы принадлежит В.И. Ленину, опирающемуся на выводы своих помощников Бухарина, Преображенского, Пятакова и др., фамилии которых были известны жителям Шкотава. На собрании членов крестьянской общины Николаев твердо сказал: «Мы, соратники адмирала Колчака, считаем своим долгом сообщить жителям Шкотава, что отмена денег отбросит нашу страну к временам первобытного общества». И далее на простейших примерах показал, что ожидает шкотовцев, если в России не станет денег, которыми пользуются люди в течение многих веков. Присутствовавшие отказывались верить, что такое решение мог принять съезд большевистской партии, поэтому направили в Новороссию местного почтальона Семена Иовича Колягина, регулярно возившего туда почту и встречавшегося там со многими партизанскими руководителями среднего уровня. В числе знакомых Колягина были Е.П. Кудра и И.С. Зоценко. С обоими Семен побеседовал и возвратившись в Шкотово рассказал, что ни тот ни другой ничего не знают о съезде, а тем более о принятом решении вести подготовку к отмене денег. Когда это известие дошло до Николаева, тот, глядя Семену в глаза, заявил: «Вот видишь, умные люди из числа партизан сами, вероятней всего, ошарашены таким решением съезда. Оттого то они и сделали вид, что ничего не знают о принятой там Программе!».

Спустя много десятилетий в Советском Союзе стало известно, что партия большевиков, руководствуясь учением Маркса и «успехами военного коммунизма», действительно готовилась к переходу на полный товарообмен, а потом вдруг почему-то отказалась от этого. И, как знать, может колчаковская пропаганда удержала Владимира Ильича от этого явно ошибочного шага.

ших на этих улицах и предложили им утвердить такое решение. После этого стали думать, на каком языке должны быть написаны таблички, которые будут развешены на домах.

Русскоязычное население слободы, узнав о решении корейцев, выразило свой протест. Городские власти, выслушав ту и другую стороны, отменили проведенные переименования. Корейские активисты не согласились с этим. Ссылаясь на упомянутую выше статью В.И. Ленина, они стали утверждать, что русские как угнетали малые нации, так и продолжают их угнетать до сих пор. Отмену решения инициативной группы публично истолковывали как оскорбление чувств живущих в крае корейцев.

Корейцы Шкотовского района не испытывали на себе постоянного влияния политических активистов, поэтому продолжали жить и трудиться в привычном для них ритме. Будучи людьми обеспеченными, они мало интересовались проблемами, находящимися за пределами их семьи и села, и не участвовали в мероприятиях, которые не приносили материальной выгоды. Жизнь в корейских селах, разбросанных по восточному побережью Уссурийского залива, текла размеренно и спокойно.

В 1931 году Япония захватила Маньчжурию. Руководство Страны Восходящего Солнца стало готовиться к нападению на Советский Союз. Подготовка шла основательно. В Харбине был создан разведывательный центр, получивший название «Японская Военная Миссия» (ЯВМ). В задачу этого центра входила вербовка агентов из числа корейцев, проживавших в Маньчжурии и засылка их в СССР. В Приморье эти агенты, маскируясь под местных корейцев, должны были изучать военно-промышленный потенциал Дальнего Востока и процессы, происходящие в корейской среде. Одновременно была усилена разведывательная деятельность с позиции Японского Генерального Консульства во Владивостоке. В штат Консульства были введены два новых сотрудника, владевшие корейским языком и подчинявшиеся лично Генеральному Консулу. Их внимание было сосредоточено на корейской колонии Хасанского и Шкотовского районов. Они стремились как можно детальней знать отношение местных корейцев к проводимой в Приморье коллективизации и выяснить, не намерены ли корейцы последовать примеру русских крестьян, восставших против действий советских властей. Все сведения японской разведки направлялись в Генштаб для учета при корректировке плана предстоящей войны.

В эти годы несколько сотен приморских корейцев были направлены на учебу в военную школу, находившуюся в Ленинграде. По окончании учебы они должны были оказывать помощь революционным силам Кореи. Для этого их объединили в национальные полки и включили в состав Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии.

Получив эти сведения, японцы стали искать подходы к командному составу корейских национальных полков, чтобы после вербовки использовать их в войне против СССР. По информации одного из руководителей советской контрразведки того времени Д.Г. Федичкина, юность которого прошла в Шкотовской волости, японцам удалось привлечь на свою сторону несколько корейцев, служивших в национальных полках, и советским властям в 1935 году пришлось расформировать эти корейские подразделения.

В 1936 году японский Генштаб завершил работу по составлению плана войны с Советским Союзом и доложил о нем императору. Кроме войсковых операций данным планом предусматривалось использование в интересах Японии корейского населения Дальневосточного края. С получением сведений об этом плане руководители СССР приступили к организации мер защиты.

Большую озабоченность советского руководства в этот период вызывало устойчивое стремление корейцев Хасанского района преобразовать районную территорию в автономную область. Корейские активисты, продвигавшие такую идею, были убеждены, что, освободившись от подчинения Дальневосточному Крайисполкому, корейцы станут жить лучше, свободней и делать в основном то, что нужно корейцам. Может быть в другой обстановке идея с автономией и нашла бы поддержку местных властей, но в период, когда Япония усиленно вела подготовку к войне и ставила целью отторгнуть от СССР территории, богатые сырьевыми ресурсами, активистам Хасанского района было предложено приостановить деятельность по созданию автономного формирования. Однако, увлеченные успешно начатым делом, активисты оставили рекомендации властей без внимания и продолжали работать с прежним накалом, агитируя советских граждан корейской национальности всеми силами добиваться поставленной цели. Корейцы верили своим руководителям и выполняли все, что те от них требовали.

Оборонительная практика всех государств в случае угрозы войны предусматривает высылку за пределы вероятного

варительно вести разъяснение, что кони нужны Колчаку для борьбы с большевистским режимом, и научил их, как это следует делать. По рекомендации Волкова, его помощники стали доводить до населения факты бедственного положения крестьян в европейской России заверяя, что если у Колчака хватит сил победить Красную Армию, то приморским крестьянам не придется испытывать того голода, который свирепствует в центральных российских губерниях. Подобная пропаганда в большинстве случаев приносила положительный результат.

Волков был из тех генералов, которые понимали, что во всякой войне пропаганда становится мощным оружием, способным ослабить силы врага и тем самым укрепить собственные. Оказавшийся в центре военных событий в Приморье, он стал перестраивать систему пропагандистской работы колчаковцев, привлекая к этому делу грамотных, хорошо подготовленных офицеров и солдат, имеющих связи среди местных крестьян. Офицеры подбирали для пропагандистов, выполнявших эту работу, такую информацию, которая была бы понятной большинству населения, и учили своих помощников ненавязчиво доводить эти сведения до собеседников.

Когда Волкову стало известно, что большевики с участием командиров партизанских отрядов начали разъяснять крестьянам преимущества социализма перед капитализмом, а те с огромным вниманием слушали их, он предложил пропагандистам в каждом конкретном случае находить в большевистской пропаганде слабое звено и всеми силами стараться разрушить его. Все остальное, как он утверждал, само по себе развалится как картонный домик, потерявший опору.

В Шкотово талантливо выполнял такую работу писарь 31-го Восточно-Сибирского полка Леонид Николаев. Однажды он побывал на беседе командира партизанского отряда Емельяна Кудры с населением села Новороссии, в которой тот говорил, что главным достоинством социализма перед капитализмом будет являться общественная собственность. Николаев решил внести сомнение в этот довод. Возвратившись в Шкотово, он в беседе со своими знакомыми стал хвалить многие мысли, высказанные Кудрой, и как бы поддерживая их стал размышлять: «Действительно, зачем сегодня в каждом крестьянском дворе без дела лежат по 5-6 топоров, если дрова нужно рубить не чаще одного раза в неделю. При социализме этот недостаток будет обязательно устранен. На каждой улице на самом видном месте будет находиться общественный топор.

санитаров, подсобных рабочих и поваров. Больные и раненные стали поправляться. Здоровых по требованию колчаковцев нужно было сразу же переводить в концлагерь для пленных. Однако Павленко договорился с командованием гарнизона и стал оставлять их в госпитале для хозяйственных дел, освобождая от этой работы колчаковских солдат.

Умерших в пути следования колчаковцы похоронили в единой могиле около стрельбища, на западной стороне современного Шкотовского кладбища. Морозы в ту зиму были жестокими. Они помешали вырыть могилу достаточной глубины. Как только земля оттаяла и грунт на могиле осел, шкотовцы обнаружили трупы красноармейцев. Учитывая, что об этом захоронении кроме колчаковцев мало кто знал, по селу стали распространяться слухи о зверствах, творимых сторонниками Колчака, учинивших расстрел мирных жителей Шкотовской волости. Не смотря на то, что никто из распространителей этих слухов не мог назвать ни одной фамилии тех, кто был расстрелян, слухи продолжали множиться. Этому способствовала усиливавшаяся в Приморье Гражданская война.

В 1923 году жители Шкотава перезахоронили умерших красноармейцев на окраине первого сельского кладбища вблизи современного переезда. В десятилетие Октябрьской революции на их могиле поставили памятник, выполненный в виде трибуны, обращенной лицевой стороной к поселковой площади. На памятнике масляной краской написали слова: «Борцам за дело революции». В годы советской власти у этой трибуны проводились митинги, парады и демонстрации.

В середине 1919 года в самый разгар Гражданской войны в Шкотовский гарнизон прибыл один из ближайших помощников Колчака генерал Вячеслав Иванович Волков. Основной целью его приезда была закупка коней для формирования новых казачьих частей колчаковской армии. Высокое воинское звание и близость к Верховному правителю сделали Волкова одной из заметных фигур белого движения на юге Приморья. Он стал фактическим начальником Шкотовского гарнизона. Выполняя задачу, поставленную Колчаком, Волков направлял своих помощников в отдаленные села для закупки коней. Там, где его помощники и крестьяне не могли договориться в цене, включались меры морально-политического принуждения. Это вызывало недовольства крестьян, не желавших отдавать своих лучших коней за бесценку. Чтобы не осложнять обстановку, Волков приказал своим подчиненным в каждом селе пред-

театра военных действий социальные группы, которые могут перейти на сторону врага. Такие группы во всем мире называются неблагонадежными. В 1937 году к числу неблагонадежных были отнесены корейцы, проживавшие на Дальнем Востоке. Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) приняли постановление об административном переселении граждан корейской национальности из приграничных районов Дальневосточного края в Казахстан. Выселение было поручено весте Краевому Управлению НКВД. До каждого сотрудника этого Управления было доведено, что по новому месту жительства корейцы будут трудоустроены и получат жилье.

В Шкотовском районе переселением занимались сотрудники Районного отдела УНКВД с привлечением работников местной милиции. В их распоряжение был предоставлен железнодорожный состав из крытых товарных вагонов, оборудованных нарами, и несколько грузовиков. В назначенный срок машины стали объезжать корейские села и забирать обезумевших от горя людей. За неделю в Шкотовском районе опустело около 40 корейских селений. Первыми были высланы основатели Саинбара, семьи корейцев, проживавших рядом с Петровкой, Романовкой, Штыково, жители Андреевки и корейского поселения в Мамантовой пади. Как впоследствии вспоминали сотрудники Шкотовского РО НКВД Василий Емельянович Кудра и Алексей Филиппович Хортов, за время депортации им пришлось увидеть столько людских страданий, сколько они до этого не видели никогда. Корейские женщины, услышав звук приближающихся грузовиков, выбегали из тиби, в истерике бились о землю, умоляли приехавших дать им возможность умереть на своей родине. Они спрашивали Кудру и Хортова, в чем их вина, и, не ожидая ответа, твердили, что готовы нести за нее любое наказание, только не высылку. Рыдания женщин и плач детей слышны были в корейских селениях вдоль всей дороги, по которой курсировали эти наводящие ужас грузовики.

После первого дня депортации Хортов и Кудра, а также все остальные сотрудники Шкотовского РО возвратились домой с опустошенной душой. Они заявили своему руководству, что не смогут дальше выполнять такую работу, так как окунувшись в людское горе оказались на грани нервного срыва. Начальник райотделения Каменский доложил об эмоциональном состоянии своих подчиненных во Владивосток, полагая, что оттуда последует решение, способное изменить ход событий, но

из Владивостока был получен ответ, что личную ответственность за депортацию несут руководители Центрального аппарата НКВД, и только они могут вносить в этот процесс даже самые незначительные коррективы. Владивостокский Окружной отдел в данной ситуации может только направить в Шкотово несколько милиционеров, привыкших действовать в экстремальных условиях.

Когда последний состав с корейскими семьями покинул станцию Шкотово, многие жители района, жившие вблизи опустевших корейских сел, никак не могли обрести былое спокойствие. Долгое время они вздрагивали от любого женского крика и от громкого плача детей.

К лету 1938 года в Шкотово стали доходить печальные слухи, что несколько корейцев, высланных в Казахстан, умерли в пути следования, а большинство из тех, кто благополучно доехал до места, не получили ни жилья, ни работы. Были случаи, когда поезда с корейцами останавливались среди голой степи, и прибывшим предлагали выгружать свои вещи и начинать строить жилье, потому что именно здесь должен быть их поселок. Руководители партийных организаций Казахстана сбивались с ног, чтобы обеспечить переселенцев хоть каким-нибудь материалом для постройки хижины, юрта или иного жилья.

Приближалась зима. Корейцы, оказавшись в тяжелейшем положении, впали в отчаяние. С наступлением холодов казахи, видя отчаянное положение прибывших, были вынуждены поселить корейских женщин с детьми в своих юртах. Не будь такой человеческой помощи, многие из депортированных погибли бы в морозной степи.

Вину за случившееся высшее руководство страны пыталось возложить на сотрудников НКВД, отправлявших корейцев в Казахстан. Обвиняли в этом и работников Шкотовского районного отделения. В обстановке, которая тогда была в СССР, реагировать на подобные обвинения можно было только смиренным молчанием. И шкотовцы более года безропотно принимали на себя чужие грехи. В 1939 году, когда положение немного улучшилось, А.Ф. Хортов и В.Е. Кудра, стремясь отвести от себя незаслуженные обвинения, в частных беседах с друзьями стали рассказывать, что, участвуя в депортации, они строго выполняли указания Центра, и действовали исключительно в рамках, которые были им определены. Обо всех случаях, сопряженных с трудностями при отправке, они докладывали своим руководителям, а те ставили в известность

им даже первую медицинскую помощь. Эшелоны с ранеными колчаковцы отправляли на восток. Один из них в начале 1919 года прибыл в Шкотово. Эта станция была последней, где еще находились войска Колчака. Дальше были с Кангауз и Новонежино, контролируемые партизанами. Начальник конвоя, охранявшего пленных, опасаясь за судьбу своих подчиненных, приказал машинисту паровоза загнать эшелон в тупик, а сам пошел в гарнизон решать с командованием, что делать с ранеными. В тупике эшелон простоял больше недели. Поняв, что командование гарнизона отказывается принимать у него пленных, начальник конвоя обратился за помощью к властям Шкотовской волости объяснив, что у пленных красноармейцев кончилось питание, нет дров для отопления вагонов. Разобраться с возникшей ситуацией было поручено главному врачу Шкотовской земской больницы Константину Николаевичу Павленко.

Обследовав весь эшелон, Павленко увидел, что в вагонах рядом с больными и ранеными лежат окоченевшие трупы. Мало кто из красноармейцев был способен самостоятельно двигаться. Более двухсот человек надо было госпитализировать. Но в гарнизоне отсутствовал госпиталь, а Шкотовская больница располагала всего десятью койками.

В гарнизоне был единственный врач, но и тот не имел нужных медикаментов и хирургического инструмента, чтобы делать простейшие операции. То же было и в Шкотовской земской больнице. Это побудило Павленко обратиться за помощью к интервентам. Японцы и американцы, желая показать себя перед русскими с лучшей стороны, дали лекарства и хирургический инструмент.

Пока врач и фельдшеры перевязывали раненых, гарнизонное руководство по просьбе Константина Николаевича освободило два больших помещения в одной из казарм и приступило к созданию там временного госпиталя. В них поставили кровати, сложили печи для приготовления пищи. Шкотовские крестьяне привезли дрова, продукты, посуду, постельные принадлежности и госпиталь заработал.

Медперсонал Шкотовской земской больницы, в штате которой состоял один врач и три фельдшера, не в состоянии был организовать лечебный процесс в таком большом госпитале, поэтому Павленко обратился с просьбой к руководству Владивостокской Земской управы прислать на помощь еще трех фельдшеров. Командование гарнизона направило в госпиталь около десятка солдат, которые стали выполнять функции

как инструмент для захвата природных богатств слабеющей с каждым днем бывшей Российской империи.

Соединенные Штаты Америки, вступившие в Мировую войну после падения режима Николая II, питали надежду закрепиться на русском Дальнем Востоке, установив выгодные для себя отношения с новым российским правительством. На участие в интервенции они согласились при условии, что им будет позволено вести себя нейтрально по отношению к белым и красным, воюющим между собой. Получив такое согласие, президент США дал указание американским войскам в любых обстоятельствах не вступать в открытый конфликт ни с белыми, ни с красными.

В апреле 1918 года японцы и американцы высадились во Владивостоке. И те и другие планировали закрепиться в крупных населенных пунктах, обстановка в которых позволяла бы выполнять стоящие перед ними задачи.

Первыми в Шкотово прибыли японцы и заняли в гарнизоне казарму рядом с железной дорогой. Американцы, появившиеся здесь днем позже, расположились в казарме, стоявшей ближе к селу. Из бывших частей царской армии в Шкотово дислоцировался 31-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Кроме него, на территории гарнизона находился концлагерь с австрийцами и венграми, а также пленными из других стран. Большевики сразу после высадки иностранцев во Владивостоке стали создавать партизанские отряды для борьбы с интервентами. Многие из австрийцев и мадьяр при участии большевиков сформировали интернациональную роту, которая была включена в состав 1-го Дальневосточного Советского полка, и стали готовиться к предстоящим боям.

В ноябре 1918 года адмирал Колчак совершил переворот в Сибири и объявил себя Верховным правителем Российского государства. Резиденцией Колчака стал город Омск. Бывшие войска царской армии в Сибири и на Дальнем Востоке оказались в его подчинении. Таким образом, 31-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в Шкотовском гарнизоне автоматически стал колчаковским.

На Урале и в Поволжье в это время развернулись бои между Красной армией и войсками Верховного правителя. Красные ежедневно несли большие потери. При отступлении войск Красной армии многие раненные красноармейцы попали в плен. Их было так много, что прифронтовые госпитали не могли оказать

Окружной отдел во Владивостоке. Поэтому за то, что случилось с корейцами в Казахстане, лично они ответственности не несут.

Выражая свое отношение к депортации, Хортов и Кудра считали, что этот шаг правительства следует рассматривать с двух позиций. Во-первых, с позиции необходимости усиления обороноспособности Дальнего Востока в период реальной угрозы войны, а во-вторых, с позиции соблюдения прав человека, декларированных действующей на тот момент Сталинской конституцией. Если в первом случае депортация была обоснованной, то во втором ее следует считать непродуманной и поспешной и даже преступной, приведшей к гибели и страданиям многих людей.

В конце второй половины 20 века, когда из Казахстана в Приморье начали возвращаться корейцы, в ряде случаев с их стороны стали высказываться суждения, что все они были высланы беспричинно, так как никакой угрозы нападения со стороны Японии на нашу страну тогда не было. Такая трактовка минувших событий вступала в противоречие с материалами документов, находившихся в архивах СССР. С отдельными из них по указанию партийного руководства был ознакомлен бывший секретарь Шкотовского РК ВЛКСМ Василий Спиридонович Федосов, работавший в тот период в Управлении КГБ СССР по Приморскому краю. По рекомендации Приморского Крайкома КПСС и Управления КГБ, он прочитал в Шкотовском районе несколько лекций о взаимоотношениях СССР и Японии накануне Великой Отечественной войны. Кроме того он использовал информацию, полученную от сотрудников УКГБ Ким Хи Чера, Ким Хя Сека и Василия Кима, работавших в 1937 году в НКВД. Вот что рассказал Василий Спиридонович шкотовцам.

Владивостокский Окружной отдел по каналам Коминтерна в 1937 году получил сведения, что «находящаяся нелегально в Маньчжурии группа корейских борцов за свободу своей родины ищет возможности перехода в СССР, чтобы с позиции Приморья продолжить борьбу с японскими поработителями». Перепроверить эти данные было поручено владивостокским контрразведчикам Сергееву, Стаханову, Котенко, Ким Хи Черу, Ким Хя Секу и В. Киму. Этой группе понадобился год, чтобы разобраться в сути событий. В итоге они пришли к заключению, что в Маньчжурии японцы создали корейский диверсионный отряд, возглавляемый корейцем Ли Хай Ченом, находящимся на японской службе. Для обезвреживания

этого отряда контрразведчики вступили с ним в оперативную игру. Сотрудникам Владивостокского отдела госбезопасности, выступавшим под прикрытием Коминтерна, удалось убедить ЯВМ, что все начинания корейских революционеров будут поддержаны, если отряд перейдет на советскую территорию для специальной подготовки. Японцы согласились с такими условиями, и в начале 1940 года в край конспиративно прибыло 56 вооруженных корейцев, игравших роль борцов за независимость. Приморские контрразведчики разделили их на несколько групп и каждую поселили отдельно в пригородных районах Владивостока. Руководитель отряда, Ли Хай Чен, сославшись на якобы профессиональную неграмотность своих подчиненных, попросил «представителей Коминтерна» провести их обучение по специальной программе, которая предусматривала бы изучение диверсионного дела, методов сбора политической информации и особенностей вербовки агентов из военной среды.

Сотрудники госбезопасности начали оперативную разработку каждого из участников лихайченовской группы. В ходе этой работы выяснилось, что отряд находится в подчинении начальника штаба японской Квантунской армии генерала Имуры, который поставил перед Ли Хай Ченом задачу постоянно пополнять свою группу новыми «борцами за дело революции в Корее». Выполняя эти требования Имуры, Ли Хай Чен добился согласия «сотрудников Коминтерна» на такое пополнение. Как только японцы почувствовали, что все идет по разработанному ими сценарию, они обратились к советской стороне принять в этот отряд для обучения еще 20 человек. «Коминтерновцы» согласились. После этого Ли Хай Чен получил от Имуры главное задание, ради которого его отряд был направлен в СССР. Ему предлагалось выяснить, в каких частях Красной Армии служат корейцы и где находятся эти части, и как можно быстрее завязать с ними личный контакт, чтобы сформировать из них диверсионно-разведывательные группы, которые должны были начать действовать после вступления Японии в войну с Советским Союзом.

Таким образом, приморские контрразведчики получили неопровержимые доказательства о намерении Японии использовать советских корейцев в военных действиях против СССР.

В сентябре 1941 года военный трибунал Дальневосточного фронта рассмотрел материалы уголовного дела на шпионско-диверсионный отряд Ли Хай Чена. Все его участники были

цев и венгров как опасных врагов и относилось к ним как к людям, попавшим в беду. Вскоре в Шкотово стало известно, что правительство Австро-Венгрии объявило собственных граждан, сдавшихся в плен, изменниками родины. Как только эти сведения докатились до Шкотова, находящиеся в концлагере пленные поняли, что, возвратившись на родину, каждый из них будет осужден по законам военного времени. Избежать наказания они могли только навсегда оставшись в России или в том случае, если в войне победят страны Антанты.

Февральская революция 1917 года внесла коррективы в жизнь Шкотовского гарнизона. После свержения с престола Николая II в Приморье развернулась борьба за власть между различными политическими партиями и группировками. Каждая из них стремилась привлечь на свою сторону войска, находящиеся в нашем крае. Контингент гарнизона стал объектом внимания большевиков, меньшевиков, кадетов, эсеров и прочих политических сил. Их представители регулярно проводили беседы в офицерской и солдатской среде, разъясняя задачи, стоящие перед партиями, которые они представляли.

Октябрьский переворот изменил направление и активность происходивших в стране событий. К власти пришли большевики во главе с Лениным, начавшие борьбу за социальные преобразования. Противников у большевиков было много, и страна очень скоро оказалась ввергнутой в политический хаос. Русская армия, еще недавно способная сдерживать натиск на фронтах Мировой войны, практически развалилась. По убеждению Ленина, единственным выходом спасти страну от развала было заключение сепаратного мира с Германией. Ориентированный на это Брестский мир был подписан в марте 1918 года. Как только соглашение между Россией и Германией стало свершившимся фактом, Англия, Франция, США и Япония посчитали необходимым выработать единую политику в отношении нашей страны. Они разработали план, предусматривающий высадку своих войск в портах Мурманск и Владивосток, чтобы исключить возможность захвата Германией складов с оружием и боеприпасами, являвшимися собственностью стран Антанты. При составлении плана союзники полагали действовать по единому замыслу. Однако, как только план был подписан и войска введены, каждая из стран содружества во главу угла начала ставить интересы своего государства. Так, Япония, ближайший сосед и давний соперник России на Дальнем Востоке, стала рассматривать интервенцию

обложил все фруктовые сады СССР высочайший налогом. Колхозы и промышленные предприятия, имевшие в своих подсобных хозяйствах фруктово-ягодные сады, спешно стали избавляться от них. В эти годы были уничтожены сады не только в Шкотовском районе, но также в Анучинском, Михайловском, Сучанском, Кавалеровском и других районах Приморского края.

Шкотовский гарнизон с 1914 по 1920 годы

В 1914 году в Европе разразилась Мировая война. Многие солдаты и офицеры, служившие в Шкотовском гарнизоне, были отправлены на фронт. Там, на далеком западе, в смертельной схватке сошлись народы Великобритании, Франции, России и Сербии с одной стороны, Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии и Румынии — с другой. Война за короткое время из локальной переросла в мировую, в которой уже принимали участие 33 государства. Возникшую в 1914 году войну тогда не называли Первой мировой, потому что никто не мог даже подумать, что когда-то такое может еще раз повториться.

Япония долго не вступала в войну, хотя и была союзницей Англии, сражавшейся в составе Антанты. В 1914-1918 годах Антанта (союз Англии, Франции и России) противостояла Германии и ее союзникам. Взаимоотношения между нашей страной и Японией были далеки от дружественных, и это сдерживало российское правительство от отправки в Европу всех войск, дислоцированных на Дальнем Востоке. Шкотовский гарнизон, опустевший наполовину, находился в постоянной готовности к бою. В июне 1916 года российские дипломаты смогли заключить с Японией договор о ненападении, и гарнизон в селе Шкотово почти полностью опустел. Окна в казармах заколотили досками, а двери закрыли на висячий замок. Для охраны имущества в Шкотово осталось лишь небольшое караульное подразделение. Но так продолжалось недолго.

Успешные действия русских войск в Австро-Венгрии завершились тем, что Русская армия взяла в плен большой контингент мадьяр и австрийцев. Их срочно надо было вывести в тыл и разместить в лагерях как можно дальше от фронта. Места лучше, чем Шкотово, трудно было найти. Пленных привезли сюда по железной дороге, поселили в казармах и стали использовать на прокладке дорог, ремонте мостов, на лесных разработках. Местное население не воспринимало австрий-

осужденны по законам военного времени. Лекции бывшего секретаря Шкотовского Райкома ВЛКСМ В.С. Федосова сбили волну домыслов, искажавших причины переселения советских корейцев в Среднюю Азию. Однако они не дали ответы на все вопросы, связанные с депортацией. Ответы на них, по всей вероятности, будут даны после того, когда компетентные органы снимут гриф секретности с Постановления СНК и ЦК ВКП(б) «Об административном переселении корейцев из приграничных районов Дальнего Востока в Казахстан».

Теперь настала пора возвратиться к истории Шкотова и сел Шкотовского района, начиная с 80-х годов 19 столетия.

Шкотово в 80-х годах 19 века

С середины 80-х годов 19 столетия Шкотово стало приобретать вид типичного русского села, внешне похожего на многие села европейской России. Крестьянские усадьбы в нем располагались далеко друг от друга. В некоторых из них было по два и более жилых дома, в которых проживали семьи женатых, но не отделившихся пока сыновей. По архитектуре жилых и хозяйственных помещений, их расположению на местности усадьбы крестьян делились на три ярко выраженных разновидности — Тамбовскую, Вятскую и Пермскую.

Выходцы из Перми весь хозяйственный комплекс устраивали под одной крышей. Внешне такие усадьбы были чем-то похожи на современные электрички, в которых вагоны располагаются тесно прижавшись друг к другу. У пермяков впереди стоял жилой дом, торец которого подступал к воротам, выходящим на улицу. Впритык к этому дому находился коровник, за ним шли конюшня, овчарня, птичник, свинарник, амбар, дровяной склад и баня. В зимнюю стужу и в проливные дожди из жилого дома, не выходя из-под крыши, можно было пройти в любое из помещений. У некоторых пермяков, таких как Ждановы и Астафуровы, весь этот комплекс растягивался на 40 и более метров. Такой хозяйственный двор выглядел не совсем привлекательно, но зато был хорошо приспособлен к снежным зимам, какие обычно бывают в Пермской губернии, и дождливому лету, характерному для Приморья.

Постройки крестьянских усадеб тамбовцев и вятичей тоже были под одной крышей, но их расположение на местности повторяло очертание буквы «П», лежащей перекадиной в

противоположную от улицы сторону. Первым от дороги с левой стороны всегда стоял жилой дом, а с правой — амбар. За жилым домом под навесом находились дровяной склад и площадка для сельскохозяйственного инвентаря, телег и саней. По линии перекадины буквы «П» размещались конюшня, коровник, овчарня, свинарник. Между коровником и конюшней был обязательно большой крытый сеновал. Окна из помещений, в которых содержались животные, выходили в сторону огорода, что позволяло складировать навоз вдали от улицы и не допускать летом скопления мух поблизости от жилья. С другой стороны хозяйственного двора после амбара всегда была баня, а чуть в стороне от нее колодец.

Одновременно со сходством крестьянских усадеб тамбовцев и вятичей было и много различий. Вятичи ставили жилой дом перпендикулярно к улице, а тамбовцы обязательно параллельно ей. Крыши вятских домов были двухскатными, а тамбовских — четырехскатными. Вятичи огораживали хозяйственный двор легким забором, а тамбовцы делали этот забор из массивных кольев, плотно прижатых друг к другу. Когда хозяйева закрывали ворота на прочную жердь, усадьба превращалась в неприступную крепость. Такое устройство двора у тамбовцев было отзвуком древних времен, когда вся тамбовщина находилась на окраине русских земель и граничила с Диким полем, по которому кочевали различные племена, нападавшие ради добычи на усадьбы оседлых русских крестьян, что заставляло тамбовцев ежеминутно быть готовым к самозащите.

Особенности шкотовских крестьянских дворов, сохранявшиеся до начала 20 века, давали возможность каждому, посетившему это село, безошибочно узнавать, где проживают переселенцы из Вятки, из Перми и из Тамбова. Легко различимая многотипность крестьянских усадеб и в то же время их схожесть придавала Шкотову какой-то особенно привлекательный вид, существенно отличавший его от внешнего вида других сел, созданных в 80-х и 90-х годах на юге Приморья.

Говоры великорусского языка в Шкотово в 19 веке

С самого первого дня Шкотово было русскоговорящим селом, в отличие от сел, созданных в его окружении позже. В 80-х и 90-х годах 19 столетия рядом со Шкотово были основаны села

рез несколько лет и тот и другой пришли к заключению, что привезенные из России и Америки садовые культуры не пригодны для разведения в условиях приморского климата.

Выводы, сделанные этими уважаемыми в крае людьми, натолкнули жителя Цемухинской волости П.А. Кашкина, владельца одного из хуторов, расположенных рядом со Шкотово на мысль, что путь к успешному садоводству в Приморье должен идти через селекцию. Кашкин высадил на своем хуторе более 250 сортов яблонь, привезенных отовсюду, и несколько лет внимательно изучал их развитие. В итоге для дальнейшей работы он оставил только семь наиболее перспективных сортов. К большому сожалению, Кашкин не успел закончить работу. Его питомник и сад в годы Гражданской войны были полностью уничтожены. Погибли яблони, районирование которых, по мнению П.А. Кашкина, подходило к концу.

Параллельно с Кашкиным селекцией фруктовых культур стал заниматься шкотовский крестьянин Григорий Павлович Мамонтов. Главное внимание он сосредоточил на сливах. Первые саженцы он купил в селе Астраханка. Рядом со своим питомником Григорий Павлович посадил по тем временам большой сливовый сад, в котором росло 45 плодовых деревьев и более 120 кустов различных ягодных культур. Мамонтов щедро делился саженцами и собственным опытом со всеми, кто обращался к нему. С легкой руки Григория Павловича около многих шкотовских домов стали расти сливовые деревья. Усадьба Мамантова располагалась вблизи перекрестка нынешних улиц Ленинской и Анисимовской. Там, в доме № 2 на Анисимовской, и сегодня живут потомки Григория Павловича.

Вслед за Мамонтовым садоводством в Шкотово стал заниматься Григорий Васильевич Горовой. Несмотря на то, что его сад находились не на самом лучшем для садоводства участке (в центре поселка у северо-западного склона Сопки Любви), Григорий Васильевич добился потрясающих результатов в выращивании ранеток, отдельных сортов яблок и слив. Сад Горового просуществовал более полувека и был одним лучших садов в Шкотовском районе.

Григорий Васильевич был инициатором и активнейшим участником в создании фруктового сада в колхозе имени Лазо, находившемся на левом берегу Шкотовки. К сожалению, этот колхозный сад был списан и уничтожен как нерентабельный в период, когда страной управлял Никита Сергеевич Хрущев. Желая повысить уровень экономики Советского Союза, он

В ходе этой дружеской встречи Г. Колягин рассказал шкотовцам, что с Василием он знаком с довоенного времени. В годы русско-японской войны, находясь под Ляояном, он случайно встретил Василия, фанза которого располагалась в одной из китайских деревень в долине реки Ляохе. Неоднократно бывал у него дома, познакомился с женой и малолетними сыновьями. Слушая этот рассказ, Василий согласно кивал головой, а потом по-китайски добавил, что несколько раз ходил в разведку по просьбе русского «капитана» в ту местность, откуда шли японцы на Порт-Артур. Деньги за эту работу он не брал, потому что с «капитаном» его познакомил Григорий.

О проведенной шкотовцами акции по уничтожению банды хунхузов через несколько дней стало известно всему руководству волости. Однако никто из них никаких мер воздействия к исполнителям этой операции даже не предлагал. Все понимали, что крестьяне поступили правильно.

Создание в Шкотово фруктовых садов

С 1883 года Уссурийский край стал заселяться выходцами из Черниговской, Полтавской и Киевской губерний, где садоводство было распространено повсеместно и имело большое значение для жизни людей. В селах Цемухинской волости, где жили украинские новоселы, стали появляться фруктовые и ягодные сады. Вслед за украинцами начали разводить сады белорусы и русские. Приморские крестьяне сразу столкнулись с проблемой приобретения фруктовых саженцев.

В начале 90-х годов из Одессы во Владивосток на специально зафрахтованном пароходе местные предприниматели привезли несколько тысяч саженцев яблонь, слив, груш, вишни, черешни, малины, смородины, крыжовника, которые моментально были раскуплены крестьянами. В Приморье началась своего рода садовая лихорадка. Стало престижным иметь рядом с домом фруктовый сад или хотя бы несколько кустов малины и крыжовника. В Цемухинской волости к удовлетворению потребностей в посадочном материале подключились Старцев и Шевелев. В своих имениях на Путятине и вблизи Суходола они создали питомники, в которых выращивали саженцы яблонь и прочих садовых культур, на которые был повышенный спрос. Исходный материал они получали из Соединенных Штатов Америки и европейской России. Однако че-

Майхе (современное Штыково), Многоудобное, называвшееся изначально Великоудобным, Новохатуничи, Смяличи, Новонежино, Петровка, Царевка, Романовка, Речица. Создателями всех этих сел были белорусы из Суражского уезда Черниговской губернии.

На рубеже 19 и 20 веков в Приморье стали переселяться украинцы из Киевской и Полтавской губерний. В Шкотовском районе они основали Новомоскву и Нововасильковку, а также значительно пополнили население Новонежина и Романовки. Постепенно во всех населенных пунктах около Шкотова стал формироваться смешанный белорусско-украинско-русский язык, который местные жители называли языком «деревенским» в отличие от языка, на котором говорили жители Шкотова, Владивостока, Уссурийска, Раздольного и других крупных населенных пунктов Приморья.

Язык, который был распространен в Шкотово в 80-90 годах 19 столетия хотя и назывался великорусским, но существенно отличался от нынешнего русского языка. До начала 80-х годов здесь господствовал сибирский говор с присущими для него словами, интонациями и оборотами речи. С весны 1878 года, когда в Шкотово пришли переселенцы из низовьев Амура, на равных правах с сибирским говором здесь зазвучали тамбовский, пермский и вятский говоры.

В жаркие летние дни на сельских улицах, на полях и на речке с разных сторон слышны были торопливые возгласы пермяков с мягким упором на «О». Им вторила плавная окающая, немного грубоватая вятская речь, а также певучая с оттенком важности речь бывших тамбовцев, настойчиво заменяющих, где только можно, звук «О» на звук «А».

По Шкотово стали распространяться слова, характерные для всех четырех великорусских губерний. Сибирский говор, впитавший в себя слова и интонации северных губерний России, быстро стал вытесняться другими и вскоре растворился совсем, хотя еще в 90-х годах 19 века шкотовцы отличали бывших сибиряков от всех остальных по задаваемому ими вопросу «чьи вы будете», адресованному незнакомому человеку, когда хотели узнать его фамилию. На такой вопрос сибиряки отвечали, «мы будем Пашкеевых» или «мы будем Степановых» и т.д.

Прочно укрепившееся многообразие говоров какое-то время плохо влияло на эмоциональный настрой населения. Каждый из представителей земляческих групп считал, что самым правильным языком, самым правильным говором является тот,

на котором изъясняется он и его товарищи, а все остальные только портят русскую речь. Выражая свое несогласие с особенностями речи других, некоторые юные шкотовцы начали использовать характерные областные слова в качестве насмешек над теми, кто их постоянно использовал. К примеру, вятичи приезжавшего в село фельдшера называли привычным для них словом пухторь. Приглашая его к столу в знак благодарности за оказанную медицинскую помощь они говорили: «Просим испить с нами чайку из только что заварганившего чемодура». Тем, кто приглашал фельдшера, эти слова были близкими и понятными. А вот тамбовская молодежь начинала демонстративно смеяться над вятичами делая вид, будто не понимает, что означают слова пухторь и чемодур и как переводится на русский язык слово «заварганивший». В вопросах, задаваемых вятичам по этому поводу, звучала насмешка близкая к оскорблению.

Вятичи в свою очередь, поддерживая общий эмоциональный настрой, называли шкотовских тамбовцев «тырлами» и «басалыками», так как именно эти слова в тамбовской среде находили широкое применение. «Тырло» в лексиконе тамбовцев означало тенистое место на пастбище вблизи водопоя, куда в жаркое время пастухи сгоняли коров, чтобы хозяйки их могли подоить. А под «басалыками» бывшие жители Тамбовской губернии подразумевали кислую болотистую почву, не пригодную для выращивания зерновых. Предостерегая сельчан не тратить впустую время на их распашку, они неустанно твердили, что «на басалыках хлеба не растут».

Тамбовцы и вятичи за глаза называли всех пермяков «тыркасами» и «тухтырями». Такие нелестные прозвища широко использовались в пермяцкой среде, где кличкой «тыркас» назывались любители спорить по пустякам, а «тухтырём» называли вечно брюзжащего человека. В Пермской губернии эти прозвища произносились с добродушной усмешкой, а в речах вятичей и тамбовцев, проживающих в Шкотово, они звучали так, что вызывали обиду на тех, кто их старательно, с явной подначкой, произносил.

Как только у местных шутников иссякал запас слов для подтрунивания, они начинали использовать с этой же целью особенности поведения некоторых стариков, повторявших многое из того, что говорили и делали их предки на далекой исторической родине. Насмешники умело обыгрывали их слова и поступки, рожденные в эпоху седой старины. Так, подвыпив-

пы С.М. Гамаюнов, хунхузы не будут ожидать неприятностей со стороны Стеклянухи, а значит в Новороссии их можно будет застать врасплох.

В Стеклянухе отряд шкотовцев встретил жителей этой деревни Ф. Ярусова и Е. Ковалева, работавших на строительстве дома. Оба они только что возвратились из Новороссии и рассказали, что недалеко от села около старого зимовья лесорубов слышали ржание лошадей и громкие разговоры китайцев. Близко подходить к зимовью Ковалев и Ярусов не решились, поэтому более подробной информации дать не могли. Узнав о цели визита шкотовцев, оба предложили им свою помощь. Гамаюнов попросил Ярусова сопроводить отряд до того места, где он слышал ржание лошадей и человеческие голоса, а Ковалева оставил охранять лошадей, на которых приехали шкотовцы. При подходе к месту, указанному Ярусовым, шкотовцы услышали смех и громкие возгласы китайцев. Гамаюнов дал команду рассредоточиться, подойти как можно ближе к хунхузам, выбрать подходящую цель для стрельбы и ждать дальнейшей команды. Через десять минут все члены отряда увидели стоявших у привязи лошадей и китайцев, играющих в карты на крыльце зимовья. Раздалась команда «огонь» и все 12 разбойников свалились со скамеек на землю.

Тела бандитов решили закопать в ближайшем овраге. Ярусов и Ковалев пошли в Новороссию за лопатами, а шкотовцы, подыскав подходящее место, стащили туда трупы убитых. К вечеру операция по уничтожению банды была завершена. Ф. Ярусов и Е. Ковалев получили в награду по берданке, еще недавно принадлежавших хунхузам. Выполнив свою миссию, шкотовские крестьяне заспешили домой, где их ждали жены, обеспокоенные внезапным отъездом мужей.

Г. Колягин в тот же вечер отвел Чу Де Лину коня, забранного у него хунхузами, чем несказанно обрадовал своего друга. Василий стал заверять, что он в долгу перед шкотовцами не останется. Немного поправившись, он пригласил в свою фанзу всех участников операции и поставил на стол, как он сам выразился, «ведро водки» и много разной закуски, в том числе и шашлыки из собачьего мяса. Жители Шкотова той поры все хорошо говорили по-китайски, знали обычаи манз и китайскую кухню, много раз пробовали блюда из собачатины. Поэтому они съели предложенные шашлыки с большим удовольствием и поблагодарили Василия на его родном языке. От всего этого Чу Де Лин испытал величайшее удовольствие.

зательно угощал чаем и пампушками, приготовленными на пару из несоленого теста.

Подъезжая к фанзе Василия, Григорий обратил внимание, что его не встречает заливистый лай собаки, которая чует коня с седоком за полверсты. Это показалось Григорию странным. Он спешил, осмотрел все вокруг, торопливо зашел в фанзу и увидел Василия, сидевшего на корточках у остывшей печи. Одежда на нем висела клочьями. Лицо и спина были в сплошных синяках и ожогах. На груди, животе и ягодицах были кровавые волдыри, отчего Василий не мог ни сидеть, ни лежать. Увидев Григория, он застал и попросил дать ему воды. Чуть успокоившись, Василий рассказал, что ночью к нему нагрянула банда хунхузов и стала требовать опиум и гашиш. Василий ответил, что все уже продано, а деньги он отправил в Китай. Хунхузы ему не поверили, начали бить и прикладывать к телу раскаленную в печи кочергу. Не добившись признания, они обыскали всю фанзу, конюшню и кладовую. Не найдя ничего, убили собаку, сделали из нее шашлык, выпили привезенное с собою спиртное, закусили и легли спать. Утром хунхузы забрали из конюшни коня и двинулись в путь, предварительно спросив, долго ли им идти до Новороссии. По словам Василия, в банде было 12 человек, вооруженных берданами. На четырех лошадях они везли небольшие тюки, вероятней всего с наркотиками.

Оказав Василию первую помощь и пообещав, что через час-полтора к нему приедет шкотовский фельдшер, Григорий спешно поехал в село. Переправившись через речку, он увидел идущих навстречу ему Толканова, Степанова и Кошелева, которые рассказали, что нынешней ночью кто-то украл у них лошадей, ходивших стреноженными на берегу Цемухе. Обменявшись информацией, все четверо пришли к выводу, что лошадей увела банда хунхузов, совершающая грабительский рейд по Цемухинской долине. Посоветовавшись между собой, решили собрать всех шкотовских мужиков, догнать и уничтожить бандитов.

В те годы крестьяне больше надеялись на собственные силы, чем на помощь полиции и иных органов местной власти. Поэтому не более как через час двадцать пять вооруженных шкотовцев верхом на конях собрались у избушки путевого обходчика, стоявшей в конце Нагорной улицы, на выходе из села. После короткого совещания решили идти в сторону Стеклянухи, а оттуда по тропе перейти к Новороссии. Как объяснил только что выбранный командир карательной групп-

шие парни из пермских семей не упустили случая, чтобы не посмеяться над обычаем вятичей преклонного возраста, направлявшихся в гости к своим землякам, когда те, зайдя на крыльцо дома друзей, слегка приоткрыв дверь, громко кричали хозяину: «Здорово в избу!», и заходили в дом лишь после того, как получали такой же громкий ответ: «Полезай на избу».

Вятичи в союзе с пермяками высмеивали обычай тамбовцев вежливо уклоняться от поступающих к ним нежелательных предложений. В таких случаях тамбовские мужики говорили: «Ну, я бы, канешна, таво, да жана мая, вишь, не таё».

Подобного рода насмешки в Шкотово продолжались до середины 90-х годов 19 века, пока не выросла молодежь, рожденная от смешанных браков. С этого времени пошло быстрое проникновение одних говоров в другие, и началось сближение «оканий» и «аканий».

К первому десятилетию 20 века в Шкотово уже не было лиц, придерживавшихся ярко выраженных региональных говоров, но употребление некоторых областных слов еще сохранялось. В ряде шкотовских семей говорили «ишшо», «напроти», «надысь», «исть» вместо «еще», «напротив», «недавно», «есть» (в смысле кушать). Использование этих слов резко пошло на убыль к середине 30-х годов 20 века, когда в Шкотово был построен радиоузел и началось вещание по проводам приморского и московского радио, а поселковый кинотеатр «Родина» приступил к демонстрации звуковых фильмов. Жители Шкотова с этого времени стали говорить так, как говорили владивостокцы, хабаровчане и жители других городов.

Влияние реформ Александра II на духовную жизнь шкотовцев

Реформы императора Александра II, проводимые в России в 19 веке, должны были повысить духовный уровень населения. К их проведению император привлек талантливых государственных деятелей. Усилия одного из них, профессора гражданского права Константина Петровича Победоносцева, были направлены на ограждение сельского общества от растущего влияния революционных организаций и групп, повсеместно возникавших тогда в России. Победоносцев был человеком с государственным складом ума, ставивший цель сформировать в крестьянской среде деловую, спокойную обстановку.

В 1880 году Александр II, долгое время знавший Победоносцева, назначил его на должность обер-прокурора Священного Синода, светского органа, возглавлявшего Русскую православную церковь. Константин Петрович разработал план сдерживания революционных настроений в народе. Этим планом предусматривалась длительная воспитательная работа в сельской среде и подготовка к поголовному обучению грамоте крестьянских детей. План получил одобрение императора, и Победоносцев приступил к организации его выполнения. По его настоянию и при поддержке церковных и светских властей, главами православных приходов стали назначать образованных и житейски мудрых священнослужителей. Их основной задачей, как и прежде, оставалась религиозная служба. Однако значительную часть времени они должны были уделять индивидуальным беседам с прихожанами, развивая у них преданность «вере, царю и Отечеству». Священники стали регулярно посещать крестьян на дому, бывать на собраниях сельских общин. Победоносцев без устали повторял, что «церковь обязана повернуться лицом к нуждам крестьян, помочь им скорее избавиться от невежества и иных недостатков». Подобная деятельность священников была рассчитана на длительный срок.

В Шкотово в 1880-м году церковного прихода еще не было. Всю работу в селе проводили приезжавшие из Владивостока священники. Чтобы обеспечить выполнение решений Синода, местные церковные власти направили на жительство в Шкотово иеромонаха Платона, одного из лучших священнослужителей края. Крестьянская община предоставила ему жилье и маленький дом, где он мог бы вести работу с прихожанами.

Опытным взглядом Платон увидел, что духовность многих шкотовцев находится на предельно низком уровне. Крестьяне, отвыкшие за долгие годы переселения и последующих переездов из одной местности в другую от регулярного общения со священником, начали забывать основы христианской религии, не помнили ни одной из главных молитв, с трудом вспоминали слова и смысл Божьих заповедей. Среди шкотовцев было немало любителей выпивки. Особенно этим славился контингент бывших каторжников, направленных сюда на поселение. Пьяные драки, скандалы, нецензурная брань были в этой среде явлением привычным, постоянным, обыденным.

За устранение этого и взялся священник Платон. Проповедаями в храме и индивидуальными беседами он помогал прихожанам восстанавливать то, что было утрачено ими за про-

приступили к работе. Мужчины рассчитывали до холодов построить жилье, а женщинам надо было в ближайшие дни подготовить грядки под овощи.

Дома в Стеклянухе делали предельно простыми. Стены рубили из бревен, отесанных с одной стороны. Щели меж бревнами конопатили прошлогодней травой. Полы делали глиняными, крыши соломенными. Под углы каждого сруба клали большие колоды из дуба. В южной стене домов делали 2-3 окна с одинарными рамами. Потолок утепляли глиной, а стены в самом низу завалинками. В средней части хаты, как белорусы называли свой дом, ставили массивную русскую печь для приготовления пищи и обогрева жилья. Дым из печи выходил на улицу через большую трубу, возвышавшуюся над соломенной крышей. Русская печь использовалась и как баня. В ней, правда, не мылись, а только парились. Мылись в корыте, поставленном рядом с печью.

Пока жители Стеклянухи будут привыкать к новой жизни, существенно отличавшейся от жизни в Смяличах, вернемся к повествованию истории Шкотова.

Ликвидация банды хунхузов в 1908 году

В годы русско-японской войны почти все китайцы выехали на родину. А когда война закончилась, они возвратились назад, чтобы выращивать здесь опиумный мак и маньчжурскую коноплю. Вслед за китайскими крестьянами в Цемухинскую волость устремились хунхузы. В Приморье снова начались грабежи китайского населения. Шкотовцы без особой нужды не вмешивались в дела манз и хунхузов. Однако иногда складывались такие обстоятельства, что оставаться безучастными к происходящему было невозможно. И тогда шкотовцы брались за оружие, чтобы защитить себя и китайских крестьян от произвола разбойников. Первая послевоенная стычка жителей Шкотова с зарубежными бандитами произошла в конце октября 1908 года. Случилось это так.

Григорий Колягин, возвращаясь из Романовки в Шкотово, решил по пути побывать у своего знакомого, китайца Чу Де Лина, которого русские звали Василием. Фанза его находилась неподалеку от Шкотова на другой стороне реки. Маковые и конопляные поля располагались на северном склоне сопки и шкотовцы видели, как с утра до позднего вечера Василий трудился на них. Этот китаец был не только великим тружеником, но и приветливым человеком. Любого, кто заходил к нему, он обя-

нах и между деревьями, Ярусов посоветовал приобрести косылитовки малой величины. Учитывая, что в отличие от Смяличей, летние месяцы на Дальнем Востоке почти всегда бывают дождливыми, Ярусов подсказал, чтобы каждый купил для себя брезентовый плащ. Перед самым отъездом он проинструктировал женщин, имеющих малых детей, что поезда по Сибири от станции к станции идут очень долго, а в вагонах четвертого класса туалеты не предусмотрены, поэтому обязательно нужно иметь небольшое ведерко и крышку к нему.

В апреле 1907 года переселенцы из Смяличей во главе с Ф. Ярусовым прибыли во Владивосток. Григория Ивановича в этот день в Переселенческом управлении не было, поэтому в Стеклянху их сопровождал другой проводник. По его совету переселенцы наняли подводы, уложили в них привезенные вещи, посадили детей и рано утром отправились в путь.

Первую ночь они провели неподалеку от той косы, где год назад Григорий Иванович поставил шалаш. Было прохладно. Под руководством Филимона прибывшие сделали для своих семей шалаша, заготовили сухие дрова, чтобы ночью можно было разжечь костры и согреться. Женщины приготовили ужин и пригласили мужчин отметить день своего прибытия к месту, которое отныне будет их малой родиной. Несмотря на то, что выпивка и закуска, разложенная на холсте, не отличалась разнообразием и богатством, настроение у всех было приподнятым. Переселенцы радовались тому, что закончилась их беготня по вокзалам и пристанционным базарам в поисках кипятка и вареной картошки. А Ефим Ковалев, ехавший на Дальний Восток без билета, с удовольствием говорил, что больше ему не надо прятаться от железнодорожных контролеров и каждую ночь спать под лавкой, укутавшись в старую телогрейку. Все поздравили друг друга с благополучным прибытием в Цемухинскую волость, вспомнили добрым словом родных и знакомых, оставшихся в Смяличах, спели родные белорусские песни, притушили общий костер, чтобы ночной ветер его не раздул, и разошлись по своим шалашам. Уложили детей на подстилки из хвои, укрыли их теплыми одеялами и легли с ними рядом.

Первая ночь в Стеклянху прошла спокойно. Утром мужчины, взяв топоры и лопаты, отправились размечать единственную деревенскую улицу, на которой нужно было построить двенадцать домов, амбаров и прочих хозяйственных помещений. После разметки плана села бросили жребий, чтобы сама Судьба определила, кому какой участок достанется, и

шедшие годы. Эту работу он проводил не спеша, увязывая ее с неотложными потребностями сельской жизни.

В Шкотово, как и везде, проживали одинокие старики, вдовы с детьми, многодетные семьи. По инициативе Платона в селе возобновилась регулярная помощь всем нуждавшимся в ней. Такие мероприятия со времен древней Руси именовались «помочами». В них в воскресные дни по очереди стали участвовать все шкотовцы. Трудились на «помочах» по 3-4 часа, успевая за это время сделать столько, сколько сами хозяева не смогли бы сделать и за неделю. Здоровым и крепким шкотовским мужикам такая работа была абсолютно не в тягость, тем более что сельский староста вместе с хозяевами обязательно после «помочей» устраивал легкий обед с символической выпивкой, позволявшей всем работавшим морально и физически отдохнуть, пообщаться с друзьями.

В первый год благодаря усилиям иеромонаха Платона в Шкотово иначе стали проводиться поминальные дни. Если раньше поминки с утра выливались в обильную выпивку, то после многих бесед священника с прихожанами верующие сначала шли в храм, ставили свечи за упокой души умерших, заказывали в память о них церковные поминовения и сами молились за каждого из усопших, зная со слов священника, что только таким способом можно помочь душам умерших обрести покой на том свете. Если кто-то не знал молитвенных слов, Платон советовал вспомнить все хорошее, что сделал ушедший в мир иной для семьи, для родных и знакомых, и мысленно, но обязательно горячо, поблагодарить его за это. Свой совет иеромонах Платон объяснил тем, что молитва подобного рода будет полезна не только умершему, но и тому, кто ее совершает. Если Платон замечал, что у кого-то из посетителей церкви боль утраты была еще очень свежа, он рекомендовал ему не углубляться в переживания, а по возможности радоваться переходу умершего в другую, вечную жизнь, где царят мир и спокойствие, чего так не хватает на грешной земле. После мысленного общения живых с умершими шкотовцы отправлялись на кладбище, обходили могилы родных и близких, а потом родственники по крови собирались у одной из могил, раскладывали на чистой скатерти поминальные блюда, спиртные напитки и по традиции, рожденной в древние времена, совершали короткую поминальную тризну.

Платон тоже приходил на кладбище. Общаясь со всеми, он ненавязчиво советовал прихожанам по окончании поминок не

оставлять на могилах водку и закуску подчеркивая, что такая традиция не имеет ничего общего с христианством и пришла к нам из язычества. Но сила привычки у шкотовцев была так велика, что просьбу священника выполняли лишь некоторые. С тех пор и до сегодняшнего дня на кладбище кроме цветов можно увидеть стаканы, наполненные водкой, и закуску в тарелочках, оставленные родственниками умерших на радость местным бомжам, вездесущим воробьям и воронам.

Морально-нравственное состояние прихожан было предметом повышенного внимания священнослужителей. Церковь обязывала их способствовать соблюдению верующими религиозных заповедей, а если случались какие-то отклонения, принимать меры по их локализации и недопущению вновь.

В середине 80-х годов по церковным каналам прошел циркуляр, говоривший о том, что в Вятской губернии в дни языческих праздников, посвященных богу Яриле, было зафиксировано нескольких случаев так называемого «свального греха». Поступил такой циркуляр и в Шкотово, где проживало несколько семей, переселившихся из Вятской губернии. Платон знал эти семьи и не замечал за ними ничего плохого. Поэтому после некоторых размышлений он решил провести в отношении шкотовских вятичей наиболее щадящую профилактику. Для этого под видом повседневных бесед он обошел каждый шкотовский дом, рассказал о греховности языческой веры, которая время от времени проявляется в бытовой жизни крестьян вследствие укоренившегося в их подсознании культа древних богов Ярилы, Похвиста, Костромы и др. Упомянул и о «свальном грехе», эпизодически случавшемся в наиболее отсталых губерниях. Дальше этого беседы иеромонаха не шли, но необычность темы, поднятой им, озадачила прихожан, понимавших, что просто так, без причины, говорить священник не станет. Видимо, разгадав ход мыслей Платона, через неделю к нему пришли главы семей Поповых, Пятышинных, Аникиных и Толкановых. Они в один голос заверили, что «свального греха» в Шкотово не было и никогда не будет. На Вятчине, где остались их предки и близкие родственники, подобных явлений тоже никогда не случалось. В старые времена им приходилось слышать о «свальном грехе», который происходил в самых глухих районах губернии. А в Шкотово этого позорного явления не было и не будет, так как все проживающие здесь вятичи исповедуют православие и до конца своих дней останутся православными христианами. Платон был рад

одного воробья, и это его озадачило. Воробьи есть везде. Есть они на Черниговщине, есть в Сибири, есть в Маньчжурии, во Владивостоке и в Шкотово. Всякий раз просыпаясь, он слышал их веселое чириканье, которым эти маленькие пташки оповещали друг друга, что наступил новый день. А в Стеклянхской долине воробьев почему-то нет. Может быть здесь место плохое? Этот вопрос Ярусов адресовал начинавшему засыпать Григорию Ивановичу, и тот, отгоняя одолевавшую дремоту со всеми подробностями стал рассказывать, что воробьи сюда прилетят на следующий год, как только переселенцы построят жилье, коровники и конюшни. Зимой вдали от человеческого жилья воробьям с их слабеньким оперением жить практически невозможно. Да и привычного корма для них в тайге почти нет. Выслушав этот ответ, Филимон Матвеевич успокоился и уснул.

Проснулись они лишь после того, как над каменистой кошой засияло июньское солнце. С большим удовольствием умылись холодной проточной водой, позавтракали тем, что осталось от ужина и пошли по узенькой тропке в сторону Шкотова.

Около моста через Цемухе их догнала подвода, с которой на чистейшем белорусском языке прозвучало приветствие: «Доброй раницы, сябры!». От неожиданности Филимон даже вздрогнул. Откуда в этой глуши мог оказаться человек, говорящий на родном ему языке? Григорий Иванович обернулся и увидел улыбавшегося во весь рот основателя села Петровка Н.А. Васькова, который предложил им дальше следовать вместе сказав, что сам он едет на Угольную. До самого Шкотова Ярусов и Васьков говорили только по-белорусски. Так хотелось Ярусову, соскучившемуся по привычно звучащим белорусским словам.

На свою родину Филимон Матвеевич возвращался с чувством исполненного долга. В Приморье он сделал все, что было в его силах. В Смяличах в беседах с сельчанами он рассказывал обо всем, что удалось узнать на Дальнем Востоке. С глубоким знанием дела советовал он своим землякам отказаться от намерений везти на новое место жительства рыболовные снасти, широко распространенные в Черниговской губернии. Взамен этого рекомендовал купить дробовые ружья, чтобы охотиться на фазанов, рябчиков и перелетную птицу, запастись свинцом, из которого в Приморье льют картечь и пули для отстрела диких коз, изюбрей и кабанов, обитающих в долине реки Стеклянхы. Принимая во внимание, что каждой семье на новом месте придется косить сено на лесных полях

всего, нужно строить дома. Филимону понравилось то, что на десятки верст вокруг не было ни хуторов, ни деревень, а значит, не будет повода для земельных конфликтов с соседями. После осмотра спустились к реке, где собирались устроить привал. Григорий Иванович по опыту знал, что Ярусову захочется еще раз осмотреть участок, поэтому он освободил Филимона от приготовления ужина и устройства шалаша для ночлега. Обрадованный таким решением, Филимон моментально убежал на повторный осмотр. Возвратился он незадолго до того, как солнце стало садиться за сопки и долина окуталась в полумрак. Ужин был готов. На краю каменистой косы, хорошо обдуваемой ветром, стоял двухместный шалаш из еловых веток, а в разных местах от него лежали охапки хвороста для костров, дым которых ночью должен был отгонять комаров и бесчисленный гнус, затаившийся в кустах и в траве.

За ужином началось обсуждение достоинств и недостатков участка. В большинстве случаев мнения Григория Ивановича и Ярусова совпадали. И тот и другой считали, что на этом участке можно поселить не более 20-25 крестьянских семей. Как недостаток оба отметили малые площади сенокосов и их разбросанность по долине реки. Следовательно, при нормальном развитии Стеклянухи через 5-10 лет сено надо будет косить за пределами своей территории. Григорий Иванович, соглашаясь с этими недостатками, с большим сожалением пояснил, что других участков сегодня Переселенческое управление предложить Филимону не может. С этого года начинается нарезка участков в отдаленных от Владивостока местах, где и почвы похуже и климат суровее, и рынки сбыта сельхозпродукции находятся далеко. Поэтому он посоветовал не отказываться от предлагаемой территории. Чувствуя искренность слов своего собеседника, Ярусов согласился с ним, понимая, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Как только темнота укрыла долину, комары и мошка сплошной тучей набросились на собеседников, продолжавших сидеть у костра. Отбиться от них было уже невозможно, и Григорий Иванович пошел разводить дымовые костры. Через минуту густой дым мягко поплыл над кустами, выгоняя оттуда полчища мошек и комаров. Под прикрытием дымовой завесы оба спутника спрятались в шалаше, заткнули травой все дыры, через которые могли просочиться внутрь кровососущие насекомые.

Удобно устроившись на подстилке из хвои, Филимон Матвеевич вспомнил, что во время обхода участка он не встретил ни

такому повороту событий и поблагодарил всех пришедших за преданность христианской религии.

Повышение духовно-нравственного уровня школовской молодежи являлось постоянной заботой приходского священника. Он старался своевременно реагировать на все, что считал недостойным, и делал это продуманно, убедительно. Однажды с наступлением весеннего тепла, когда сельские парни и девушки вместо зимних посиделок стали собираться под открытым небом на просторной поляне, а ближе к полночи, разбившись на группы, расходились домой, Платон в одной из своих проповедей вдруг коснулся проблемы человеческой нравственности. Словами библейских пророков он напомнил прихожанам старшего поколения об их ответственности перед Богом за воспитание своих детей, а присутствовавшим в храме молодым людям и подросткам он зачитал седьмую заповедь Закона Божия «не прелюбы сотвори», то есть «не прелюбодействуй, не допускай всякой нечистой любви». Платон особо подчеркивал, что неженатым Бог повелевает соблюдать чистоту мыслей и желаний, быть всегда целомудренными в делах и словах, избегать всего, что может возбудить в их душе порочные чувства. Эта проповедь подтолкнула многих родителей внимательней посмотреть на поведение выросших, но еще недостаточно разумных детей, предоставленных самим себе на темных сельских полянах и улицах.

Прислушавшись к подсказке иеромонаха Платона, крестьянский сход постановил, чтобы каждая молодежная вечеринка проводилась под неусыпным контролем кого-то из взрослых, и всякое отклонение молодежи от общепринятых норм поведения немедленно становилось известно сельскому обществу. Этой меры было достаточно, чтобы парни и девушки в общении друг с другом стали вести себя более сдержанно, потому что никто из крестьян не хотел, чтобы поведение его сына или дочери становилось предметом общего внимания на селе.

Реформы Александра II в сфере повышения материального уровня населения не давали быстрых положительных результатов. Молодежь, живущая в городах, винила в этом царя. В 1879 году на Александра II было совершено два покушения. Император остался жив и не смотря на реальную угрозу своей жизни продолжал курс реформ, которые по его убеждению должны были вывести страну из глубокого экономического и социального кризиса. Руководитель Синода К.П. Победоносцев, стремясь снизить экстремистское влияние революционеров на население, начал расширять сеть христианских храмов

в стране. С 80-х годов постоянно сдавалось в эксплуатацию около 250 православных церквей. В 1886 году был освящен новый храм и в Шкотово.

Под строительство его крестьянское общество предоставило одно из самых лучших мест на северной окраине села, там, где государственный почтовый тракт, соединявший Владивосток и Александровку, прорезав узкой полоской лесной массив поворачивал на восток и уходил в сторону нынешнего Смолянинова.

Рядом с будущим храмом из подножья горы мощными потоками били ключи. Собравшись в единое русло, они торопливо убегали на юг теперь уже под общим названием Ключик. Исток Ключика прихожане оборудовали небольшим сверху закрытым колодцем и деревянной трубой, сколоченной из дубового теса. Из этой трубы тугим потоком выливалась вода, вкусом отличавшаяся от воды всех шкотовских колодцев, вырытых на обочинах нынешних улиц Краснофлотской, Красноармейской и Комсомольской. В 90-х годах почти все население Шкотова пользовалось водой, собиравшейся в водоеме у истока Ключика. С этого времени шкотовский Ключик стал привлекательным местом не только для местных жителей, но и для всех, кто проезжал по почтовому тракту. Каждый из пассажиров обязательно набирал в бутылку воды, чтобы утолить жажду в дороге. Водой шкотовского Ключика пользовались и широко известным в нашей стране люди.

Как рассказывал Сергей Пименович Попов, в период своего проживания в Ольге он несколько раз посещал живущих в Шкотово давних друзей Г. Комарова и А. Степанова. Однажды, в 1870 году, он стал свидетелем, как казаки из команды Николая Михайловича Пржевальского, путешествовавшего по Приморью, набирали в емкости воду из Ключика утверждая, что лучшей воды в пути следования они вряд ли смогут найти. Также Г. Ф. Попов вспомнил, что в 1906 году он случайно столкнулся около Ключика с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, который с огромнейшим наслаждением пил холодную воду, идущую под напором из деревянной трубы.

К информации подобного рода можно относиться по-разному. Можно принимать ее, не подвергая сомнению, а можно полностью отрицать. Но остаются неоспоримыми факты, что Н.М. Пржевальский и В.К. Арсеньев именно в эти годы останавливались на кратковременный отдых в Шкотово. Эти, а также иные случаи, связанные с пребыванием у истока Ключика изве-

покидает одну из коробочек, в шестьдесят — другую, а затем третью и четвертую». При этих словах Никита Ефимович весело и вместе с тем грустно засмеялся и произнес: «А мне уже минуло восемьдесят. Так что подумай, стоит ли тебе дальше вести со мной разговор, или лучше выпьем по маленькой?» Филимон Матвеевич был восхищен ясным умом и тонким юмором этого пожилого человека, и не задумываясь подтвердил, что очень хотел бы услышать его совет.

Выдержав паузу, Никита Ефимович серьезно ответил, что единой для всех прямой и короткой дороги к зажиточной жизни нет, и никогда не было. Каждый должен эту дорогу создавать сам, исходя из сложившейся обстановки. Что касается Цемухинской волости, то здесь любой промысел может быть и прибыльным и убыточным. Так что пусть переселенцы сначала приедут сюда, осмотрятся, а потом каждый решит, чем ему заниматься.

После этих уверенных слов у Филимона будто камень свалился с плеч. Он понял, что много дней, стараясь выполнить наказ земляков, шел по дороге, которая привела его к тупику. Желая найти скорое и прибыльное дело для всех, он по неопытности упустил, что каждый человек должен сам выбрать себе это дело. Успех будет сопутствовать тем, у кого, как подсказал ему Пермяков, будут быстрее наполняться умом и медленней опустошаться все четыре коробочки в голове. А если заполнение их будет замедленным, а утечка ускоренной, то такой человек останется на всю жизнь обездоленным бедняком.

Рано утром Григорий Иванович и его спутник, поблагодарив Пермяковых за ночлег и гостеприимство, пешком отправились туда, где Стеклянуха впадает в реку Цемухе. Через три часа они уже были на месте. Выйдя на тропу, идущую по левому берегу Стеклянухи, направились вверх по течению. Речная долина то сужалась, то расширялась. С той и другой стороны стояли сопки разной величины, поросшие хвойно-лиственным лесом. Поднявшись на вершину хребта, Григорий Иванович отыскал затесы, которыми был оконтурен участок, подготовленный для переселенцев. Пошли по этим затесам. Справа находился участок, с которым Филимону нужно было хорошо ознакомиться.

Ярусов начал внимательно изучать все, что было вокруг. Он мысленно отмечал, что на участке много хорошего строительного леса, много полян, пригодных под пашни. В пойме реки видна была большая ровная площадка, где, вероятней

завод и теперь может снабжать кирпичом всю округу. С недавнего времени он приступил к сооружению пристани восточнее устья реки Цемухе. Через полгода, а то и ранее, лес из Шкотова можно будет отправлять не плотами, как это делается в настоящее время, а грузить с пристани на баржи и пароходы. Рассказ Никиты Ефимовича был прерван хозяйкой, подавшей на стол яичницу, вареный картофель и соленые огурцы. Григорий Иванович пододвинул к себе рюкзак, вынул из него небольшую бутылку и поставил на стол. Никто из присутствующих не питал особого пристрастия к алкоголю, но выпить чуть-чуть в хорошей компании все были не прочь. Никита Ефимович налил каждому чуть менее половины стакана и произнес обычный для шкотовцев тост «за здоровье, счастье и долгую жизнь». Каждый выпил столько, сколько считал для себя позволительным. Выждав, когда гости закусят, Никита Ефимович вновь продолжил рассказ о грядущих изменениях в Шкотове. Он рассказал гостям все, что было известно ему о строительстве железной дороги, новых солдатских казарм в гарнизоне, о планах по строительству большой кирпичной школы. Ярусов, слушая этот рассказ, проникся уважением к Пермякову, который, не смотря на свои преклонные годы, с надеждой на лучшее оценивал то, что происходило или должно произойти в Шкотово в ближайшее время. Уловив удобный момент, он решил попросить у Никиты Ефимовича совета, на каком из существующих в волости промысле ему и его землякам, которые приедут сюда на следующий год, следует сосредоточить внимание сразу после того, как они построят дома. Выслушав Филимона, Пермяков неожиданно с добродушной улыбкой спросил: «Ты, мил человек, хочешь со мной посоветоваться?». Ярусов согласно кивнул головой. «А сколько же тебе сегодня годков?», — вновь спросил Никита Ефимович. И Филимон, стараясь казаться немного постарше, твердо сказал, что уже перевалило на четвертый десяток. Пермяков опять улыбнулся и произнес: «В таком случае я обязан рассказать тебе одно из старинных поверий, бытующих на Пермской земле, откуда я родом. Это поверье гласит, что в момент рождения человека его голова разделена на четыре пока что пустых коробочки. К десяти годам одна из этих коробочек заполняется пусть слабеньким, но все-таки умом. Еще через десять лет ум заполняет вторую коробочку. К сорока годам все четыре коробки будут заполнены. Это время расцвета умственных сил человека. Потом начинается обратный процесс. В пятьдесят лет ум

стных в нашей стране людей, превращают шкотовский Ключик в историческое место для края. Это подтвердил и бывший выпускник Шкотовского Высшего начального училища, крупнейший ученый, Герой социалистического труда, академик Борис Александрович Неунылов.

В 1970 году, когда создавался Дальневосточный научный центр, Неунылов проводил ознакомительную экскурсию по районам Приморского края для действующих и будущих руководителей институтов ДВНЦ. Возвращаясь из Находки, он завез ученых в свое родное село Шкотово. С радостью в голосе и с легкой грустью в душе Борис Александрович рассказал академиком Андрею Петровичу Капице, Алексею Викторовичу Жирмунскому, Юрию Валерьевичу Гагаринскому, Екатерине Александровне Радкевич, Георгию Борисовичу Елякову, Николаю Григорьевичу Васильеву, что этот поселок является самым старым русским поселком на юге Приморья между Ольгой и Владивостоком. Он показал школу, которую сам закончил в 1921 году и подчеркнул, что все ученики этой школы с удовольствием пили воду из Ключика, считая ее самой лучшей водой в Шкотово. Неунылов предложил основателям ДВНЦ самим убедиться в этом. Получив согласие, Борис Александрович извлек из багажника своей «Волги» картонный ящик с гранеными стаканами, лично наполнил их водой и подал каждому из ученых. Председатель Президиума ДВНЦ А.П. Капица, приняв от Неунылова стакан с водой и отпив из него половину сказал, что отныне вкус воды шкотовского Ключика будет известен и руководителям академических институтов Дальнего Востока. После этого Капица поблагодарил Бориса Александровича за прекрасно организованную экскурсию по памятным и историческим местам Приморского края, к которым, как он выразился, без сомнения следует отнести и шкотовский Ключик. После этого вся группа ученых, разместившись в машинах, отправилась во Владивосток.

Наименование первого православного храма в Шкотово

После освящения в 1886 году шкотовского православного храма он стал называться именем Тихвинской чудотворной иконы Божьей Матери. Начало его строительства совпало с периодом, когда эта икона получила широкую известность среди верующих нашей страны. Религиозные историки

утверждают, что она была написана пророком и евангелистом Лукой и долгое время находилась в одной из церквей Иерусалима. С распадом христианской религии на Римскую католическую и Греческую православную, икону перенесли в Константинополь, ставший центром всего православия. Незадолго до захвата Константинополя турками икона куда-то исчезла и какое-то время считалась утерянной. По данным церковных историков, в 16 веке она «в лучезарном свете засияла над водами Ладоги и остановилась близ города Тихвина». На месте ее явления людям монахи построили мужской монастырь. В 17 веке, в годы великой смуты, когда страна оказалась ослабленной, шведы захватили Тихвин и попытались разрушить находящийся в нем монастырь. Но проживавшие там монахи, помолвившись перед этой иконой, взяли в руки оружие и дали шведам такой мощный отпор, что те, спасаясь, в панике бежали из Тихвина. В память об этом событии Русская православная церковь установила всероссийское празднество, отмечаемое ежегодно 9 июля по церковному календарю.

В годы раскола Тихвинская икона Божьей Матери вновь оказалась утерянной. И только в 19 веке она обнаружилась у частного лица в Санкт-Петербурге, который собирался ее продать, чтобы расплатиться с долгами. Икона была выкуплена и передана в Исаакиевский собор. Весть о появлении чудотворной иконы в этом соборе разлетелась по городу. На поклонение ей устремились огромные массы верующих, многие из которых, как они заверяли публично, помолвившись перед иконой, получили полное исцеление от мучавших их болезней.

Именно в этот период в Шкотово был построен и освящен Божий храм. В нем поместили копию Тихвинской чудотворной иконы Божьей Матери. Верующие села Шкотова, посещая храм, в молитвах обращались к Деве Марии за помощью в избавлении их от тяжких болезней.

Обучения грамоте крестьянских детей

По данным статистики, в 1883 году из 70-ти миллионов населения нашей страны только 6% умело читать и писать. Безграмотность становилась серьезной помехой для роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Сдерживалось и укрепление армии, так как многие призывники не в состоянии были освоить новые виды оружия. Неграмотные крестьяне легко поддавались влиянию политичес-

крестьянское хуторское хозяйство», — подытожил свой рассказ знаток предпринимательских дел в Цемухинской волости, землемер Григорий Иванович.

Переправившись через речку на пароме, пассажиры продолжили путь по той же колесной дороге. Впереди было Шкотово. Издали оно выглядело очень крупным селом, разделенным на две части строившейся железной дорогой. Его южная часть, прилегающая к реке и болоту, была похожа на многие села европейской России. Здесь вперемежку стояли дома богатых и не очень богатых крестьян, окруженные со всех сторон огородами. На задворках крестьянских усадеб около коровников и конюшен, ожидая вывоза на поля, лежали огромные кучи навоза. На улицах, поросших травой, ходили телята, куры и поросята. Северная часть Шкотова смотрелась совсем по-иному. Жилых домов и хозяйственных строений тут было немного, но каждое из этих строений было очень добротным. Цинковые крыши домов и амбаров как зеркало отражали солнечный свет, радостно разбрасывая его по округе. Здесь повсюду шла стройка, в которой участвовали не только крестьяне, но и наемные рабочие, в основном китайцы.

По мере приближения к Шкотову лошади, чувствуя близость родной им конюшни на почтовом дворе, ускорили шаг. Они спешили туда, где их ждал заботливый конюх и ужин из свежей травы. Через пять минут повозка остановилась у ворот почтовой станции «Шкотово», находившейся на углу нынешних Краснофлотской и Ленинской улиц. Владельцем станции был житель села Шкотово Герасим Григорьевич Мамонтов. На вид ему было чуть больше сорока лет. Он открыл ворота, приветливо поздоровался с прибывшими, поинтересовался, нужно ли кому из них место для ночлега. Оказалось, что в ночлеге никто не нуждался.

Пассажиры, забрав свои вещи, пошли по домам, а Григорий Иванович и Ярусов, как было оговорено ранее, отправились на ночлег к старейшему жителю Шкотова Н.Е. Пермякову, проживавшему в западной части села или, как говорили тогда, «на болоте».

Никита Ефимович встретил их радушно, как обычно встречают старых друзей. Его жена, привыкшая к подобным визитам, сразу захопотала у печки, а хозяин, чтобы скоротать время в ожидании ужина и занять чем-то гостей, начал рассказывать о событиях, произошедших в селе за зимнее-весенний период. По мнению Пермякова, Шкотово вплотную подошло к большим переменам. Михаил Пашкеев построил кирпичный

служивать паромную переправу, работу которой финансировала крестьянская община Шкотова. Патюков был человеком расчетливым, бережливым. За несколько лет строжайшей экономии он смог купить себе хороших коней, рыболовные снасти и лодку. Однако доход от рыбного промысла его не устраивал, и Михаил Федорович начал расширять сферу собственной деятельности. Сначала занялся поиском корня женьшеня и охотой. Когда подросли сыновья, стал ходить вместе с ними в тайгу на добычу оленьих пантов, но вскоре пришел к убеждению, что охота только ради пантов нерентабельна, так как дорогостоящее мясо оленей поневоле приходилось бросать в тайге. Выход из этого, по мнению Патюкова, был только один: создавать по примеру Янковского полноценное оленьё хозяйство. Чтобы освоить все тонкости этого дела, Михаил Федорович побывал в имении Янковских, расположенном вблизи бухты Сидими, и проработал там больше месяца. Работал бесплатно, помогая хозяину выполнять самые сложные хозяйственные операции. Когда убедился, что он сам и его сыновья в состоянии будут справиться с новым для них делом, возвратился домой и вплотную занялся подготовкой к предстоящей работе. Патюковы отгородили от тайги часть принадлежавшей им заимки и создали там олений загон, в котором устроили навесы для хранения сена, установили ветрозащитные стенки, оборудовали на ручьях незамерзающие водопои, сделали искусственные солончаки и только после этого начали загонять туда обитавших в тайге диких оленей.

В этом мероприятии необходимо было участие многих людей, и Патюковы стали нанимать на однодневную работу шкотовских и майхинских крестьян. Они расставляли их в нужном порядке по тайге. По сигналу загонщики с шумом и криком начинали движение, и олени, убегая от них, попадали в загон. Места в загоне было достаточно и олени через какое-то время уже не чувствовали себя невольниками. Такие облавы Патюковы повторяли по 2-3 раза в год и численность оленьего стада постоянно росла. Чтобы оленям жилось спокойно и сытно, хозяева регулярно отстреливали в округе хищных зверей, раскладывали по кормушкам высококачественное сено, следили за тем, чтобы в солончаках всегда была соль. Как утверждал Григорий Иванович, скоро Патюковы начнут массовую срезку и консервирование оленьих пантов. «И если Бог даст этой трудолюбивой семье здоровье и силы, то через несколько лет в Цемухинской волости появится еще одно крепкое

ких экстремистов, утверждавших, что справедливость может быть достигнута только в результате кровопролитной революционной борьбы, а все другие пути являются бесполезными.

Победоносцев смотрел на это иначе. Он был противником любого насилия и доказывал, что будущее России зависит от образованности населения. Все свои силы и знания Константин Петрович направил на то, чтобы ускорить процесс повышения грамотности российских крестьян.

В стране тогда уже действовали школы крестьянской грамотности, земские школы и церковно-приходские школы. Первые находились на содержании сельских общин, вторые финансировали земские власти, третьи существовали за счет церковных приходов. У каждой из этих школ были свои преимущества и свои недостатки. Руководство страны некоторое время решало, какой из указанных школ следует отдать предпочтение. Действующее при российском правительстве «Особое совещание по борьбе с крамолой» после тщательного изучения этой проблемы пришло к заключению, что «воспитание молодого поколения следует поручить духовному ведомству, которое полностью поддерживает государственную власть и является противником революций». Кроме того, это ведомство располагает нужными кадрами и материальными средствами. Правительство и Священный Синод согласились с таким мнением и стали вести подготовку к повсеместному созданию церковно-приходских школ, сокращенно называемых ЦПШ.

На Дальний Восток все новшества приходили в те годы с большими задержками в сравнении с губерниями европейской России. Когда в центре уже работали ЦПШ, в Шкотово еще не было церковного прихода, который должен был заниматься созданием таких школ. А потребность в грамотных людях здесь существовала также, как и везде. Поэтому жители Шкотова решили пока обучать детей по программе школ крестьянской грамотности. Сельский староста, действуя по решению общего собрания, взял в аренду небольшой дом, отремонтировал его и нанял учителя, который стал обучать мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет. Он должен был научить их читать и писать, складывать, вычитать, делить и умножать. Занятия были рассчитаны на два года. Однако к исходу первого года собранные деньги закончились, и учебу пришлось отложить, предварительно договорившись с преподавателем, что, как только общество соберет нужную сумму и подрастет очередная группа детей, занятия будут продолжены.

Сразу после того как в селе был создан церковный приход, местный священник, выполняя установки, идущие сверху, начал строительство здания для ЦПШ. Строили его неподалеку от православного храма, в самом начале еще не существовавшей улицы Зальпе, между государственным почтовым трактом и нынешней железной дорогой, на том месте, где сейчас находится продуктовый магазин. Школьное здание было деревянным, одноэтажным, размером 15 на 20 шагов, с односкатной крышей, большими окнами с восточной и западной стороны. С юга, т.е. со стороны железной дороги, к нему было пристроено широкое, крытое сверху крыльцо. Внутри школы было два помещения, разделенные между собой коридором. В одном из них располагался учебный класс, в другом жил учитель.

Согласно существующим правилам, преподавание в ЦПШ помимо обучения грамоте должно было развивать у учеников любовь к христианской религии, преданность вере, царю и Отечеству. Руководил школой священник, возглавлявший приход. Он же занимался наймом учителей.

В октябре 1888 года вторая группа школовской детворы села за парты. Правда, парт как таковых, в школе тогда еще не было. В классной комнате стоял единственный стол, сделанный кем-то из местных умельцев. Вокруг стола располагались четыре скамейки, на которых сидели ученики и учитель. Занятия начинались в октябре и заканчивались в конце марта, т.е. к началу полевых работ.

Едва начался учебный год, выявились недостатки в организации учебного дела. Оказалось, что в школе не хватает учебников, нет наглядных пособий, тетрадей, карандашей и чернил. Школьные ручки для письма чернилами, характерные для школ 20 века, тогда не использовались. Вместо них дети писали гусиными перьями, подрезанными снизу наискосок острым перочинным ножом.

Учеба в школе продолжилась менее месяца. За это время выяснилось, что приглашенный в школу учитель является хроническим алкоголиком. Он пил каждый день и в неприглядном виде валялся на полу своей комнаты. Протрезвев, становился раздражительным, агрессивным. Однажды учитель устроил в школе стрельбу из ружья, как он выразился, для того, чтобы «припутнуть псаломщика», преподававшего Закон Божий и сделавшего ему замечания по поводу «неприличного поведения». После этого случая с учителем пришлось расстаться. Вскоре приехал другой, и школьное обучение стало входить в нормальное русло.

дания вблизи зыбуна крестьянских селений, потому что под болотом на небольшой глубине находятся залежи бурых углей. Разрешение на их разработку с недавнего времени стал добиваться владивостокский предприниматель Лейба Шлемович Скидельский. Поговаривают, что у него нет пока денег для строительства рудников, но в ближайшие годы он надеется их найти и тогда по всему зыбуну начнут создаваться поселки для горняков.

В то время, когда Ярусов и Григорий Иванович ехали в Цемухинскую волость, от Угольной и до Кангауза шло строительство железной дороги, предназначенной для доставки во Владивостокский Военный порт высококалорийного каменного угля, добываемого на Сучанском государственном руднике. Строить дорогу начали до русско-японской войны. С началом войны строительство заморозили. После заключения мира прокладка дороги вновь развернулась. На 9, 10 и 11 версте от станции Угольной основной объем строительных работ уже был завершен, и это внушало Скидельскому уверенность, что вывоз угля с рудников, которые он намерен строить, будет идти без помех.

Параллельно железнодорожному полотну строители положили временную колесную дорогу, чтобы доставлять по ней грунт, шпалы, рельсы и прочий строительный материал. Местные жители сразу стали использовать ее в своих целях, в том числе и для перевозки пассажиров.

На 21 версте, где сейчас находится поселок Артемовский, железнодорожное полотно и временная колесная дорога упирались в правый берег реки Майхе. Моста на другую сторону еще не было, поэтому пассажиры и грузы переправлялись через речку паромом. Пропускная способность его была крайне низка, вследствие чего на том и другом берегу всегда собиралась длинная очередь. Так было и в этот раз. Воспользовавшись задержкой, Григорий Иванович решил рассказать Филимону об одном перспективном крестьянском хозяйстве Цемухинской волости, расположенном вблизи устья Майхе.

Это хозяйство хорошо было видно со стороны железной дороги. Расположенный там населенный пункт в наши дни называется поселком Оленьим. Создал его бывший матрос Михаил Федорович Патюков. Выйдя в отставку, он женился на дочери школовского крестьянина Лаврентия Мироновича Колягина. При материальной поддержке тестя Патюков построил дом и занялся рыболовством. Одновременно начал об-

Запрещение разделов крестьянских семей

Подъезжая к разъезду «Седанка», Филимон обратил внимание на какие-то сооружения в виде ям, борта которых с внутренней стороны были обшиты досками. Григорий Иванович с готовностью пояснил, что это засольные ямы, в которых местные рыбаки солят ивасей и селедку в периоды массового захода этой рыбы в Амурский залив. Эти слова удивили Филимона Матвеевича. Он сам и все жители Смяличей были уверены, что селедка соленая сама по себе, потому что живет в морской соленой воде. Григорий Иванович постарался помочь ему избавиться от этого заблуждения и рассказал, что подобного рода засольные ямы разбросаны по всему побережью Цемухинской волости, жители которой почти поголовно занимаются рыболовством.

По прибытии поезда на станцию Угловая все пассажиры покинули вагоны. Те, кому нужно было ехать в сторону Шкотова, устремились к месту стоянки государственных почтовых карет и повозок частных извозчиков, владельцы которых, перекрикивая друг друга, приглашали к себе пассажиров.

Повозка, в которую сели Григорий Иванович и Филимон, была похожа на обыкновенную крестьянскую телегу, оборудованную несколькими скамьями и откидным пологом на случай дождя. Так как небо было безоблачным, ямщик на радость Ф. Ярусову отбросил брезентовый полог, открыв тем самым для пассажиров широкий обзор местности. Повозка тронулась в путь, и вскоре вдали показалось село Угловое, от которого начиналась тогда Цемухинская волость. Ярусов внимательным взглядом начал оценивать все, что находилось вокруг. Он увидел, что около села почти нет хлебных полей, все пространство занято картофельными грядками и посадками каких-то овощей. Не в силах понять причину такого явления, Филимон Матвеевич обратился за помощью к своему проводнику. Тот объяснил, что Угловое стоит на болоте, поэтому хлеба здесь плохо растут, а картошка и овощи дают хорошие урожаи, вот и пришлось угловчанам заняться овощеводством. К тому же вокруг Углового очень много травы, что позволяет местным крестьянам выкармливать коров, бычков и овец, косить сено для продажи во Владивостоке.

Восточная окраина села Углового упиралась в обширный зыбун, т.е. топкое болото, поросшее травой. Зыбун этот, как сказал Григорий Иванович, тянется до самого Шкотова, справа и слева от него территория слабо заселена. Переселенческому управлению рекомендовано воздерживаться пока от соз-

В середине 80-х годов 19 столетия Шкотово состояло из 58 крестьянских дворов, располагавшихся в южной части нынешнего поселка, приблизительно там, где находятся улицы Комсомольская, Партизанская, Луговая, Краснофлотская, Красноармейская и южная оконечность Ленинской. Здесь на большом расстоянии друг от друга стояли усадьбы объединенных крестьянских семей, в которых проживало два, три, а то и четыре поколения родственников. Вместе с родителями жили все взрослые дети, в том числе и женатые сыновья в ожидании случая получить свою долю имущества, отделиться от общей семьи и построить для себя отдельную усадьбу. Глава объединенной семьи помогал молодым после раздела отстроиться на новом месте. Такой обычай существовал в нашей стране со времен древней Руси. Однако в 1886 году император Александр III под давлением экономических обстоятельств вынужден был подписать указ, запрещающий разделы крестьянских семей. На такой шаг императора толкнуло малоземелье, губительное для мелких хозяйств. Он видел, что большие хозяйства еще как-то держатся на плаву, а мелкие быстро приходят в упадок.

Выполнять данный указ были обязаны все, в том числе и крестьянская община села Шкотово. Решение Александра III поддерживали в основном главы крупных объединенных семей, убедившиеся на собственном опыте, что при наличии свободной земли зажиточными быстрее становятся те семьи, которые имеют больше рабочих рук.

Крестьянская молодежь, стремившаяся к самостоятельности, была противником этого указа, хотя и понимала, что при регулярном дроблении сводных семей вырваться из бедности становится весьма затруднительно.

Прекратив разделы объединенных семей, Шкотово замедлило темпы своего разрастания вширь и начало уплотняться на ранее освоенной территории. В каждой усадьбе рядом с домом родителей стали строить дома для женившихся сыновей. Это было дешевле, чем строить отдельную усадьбу для каждой новой семьи. В результате большинство укрупненных семей стали более богатыми, чем прежде. У них появилась возможность покупать породистых лошадей и коров, сенокосилки, жатки и веялки иностранного производства. Такие семьи стали производить больше молока, мяса, зерна, выращивать больше овощей.

Вскоре Шкотово было признано одним из богатых сел южной части Приморья, в котором все чаще и чаще стали звучать фамилии зажиточных крестьян Арзамазовых, Астафуровых, Гамаюновых, Колягиных, Мамантовых, Пырковых, Пашкеевых.

Решение в Шкотово социальных проблем

Одной из социальных проблем всего крестьянского мира России в 19 веке являлось воспитание детей, потерявших родителей. Жители крупных городов пошли по пути создания сиротских приютов. Заботу о сиротах в селах и деревнях полностью взяли на себя крестьянские общества.

В Шкотово как и везде были дети, родители которых умерли от болезней или погибли от несчастного случая. Сельский староста по указанию крестьянского схода подыскивал семью, которая бы взяла на себя труд по их воспитанию. Кандидаты после предварительного изучения обсуждались на общем собрании. Требования к ним были строгие. В первую очередь крестьяне обращали внимание на трудовые и моральные качества кандидатов, на их способность быть воспитателями. Перед будущими родителями общество ставило цель довести воспитанников мужского рода до «полных хозяев», то есть построить дом и хозяйственные помещения, дать все необходимое для ведения своего хозяйства, т.е. снабдить рабочим скотом и иными средствами производства. Если приемные родители брали на воспитание девочку, они обязаны были ее вырастить до совершеннолетия, собрать приданное, найти подходящего жениха и сыграть свадьбу.

В помощь приемным родителям крестьянское общество создавало группу опекунов, состоявшую из наиболее состоятельных сельских жителей. Эта группа обязана была в случае надобности оказывать воспитателям материальную помощь, а также контролировать, как живут приемные дети, прививаются ли им трудовые навыки и общепринятые духовные и моральные качества. Опекуны и приемные родители периодически отчитывались перед общим собранием.

Сельский мир окружал приемных родителей вниманием и почетом. В 19 веке в число уважаемых шкотовцев, воспитывавших осиротевших детей, были значислены Иван Михайлович и Андрей Ильич Арзамазовы, Матвей Еремеевич Никишин, Василий Иванович Чурсин. Приемные дети, выросшие в их семьях, не чувствовали себя обделенными отцовским и

ресурс. Ясень, клен, береза и лиственница являются прекраснейшим материалом для постройки домов. На склонах сопки на каждом шагу встречается виноград, лимонник, кишмиш, которых нет в европейской России, а также калина, черемуха и малина. В этой долине столько разных грибов, что при желании ими можно накормить половину Приморья. В годы, урожайные на кедровый орех или желудь, здесь бродят стада диких свиней. Обилие корма задерживает там на весь год изюбrey и пятнистых оленей. Зимой под корнями поваленных бурей деревьев спит гималайский медведь. На таежных полянах и в пойме реки так много фазанов, что даже самый неумелый охотник, имея собаку и дробовое ружье, обеспечит семью прекраснейшим мясом. С ранней весны и до поздней осени в Стеклануху валом идет нерестовая рыба: красноперка, горбуша, сима и кета. А форель, ленок и пеструшка, не говоря уже о гольянах и пескарях, обитают в реке круглый год.

Почва в Стекланухской долине богатая черноземом, поэтому может давать высокие урожаи зерна, овощей и картофеля. При умелом хозяйствовании Стеклануху за несколько лет можно сделать одним из зажиточных сел южной части Приморья.

Слушая Григория Ивановича, Ярусов делал скидку на его принадлежность к государственным органам, которые занимаются заселением края, и думал, что если и половина того, что сказал Григорий Иванович, является правдой, то лично он, Филимон Ярусов, не зря проделал такой длинный путь, и не ошиблись те, кто послал его на Дальний Восток. Не смотря на некоторые сомнения, возникшие у Филимона, в целом он был очень рад, что судьба на какое-то время свела его с таким грамотным и обаятельным человеком.

Зная, что до приезда на Дальний Восток Ярусов никогда не видал настоящего моря, Григорий Иванович пообещал, что билеты на поезд он купит с местом у окошка, из которого виден Амурский залив. Поблагодарив своего заботливого проводника, Филимон отправился в гостиницу, чтобы выспаться перед дальней дорогой.

Утром они встретились на вокзале. Пассажиры торопливо садились в вагоны, занимая места, указанные в билетах. Филимон Матвеевич с удовольствием расположился на скамье у окна и до самой Угольной неотрывно смотрел на водную гладь, на лодки, перевозившие какие-то грузы, на людей, работающих на морском берегу. Все это для Ярусова было новым, непривычным и немного загадочным.

ции Угольной идет рано утром. Первым делом Григорий Иванович решил ознакомить Ф. Ярусова с географией местности, куда они должны ехать. Для этого он разложил на столе карту южной части Приморья и линейкой показал на ней Цемухинскую волость и долину реки Стеклянухи. Потом ткнул пальцем в то место на карте, где по его убеждениям лучше всего создавать село. При этом Григорий Иванович как бы извиняясь подметил, что села еще нет, а название его, Стеклянуха, уже существует. Ярусов поинтересовался, в силу каких обстоятельств было дано это наименование. Григорий Иванович как будто ждал такого вопроса и сразу же стал рассказывать, что в этом слове храниться память о приморских топографах, работавших четверть века назад в долинах рек Цемухе и Бейча. Однажды, идя по тропинке к истоку Бейчи они обнаружили китайскую промысловую фанзу, в окошко которой было вставлено стекло, а не пропитанная маслом бумага, как во всех других промысловых фанзах. Свободно проникающий в помещение солнечный свет создавал там уют, располагавший к отдыху и к работе. Топографы сделали эту фанзу своей базой. Как бы далеко за день им ни приходилось уйти, вечером они обязательно возвращались в нее. С чьей-то легкой руки фанзу называли Стеклянухой. Когда сезон полевых работ закончился и топографы возвратились во Владивосток, то сразу же перенесли название этой фанзы на речку, протекавшую рядом, и на сопку, на склоне которой она находилась. С этого времени речка с аборигенным названием Бейча получила свое настоящее имя.

В начале 1906 года, когда сотрудники Переселенческого управления нарезали в Стеклянухской долине земельный надел для будущих переселенцев и определяли место, где, по всей вероятности, вновь прибывшие построят село, они для удобства тоже называли его Стеклянухой.

Закончив рассказ о топонимике местности, Григорий Иванович перешел к описанию природных условий Стеклянухской долины. С большим эмоциональным подъемом говорил он о прекраснейшем климате тамошних мест, отметив, что в этой долине не бывает ветров и туманов, таких как в Романовке и Петровке. В связи с сухостью воздуха зимние морозы переносятся очень легко. Тайга в этом углу Цемухинской волости сохранила свою первозданную красоту. Нетронутые человеком, растут здесь могучие липы, вековые дубы, повсюду разбросаны ели и кедровые сосны. Сохранила тайга и свой изначальный

материнским вниманием и до конца своих дней оставались благодарны своим воспитателям.

В доведении до «полных хозяев» сирот мужского пола и в обеспечении приданным невест, выросших у приемных родителей, по решению сельского схода принимали участие семьи состоятельных крестьян Арзамазовых, Гамаюновых, Колягиных, Мамантовых, Пырковых, Пашкеевых. Общество всякий раз публично выражало им свою признательность и искреннюю благодарность.

Шкотово в ожидании прибытия цесаревича

С 1888 года здоровье императора Александра III начало ухудшаться и он стал готовить на престол своего сына Николая, будущего императора Николая II. Александр III был обеспокоен тем, что наследник престола увлекается алкоголем. Чтобы помочь ему избавиться от этой привычки, император направил цесаревича в кругосветное плавание. По пути следования ему было поручено посетить ряд европейских держав, познакомиться с их руководителями. Конечной целью путешествия будущего российского императора являлся Владивосток. Отсюда ему предстояло проехать на лошадях по Сибири, где уже был намечен маршрут Транссибирской железной дороги. Цесаревич должен был ознакомиться с природой тех мест, где будет построена самая протяженная железная дорога нашей страны.

Александр III возлагал большие надежды на то, что наследник престола в ходе этой поездки расширит свой кругозор и приобретет качества, необходимые ему как будущему императору. Во Владивостоке цесаревичу поручалось принять участие в закладке фундамента железнодорожного вокзала, уложить первое звено Транссибирской магистрали и принять участие в закладке памятника Г.И. Невельскому. Этими мероприятиями Николай Александрович должен был подчеркнуть особую значимость для России города и порта Владивосток.

Прибытие цесаревича во Владивосток ожидалось в первых числах мая 1891 года. Местные власти начали вести подготовку к встрече представителя царской семьи задолго до назначенного срока. Было продумано и подготовлено все. В первую очередь определены возможные объекты показа будущему императору. В их число были включены порт Посъет и крупней-

шее на юге Приморья крестьянское село Шкотово. Подготовка данных населенных пунктов к приезду цесаревича местными властями была взята под особый контроль.

К маю 1891 года каждый шкотовский дом снаружи и изнутри сиял чистотой. На улицах не было ни камешка, ни щепочки, ни травинки. Все кругом убрано, подметено, вымыто. По совету шкотовского старосты ворота и заборы крестьянских дворов, принадлежавших разным семьям, были окрашены красками разных цветов, чтобы наследник императора не подумал, что их покрасили перед его приездом. Прихожане в церковном дворе посадили кусты багульника, которые как они были уверены, своими цветами порадуют глаз цесаревича. На Шкотовскую почтовую станцию из Владивостока доставили роскошную карету на тот случай, если Николай Александрович приедет сюда на пароходе, а назад захочет поехать на лошадях. И тут сразу же возник вопрос, где брать лошадей для царской кареты. Шкотовцы твердо сказали, что подходящие лошади у них есть. Для отбора коней из Владивостока прислали комиссию, состоящую из двух человек, которые осмотрели все 186 шкотовских лошадей и выбрали трех самых лучших. Одна принадлежала П.М. Арзамазову, другая — И.М. Колягину, третья — А.К. Комарову. Все жеребцы были вороной масти с белым пятном на лбу. Хозяевам было предложено обучить коней ходить в тройке. Через пару недель та же комиссия посчитала, что тренировки достигли поставленной цели. Теперь надо было решить, кому поручить управлять этой тройкой. Нужен был человек с подчеркнута русской внешностью, с приятным лицом и ладной мужской фигурой. Присмотревшись к хозяевам лошадей, члены комиссии заключили, что каждый из них соответствует предъявленным требованиям. Чтобы заранее никого не обижать объявили, что возчик будет назначен в день прибытия цесаревича в Шкотово. А пока всем им было приказано подготовиться к этому знаменательному дню приличным крестьянским костюм, как можно сытнее кормить лошадей и меньше работать на них. На всякий случай Колягину, Комарову и Арзамазову было бесплатно выдано по три мешка овса.

Члены комиссии стали готовить жителей Шкотова к приезду будущего императора. Много интересного для себя узнали в эти дни шкотовские крестьяне. Оказалось, что слово «цесаревич» переводится на русский язык как наследник царя, что понятное всем русское слово царь вовсе не русское, а латинское и происходит оно от фамилии древнеримского импе-

увидел во Владивостоке ни митингов, ни демонстраций. Кругом было спокойно и тихо. При подходе к Семеновскому рынку он стал свидетелем того, как военный патруль остановил двух неопрятно одетых солдат. Офицер подозвал их к себе, попросил предъявить увольнительные документы и что-то в них написал, а потом приказал немедленно возвратиться в свою часть и доложить командиру, почему они лишены увольнения. Солдаты подчинились приказу. Из этого Филимон сделал вывод, что непримиримой вражды между солдатами и офицерами во Владивостоке не существует.

На Семеновском рынке в этот день шло строительство дополнительных торговых рядов. Повсюду сквозь внешнюю суету просматривался хорошо организованный рабочий порядок. Там, где прилавки уже были построены, шла торговля мясом, рыбой и овощами. По едва уловимым приметам Ярусов понял, что на этих рядах торгуют посредники, берущие товар у оптовиков. Чуть в стороне на неблагоустроенной пока части рынка торговали сами крестьяне прямо с телег. Бородатые продавцы неумело рекламировали свой товар, объясняя, откуда он привезен и где выращен. За умеренную плату они предлагали доставить покупки прямо домой. Обстановка на базаре показалась Филимону самой обычной, такой же, как в Сураже, где ему самому не один раз приходилось продавать картофель и огурцы. Все это вселило спокойствие в душу крестьянского ходока Ф. Ярусова, и он поспешил в Переселенческое управление, чтобы решить тот вопрос, ради которого приехал в Приморье.

В Переселенческом управлении он предъявил документы, и его познакомили с землемером, который нарезал участки в долинах рек Цемухе и Стеклянухи. Этот землемер назвал себя Григорием Ивановичем. Он был уже немолодым человеком, внешне похожим на бывалого таежника. Худощавое лицо его пряталось в густой бороде и аккуратно подстриженных бакенбардах. Серые глаза светились умом и готовностью быть полезным своему собеседнику. Богатый интеллект Григория Ивановича проявлялся в подборе тем для бесед с людьми, с которыми ему приходилось общаться.

Получив задание руководства сопроводить Ярусова на участок, предназначенный для переселенческой группы из Смяличей, Григорий Иванович сразу известил Филимона, что отныне он назначен его проводником в предстоящей поездке, поэтому им обоим нужно подготовиться, так как поездка стан-

начались перебои. Транссибирская магистраль была тогда однопутной. Поезда подолгу стояли на станциях в ожидании прохода встречных составов. Основная причина задержек заключалась в том, что с востока следовали поезда с воинской техникой и личным составом войск, выведенных из Маньчжурии после окончания русско-японской войны.

Россия, потерпев поражение в этой войне, при подписании мирного договора взяла на себя обязательства в кратчайшее время вывести все войска и вооружение с территории Китая. Чтобы не нарушать условий договора, командующий русскими армиями на Дальнем Востоке сначала отдал приказ эвакуировать войска в Забайкалье. Фронттовики, смертельно уставшие от недавних боев и жизни в окопах, оказались в палаточных городках среди голой степи и на голодном пайке. Продержавшись в таких условиях столько, сколько это было возможно, они начали требовать их перевода в стационарные гарнизоны или отправки домой. Войсковое командование пыталось удовлетворить эти требования, и Транссибирская магистраль превратилась в сплошную непроходимую пробку. Застрявшие в пути воинские части не получали довольствия. Голодные солдаты начали грабить пристанционные рынки и магазины. Чтобы наладить движение поездов, железнодорожное руководство установило для своего персонала 16-ти часовой рабочий день без дополнительной платы. Рабочие железной дороги, изможденные непосильным трудом при мизерном заработке, начали бастовать. От систематических забастовок положение дел только усугублялось. Поезда в ту и другую сторону двигались со скоростью черепаший шаг. Ф. Ярусов стал серьезно подумывать о возвращении в Смяличи. Он был убежден, что никто из его земляков не пожелает переселиться туда, где люди постоянно бастуют, а власти бессильны навести должный порядок. Прежде чем возвращаться, Ярусов решил побеседовать с проводниками поездов, идущих с востока. И те, выдавшие за последние годы всякое, посоветовали Филимону продолжить путь, потому что для крестьянина, имеющего землю, не страшны никакие забастовки. А в Приморье, как заверяли проводники, пока еще есть свободные земли. Эти слова убедили Ярусова, и он поехал дальше.

Во Владивосток Филимон Матвеевич прибыл в конце мая. Прежде чем идти в Переселенческое управление, он решил присмотреться к городской жизни, побывать на базарах, узнать, чем там торгуют. К своему удовольствию Филимон не

ратора Гая Юлия Цезаря, что русских царей уже давно называют не царями, а императорами, что Николай Александрович, которому сейчас 23 года, будет править страной вслед за своим отцом, императором Александром III, что, став наследником престола в 13 лет, цесаревич Николай глубоко уверовал в божественное предназначение собственной миссии и для него благо страны является главной жизненной целью. Все это крестьянам рассказывали местный священник и приезжавшие из Владивостока чиновники.

Близилось время прибытия цесаревича в Шкотово. Село замерло в ожидании. Крестьяне обсуждали между собой, как они будут встречать сына царя, нужно ли ему кланяться в пояс или падать на колени, согласится ли Николай Александрович зайти к кому-нибудь в дом, и прилично ли будет пригласить его пообедать. Никто на эти вопросы ответа не знал и потому стали ждать очередного приезда чиновников. Восемнадцатого мая из Владивостока примчался курьер и предупредил, чтобы все были готовы к встрече, которая должна состояться в ближайшие дни. Село всколыхнулось. Крестьяне отменили выезды на поля. Каждому хотелось лично увидеть будущего императора. Такое желание шкотовцев можно понять если вспомнить, что тогда еще не было ни кино, ни радио, ни телевидения. Шкотовцы не читали газет и не видели фотографии своего будущего императора. В связи с этим каждый шкотовский житель по-своему представлял себе цесаревича и с нетерпением ждал его приезда в село.

Однако вопреки ожиданиям, в Шкотово он не приехал. Как стало известно потом, в Японии во время поездки российской делегации в город Отсу на наследника русского престола было совершено покушение. Один из самураев, участвовавший в обеспечении безопасности российской делегации, остановил рикшу, который вез на легкой тележке Николая Александровича, выхватил меч и ударил им цесаревича по голове. Визит был прерван. Начались разбирательства на самом высоком уровне. Как выяснилось, данный поступок был продиктован особенностями характера этого молодого японца, его чрезмерной подозрительностью.

По существовавшим тогда порядкам в Японии для обслуживания высокопоставленных лиц из числа иностранцев, привлекались самые красивые японские девушки. С прибытием цесаревича и его свиты в группу обслуживания была включена невеста упомянутого выше японского дворянина, обладав-

шая броской привлекательной внешностью. Она должна была всегда находиться рядом с наследником престола, совсем еще молодого и приятного на вид человека. Природный такт и подчеркнутая любезность Николая Александровича в общении с женщинами были превратно истолкованы этой служанкой. О подчеркнутой вежливости, проявленной к ней цесаревичем, она с удовольствием рассказала своему жениху. Ревность затмила разум молодого японца и толкнула его на опрометчивый шаг, приведший к межгосударственным осложнениям.

Во Владивосток цесаревич прибыл с перебинтованной головой. Выполнив самые неотложные поручения, данные ему Александром III, он, больной и усталый, уехал в Посыет, а оттуда на почтовых лошадях отправился в обратный путь в Санкт-Петербург. Шкотовцы, узнав о случившемся, немного погоревали, а после того, как пришли к заключению, что видимо, не суждено им было увидеть будущего царя, успокоились и занялись своими делами, благо что в Приморье была в самом разгаре весна и погода стояла отличная.

Стихийные бедствия в Шкотово в 90-х годах 19 века

К началу 90-х годов жилье шкотовцев, построенное в 60—80-е годы, уже обветшало. Назрела необходимость что-то отремонтировать, а что-то полностью заменить. Крестьяне приступили к заготовке строительного материала, который стали складировать на улицах рядом с домами. По всему селу был разложен ошкуренный лес, доски и плахи. Но к несчастью, в августе 1892 года в верховьях реки Цемухе прошел ливень. Наводнение моментально докатилось до Шкотова, затопив его прибрежную часть. Весь строительный лес оказался в бухте. Собрать его не представлялось возможным. Ремонт пришлось отложить на неопределенное время. Через четыре года стихийное бедствие повторилось. Крупнейший тайфун, пронесшийся над Приморьем, затопил Шкотово, Майхе, Петровку, размыл дороги, уничтожил поля. Многие крестьяне лишились скота. Почти половина шкотовцев оказалась в бедственном положении. Крестьянское общество не могло помочь пострадавшим. Правительство и местные власти тоже оказались бессильны, так как в тот год в ряде российских губерний был большой недород, поставивший страну на грань голода.

Основатели Стеклянухи были рады и этому, так как жизнь на их родине становилась все хуже и хуже. Создавали Стеклянуху девять крестьянских семей и трое молодых неженатых парней. Все они до этого проживали в селе Смяличи Суражского уезда Черниговской губернии. Средний земельный надел на семью там составлял 6 десятин. Жить в обстановке, где деревня от деревни находилась в 5-6 верстах и каждый клочок земли между ними был на строжайшем учете соседних крестьянских общин, становилось уже невозможно. В совместном пользовании соседних общин были не только пастбища для скота и чахлые перелески, но и болота, ручьи и небольшие озера. Каждая община охраняла эти уголья от бесконтрольного использования их соседями. Разбирательства и скандалы по поводу незаконного вылова рыбы, сбора грибов, сухих веток для дров не утихали весь год.

Малоземелье в Черниговской губернии плодило беспробудную нищету, которая заставляла крестьян, ставших после 1861 года юридически свободными, ехать в Сибирь, на Северный Кавказ и на Дальний Восток. Жители Суражского уезда предпочитали переселяться на юг Приморья, где в 80-х годах 19 века образовался значительный контингент их земляков.

Как только после русско-японской войны переселение возобновилось, в Смяличах сформировалось несколько переселенческих групп. В одну из них записались семьи, возглавляемые Андреем Гутником, Алексеем Черняковым, Матвеем Сучковым, Михаилом Чайкой, Алексеем Данченко, Филимоном Ярусовым, Семеном Ярусовым, Григорием Гутником и Захаром Гутником. К ним присоединились трое холостяков — Ефим Ковалев, Иван Бобрик и Иван Гутник.

Для решения организационных вопросов староста Смяличей собрал сельский сход. На роль ходока предложили кандидатуру Филимона Матвеевича Ярусова. Сельчане знали его как надежного, пробиного и ответственного человека, способного к самостоятельному решению проблем. Никого не смущало, что кандидату в ходоки едва исполнилось 28 лет и он не умел читать и писать. Сначала Ярусов решительно отказался от предложения, мотивируя это тем, что близится время пахоты, сева и сенокоса, и если он уедет, то зимой нечем будет кормить детей и жену. Сельчане, предвидя это, заявили, что до возвращения Филимона домой все весеннее-летние работы семьи Ярусова они берут на себя. После этого Филимон Матвеевич согласился.

На Дальний Восток он выехал на поезде в середине апреля и до Омска доехал без задержек. Дальше в движении поездов

всей территории Приморья и Приамурья. Не предусматривалось Правилами и переселение за казенный счет. Отныне каждый должен был сам платить за проезд. Инициаторы этого новшества ставили цель отсечь приток на Дальний Восток бедняков, а значит неработоспособных крестьян, которые в определенных условиях могли превратиться в обузу для государства. Не смотря на то, что Правила существенно ущемляли интересы переселенцев, число желающих переехать на Дальний Восток не уменьшилось, так как жизненный уровень хлеборобов в европейской России был очень низким и продолжал снижаться. Правительство организовало переселение по только что введенной в эксплуатацию Транссибирской железной дороге и взяло на себя часть расходов по переезду. Был установлен так называемый переселенческий тариф, составлявший третью часть стоимости проездного билета в вагонах четвертого класса, в которых обычно ездили небогатые люди. Эти вагоны в народе назывались «теплушками». Зимой их отапливали маленькими чугунными печками. Каждый вагон был оборудован трехэтажными нарами и бачком с питьевой водой.

Переселенческий процесс был организован достаточно слаженно. Это позволило с 1901 года и до начала русско-японской войны создать в Приморье 60 новых населенных пунктов, три из которых были неподалеку от Шкотова. Это Суражевка, Шевелевка, Новомосква. Основателями их были переселенцы из Черниговской губернии, из той ее части, где компактно проживали белорусы. С началом войны переселение прекратилось. Возобновилось оно в 1905 году, и за пять последующих лет в Приморье было основано еще 111 сел, из которых 10 на территории современного Шкотовского района. В их число вошли Смяличи, Харитоновка, Дорофеевка, Ущерпье, Рождественка, Лукьяновка, Кишмишовка, Дунай, Крым, Стеклянуха.

Село Смяличи, созданное выходцами из Суражского уезда Черниговской губернии, было совсем небольшим. Располагалось оно в пойме реки, поэтому летом его поля заливало водой. По этой причине село просуществовало очень короткое время. Его жители в разные годы переселились в Петровку, Романовку, Новонежино, Стеклянуху.

Ближе всего к Шкотову была Стеклянуха. При ее основании Переселенческое управление, в соответствии с новыми Правилами, выделило новоселам в десять раз меньше земли, чем старожилам-стодесятинникам, проживавшим в Речице, Романовке, Петровке, Шкотово, Новонежино, созданным в 19 веке.

На помощь шкотовцам пришли владивостокские предприниматели, организовав зимой 1896 года лесоповал около села Новороссии. Все, кто хотел и был в состоянии работать, взялись за дело. Они валили кедры, ясень и лиственницу, распиливали их на бревна и на конях доставляли в места, указанные десятниками. Работа была очень тяжелой, но и оплачивалась хорошо. За два-три зимних периода бригада из четырех человек могла заработать денег на строительство и обустройство нового дома.

Шкотово стало быстро расти, перемещаясь на север в места, недоступные разрушающим наводнениям. За несколько лет в селе появились новые улицы от Ключика до Колягиной пади. К востоку от церкви стала создаваться Нагорная улица, переименованная в 1930 году в улицу Зальпе. У подножья Сопки Любви появилась улица Каменистая (сейчас она носит имя В.П. Сосиновича), а к северу от нее расположилась улица Северная, известная нынешним шкотовцам как улица Лазо. Ниже Северной, вдоль Колягина ручья шкотовцы тоже стали строить дома. Возникшую там улицу решено было назвать Колягинской. В начале 20-х годов 20 века она получила новое имя — Анисимовская. Улица Главная, переименованная в 1924 году в Ленинскую, дотянулась до усадьбы Григория Мамонтова и остановилась у левого берега Колягина ручья.

В эти годы начал быстро меняться внешний облик села. Вместо старых домов появились новые, более благоустроенные. Подрядчиками при строительстве новых домов стали шкотовские предприниматели Михаил Яковлевич и Василий Васильевич Пашкеевы. Новые дома отличались от старых невиданными по тем временам удобствами. В них было все продумано, все учтено. Большие высокие окна с двойными рамами были очень комфортны: зимой они пропускали в комнаты много света и хорошо держали тепло, а в знойные летние дни за счет естественной вентиляции в этих домах было прохладно. Внутренние стены новых домов были оштукатурены и побелены, полы выструганы и покрашены, чего не было в старом крестьянском жилье. Все комнаты изолированы одна от другой звукопроницаемыми перегородками и прочными, легко закрывающимися дверями. Каждый дом стоял на высоком фундаменте, что позволяло под полом оборудовать место для хранения овощей в объемах, нужных семье до будущего урожая. Подполье было устроено так, что квашеная капуста, соленые огурцы, помидоры, грибы и молоко не портились даже в самую жаркую пору. В

этих домах уже не было традиционных полатей. Дети и взрослые спали в отдельных комнатах на кроватях или на лавках, стоящих вдоль стен. Отапливались дома русской печью, стоящей на кухне и несколькими голландскими печками с обогревателями, выходящими в каждую комнату.

Дома подобного рода стали мечтой каждого шкотовца. Мечтой реальной, осуществимой. Для этого зимой нужно было рано вставать, запрягать лошадей, ехать в тайгу, рубить лес, очищать стволы от сучков и везти на санях к нижнему складу, находящемуся на окраине Шкотова.

Деньги за выполненную работу по заготовке и перевозке строительной древесины можно было получить в тот же день или оставить их у предпринимателей «в рост под проценты». Жизнь подтолкнула многих шкотовцев становиться ростовщиками. Это было выгодно и работнику и работодателю. У первого быстрее накапливалась нужная сумма, у второго появлялись дополнительные оборотные средства.

Возобновление разделов крестьянских семей

В 1894 году умер император Александр III. К этому времени закон восьмилетней давности, запрещавший разделы укрупненных семей, в Шкотово не только утратил свою актуальность, но и стал препятствием на пути расширения территории, предназначенной под застройку. Так как необходимость в этом постоянно росла, закон сам по себе перестал действовать.

Начавшееся переселение шкотовцев подальше от поймы реки заставило сельчан продлить северную часть Главной улицы за Колягин ручей, а также начать застройку территории села, где в настоящее время находятся Советская улица и Кривой переулок. Этот микрорайон окончательно сформировался к первому десятилетию 20 века. Советская улица изначально была названа Вокзальной, а когда было отсыпано полотно железной дороги и южнее его запланировали строительство еще одной улицы, тоже берущей начало в районе железнодорожного вокзала, Вокзальную пришлось назвать Первой Вокзальной, а вновь строящуюся — Второй Вокзальной. Сегодня Вторая Вокзальная называется Краснофлотской.

Примерно в это же время появились дома на улице Горького. Строилась она медленно, беспорядочно и вследствие это-

псевдонимом скрывается близкий родственник Николая II великий князь Константин Романов. Это дало российской обществу повод истолковать стихотворение как покаяние царской семьи перед своими подданными, родными и близкими тех, кто не вернулся с войны. И.А. Шатров, взволнованный смыслом стихотворения, на одном дыхании написал к нему музыку, которая сразу же была принята к исполнению всеми духовыми оркестрами русской армии.

В Шкотово этот вальс был популярным до середины 90-х годов 20 века, пока там существовал гарнизон и в нем был оркестр духовых инструментов.

Основание села Стеглянуха

В середине 90-х годов 19 века руководитель военной разведки доложил командующему российских войск на Дальнем Востоке генералу Гродекову, что Поднебесная империя ведет тотальное переселение китайских крестьян в провинции, граничащие с Приморьем. Масштабы, в которых проводилась эта работа, вызвали беспокойство Гродекова, и он срочно проинформировал об этом Николая II. Император России, разделяя озабоченность командующего войсками, после глубокого изучения причин, побудивших китайцев к таким действиям, принял решение укрепить обороноспособность российского государства на Дальнем Востоке.

В короткие сроки здесь была создана оборонительная линия из казачьих подразделений, переброшенных с Дона, Днепра, Кубани и Забайкалья. Одновременно с этим началась подготовка к переселению крестьян в Приморье и Приамурье. С этой целью были разработаны новые «Правила образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях». Учитывая, что больших площадей, пригодных для хлебопашества, в Уссурийском крае оставалось совсем мало, пришлось отказаться от создания крупных сел с обширными земельными угодьями. Теперь переселявшиеся могли получить не по 100 десятин земли на каждую семью, как это было раньше, а только по 15 на мужскую душу. Следовательно, чем больше в семье было мужчин, т.е. будущих воинов, тем больше земли она могла получить. По новым Правилами крестьянские ходоки не могли самостоятельно подбирать земельные участки для создания сел. Этим стали заниматься чиновники Переселенческих управлений, которые имели четкий план расселения прибывших по

Г. Колягин и С. Кошелев организовали в селе сбор овощей для отправки солдатам Эгершельдского гарнизона. Все без исключения шкотовцы приняли в этом участие, и через час две подводы были загружены помидорами, капустой, морковью, картофелем. Отвезти в гарнизон собранные подарки шкотовцы поручили Колягину и Кошелеву.

К концу первого дня проведения памятных мероприятий было объявлено, что вечером духовой оркестр Шкотовского гарнизона на сельской площади даст концерт народной и классической музыки, а лучшие певцы воинских частей и Высшего начального училища исполнят современные песни. Пропустить такое мероприятие никто не хотел, и в назначенный час жители Шкотава собрались на площади. Гарнизонный оркестр, руководимый капельмейстером Лаврентием Степановичем Марек, стал поочередно играть «Барыню», «Комаринскую», «Гопак» и фрагменты из опер Глинки, Чайковского, Даргомыжского. Когда настала пора дать отдохнуть музыкантам, слово взял Марек. Он напомнил собравшимся о героизме русских солдат и офицеров, проявленном в годы войны, и о трудностях, которые им пришлось пережить. Чтобы сказанное было осознано всеми, Марек предложил послушать вальс, написанный участником прошедшей войны Ильей Алексеевичем Шатровым. Композитор назвал этот вальс «На сопках Маньчжурии». Лаврентий Степанович взмахнул дирижерской палочкой и оркестр заиграл. Все, кто находился на площади, в грустной мелодии вальса услышали и безмерную скорбь о погибших, и гордость за русских солдат, сражавшихся с сильнейшим противником, и призыв ко всем поколениям российских людей хранить светлую память о каждом, кто навеки остался лежать в долинах и на сопках Маньчжурии. Оркестр закончил играть. Марек поклонился и отошел в сторону. Но никто из присутствующих не шелохнулся. В скорбном молчании стояли они, переживая глубокие чувства, навеянные только что услышанной музыкой. Поняв душевное состояние слушателей, Лаврентий Степанович решил рассказать о тех обстоятельствах, которые побудили Шатрова написать это произведение, и начал с того, что в одной из газет Санкт-Петербурга сразу после русско-японской войны появилось стихотворение, полное сострадания к погибшим. Автор называл их «героями русской земли» и обращался к своим соотечественникам с призывом извлечь уроки из недавней трагедии. Стихотворение было подписано буквами «КР». Жителям Петербурга было известно, что под этим

го долго не имела никакого названия. В год смерти Максима Горького улица получила нынешнее наименование.

Нагорная улица, 1930 году названная улицей Зальпе, стала застраиваться после наводнения 1896 года. Крестьянские усадьбы на ней располагались по обе стороны государственного почтового тракта, соединявшего Владивосток и село Владимиро-Александровское. Приходским кладбищем Нагорная улица делилась на западную и восточную части. Западная часть была очень короткой, не более ста шагов. Начиналась она от места, где почтовый тракт под прямым углом уходил на восток. Здесь стоял первый шкотовский православный храм имени Тихвинской иконы Божьей Матери и два жилых дома, один из которых принадлежал смотрителю кладбища, а второй — церковному пономарю. Рядом с этими жилыми домами было небольшое здание Церковно-приходской школы.

Восточная часть Нагорной улицы начиналась от нынешней церкви имени Матроны Московской и дома, построенного крестьянином Федором Рубисом. По своей протяженности восточная часть Нагорной была значительно больше западной. Первыми застройщиками восточной части Нагорной улицы, кроме уже упомянутого Ф. Рубиса, были крестьяне Муратовы, Кочергины, Напольские, Масаловы, Мамантовы, Гамаюновы и шесть семей Колягиных.

Северная улица, находящаяся у подножья Сопки Любви с ее северной стороны, начала застраиваться незадолго до русско-японской войны. Первыми и на многие годы единственными ее жителями была семья Никандра Колягина и двух братьев Гамаюновых. Позже здесь построили дома Кайгородовы и Логиновы. С точки зрения шкотовцев, эта улица была неудобной для постройки крестьянских усадеб. Зимой здесь господствовали морозные ветры, сдувавшие снег с огородов, а летом огороды размывались потоками Колягина ручья, поэтому ее заселение шло очень медленно.

Застройку северного конца Главной улицы начали Арзамазовы, Комаровы, Гамаюновы, Ждановы. Своими усадьбами они соединили Главную улицу с Колягинской, на которой уже стояли дома Мамантова, Горшкова, Исакова.

Район Кривого переулка и улицы Горького на всем ее протяжении начали осваивать семьи Чурсиных, Мякишевых, Андриенко и Ждановых.

Заселению территории Шкотава в районе нынешнего вокзала мешало болото, образовавшееся из-за технических оши-

бок, допущенных при отсыпке железнодорожного полотна, из-за чего нарушился естественный сток воды в протекающий рядом ручей. Строительные работы проводились здесь железнодорожниками с 1901 года, но вскоре были остановлены в связи с подготовкой к русско-японской войне. С этого времени началось заболачивание территории, по которой проходил государственный почтовый тракт. На некоторых участках почтовая дорога стала тонуть в болотной грязи. Это сдерживало скорость движения грузовых и пассажирских карет. Ремонт почтовой дороги в пределах Шкотова возлагался на крестьянское общество и школовцы, выполняя свой долг, были вынуждены пойти на крайние меры. Они стали укладывать дубовые плоты в самых топких местах. Борьба за живучесть почтового тракта продолжалась около десяти лет. За этот период бревенчатыми плотами была выслана нынешняя Советская улица от левого берега ручья Колягина и до того места, где сейчас находится здание гаража поселковой пожарной охраны. Как утверждают старожилы, в отдельные места этого участка было уложено до десяти слоев прочно сколоченных между собой дубовых бревен.

Благодаря находчивости и упорству жителей Шкотова, почтовый тракт проработал без срывов не только до пуска железнодорожной ветви на Кангауз, т.е. до сентября 1908 года, но и продолжал работать после этого еще 15 лет.

Создание и развитие села Петровка

В 1884 году вблизи Майхе и Шкотова появились еще три новых села: Многоудобное, Речица и Петровка. Также как и Майхе, они были основаны белорусами из Черниговской губернии. Сами переселенцы, когда речь заходила об их национальности, называли себя не белорусами, а кацапами. Причина такого явления заключалась в том, что белорусская нация в этот период еще находилась в стадии формирования, и слово белорус употреблялось главным образом в научной литературе. Из трех перечисленных выше сел с годами самым крупным стала Петровка.

Основателем ее был переселенец из Унашевского уезда Черниговской губернии Никита Алексеевич Васьков, прибывший в Приморье в качестве ходока в начале апреля 1883 года на пароходе «Россия» вместе с переселенцами из Кажанов, ехавшими сюда для создания села Майхе. Главной заботой Васькова было найти в Приморье место для расселения своих

Пятилетие окончания русско-японской войны

В 1910 году Приморье отмечало пятилетие окончания русско-японской войны. В городах и селах края тогда еще проживало много ветеранов этой войны. В Шкотово их было двое – Григорий Колягин, воевавший под Мукденом, и Семен Кошелев, защищавший Порт-Артур. Оба они являлись Георгиевскими кавалерами. Среди ветеранов Владивостока были и те, кто сражался с японцами вблизи корейского городка Тюренчен на берегу реки Ялу. Здесь произошло одно из крупнейших сражений между русскими войсками и японским десантом, прорывавшимся к осажденному Порт-Артуру.

Командование Шкотовского гарнизона пригласило двух участников Тюренченской битвы для встречи с солдатами и молодежью села. Рассказы Кошелева и Колягина школовцы слышали много раз, поэтому все внимание крестьян и солдат гарнизона в тот день было сосредоточено на воспоминаниях гостей, которые рассказывали о массовом героизме русских в боях на реке Ялу, и особенно под Тюренченом. Русским там было так тяжело, что за оружие взялись даже полковые священники. В итоге ценой жизни многих российских солдат и офицеров продвижение японского десанта было задержано и тем самым оказана помощь защитникам крепости Порт-Артур. По мнению ветеранов, сражавшихся под Тюренченом, каждый из погибших в русско-японской войне, независимо от того, где ему пришлось воевать, заслуживает вечной памяти. Они говорили, что во Владивостоке живет человек, который делает все, чтобы память о героях минувшей войны постоянно жила в сердцах русских людей. Этого человека зовут Павел Захарович Подгорбунский. По его инициативе одна из улиц Владивостока, расположенная на окраине Эгердшельского гарнизона, была названа Тюренченской. Павел Захарович поставил перед собой цель установить на этой улице памятник с указанием фамилий всех погибших в Тюренченском сражении. В 1910 году с участием Подгорбунского ветераны русско-японской войны и солдаты Эгершельдского гарнизона занимались благоустройством Тюренченской улицы. Узнав об этом, школовцы выразили искреннюю благодарность всем, кто участвовал в благоустройстве и в первую очередь патриоту Приморья, общественному деятелю, гласному Владивостокской Думы П.З. Подгорбунскому.

койство опасаясь, что под колесами паровозов могут оказаться коровы, лошади, овцы и т.д. Эта часть жителей начала добиваться, чтобы строители дороги огородили ее с обеих сторон в пределах всего населенного пункта.

Крестьянская усадьба Герасима Мамонтова, находившаяся на северо-западной окраине Шкотова, попала в полосу отчуждения и подлежала сносу, что вызвало крайнее недовольство хозяина. Защитить Мамонтова сельское общество не смогло, хотя и прилагало к этому большие усилия. В итоге Герасим Григорьевич дал согласие на перенос своего дома и всех хозяйственных построек в другое место на тех условиях, которые предложило ему руководство железной дороги. Он понял, что строители поступить иначе не могут, так как отодвинув полотно влево или вправо они вступят в конфликт с другими домовладельцами.

У крестьян Гамаюновых, Напольских, Колягиных, Масаловых, проживавших на южной стороне Нагорной улицы (сейчас это улица Зальпе) железная дорога пролегла так, что разделила их хозяйственные дворы на две части. У Иова Колягина возводимое полотно отрезало от основного двора конюшню, коровник и баню. У других были отсечены только огороды. Шкотовцы направили коллективный протест в адрес железнодорожного руководства, потребовав от него перенести их усадьбы в другое место, которое будет указано сельским миром. Получив такое письмо, в Шкотово для разбирательства приехала группа ответственных лиц. Первым делом она побывала на собрании крестьянского общества и убедила присутствовавших, что железную дорогу ограждать забором не надо, подтвердив свои выводы тем, что в Раздольном за четырнадцать лет эксплуатации железной дороги под колесами паровозов погибло в десять раз меньше скота, чем за это же время утонуло в реке. Желая как можно быстрее потушить растущий конфликт, руководитель прибывшей группы высказал свое сожаление по поводу причиненных шкотовцам неудобств и доложил, что краевое начальство решило отнести железную дорогу, идущую параллельно Нагорной улице, на сто метров южнее, в сторону речки. Помня о том, чем закончилась тяжба Мамонтова со строителями, крестьяне согласились с таким решением и не стали требовать большего.

Дорога и железнодорожная станция Шкотово были введены в эксплуатацию первого сентября 1908 года. Составы с высококалорийным сучанским углем пошли во Владивосток, где этот уголь ждали боевые корабли Тихоокеанской флотилии.

земляков. В этом Васькову особенно старались помочь будущие майхинцы Савелий Мурач и Герасим Шевцов. Они рассказали Никите о климате, почвах и жизни крестьян в этом далеком краю, который уже превратился в мечту для многих переселенцев. Мурач и Шевцов говорили о Приморье так убедительно, что Никита полюбил этот край и захотел поселиться обязательно где-нибудь рядом со своими новыми знакомыми.

Майхинцы, сойдя с парохода во Владивостоке, были расселены в карантинном бараке, а Васьков отправился в Шкотово. Он прибыл туда в самый разгар хода корюшки. Все население находилось на речке, благоухающей ароматом молодых огурцов, исходившим от только что пойманной рыбы. Мужчины, пользуясь долгожданным моментом, ловили ее кто чем мог. Одни применяли для этого большие сетчатые флажки с грузилами по краям, бросая их по течению на перекатах, другие бродили по пояс в воде с маленькими неводами, третьи черпали корюшку из прибрежных ям широкими вентерями на длинном шесте. Подростки и женщины возили рыбу на тележках домой, солили ее в деревянных корытах, чтобы на следующий день, нанизав на тонкие тальниковые прутья, развесить на чердаках, под навесами, на стенах домов и амбаров. Увидев такое обилие корюшки и простоту ее заготовки, Никита твердо решил, что будет искать для себя и своих земляков место, где есть такая же река. Осуществить это желание ему помог неожиданно подвернувшийся случай. На речке он познакомился со шкотовцами Михаилом Гамаюновым и Иовом Колягиным, которые собирались на следующий день ехать на собственные заимки в 30-ти верстах восточнее Шкотова. Услышав их разговор, Васьков обратился к ним с просьбой подсказать, нельзя ли там, куда они думают ехать, подыскать территорию, где есть все нужное для хлебопашества и такая же речка, как в Шкотово. Гамаюнов и Колягин не задумываясь ответили, что такие места можно найти в долине реки Шитухе (в наши дни Петровка), и предложили Никите, если он пожелает, завтра утром поехать туда вместе с ними, пообещав через пару дней доставить его обратно. Никита растерялся от внезапно нахлынувшей радости, не зная, чем и как он может отблагодарить за это своих новых знакомых. И тут ему в голову пришла мысль, всегда выручавшая наших предков в самые трудные минуты жизни. Никита стандартными фразами озвучил ее. Иов и Михаил согласились, и Васьков быстрым шагом направился в китайскую лавку, где продавалось спиртное.

В этот апрельский вечер Васьков впервые попробовал жареной корюшки, приготовленной женой И. Колягина, ближе познакомился с самим Иовом и его другом М. Гамаюновым. Их беседа затянулась до поздней ночи. Гостеприимство шкотовцев и нежный, чуть сладковатый вкус жареной корюшки запомнились Никите Васькову на всю его жизнь, и укрепили желание поселить земляков-унашевцев на берегу реки, похожей на Цемухе.

На следующий день, ближе к полудню, подводы Гамаюнова и Колягина остановились у одной из китайских фанз, стоявших у дороги на берегу Шитухе. Шкотовцы о чем-то говорили с хозяином на его родном языке, и тот согласно кивнул головой. Иов объяснил Васькову, что китаец за небольшую плату готов приютить его на два дня. Он будет кормить Никиту утром и вечером и снабжать едой на обед когда тот начнет обход территории, а заодно и подскажет, какие из облюбованных Никитой участков не затопляет река в периоды наводнений. Иов и Михаил поехали дальше, а китаец пригласил Васькова в свою фанзу, показал место, где тот будет спать, и уточнил, что всех, кто у него проживает, он кормит утром до восхода солнца и вечером после заката. Узнав, что Никита намерен немедленно идти на обследование поймы реки, владелец фанзы завернул в чистую тряпочку небольшую лепешку, соленый огурец и пригоршню гаоляновой каши.

Во время беседы с китайцем Васьков внимательно осмотрел фанзу, так как до этого он не видел такого жилья. Бросилось в глаза, что стены ее сделаны из жердей, переплетенных тонкими прутьями, и оштукатурены глиной с обеих сторон. Половину фанзы занимает лежанка, сложенная из камней и обмазанная глиной. Обогревалась она дымом печи, установленной ближе к входной двери. Как пояснил китаец, эта лежанка называется каном и предназначена для ночного отдыха всех, кто обитает в этом жилье. В фанзе из-за отсутствия окон всегда стоял полумрак. Дневной свет едва пробивался в нее через проем в верхней части двери, оклеенный промасленной полупрозрачной бумагой. Над кострищем, устроенным рядом с дверью, был подвешен котел, в котором хозяин варил пищу для себя и тех, кто жил в фанзе. У Васькова сложилось мнение, что китайская фанза чем-то похожа на охотничье зимовье, которое используют жители Черниговщины в период зимней охоты и массового летне-осеннего сбора грибов.

нарядка с указанием, сколько рекрутов оттуда должно быть направлено в армию. Юноши, достигшие двадцати лет и жившие в этих населенных пунктах, обязаны были участвовать в жеребьевке. Тех, кому выпадал несчастливый жребий, «забривали в солдаты». Мамонтов не постеснялся задать докладчику вопрос, как переводиться на русский язык слово «рекрут» и почему их в армию «забривали». Судя по реакции шкотовцев, стоявших на площади, этот вопрос интересовал почти всех. Поэтому докладчик старательно пояснил, что слово «рекрут» переводится на русский язык как «новобранец», а «забривали в солдаты» потому, что каждому из новобранцев при зачислении на службу сразу же брили голову.

Если здоровье новобранца не позволяло ему служить в армии, его зачисляли в категорию «не годных к службе» и отправляли домой. В народной среде таких призывников называли «негодьями». Получить справку, что ты «негодяй», для рекрута было огромнейшим счастьем. Солдат, отслуживший положенный срок или ушедший в отставку уже значился не крестьянином, а отставным солдатом. Следы этих старых времен сохранились в российских фамилиях Негодяев, Отставной, Солдатов, Матросов. Среди жителей Шкотовского района и сегодня есть Солдатовы, Отставные, Матросовы и Негодяевы. Последние, из-за незнания истории происхождения фамилии стали объектами ядовитых насмешек, поэтому при малейшей возможности они старались поменять эту фамилию на более благозвучную.

Прокладка железной дороги через Шкотово

С 1906 года Россия начала возрождать дальневосточный военно-морской флот, утраченный в годы русско-японской войны. Военные корабли строились на судостроительных верфях европейской России и для базирования направлялись во Владивосток. Чтобы обеспечить их топливом, государство быстрыми темпами стало строить железнодорожную ветвь от станции Угольной до Кангауза (ныне Анисимовка). Прокладка дороги через Шкотово вызвала неоднозначную реакцию населения. Крестьяне, чьи дома находились вдали от железной дороги, были безразличны к тому, что происходило вокруг. Те, чьи усадьбы оказались рядом с железной дорогой, стали проявлять беспорядочность.

площади около переезда, где для этого случая была сделана небольшая трибуна. Колонны сразу же окружили сельские жители. Мальчишки, перебежавшие с места на место, внимательно рассматривали винтовки нового образца, изобретенные русским конструктором Мосиным, известность которых в то время была такой же, какую в наши дни приобрел автомат Калашникова.

Миловидные шкотовские девчата, стоявшие рядом со своими родителями, украдкой бросали восхищенные взгляды на молодых крепких парней, одетых в прекрасно подогнанную по фигуре и невиданную до этого новую форму. Митинг длился десять минут и закончился, или точнее сказать, продолжился интересными для крестьян докладами шкотовских офицеров и учителей местной школы о Полтавском сражении, о Петре I и его соратниках Шереметьеве, Меншикове, Брюсе. Благодаря усилиям всех докладчиков, многие жители Шкотава узнали, что два века назад русские войска под командованием Петра I одержали победу над шведской армией, которую вся Европа считала непобедимой, и что именно эта победа положила начало признанию Российской империи всеми мировыми державами как великой европейской страны.

Уровень образованности шкотовцев тогда был не очень высоким. Даже самые грамотные из крестьян слабо знали историю своей родины. К примеру, наиболее образованный житель села, Г.П. Мамонтов, который окончил полный курс ЦПШ, что тогда было редкостью, слушая выступавших, узнал для себя много нового. Спустя много лет, вспоминая эти события, он говорил, что именно в этот день впервые услышал, что в старые времена в России не было регулярной армии и это заставляло русских царей при осложнении обстановки созывать ополчение и направлять его туда, откуда грозила опасность. А потом, переняв опыт западных стран, Россия стала брать на военную службу иностранных наемников, платя им большие деньги. Однако вскоре от этой практики пришлось отказаться, так как надеяться на преданность тех, кто воюет ради заработка, было рискованно. И только в конце 17 века Петр I стал создавать профессиональную русскую армию. Под Полтавой со шведами уже воевали солдаты, которые служили по 25 лет и кроме военного дела ничем не занимались. Сначала набор в армию проводился по правилам рекрутства, то есть по мере необходимости в населенные пункты направлялась раз-

Китаец указал Никите место на кане, где тот может располагаться на ночь. Там лежали две необработанные медвежьи шкуры. Одна служила подстилкой, а другая одеялом.

Поблагодарив хозяина за еду, Васьков отправился в пойму реки и до конца дня ходил, присматриваясь к окружающей местности, к каждому деревцу и к каждому кусту. Подходя в разных местах к берегу речки, Никита вглядывался в ее каменистое дно, надеясь увидеть там скопление корюшки или другой рыбы, о которой ему говорили Иов и Михаил. Но к своему сожалению, ничего не увидел. Дно было изумительно чистым, а вода прозрачной, словно стекло. На память Никите пришли слова его спутников, говоривших о том, что китайское слово «шитухе» переводится на русский язык, как «река с каменистым дном».

К вечеру Никита Васьков в общих чертах определился, где лучше всего можно поставить дома, где устраивать пашни, где косить сено, куда выгонять скот для пастбы. Когда солнце стало клониться к закату, он пошел в сторону, где была китайская фанза. В ней уже собрались китайцы, работавшие днем на полях, расположенных где-то в тайге. Они курили трубки в ожидании ужина и о чем-то переговаривались. Солнце село. В фанзе стало совсем темно. Хозяин наполнил едой глиняные чашки для каждого из присутствующих и зажег лучину. При ее свете Никита увидел в своей чашке кашу, не похожую ни на одну из тех, которые ему когда-либо приходилось пробовать. Сверху каши лежали кусочек соленого огурца, половина маленькой луковицы и зубок чеснока. Каждый из китайцев, взяв чашку в левую руку, начал не спеша есть, искусно орудуя двумя деревянными палочками, находящимися в правой руке. Поужинав, все закурили, в том числе и Васьков, так и не освоивший прием пищи длинными тонкими деревянными палочками. После короткого перекура стали готовиться ко сну. Китайцы сняли с себя всю одежду, стопкой уложили ее на край кана, удаленный от стены. Совершенно голые они легли на одну шкуру и укрылись другой. Никита, сняв с себя верхнюю одежду и оставшись в исподнем, тоже забрался под медвежью шкуру. Утром китайцы проснулись до восхода солнца, когда хозяин стал разводить на кострище огонь, чтобы подогреть на завтрак остатки вчерашнего ужина. После завтрака все разошлись по местам своей постоянной работы.

Васьков в этот день обошел еще раз приглянувшуюся ему территорию, внимательно осмотрел лесные уголья и окончатель-

но пришел к заключению, что он нашел именно то, что искал. А когда стал подсчитывать площадь участка, который думал просить в Переселенческом управлении, то понял, что понравившейся ему территории хватит на две или три группы переселенцев. Это его обрадовало, так как он знал, что весь Суражский уезд страдает от малоземелья и его земляки при желании могут поселиться рядом с тем селом, которое он намерен создать. Оставшись довольным своими находками, Никита Алексеевич в прекрасном расположении духа отправился к фанзе.

На обратном пути ему попались подготовленные к посеву китайские пашни, но что там будет расти он, опытный хлебопашец, никак не мог разобраться. Перед ужином Никита Алексеевич задал этот вопрос хозяину фанзы, но тот почему-то ушел от ответа, сославшись на плохое знание русского языка.

Прибывшие на следующий день Гамаюнов и Колягин, выслушав своеобразный отчет Васькова и возникшие у него по ходу дела вопросы, разъяснили все, к чему он проявил интерес. Они, в частности, рассказали, что в долине реки Шитухе китайцы сеют опиумный мак и маньчжурскую коноплю, из которых готовят наркотики для отправки в Китай. От производства и успешной продажи наркотиков они могут в одночасье разбогатеть или лишиться собственной жизни, так как за каждым проживающим здесь китайцем постоянно наблюдают хунхузы. Поэтому манзы боятся рассказывать посторонним, где у них находятся плантации мака и конопли. Умудренный опытом Михаил Гамаюнов посоветовал Никите уберечь своих земляков от посевов этих культур, какие бы прибыли эти занятия им ни сулили. А Иов Колягин заодно рассказал, почему китайских разбойников в их стране и у нас называют хунхузами. Оказалось все очень просто. Китайцы, разбойничая в Маньчжурии, чтобы не быть опознанными, идя на грабительскую операцию, закрывают нижнюю половину лица красными косынками. Поэтому издали казалось, что у каждого из них красная борода. В Китае этих разбойников называют краснобородыми. На китайском языке это слово звучит как «хун ху цзы».

По прибытии во Владивосток Никита Васьков получил нужные документы для своей группы и договорился о земельном участке для своих земляков, которые намерены прибыть в Приморье в 1885 году. После этого он купил билет на пароход и отбыл в Одессу.

10 марта 1884 года из Одесского порта во Владивосток прибыл пароход «Кострома», на борту которого помимо других

иностранные корабли на значительном удалении от нашего берега.

Как свидетельство больших перемен восприняли жители Шкотова слова начальника гарнизона о том, что со здания Японского консульства во Владивостоке снята статуя богини победы Ники, воздвигнутая там японцами после русско-японской войны. Для многих такое известие явилось доказательством того, что Россия окрепла и не боится продемонстрировать это перед своим недавним противником.

С чувством глубокого удовлетворения встретили жители Шкотова и то, что Японская улица во Владивостоке стала называться именем бывшего командующего русскими войсками в Маньчжурии генерала Линеви́ча. В знак полного согласия с таким решением владивостокских властей начальник Шкотовского гарнизона подробно изложил на волостном сходе крестьян сведения о Линеви́че как о полководце, сообщив многое из того, о чем недавно гарнизонные офицеры предпочитали умалчивать. В частности, он рассказал, что в 1905 году Линеви́ч был отправлен в отставку в связи с отказом применять репрессивные меры в отношении нижних чинов, требовавших скорейшего вывода войск из Китая и отправки солдат в те регионы страны, откуда они были призваны в армию. Сообщил он и о том, что Линеви́ч прилагал максимум сил по снижению потерь русских войск, воевавших в Маньчжурии. Присутствовавшие на данном сходе крестьяне слушали этот доклад с предельной внимательностью.

С 1909 года командование гарнизона стало инициатором проведения в Шкотово праздничных информационных мероприятий, посвященных победам Русской армии под предводительством Петра I. Ставилась цель воскресить в людской памяти подвиги россиян, сражавшихся в боях за Отечество. Такие мероприятия проходили тогда во всех городах и крупных населенных пунктах страны. Начало им было положено в юбилейные дни победы над шведами под Полтавой. На ипподроме во Владивостоке в этот день был проведен военный парад, а в Офицерском собрании торжественный вечер. Шкотовское армейское и гражданское руководство провело аналогичные мероприятия у себя. В назначенный день войска гарнизона, одетые в новую, недавно введенную армейскую форму защитного цвета парадным шагом прошли по Первой Вокзальной и Главной улицам (сейчас это улицы Советская и Ленинская). Стройные колонны солдат с винтовками на плечах остановились на

встречах ничего предосудительного и потому молчаливо поощряли такие свидания. В итоге с 1908 года все шкотовцы эту сопку стали называть «Сопкой Любви».

Роль гарнизона в повышении патриотизма среди населения

Население края в этот период с трудом избавлялось от тягостного чувства, возникшего после поражения России в русско-японской войне. Священнослужители, светские и военные власти, понимая настрой крестьян, старались помочь им быстрее обрести былую уверенность в силах страны. Командование гарнизона в контакте с волостным старшиной и духовенством местного храма, пользуясь каждым удобным случаем, информировало крестьян о происходящих в крае событиях, которые указывали на оживление экономики и укрепление оборонных возможностей страны. Реакция шкотовцев была исключительно положительной. Когда в сентябре 1908 года заработала железнодорожная ветвь, соединившая Владивосток с сучанскими шахтами и уголь регулярно стал поступать в Военный порт, руководство гарнизона предложило использовать это обстоятельство для пропагандистских мероприятий. Был организован митинг, приуроченный к проходу через Шкотово очередного состава с углем. Кроме шкотовцев в митинге приняли участие крестьяне Майхе и Стеклянухи, а также весь личный состав гарнизона. Выступавшие говорили о том, что отныне военные корабли России будут обеспечены самым лучшим углем, что позволит им дольше находиться на дежурстве вдали от родных берегов, а жители сел, находящихся рядом с железной дорогой, получат возможность быстрее доставлять во Владивосток все, что выращивают на полях и добывают в тайге. Предприниматели увеличат вывоз в города, на шахты и на гражданские стройки необходимый там лес, пиломатериалы, кирпич. Такая информация, подкрепленная проходом по железной дороге составов с углем ложилась бальзамом на души крестьян, укрепляя их веру в завтрашний день.

Повышению морального настроения шкотовцев способствовали регулярные сообщения гарнизонного руководства о том, что во Владивостоке подходит к концу строительство оборонительных точек, артиллерия которых способна поражать

пассажиров была переселенческая группа численностью в 86 человек. Возглавлял ее Никита Алексеевич Васьков. В середине апреля «Кострома» бросила якорь в Золотом Роге, а в конце месяца переселенцы пришли к берегам реки Шитухе, чтобы основать здесь село, которое решили назвать Петровкой. С этого времени в течение года там проживало 16 семей, главами которых являлись Никита, Евдоким и Степан Васьковы, Прохор Немцов, Иван Лысенко, Ефрем Кириенко, Ефим Муха, Конон Матюшенко, Иван Храмцов, Георгий, Пантелей, Диомид и Самуил Карпенки, Иван Осипченко и Аким Красноног.

Карпенки, по всей вероятности, являлись ближайшими родственниками Ефрема Кириенка. На своей исторической родине каждый из них числился то Кириенком, то Карпенком. Обе эти фамилии они писали и произносили на белорусский манер с окончанием на «ок».

Поселившиеся в Петровке в 1885 году семьи Степаненко и Осипченко тоже по документам сначала значились под фамилиями Степаненок и Осипченок. В Петровке до начала 20 века преобладала белорусская речь и белорусская бытовая культура. Молодежь на вечеринках танцевала белорусский танец «Лявониху» и пела белорусские песни. И только с 1932 года после приезда в Петровку украинцев для работы на рыбных промыслах белорусский язык стал растворяться в «украинской мове», а позже, когда в Петровке стала вести промысел шкотовская артель рыбаков, процесс изменения языка повернулся в сторону преобладания русских выражений и слов.

Первый год для жителей Петровки был крайне тяжелым. Мужчины спешили построить жилье, чтобы укрыться от затянувшейся холодной весны. Кто-то копал землянки, кто-то строил шалаши. Подростки и женщины корчевали огороды, сажали картофель, сеяли репу, лук, укроп, огурцы и другие овощи, семена которых привезли из Суражского уезда или купили у шкотовцев, ставших для петровских крестьян главными консультантами по полеводству и огородничеству.

Существенной помощью новоселам в первых год жизни села явилось то, что землемеры из Владивостока при нарезке надела включили в него 60 десятин раскорчеванной китайцами пашни. Сделано это было на законной основе. Земля на Дальнем Востоке предоставлялась в пользование только российским подданным, объединенным в крестьянские общества, а китайцы не хотели связывать свою судьбу с Россией. У них была своя родина, где остались их жены и дети, где были могилы их

предков. Рассматривая Приморье как место для заработка, они были готовы в любой момент возвратиться домой. Создававшиеся здесь манзовские сообщества не признавали российских законов и не подчинялись российским порядкам, но в то же время избегали конфликтов с русскими. О предстоящем изъятии у них незаконно используемых земель местные власти заблаговременно оповещали руководителя манзовских обществ, проживавшего в долине реки Цемухе. По указанию своего руководителя манзы оставляли землю и уходили в другие места.

Петровцы поровну поделили бывшие китайские пашни, где недавно росла маньчжурская конопля и опимумный мак, и посадили картошку. Вскоре каждой петровской семье стало понятно, что урожай на этих полях они не получат из-за полной их истощенности. Попытка удобрить поля илом из озера желаемых результатов не принесла.

Близилась зима, а картошки — главного продукта питания белорусов — у них не было. И купить ее они не могли из-за отсутствия денег. Пришлось обратиться за помощью к государству.

Община направила Н. Васькова и Г. Карпенка ходоками в Переселенческое управление. Там их внимательно выслушали. Поняв, что жители Петровки обращаются к ним за помощью в связи с крайними обстоятельствами, дали им ссуду на покупку семенного картофеля и по несколько кулей для еды на каждую семью. Таким образом, первую зиму село пережило с Божьей и государственной помощью.

Ранней весной 1885 года в Петровку прибыла вторая группа переселенцев из того же Суражского уезда. Это были переселенцы, за которых год назад хлопотал Н.А. Васьков. В группе были семьи Степаненко, Недбайлова, Шкира, Папуши, Понуровского, Снесаря, Чучманского, Лемзы. Чуть позже к ним присоединилась семья Волкогонова, поселившаяся сначала в Варваровке. Сельские старожилы, учитывая собственный опыт, подсказали новоселам, что им следует заранее обратиться к властям за материальной поддержкой, так как полагаться на хороший урожай первого года очень рискованно. Кроме того, сельский сход решил переделить бывшие китайские пашни с учетом всех едоков. Старожилы предупредили новичков, чтобы каждая семья перед посадкой очень хорошо удобрала землю.

С 1885 года в Петровке стали жить 32 крестьянских семьи, которые сразу избрали старосту. Как и в Шкотово, эта долж-

Укрупнение гарнизона повлияло на многое из того, что происходило в Шкотово и в ближайших к нему деревнях, жители которых рассматривали гарнизон как рынок сбыта производимых ими продуктов питания и фуража, а хозяйственные потребности военных крестьяне старались использовать для заработка в зимнее время. В гарнизон они возили дрова, распиленные на чурки, свободно входившие в топки печей, стоявших в казармах по несколько штук на каждом этаже. Шкотовцы и майхинцы снабжали сеном гарнизонных коней, размещенных в конюшнях, построенных в северо-восточной части гарнизона.

У государства тогда не было средств для обеспечения офицерских семей казенным жильем. Это подтолкнуло состоятельных шкотовцев к строительству домов для сдачи внаем офицерам и военным чиновникам, прибывающим в Шкотово. Строили такие дома Пашкеевы, Пырковы и Мамонтовы в основном на Главной улице. Из всех этих домов до наших дней сохранился только кирпичный дом, в котором сейчас находится поселковый «Дом культуры».

В это тревожное время ускорило комплектование Шкотовского гарнизона нижними чинами. Это сразу изменило жизнь всего Шкотова. Сельчане начали поставлять в гарнизон крупными партиями муку, овощи, рыбу, зерно. Крестьяне со средним достатком отладили продажу офицерским семьям молока, сметаны, мяса и яиц, по заказу пекли хлеб.

Созданию в Шкотово крупного гарнизона была рада и молодежь. У парней призывного возраста появилась надежда не покидать родное село в случае призыва в армию. Девчат, превратившихся в невест, радовало обилие в гарнизоне неженатых парней, одетых в солдатскую форму. Чтобы привлечь к себе внимание они почти каждый вечер, как только садилось солнце, небольшими группами появлялись на гарнизонных дорожках около солдатских казарм и громко пели популярные русские песни. В теплые летние дни, когда солдаты группами шли в увольнение, на шкотовских улицах как бы случайно с ними сталкивались озорные стайки девчат, спешивших подняться на вершину сопки в центре села. Они приглашали вместе с собой молодых солдат, заверяя, что оттуда можно увидеть все Шкотово и часть гарнизона. Солдаты с готовностью соглашались. В итоге вершина горы и ее каменистые склоны стали местом постоянных групповых встреч шкотовских девушек и военнослужащих гарнизона. Жители Шкотова старшего поколения и гарнизонное руководство не видели в этих

го должно было стать противодействие десанту противника при его высадке в долины рек Цемухе и Майхе.

Готовясь к принятию военного пополнения, в Шкотово приступили к строительству многоэтажных кирпичных казарм, навесов и площадок для артиллерии, конюшен для лошадей. В этих работах принимали участие все жители Шкотова. Для шкотовских крестьян, обедневших за годы войны, работа в гарнизоне была не только источником заработка, но и укрепляла их патриотический дух и желание не допустить повторного поражения.

Шкотовский предприниматель М.Я. Пашкеев, получив от Военного ведомства заказ на строительные работы, в спешном порядке создал в Шкотово небольшой кирпичный завод. Только что прибывший на жительство в село крестьянин Карп Струков с двумя взрослыми сыновьями сформировал бригаду землекопов и каменщиков для закладки фундаментов под казармы. Семьи Кустовых, Комаровых, Кочергиных под руководством специалистов из Владивостока начали возводить стены казарм. Укладка кирпича тогда велась с применением известкового раствора. Ломать известняк в карьерах стали шкотовские старожилы Яковлевы, Скоклёны, Корниловы, Горшковы. Один из ближайших к селу каменных карьеров шкотовцы создали на склоне горы, разделявшей территорию гарнизона и Шкотова. Карьер был небольшим. Рядом с ним располагалась печь по отжигу известняка. Всем этим комплексом заведовали семьи крестьян Поповых, Напольских и Черепановых. Карьер просуществовал 2 года, но память о нем жила в Шкотово более семидесяти лет в небольшой улице, носившей название Известковая. В настоящее время ее дома включены в состав расположенной рядом Ленинской улицы.

Строительство первой армейской казармы было завершено к концу 1907 года, и 81-й Восточно-Сибирский стрелковый полк разместил в ней еще одно из своих подразделений. Расширение гарнизона и увеличение численности армейского персонала продолжалось до конца 1908 года, после чего жизнь в нем стала входить в обычное армейское русло. На плацу ежедневно проводились строевые занятия, шли тренировки по штыковому и рукопашному бою. На стрельбище у подножья сопки, где сейчас находится поселковое кладбище, солдаты учились стрелять. Здесь же офицеры обучали своих подчиненных умению атаковать и стойко держать оборону.

ность была неоплачиваемой, а работы у старосты было много. Поэтому сельскому миру всегда приходилось придумывать для него какие-то льготы, которые хотя бы частично могли компенсировать затраты труда на общественную работу. Чаще всего старосту освобождали от оплаты труда пастуха. Иногда на зиму его снабжали дровами или перевозили на его хозяйственный двор заготовленное летом сено. Петровские мужики понимали, что бесплатно никто работать не будет, а заботы подпирала село со всех сторон.

На каждом сельском сходе крестьяне озабоченно говорили, что нужно прокладывать дороги к отдаленным сенокосам, к местам заготовки дров, ремонтировать покосившиеся мосты, что давно назрела пора строить школу для обучения сельских детей. Говорили и о том, что селу нужна церковь, так как ездить в Шкотово или во Владивосток, чтобы окрестить ребенка или обвенчать молодых, с каждым годом становится все более обременительно. Когда староста подсчитывал, во что обойдется каждой семье та или другая работа, все сообща решали, что нужно делать сегодня, а что подождет еще год-другой.

Когда-то так было и в Шкотово. Положение там изменилось лишь после того, как численность населения увеличилась. Но тогда этому способствовали местные власти, которые перевели в Шкотово большую часть крестьян из окрестностей гавани Святой Ольги. Жители Петровки не могли рассчитывать, что такая удача свалится с неба. Нужно было что-то делать самим.

На одном из сельских сходов Н. Васьков рассказал односельчанам, каким способом жители Майхе пытались решить такую же проблему. Было это три года назад. Майхинцы поставили цель увеличить число жителей их села, приглашая для этого к себе на жительство солдат, уходящих в запас. По мнению майхинца Савелия Мурача, они тогда не добились нужного результата только потому, что этим серьезным делом занимался исключительно один человек. А если взяться за дело всем миром, объехать армейские и флотские гарнизоны, то можно будет найти десяток отставников, которые согласятся поселиться в Петровке. Сход поддержал предложение Васькова.

Для знакомства с солдатами, срок службы которых подходил к концу, Петровская община направила во Владивосток, Ольгу, Посьет, Уссурийск, Камень-Рыболов, Турий Рог и Раздольное Никиту Немцова, Антона Муху, Ивана Лысенка, Конадо Матюшенко, Ивана Храмцова и Георгия Карпенка. В результате их умелой работы в 1887 году сразу после демоби-

лизации в Петровке поселилось восемь бывших нижних чинов. Это были Андрей Ворсин, Федор Швагер, Сергей Монастырский, Григорий Терешков, Василий Жихарев, Архип Гольцов, Филипп Суденко и Аверьян Мурашко. На своей родине из-за малоземелья надеяться на нормальную жизнь они не могли, а в Петровке им в первый же день дали по три десятины уже подготовленной к посеву земли и сказали, что они могут распахать столько целинных земель, сколько сами пожелают. На второй день сельский староста выделил им участки для крестьянских усадеб и указал места, где можно бесплатно заготавливать строительный лес.

Вскоре бывшие воины обзавелись семьями, приобрели домашний и рабочий скот, сельхозинвентарь и почувствовали себя полноправными членами сельской общины. При их участии общественные работы в Петровке стали выполняться в оптимальные сроки.

На пятом году жизни Петровка развивалась намного быстрее, чем Шкотово по достижении того же возраста. Этому способствовало то, что экономика России была на подъеме, и правительство Александра III стало уделять больше внимания восточным окраинам страны. Во Владивостоке в этот период были сданы в эксплуатацию Механические мастерские Военного порта, названные Дальневосточным заводом (сокращенно Дальзавод). Император развернул работы по строительству железной дороги от Челябинска до Владивостока, вошедшую в историю как Транссибирская железнодорожная магистраль.

Вкладывая средства в промышленное развитие страны, правительство в то же время видело, что сельское хозяйство остается на очень низком уровне. Крестьяне, как и сто лет назад пахали землю сохой, разрыхляли ее деревянными боронами, хлеб убирали серпами и косами.

В таком положении находилась тогда и Петровка. Изменить все сразу было невозможно. Требовалось огромное вложение денег в сельскохозяйственное производство. Такими деньгами страна в ту пору не располагала. Нужны были новые источники поступления средств.

Усилиями центральных и местных властей эта задача в Приморье была решена. Правительство снизило цену на аренду заимок для российских крестьян и начало поощрять сдачу их в субаренду китайцам, приходящим на заработки.

Жители Петровки увидели в этом возможность улучшить дела в своих хозяйствах. Они начали брать заимки, распахи-

Прибытие в село военных положительно повлияло на моральный дух крестьян, уставших от постоянных угроз нападения хунхузцев. Выражая благодарность местным властям, шкотовцы на собрании крестьянского мира единодушно решили, что в случае вторжения противника в Приморье они окажут военным любую помощь, которую те попросят.

В этот период военно-политическая обстановка на русском Дальнем Востоке стала меняться в связи с настойчивыми попытками Японии захватить ключевые позиции в экономике Корейского королевства и юго-восточной части Китая, которые издавна являлись зоной российских экономических интересов. Переговоры на уровне дипломатов между Россией и Японией не ослабили накал конкурентной борьбы, и Япония считала для себя возможным решать все проблемы силой оружия. Генштаб этой страны разработал план, которым ставилась цель укрепить свои сухопутные войска и начать строительство новейших военно-морских кораблей.

Правительство Николая II не уделило этому плану должного внимания, считая Японию слабой страной, не способной причинить России вреда. Но вопреки уверенности российского императора, Япония напала на Россию, уничтожила ее флот и принудила Николая II признать свое поражение. Однако победа Страны Восходящего Солнца оказалась нежелательной для многих европейских держав, опасавшихся усиления ее позиций на Дальнем Востоке. При заключении мирного договора эти страны не поддержали ряд требований победителя. Япония вынуждена была подчиниться воле мирового сообщества. Но, будучи неудовлетворенной результатами заключенного мира, сразу же стала готовиться к новой войне с Российской империей.

С учетом прошлых ошибок Николай II поручил Генштабу разработать программу оборонительных мер. В рамках этой программы началась перевооружение армии и строительство флота. Во Владивостоке стали создаваться новые огневые позиции, ускоренными темпами возобновилась остановленная в 1904 году прокладка железной дороги от станции Угольной до Сучанского рудника, по которой должен был поступать во Владивосток высококалорийный каменный уголь для кораблей Тихоокеанской флотилии. Одновременно с этим укреплялись береговые объекты Уссурийского залива. В частности, Шкотовский военный наблюдательный пост было решено превратить в крупный воинский гарнизон, основным назначением которого

шими все приморские города, попробовать прямо с куста созревший крыжовник, малину и жимолость, отведать сладкой краснобокой приморской сливы, которую невозможно купить ни в Большом Камне, ни в Фокино, ни во Владивостоке.

Познакомившись с историей Петровки, одного из старинных сел Приморья, вернемся в те далекие времена, когда территория нынешнего Шкотовского района только начинала заселяться.

Потребность в создании войсковой защиты юга Приморья

В 1864 году генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков получил от военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича документ, в котором тот выражал беспокойство по поводу распространения среди манз, живущих в Приморье, слухов о том, что китайцы намерены силой возвратить себе правобережье реки Уссури. Не смотря на то, что Казакевич не приводил в документе конкретных сведений, указывающих на подготовку китайской стороны к реализации агрессивных намерений, Корсаков счел нужным направить в Приморскую область батальон линейных солдат для того, чтобы взять под защиту Приханкайскую низменность и долину реки Суйфун (сейчас это река Раздольная). Прибывшие войска разместились в посту Турий Рог и создали два новых военных поста — Камень-Рыболов и Раздольный.

Манзовская война 1868 года показала, что население южной части Приморья оказалось незащищенным от нападения иностранцев, приходящих сюда для грабежа и разбоя. В связи с этим новый военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм, сменивший Казакевича после его отбытия в Кронштадт, обратился к руководству Восточной Сибири с просьбой создать еще один военный пост около Шкотава. Однако из-за финансовых трудностей просьба была временно отклонена.

Повторно данный вопрос был поставлен на обсуждение в конце 19 века в связи с начавшимися осложнениями во взаимоотношениях России и Японии. Тогда было решено перевести из Владивостока в Шкотово небольшое подразделение 81-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Это стало началом создания в Шкотово крупного воинского гарнизона.

вать землю, строить на них недорогое жилье. Каждый старался привлечь к себе арендаторов не только низкой ценой, но и оказанием различных платных услуг. Петровцы удобряли навозом поля, давали семена для посева, одалживали на время рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. И деньги потекли в руки трудолюбивых крестьян.

По-разному распоряжались полученной прибылью петровские мужики. Одни использовали ее для удовлетворения текущих потребностей. У них появилась добротная одежда и обувь, приобретенная у заезжих купцов. Сытые лошади этих крестьян, запряженные в шикарные сани и рессорные дрожки, лихо носились по сельским улицам, оглашая округу звуком валдайского колокольчика, висевшего под дугой и вкрадчивыми голосами бронзовых шаркунов, украшающих конскую сбрую.

Улучшение жизни другой части петровских крестьян, нацеленных на удовлетворение потребностей будущих лет, долгое время оставалось мало заметным. Каждый полученный рубль они вкладывали в производство, покупая породистых лошадей, пригодных для долгой тяжелой работы, приобретали плуги, бороны, сеялки зарубежного производства. Они собирали деньги на покупку конных косилок, веялок, молотилок, строили новые амбары, погреба, конюшни, коровники, улучшали жилье. К числу петровских крестьян, живших с прицелом на перспективу, относились семьи Недбайловых, Степаненко, Гуль, Васюковых, Волкогоновых, Кириенко, Бакуменко, Снесарей, Кочегаровых, Чучманских и др. Через несколько лет их хозяйства поднялись до уровня экономически сильных.

В последнем десятилетии 19 века коммерческие фирмы Владивостока стали завозить на Дальний Восток оцинкованное кровельное железо. Упомянутые выше крестьяне, а вслед за ними и другие стали строить дома под цинковой крышей с улучшенной планировкой, рубленные из сухого, отесанного с обеих сторон кедрового бруса. Это был период прорыва в домостроении Петровки и всей Цемухинской волости, значительную часть которой ныне занимает Шкотовский район. В солнечный день Петровка сияла серебром своих крыш, радуя всех в ней живущих. В каждой усадьбе появились сады, саженьцы для которых везли из Америки и Европы. Выращивали их и местные предприниматели П.А. Кашкин и М.Г. Шевелев. Петровка стала славиться урожайными красной и желтой малины, черной смородины, желтой сливы.

Здесь будет уместным рассказать, когда и как появились в Приморье сладкие мелкие желтые сливы, распространившиеся по всему Шкотовскому району.

Один из жителей села Астраханки, посетивший родственников в США, привез оттуда несколько замороженных брикетов желтой сливы. Сливы были съедены, а косточки хозяин высадил на отдельную грядку в своем огороде. На следующее лето вся грядка украсилась зеленой сливовой порослью. Хозяин раздарил ее всем своим соседям и в Астраханке через несколько лет появились сливовые сады. Постепенно они распространились по всему Приморью.

В середине 80-х годов 19 столетия вокруг Петровки стали селиться корейцы. Когда жители села поняли, что корейцы умеют возделывать рис, они стали распахивать болотистую пойму реки и устраивать там рисовые чеки. Наемное рисоводство на какой-то период стало одной из доходных статей крестьянских хозяйств Петровской общины.

Учитывая, что большинство жителей Петровки с детства были знакомы с выращиванием льна и изготовлением полотна, в последнем десятилетии 19 века все петровские семьи переключились на эту работу. В итоге, на рубеже 19 и 20 веков население юго-западной части Цемухинской волости носило одежду, пошитую из петровского полотна, а в каждом сельском доме были одеяла из петровской дерюги.

Крестьяне Петровки постоянно вели поиск выгодного использования пашен, находящихся в их распоряжении. Препятствие этому они видели в частых переделах земли. Поэтому Петровская община систематически поднимала вопрос о закреплении пашен за крестьянскими семьями и предоставлении им права передачи земли по наследству. Но всякий раз их попытки наталкивались на действующий в России закон «Об использовании общинных земель». В итоге крестьяне поняли, что сначала нужно отменить старый закон, а потом принять новый. Однако это им оказалось не по силам, и крестьяне вынуждены были отказаться от своих намерений.

Начавшиеся в стране реформы Столыпина не коснулись напрямую жизни петровских крестьян, но принесли им большое моральное удовлетворение, потому что все, кто жил в Петровке убедились, что в своих устремлениях они были правы, так как Столыпин тоже пытался решить земельный вопрос. Жители Петровки после гибели Столыпина, вспоминая о нем и о своих недавних намерениях успокаивая себя говори-

щи на колхозных полях. По сравнительно низким ценам, а точнее по бросовым, колхоз продавал колхозникам некондиционную рыбу, доставляемую к местам сортировки.

Свиноферма колхоза имени «Первого мая», в отличие от свинофермы колхоза КНД, приносила высокий доход, потому что первомайцы при выращивании свиней в корм добавляли рыбу, а за два месяца до забоя кормили их соей, зерном, овощами, картофелем. За это время мясо и сало свиней теряли рыбный запах и вкус. Так кормила свиней вся Петровка. Прошло время и этот метод стал применяться во всех хозяйствах Шкотовского района, находившихся в прибрежной полосе, а по мере развития рыболовства и в других более отдаленных от моря местах.

До середины 20 века Петровка являлась одним из ведущих сел района, не уступая ни в чем административному центру – поселку Шкотово, а в некоторых случаях даже опережала его. Шкотово не могло соревноваться с Петровкой в добыче рыбы и в сельскохозяйственном производстве. Сама природа наделила это село богатыми возможностями. Не случайно в 1923 году один из ведущих государственных деятелей СССР М.И. Калинин, изучая сельскохозяйственный потенциал Приморья, избрал для своего посещения именно Петровку.

В 50-х годах 20 века значимость Петровки стала снижаться. Рядом с ней начали строить города Большой Камень и Фокино. На побережье залива Стрелок появились важнейшие военно-морские объекты, обещавшие вырасти в крупнейшую базу подводных лодок. Петровская молодежь, получившая высшее и среднее техническое образование, потянулась в строящиеся города и манящие своей секретностью оборонные объекты Военно-морского флота, где знания инженеров и техников как никогда были востребованы. Петровка, оставаясь крестьянским селом, стала пустеть. С годами она превратилась в тихий, уютный уголок для доживающих свой век пенсионеров. В настоящее время это старинное приморское село стало дачным районом города Большой Камень. Каждое лето петровские улицы оглашаются радостными возгласами детворы, приезжающей сюда вместе с родителями. Старшее поколение бывших петровцев тянет в это село память о безвозвратно ушедших годах и возможность во время отпуска пожить в домах, построенных их отцами и дедами. Подростков влечет в Петровку желание прокатиться по улице на велосипеде, не опасаясь столкнуться с автомобилями, заполонив-

Читателю, не имеющему отношения к рыболовству, вероятно, трудно разобраться в том, какие плавсредства тогда рыбаки называли кунгасами, и чем они отличались от кавасаки. Кунгасы — это деревянные парусно-гребные суда грузоподъемностью от 3-х до 5-ти и более тонн. Использовались они на Дальнем Востоке для прибрежного лова. Осадка кунгасов была небольшой, и для разгрузки они могли подходить прямо к берегу. В 30-е годы их делали в небольших мастерских во Владивостоке. Место, где находилась эта мастерская, в наши дни называется мысом Кунгасным. Петровские и шкотовские рыбаки сами мастерили кунгасы, приспособляя их к тем условиям, в которых предстояло работать. Команда кунгаса состояла из 3-5 человек. Зависело это от величины самого плавсредства и длины находящегося на нем невода.

В сравнении с кунгасом кавасаки были шагом вперед в рыболовстве. Они имели парусное снаряжение и дизельный двигатель. Длина кавасаки от 10 до 15 метров, грузоподъемность — около 10 тонн. Осадка у него небольшая, борта с широким развалом. В Приморье эти суда использовались для прибрежного лова и для перевозки грузов на короткие расстояния. Изобретателями кавасаки были японцы, и долгое время только они строили такие суда в небольшом японском городке Кавасаки.

В колхозе имени «Первого мая» в море рыбачили только мужчины. Женщины отцепляли на берегу рыбу, запутавшуюся в неводах, и потому их называли отцепщицами. Нередко случалась так, что мужчин, находившихся в море, преследовали неудачи. В таком случае оставались без дела и отцепщицы. Чтобы обеспечить их работой, колхоз стал заниматься выращиванием овощей, картофеля, кукурузы, сои. Чуть позже было решено создать мясное и молочно-товарное производство. Многоотраслевая структура предприятия и слаженная работа всего коллектива позволили колхозу имени «Первого мая» спокойно пережить тяжелый для всей страны 1932 год. В этом колхозе никогда не было острой нехватки рабочих. В разное время колхозом руководили талантливые организаторы, такие как Гавриил Федосьевич Лемза и Николай Иванович Варнин. Организуя дела производства, они умели брать всю ответственность на себя. В период, когда работникам сельского хозяйства запрещалось иметь приусадебные участки, председатели колхоза имени «Первого мая» без особой огласки разрешали своим подчиненным для собственных нужд выращивать картофель и ово-

ли, что если даже такому великому человеку, каким был Петр Аркадьевич, не удалось решить земельный вопрос, значит так самому Господу Богу угодно.

К середине 90-х годов крестьянская община Петровки почувствовала в себе достаточно сил, чтобы начать строительство храма и школы. Над возведением храма работало все село. Освящен он был в 1897 году. Через три года построили школу и начали обучать детей грамоте.

В конце второго десятилетия 20 века при содействии земских властей Владивостока в селе был создан фельдшерский пункт, а вслед за ним и врачебный. Эти медучреждения были созданы благодаря врачу Шкотовской земской больницы Константину Николаевичу Павленко и белорусскому политическому реиммигранту Александру Антоновичу Сенкевичу, возвратившемуся в Россию после Февральской революции. Пять лет Сенкевич возглавлял врачебный пункт. В этот период медицинское обслуживание населения Петровки поднялось до уровня Шкота.

Начавшаяся русско-японская война подтолкнула местные власти разместить рядом с Петровкой армейскую часть, в задачу которой входила охрана побережья бухты Кангауз. Это войсковое подразделение выполняло функции пограничной заставы. Реальных возможностей для этого у него было мало, но в обстановке войны само наличие воинской части рядом с селом оказывало большую моральную поддержку местному населению. Каждый житель Петровки и окружающих деревень надеялся, что любая попытка японцев высадиться на побережье залива будет немедленно пресечена.

Россия потерпела поражение в этой войне, и военные действия прекратились. Японские корабли больше не подходили к побережью Шкотовского района. Однако тревожное состояние не покидало местных крестьян. Уссурийский залив, как и прежде, оставался опасным для судоходства. В рыбацкие сети нередко попадали морские мины. В любой момент могла случиться беда. И эта беда пришла осенью 1906 года.

7 октября грузопассажирское судно «Варягин» как всегда вышло в рейс по маршруту Владивосток — Кангауз — Шкота. На его борту было 250 пассажиров и товары для жителей сел Петровки, Ущерпя, Моленного Мыса, Новороссии, Шкота, Дорофеевки, Новомосквы и др. Капитан с большой осторожностью вел судно в обход минных полей, некогда защищавших русское побережье от прорыва к нему вражеских

кораблей. В дни прибытия парохода «Варягин» в местах погрузки и выгрузки собиралось много народу. Одни встречали пассажиров, другие провожали их. В этот день пароход владивостокского судовладельца Варягина в положенный срок в Петровку не прибыл. Встречающие и провожавшие, просидев на берегу более часа, разъехались, полагая, что по каким-то причинам рейс отменен. На следующий день в Петровке и в Шкотово стало известно, что пароход «Варягин» подорвался на mine и затонул. Из 250 пассажиров спаслось только 15 человек. Глубочайшее горе охватило Цемухинскую волость. До самых морозов крестьяне обнаруживали в водах залива тела погибших и почти ежедневно то в одном, то в другом населенном пункте проходили похороны утонувших.

Этот случай лишний раз показал, что акватория залива является зоной, опасной для рыбного промысла и судоходства. Масштабы трагедии заставили петровских крестьян надолго воздержаться от выхода в море. Военные моряки стали усиленно очищать прибрежные воды от оставшихся мин. Только к концу года власти объявили, что гарантируют безопасность плавания и прибрежного рыболовства. Однако население еще долго с опаской глядело на Уссурийский залив, принимая каждый плавающий там предмет за зловещую мину.

В 1909 году для удобства управления на Дальнем Востоке была проведена административная реформа. Цемухинскую волость, центром которой являлось Шкотово, разделили на две самоуправляемых территории — Петровскую и Шкотовскую волости. Шкотовцы сразу почувствовали облегчение, так как сфера их управления сократилась наполовину. Как это отразилось на настроении петровских сельчан, сегодня сказать сложно. Известно только то, что им пришлось понести большие затраты на создание волостных структур, приобретение для них помещений и оплату труда дополнительных сотрудников. Расходы на все это были значительными, так как в подчинении у Петровки оказались Речица, Промысловка, Моленный Мыс, Эстляндия, Линда, Лифляндия, Царевка, Дорофеевка, Бессарабия, Ущерпье, Крым и Дунай. Среди этих сел по численности населения самой крупной была Петровка. В ней проживало 863 человека. Значимость этого села для Приморья после реформы возрасла.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая Мировая война затронула все села Приморья, в том числе и Петровку, откуда в армию была призвана почти вся молодежь, достигшая двад-

Обдумывая ход выполнения данного поручения, Уралов решил проследить одновременно за работой всех звеньев рыболовецкой бригады, находящейся в зоне промысла. Для этого ему пришлось оборудовать наблюдательный пункт на склоне сопки, откуда были видны все кунгасы, находившиеся в бухте. Вооружившись биноклем, он два дня просидел на этом наблюдательном пункте, стенографируя все, чем занималась бригада. Двухдневный хронометраж показал, что рыбаки терпят улов из-за отсутствия сведений о передвижении по бухте косяков рыбы. Команды кунгасов, находясь на большом расстоянии друг от друга не видят, где рыбаки успешно работают, а где бесполезно цедят неводом воду. Это натолкнуло Уралова на мысль, что бригадир должен находиться на наблюдательном пункте и своевременно оповещать рыбаков, в каком месте залива появился косяк. Здесь следует напомнить читателю, что в начале 30-х годов 20 века в Шкотовском районе еще не было ни мобильных телефонов, ни переносных радиостанций, ни надежно работающих громкоговорителей. Рыбаки, ведущие прибрежный лов, использовали зрительную и слуховую связь друг с другом.

С санкции председателя Райисполкома Владимир Иванович оборудовал свой наблюдательный пункт высокой мачтой, на которой при надобности можно было поднять белый флаг, отчетливо видный на большом расстоянии. Команды, работавшие на кунгасах, тоже оборудовали свои плавсредства небольшими мачтами. В случае подхода к ним рыбного косяка, старшина кунгаса поднимал на своей мачте белый флаг. Бригадир, находящийся на наблюдательном пункте, увидев этот сигнал, немедленно поднимал на вершину мачты свой флаг и делал выстрел из дробовика. После этого всеми доступными средствами показывал рыбакам, в каком месте появилась рыба. В течение месяца этот метод был отработан во всех деталях и получил официальное одобрение. Рыбаки назвали его методом Уралова. Вскоре его стала применять и петровская бригада. Объемы добычи рыбы быстро пошли вверх.

В середине 1931 года шкотовская бригада была переведена в Суходол. После объединения колхоз «Первого мая» стал эксплуатировать 14 парусных и весельных кунгасов, что позволяло ему ежегодно добывать более 4 тысяч тонн морепродуктов. Через несколько лет у него появилась возможность приобрести несколько кавасаки. Зона промысла колхоза расширилась.

напряженно трудился. Частники не хотели, чтобы на равных с ними правами работали те, кто не внес ничего в фонд колхоза. По воспоминаниям секретаря Шкотовского райкома ВЛКСМ Василия Спиридоновича Федосова, многие сотрудники райисполкома были согласны с доводами бывших частных рыбаков, однако поддержать их официально они остерегались, зная, что советская власть в любом случае будет поддерживать бедняков. После того как бедняки стали членами рыболовецкой артели, в Петровке по малейшему поводу начали вспыхивать драки. Сельскому совету потребовалось много сил, чтобы снять возникшую социальную напряженность.

Шкотовская и петровская рыболовецкие бригады в течение года после объединения работали автономно, хотя в организационном и финансовом отношении замыкались на единое руководство в Петровке. Шкотовские рыбаки находились в оперативном подчинении своего поссовета, а петровские подчинялись Петровскому сельсовету. Обе бригады имели в своем распоряжении все, что было необходимо для промысла и временного хранения добытой рыбы.

В первые два месяца после создания рыбколхоза объемы улова в обеих бригадах держались на уровне ниже планового. Это беспокоило местную власть. Шкотовский поссовет, не имевший достаточного опыта руководства такими коллективами, не мог назвать причины подобного явления, и Райисполком поручил разобраться в этом Владимиру Ивановичу Уралову, работавшему начальником райотдела милиции.

Выполняя это общественное поручение, Владимир Иванович провел несколько дней в зоне промыслов шкотовской бригады, побеседовал с каждым из рыбаков, изучил организацию их работы и пришел к заключению, что низкие уловы за последние месяцы являются следствием недостатков в системе оплаты труда. Заработная плата рыбаков не зависела напрямую от объемов улова. «Нужно менять систему оплаты труда», — с твердой уверенностью доложил Уваров на заседании исполкома, полагая услышать в свой адрес похвалу за умение смотреть в корень событий. Однако председатель Райисполкома его тактично поправил пояснив, что районные власти не имеют права отменять решения вышестоящих властных структур. «Хотя, по сути своей вы совершенно правы», — смягчил свое замечание председатель РИК. И Владимиру Ивановичу было поручено «найти недостатки в организации труда рыбаков, которые сдерживают выполнение ими производственных планов».

цатилетнего возраста. Работать на полях стало некому, и в 1915 году крестьяне вынуждены были сократить посевные площади, уменьшить поголовье скота. То же самое происходило повсюду. В стране, не имевшей необходимых запасов, возникла проблема с продовольствием. В европейской части России правительство ввело нормированную продажу продуктов. Цены на них поднялись в несколько раз. Народ стал выражать недовольство, но положение от этого не менялось. Авторитет императора Николая II сильно пошатнулся. После третьего года войны митингующие начали требовать заключения мира с Германией, так как в победу уже никто не верил.

Петровские крестьяне в митингах не участвовали, но в беседах между собой тревожно и горестно говорили, что власть в стране нужно передать людям, способным уберечь Россию от гибели. В начале марта 1917 года волость узнала о свержении царя и создании Временного правительства, которое поставило цель созвать Учредительное собрание, чтобы решить дальнейшую судьбу государства.

Временное правительство издало несколько декретов, одним из которых предусматривалось освобождение из тюрем политических и уголовных преступников. Сначала крестьяне отнеслись к этому благосклонно, однако вскоре почувствовали, что уголовников на свободу выпустили зря. Приморье моментально захлестнула преступность. В Петровской волости стали появляться неизвестные люди. Угрожая оружием, они забирали продукты у жителей, угоняли лошадей и коров. Разбои и кражи, которых до этого не было, стали повседневным явлением. Бороться с преступностью было некому, так как новая власть из-за отсутствия средств перестала оплачивать труд полицейских.

Крестьяне, собравшись на сход, стали решать, как защитить себя от уголовников. Вспомнили, что когда-то шкотовцы, оказавшись в подобной ситуации, создали отряд самообороны, который взял на себя защиту населения от вооруженных бандитов и направили в Шкотово своих представителей, перед которыми поставили цель побеседовать со шкотовцами, принимавшими участие в работе отряда самообороны. Наиболее ценную информацию жителям Петровки дали Григорий Павлович Мамонтов и Сергей Семенович Масалов. Исходя из полученных сведений петровские ходоки пришли к заключению, что подобный отряд нужно создавать и как можно скорее. На ближайшем крестьянском сходе выяснилось, что желающих

стать бойцами такого отряда было много, а вот с командиром возникла проблема, потому что он должен быть свободным от ежедневных крестьянских забот и всецело заниматься только борьбой с уголовной преступностью. Подходящей кандидатуры среди местных жителей не нашлось. Тогда его стали искать среди шахтеров Сучана. Направили туда ходоков. Но и там подходящих кандидатур не оказалось. Зато ходоки получили совет обратиться с таким предложением к учителю в селе Бровничи Василию Павловичу Сосиновичу. Сучанцы характеризовали его как грамотного, глубоко порядочного и очень ответственного человека, имеющего воинское звание штабс-капитан и участвовавшего в Мировой войне. Лучшей кандидатуры вряд ли можно было найти, и ходоки срочно отправились в Бровничи. После обстоятельной беседы Сосинович дал согласие. Через полгода все убедились, что их выбор оказался удачным. Бойцы, чувствуя твердую руку своего командира, беспрекословно подчинялись ему. Преступность постепенно пошла на убыль.

В 1919 году Петровка оказалась в центре Гражданской войны, разгоревшейся на юге Приморья. Возглавляемый Сосиновичем отряд самообороны по настоятельной просьбе большевиков был реорганизован в партизанский отряд, который стал контролировать обстановку на восточном побережье Уссурийского залива. В его задачу входило обеспечение безопасной доставки в Сучанскую долину оружия и боеприпасов, привозимых сюда по морю из Владивостока. Ближайшими помощниками Сосиновича в решении партизанских задач стали жители Петровки Гавриил Лемза, Иван и Григорий Недбайловы, Григорий Ворсин, Афанасий Васьков, Михаил и Даниил Кириенко, Ефим Кравцов, Семен Немцов, Николай Муха, Сергей Жихарев, Илларион Гутник, Егор Снесарь, Тихон Кахно и Григорий Степаненко. Со слов Сосиновича, каждый из названных был энергичным, инициативным и исполнительным партизаном. Сосинович как командир в любой обстановке мог положиться на них. Партизанский отряд участвовал в боях с колчаковцами, проводил в их среде агитационно-пропагандистскую деятельность, в результате которой два колчаковских полка сложили оружие и перешли на сторону партизан. Из этих полков был сформирован 1-й Советский Дальневосточный полк, командиром которого стал Николай Кириллович Ильюхов, бывший учитель села Стеклянуха, а его заместителем по строевой части — В.П. Сосинович.

с ней деревнях были причислены к вредителям колхозного строя Федос Маркович Болчуров, Сергей Романович Кошелев, Алексей Максимович Кравченко, Алексей Романович Волкогон, Степан Романович Волкогон, Илларион Никифорович, Недбайлов Михаил Николаевич Недбайлов, Лаврентий Степанович Серов, Ананий Корнеевич Папуша. Все они были лишены избирательных прав и высланы вместе с семьями за пределы Дальневосточного края. Однако положение в сельском хозяйстве от этого не улучшилось. Инициатор ускоренного строительства индустрии И.В. Сталин был вынужден признать, что из села не выжмешь больше того, что оно способно дать, и решил предоставить колхозам временную передышку.

В 1935 году был созван Второй съезд колхозников. Он внес дополнения в Устав сельскохозяйственной артели, которыми было разрешено колхозникам иметь приусадебные участки размером до 0,5 га, держать в личном хозяйстве до двух коров, столько же свиней и различную домашнюю птицу. Кроме того, колхозники отныне могли продавать на базарах продукцию, выращенную на приусадебном участке. А четыре-пять лет назад за подобные нарушения социалистических законов крестьян Шкотовского района лишали избирательных прав и забирали все, что они пытались продать на базаре. Такое новшество позволило свободней вздохнуть не только колхозником Петровки, но и других деревень и сел района. Они стали нормально питаться, могли покупать себе кое-что из вещей.

Рыболовецкая артель в Петровке

В 1930 году в Петровке началось формирование рыболовецкой артели имени «Первого мая». Местные жители эту артель называли рыболовецким колхозом. В него предполагалось включить артели, созданные в 1926 — 1927 годах в Петровке и Шкотово, а также всех единоличников, ловивших рыбу в Уссурийском заливе. Кроме того, Шкотовский исполком намеревался трудоустроить в этом хозяйстве всех бедняков, не имевших средств производства. Петровских жители знали, что значительная часть этого контингента не отличалась стремлением к добросовестному труду, поэтому желание власти включить их в артель вызвало протест работающего там населения. Первыми воспротивились частники, передавшие в эту артель свои кунгасы, невода, засольные ямы. В действиях властей они увидели несправедливость по отношению к тем, кто всю жизнь

Правительству пришлось увеличить планы по посеву и сдаче зерна государству. Производственная нагрузка на колхозников увеличилась, а заработки оставались прежними. Колхозники стали уходить в города. Первыми покинули Петровку демобилизованные воины. Хозяйство колхоза на глазах приходило в упадок.

Единственный колхозник из числа демобилизованных, Иван Ильич Воронин, решивший связать свою жизнь с Дальним Востоком, в письме своему бывшему командиру, служившему под Москвой, с горечью сообщал, что ему приходится работать за троих, так как все остальные, не выдержав трудностей, разбежались. Воронин просил командира части направить в помощь ему крепких, закаленных армейской службой бойцов, так как в противном случае все здесь развалится. В подтверждение своих слов он приводил примеры вопиющей бесхозяйственности, царившей вокруг. Воронин писал, что «колхоз имеет 500 свиней, которые из-за отсутствия свиноводов бродят по лесу в поисках корма. Все до единой коровы, в том числе и голландской породы, содержатся круглый год под открытым небом. Жалко смотреть, как они мучаются. Зимой кроме сена им ничего не дают. Планировали сделать сеновал и две силосные башни, но из-за отсутствия денег к строительству даже не приступали». Воронин просил своего бывшего командира сообщить о бедственном положении колхоза КНД в Колхозцентр, находящийся в Москве, потому что «настала пора положить конец такому безответственному положению и дать отпор вредителям, которые все еще укрываются в нашей стране». Свое письмо Воронин передал правлению колхоза на согласование. Правление не согласилось с оценками, данными Ворониным, и решило не отправлять его. Так это письмо и пролежало в местном архиве до конца 20 века.

Очередная волна репрессий в Петровке

Несмотря на огромнейшие усилия местных властей, дела в колхозах не ладились. И в 1932 году в Шкотовском районе началась очередная волна подготовленных сверху репрессий. Она коснулась и колхозников, и оставшихся еще кое-где единоличников. Первых обвиняли в том, что они, «пробравшись в колхозы, разлагают их изнутри», вторых — в том, что, отказываясь становиться колхозниками, они тормозят развитие коллективных хозяйств. В ходе этой кампании в Петровке и соседних

Как только положение в Приморье немного нормализовалось, петровские партизаны, уставшие от войны, разошлись по домам и занялись работой в своих крестьянских хозяйствах. Неотложных дел у каждого было так много, что, казалось, хозяйство начнет скоро рушиться.

Осенью 1921 года к жителям Петровки обратились руководители Сучанского военного района с просьбой помочь им в борьбе с остатками войск Колчака и Каппеля, находившимися в Сучанской долине. Жители Петровки и ближайших к ней сел отнеслись к этой просьбе отрицательно. У них также, как и у шкотовцев, было своё мнение о каппелевцах и колчаковцах. Крестьяне видели в них прежде всего обыкновенных русских людей, оказавшихся волей судьбы в рядах противников красного движения. Они, также как и партизаны, с нетерпением ждали окончания Гражданской войны, чтобы можно было возвратиться к своим семьям, оставшимся в Сибири, Поволжье и Предуралье. Отказавшись участвовать в войне, бывшие петровские партизаны в качестве альтернативы предложили свое участие в мирных переговорах с каппелевцами и колчаковцами. Однако это предложение было отвергнуто. В результате в 1921 и 1922 годах отряд Сосиновича не воевал в Сучанской долине и не участвовал в боевых операциях отряда Анисимова, в зону действий которого входила Петровская волость.

Ноябрь 1922 года принес в Петровку весть об окончании Гражданской войны. Это очень обрадовало всех, но больше всего женщин, много лет беспокоившихся за судьбы своих сыновей и мужей, которых в годы войны могли в любой момент призвать в партизанский отряд или в войска, воевавшие против них.

С наступлением мира Петровка с головой окунулась в обычные трудовые заботы. Нужно было как можно скорее вывозить навоз на поля, ремонтировать жилье на заимках, перевозить на хозяйственный двор сено, оставшееся на сенокосах. Каждый думал только об этих делах, и мало кого заботило, в каком направлении станет развиваться политическая жизнь на Дальнем Востоке, какая власть здесь будет создана взамен старой. Однако с наступлением осени жителям Петровки помимо их воли пришлось участвовать в решении перспективных и текущих проблем наступившей советской эпохи.

Началось все с того, что из Владивостока приехал уполномоченный только что созданного там Ревкома — исполнительного органа новой революционной власти. Он зачитал документ

о прекращении деятельности Петровской волостной управы и о создании вместо нее волостного Ревкома, которому поручалось немедленно приступить к подготовке выборов в Волостной и Губернский Совет. Эту работу Ревком должен был завершить до конца 1922 года. Жителям Петровки стало понятно, что в 1923 году в крае и в их родном селе будет установлена советская власть, за которую еще недавно боролись партизаны под руководством партии большевиков.

Выборы Совета в Петровке и формирование его исполнительного органа — Волисполкома — прошли в назначенный срок. Настала пора новой власти начинать свою деятельность. Но тут выяснилось, что многие депутаты и штатные работники Волисполкома, едва умеющие читать и писать, никак не могли понять, чего от них ждут. То же происходило и в других волостях Приморской губернии. Причину слабости Советов, избранных в 1923 году, партийные власти Приморья усматривали исключительно в том, что в них было избрано мало членов РКП(б) и рабочих. Такая оценка вполне соответствовала менталитету революционно-партийных властей того времени. Губернское Бюро РКП(б) решило в ближайшее время провести перевыборы. Однако в ходе подготовки к ним многие стали высказывать мнение, что работать надо с теми людьми, которые есть, а надеяться на то, что новые выборы пополнят Совет грамотными депутатами очень рискованно, а если точнее сказать, то совсем безнадежно. В ряде волостей под воздействием этих мнений началось обучение избранных депутатов и сотрудников Исполкомов. К этому делу были привлечены подготовленные преподаватели из Владивостока. В обучении использовались возможности центральной и местной прессы. В газетах регулярно появлялись статьи, освещающие, какие проблемы решает Губернский Совет, и как он это делает. Петровским депутатам было предложено ежедневно штудировать газетные статьи и использовать прочитанное в своей депутатской работе. Таким образом, на примере лучших народных избранников начали обучать остальных.

Летом 1923 года Петровскую волость посетил Михаил Иванович Калинин, очень популярный в то время государственный деятель. Цель его приезда в Приморье состояла в том, чтобы ознакомиться с экономическим и оборонным потенциалами края. В Петровку он прибыл на военном корабле и находился здесь несколько часов. В Суходоле Михаила Ивановича встречали заслуженные жители Петровской и Шкотовской волостей. Вместе с ними он побывал на крестьянских полях и в самой Петровке.

Колхоз Краснознаменной Новгородской дивизии (КНД) в Петровке

Колхоз КНД находился в начале 30-х годов 20 века в стадии формирования. В него были приняты бывшие коммунары, проживающие в Петровке, а также беднейшие крестьяне из соседних деревень. Петровские старожилы не хотели идти в этот колхоз, считая его преемником дел печально известной коммуны. С большим трудом районным властям удалось создать костяк этого коллективного хозяйства. В него вошли Андрей Яковлевич Шибанов, Василий Васильевич Жихарев, Галактион Михайлович Кириенко, Тихон Степанович Павленко, Василий Харитонович Парахин, Петр Емельянович Степаненко, Алексей Степанович Гончаров, Николай Иванович Глазков, Григорий Прохорович Попов, Иван Артемович Недбайлов, Тимофей Павлович Немцов, Иван Никитич Железняк, Петр Иванович Васьков, Ефим Митрофанович Тарасенко и др. Все они были людьми, стремившимися наладить крестьянскую жизнь. Но дела в колхозе не шли, так как имеющимися силами колхозники не могли выполнить тот план, который был дан их колхозу. Положение стало меняться только после того, как Петровский сельсовет начал письменно обращаться к командованию и бойцам Красной Армии, находящимся в различных регионах страны, с предложением направлять в Петровку демобилизованных воинов, гарантируя каждому предоставить жилье и создать условия для хорошего заработка.

Военнослужащие откликнулись на эти письма. Демобилизованных встречал председатель колхоза. Он беседовал с каждым, возил его по полям, показывал колхозное стадо, состоящее наполовину из коров голландской высокопродуктивной породы. Колхозные трактористы Малах Чайка и Николай Пискун демонстрировали работу двух новеньких тракторов и выражали готовность научить всех управлять «железным конем». Бригадиры колхоза рассказывали приезжающим, что их председатель добился льготного плана для своего предприятия, и это, в конечном счете, поможет колхозу быстрее стать на ноги. В результате умело поставленной агитации и внимательного отношения к прибывающим, колхоз КНД стал укреплять производственный штат и дела в хозяйстве постепенно пошли на поправку.

В 1932 году положение изменилось. В связи с мировым кризисом цены на зерно, отправляемое за рубеж, начали падать.

щих прочесывание. Чтобы остановить их, Алексей Мордовцев сделал шаг вперед и предложил им сдаться, но те открыли стрельбу, в результате которой Мордовцев погиб. Красноармейцы сделали несколько ответных залпов. Один из стрелявших поднял руки и вышел из кустов на поляну. Это был Илья Огородный. Его брат Михаил лежал в кустах убитый.

Бондаренко дал команду своим подчиненным уходить в Китай. «Лесные стрелки» выкинули взрывчатку из рюкзаков, разбились по парам и пошли в сторону госграницы, договорившись, что в начале июля они встретятся в Маньчжурии в хозяйстве эмигранта Давыдова. Благополучно миновав пограничников, они, как было условлено, нанялись на работу к Давыдову. Куксенко сообщил в Харбин о возвращении остатков отряда. Для беседы с ними прибыли представители ЯВМ.

Начальник Владивостокского отдела ОГПУ Я.С. Визель в середине июля получил агентурные данные, что в Харбине Японская Военная миссия формирует новый отряд для партизанской борьбы на Дальнем Востоке и что «лесные стрелки», находящиеся на покосе Давыдова, уже включены в него. Чтобы пресечь готовящуюся враждебную акцию, Визель принял решение направить в район Суйфынхе оперативную группу для задержания и конвоирования во Владивосток находившихся там бывших повстанцев, готовых на сотрудничество с японцами. Чекистский отряд нелегально пересек границу и под видом крестьян направился в хозяйство Давыдова. «Лесные стрелки» увидели приближавшихся к ним незнакомых людей, показавшихся им подозрительными. М. Ковеха, И. Борисенко, А. Кравцов и Г. Ивашко попытались спастись бегством и тут же попали под ураганный ружейный огонь. А. Куксенко, Г. Мурач, Т. Литвинчук, Я. Прадивец и Д. Куксенко, поняв бесполезность сопротивления, сдались в плен. Они были доставлены во Владивосток. Суд приговорил их к расстрелу.

Так закончилась жизнь жителей Шкотовского района, спровоцированных антикрестьянской политикой Сталина на борьбу с советской властью в Приморье. Многие из повстанцев и их добровольных помощников были арестованы и высланы за пределы Дальневосточного края. В 1937 году, когда государственный терроризм достиг максимального уровня, почти все они были обвинены в преступлениях, которых не совершали, и погибли в сталинских лагерях.

Погода стояла прекрасная. Село, утопающее в садах, сияло оцинкованными крышами домов, ярко блестевшими на солнце. По всему пути следования Михаила Ивановича был наведен идеальный порядок. Все ямки на главной улице Петровки были засыпаны свежим песком. Убраны следы недавнего пребывания коровьего стада и излюбленные лежанки свиней в придорожных канавах. Петровка очень понравилась Михаилу Ивановичу. Глядя на сопровождавших его крестьян, он с теплыми интонациями в голосе произнес: «Богато живете, мужики, очень богато. Я от души рад за вас!».

Из Петровки Калинин убыл на том же военном корабле, оставив о себе приятные воспоминания. По прибытии в Москву Михаил Иванович сделал доклад, в котором рекомендовал правительству расширять в Приморье государственные рыбные промыслы, чем крайне озадачил петровцев, считавших, что их волость должна развивать у себя животноводство и хлебопашество.

Предпринимательство в Цемухинской волости

В конце 19 века в Цемухинской волости стало развиваться предпринимательство. Многие крестьяне, не удовлетворенные трудом хлебопашцев, начали искать иные пути к зажиточной жизни. Одни занялись рыболовством, другие оленеводством, третьи заготовкой деловой древесины и т.д. Однако добиться успеха смогли только те, кто обладал необходимыми знаниями и первичным капиталом. В Шкотово известными предпринимателями стали Михаил Яковлевич и Василий Васильевич Пашкеевы, Никандр Петрович Колягин, братья Захар, Иван и Илья Пырковы, Федор Рубис.

Если сравнивать результаты, достигнутые каждым из них, первенство, безусловно, принадлежит М.Я. Пашкееву. Многие из того, что им было сделано, служило жителям Шкотова долгие годы, а что-то продолжает служить и сегодня. Например, любой человек, который хоть раз побывал в Шкотово, видел здание протоварного магазина, стоящее на перекрестке улиц Ленинской и Советской. Оно было построено Пашкеевым в первое десятилетие 20 века. В нем располагался торговый комплекс, состоявший из нескольких магазинов. Михаил Яковлевич сдавал их в аренду владельцам крупных владивос-

токских фирм, в том числе широко известной в те времена фирмы «Кунста и Альберса».

Кирпичное здание по улице Советской, в котором сейчас находится поселковая администрация, было построено Михаилом Пашкеевым в 1911 году. Почти сразу его арендовала фирма «Кунста и Альберса» и разместила там магазин для оптовой продажи крупногабаритных товаров, таких как кровельное железо, кареты, телеги, многоместные брезентовые палатки и т.п., отчего у некоторых шкотовцев, помнивших те времена, сложилось впечатление, что это здание является складом товаров.

В 1926 году, когда был создан Шкотовский район, в этом пашкеевском доме стали работать Районный Комитет ВКП(б) и Райисполком. После того, как районный центр перевели в Большой Камень, здесь расположилась поселковая администрация.

Первое промышленное предприятие в Шкотово, лесопильный завод, тоже было создано Михаилом Пашкеевым. Сначала в его цехах пилили лес, потом делали бочкотару для рыбаков. В этот период лесопильный цех преобразовали в Бондарный завод. Когда назрела нужда делать для колхозов телеги и сани, Бондарный завод преобразовали в Абозо-бондарный. В 50-х годах 20 века после реконструкции этот завод стал заниматься ремонтом грузовых автомобилей и получил название Авторемонтного завода. В советский период не принято было говорить, что цеха всех этих промпредприятий в свое время были построены М.Я. Пашкеевым, раскулаченным в начале 30-х годов.

После русско-японской войны, когда возникла потребность расширить Шкотовский гарнизон, построив на его территории кирпичные казармы, Военное ведомство, не задумываясь, поручило эту работу Пашкееву. Он начал с того, что недалеко от будущей стройки разведаль залежи глины, пригодной для изготовления кирпичей, рядом с этим месторождением сложил печи для сушки и обжига кирпича, и кирпичный завод заработал. Сначала кирпичи на нем формовали вручную, как это тогда делалось повсеместно. Завод проработал на благо Шкотовского района более полувека. Жизнь заставляла Пашкеева постоянно модернизировать его завод, улучшать качество выпускаемой продукции. В 1930 году завод был национализирован. За сорок лет своего существования из кирпича, выпущенного пашкеевским заводом, в Шкотово и окружающие села были построены почти все кирпичные дома.

Благодаря предприимчивости Михаила Яковлевича, в бухте Майтун, которая сейчас называется Муравьиной, в первом

Новороссии, Центральном, Майхе, Речице осуждены те, кто предоставлял повстанцам информационную помощь, а также все, кто добровольно сложил оружие. Жителям сел, в которых побывали «лесные стрелки», известны фамилии каждого, кто должен в составе «Отряда спасения Родины» прибыть в ближайшее время в Шкотовский район. Известно и то, что каждый из них несет взрывчатку для диверсий на промышленных предприятиях и железной дороге. В такой обстановке оставаться в районе, а тем более вести здесь работу Бондаренко посчитал невозможным. Он предупредил подчиненных, что, когда из Романовки возвратятся братья Михаил и Илья Огородные, отряд пойдет обратно в Китай.

Для выяснения причин задержки Огородных в Романовку был направлен Матвей Ковеха. Возвратившись он сообщил, что Михаил погиб, а Илья попал в плен. Подробностей их гибели и пленения Ковеха узнать не смог. Они стали известны значительно позже. Произошло это так.

Как только дальневосточным чекистам стало известно, что «Русская фашистская партия» сформировала диверсионный отряд для заброски в Приморье, начальник Владивостокского отдела ОГПУ Яков Савельевич Визель приступил к подготовке оборонительных мер, предусматривавших уничтожение отряда при его переходе границы и при продвижении по территории края. Ставилась цель не допустить этот отряд к объектам вероятных диверсий. Предполагалось, что диверсанты, которым удастся просочиться в Шкотовские район, обязательно посетят свои родные села. На подступах к ним сотрудники ОГПУ стали проводить оперативные мероприятия. В Романовке ведение этой работы было поручено сотруднику Окружного отдела Алексею Мордовцеву. Он организовал негласный контроль за семьями, родственники которых находились в отряде «Спасения Родины», и за местами, где «лесные стрелки» могут найти себе убежище.

Вскоре Визель получил сведения о переходе отряда Бондаренко через границу и работа повсеместно была усилена. Через несколько дней Мордовцев стал получать сигналы, что на таежных пасаках появляются посторонние лица. По всем признакам это были «лесные стрелки», и А. Мордовцев вызвал на помощь войсковое подразделение, чтобы регулярно прочесывать местность между Романовкой и Нововасильковкой. В ходе проведения этого мероприятия были обнаружены двое мужчин, которые пытались спрятаться от красноармейцев, веду-

он доходчиво, ясно, красиво, умело оперируя фактами, которые советская власть предпочитала замалчивать. Архангеловские крестьяне слушали Шиповского очень внимательно, но без излишних эмоций. Они понимали, что «лесные стрелки» через полчаса пойдут дальше, а им после этого предстоят длительные беседы с сотрудниками милиции и ОГПУ, которые, безусловно, постараются выяснить, кто собрал деревню на сход, что говорили бандиты и как реагировали на их слова крестьяне. Когда Шиповский закончил доклад, Бондаренко и Громов раздали архангеловцам листовки «Русской Фашистской партии» и «Отряд спасения Родины» двинулся в сторону Чугуевского района. На прощание председатель колхоза распорядился выдать им мешок пшеничной муки и нарезать на мясо молодого бычка. Подарки были приняты с благодарностью.

Как только отряд скрылся из виду, председатель колхоза связался по телефону с милицией и сообщил, что «банда в составе 28 человек, одетая в форму японских солдат и вооруженная винтовками японского образца, прошла через село и направилась в сопки. С этого времени «лесные стрелки», они же «бандиты», ни днем, ни ночью не знали покоя. Красноармейцы преследовали их по пятам, милиция устраивала засады на тропках, идущих в Шкотовский район. Численность отряда таяла изо дня в день. После каждой, даже самой незначительной перестрелки, Бондаренко не досчитывался 2-3 человек. Сначала куда-то делись П. Литвинюк и А. Тищенко. Потом заявили о своем возвращении в Китай А. Худяков и И. Шиповский. При очередной стычке с красноармейцами в плену оказались М. Куксенко и А. Разумовский. Погибли в бою И. Ковеха и П. Суховой. Через каких-то полмесяца под руководством Бондаренко и Громова остались лишь жители Шкотовского района. Они спешили домой, где остались их жены и дети, родители и друзья.

В самый разгар приморского лета остатки «Отряда спасения Родины» с трудом просочились в Шкотовский район. «Лесные стрелки» с нетерпением ждали возможности побывать в своих селах. Получив разрешение, все сразу отправились по домам, но очень скоро вернулись. Растерянные и подавленные, они сообщили своему командиру, что в прошедшем, 1931 году, их жены и дети были высланы за пределы Приморья. В их домах никто не живет, двери и окна заколочены. Дворы и огороды заросли лебедой и полынью. В Романовке, Петровке,

десятилетия 20 века была создана пристань, позволившая ускорить отгрузку леса, заготовленного в Шкотовском районе для потребителей русского Дальнего Востока и ближайшего зарубежья. Когда запасы деловой древесины уменьшились, пристань стала использоваться для пассажирского сообщения между населенными пунктами юга Приморья. Проработала она более тридцати лет. С годами значимость ее снизилась. Следить за ее состоянием стали не так тщательно, и пристань под ударами прибойной волны начала рушиться. К 60-м годам 20 века последние островки ее были размыты. Но в воспоминаниях жителей Шкотава, свидетелей той далекой поры, она продолжает жить как память об одном из первых и самых талантливых предпринимателей района М.Я. Пашкееве.

Другим шкотовским предпринимателем из семейства Пашкеевых был Василий Васильевич, младший сын основателя Шкотава В.А. Пашкеева. С юных лет он параллельно со своим племянником, Михаилом Яковлевичем, занимался заготовкой деловой древесины и строительством домов для крестьян. Но в отличие от Михаила Яковлевича, делал это в значительно меньших объемах. В силу особенностей своего характера, Василий Васильевич с огромным удовольствием отвлекался на различные общественные мероприятия. Его постоянно избирали то в опекунский совет, то в совет по воспитанию осиротевших детей, то церковным старостой, то волостным судьей, то школьным попечителем. Находясь на этих общественных должностях, он глубоко не вникал в проблемы, которые приходилось решать. Василию Васильевичу нравилось быть в центре внимания односельчан. Может, поэтому на предпринимательство у него оставалось совсем мало времени.

В 1908 году его избрали шкотовским сельским старостой, а в 1910 году Цемухинским волостным старшиной. Через год пребывания В. Пашкеева в этой должности в волостном правлении была проведена ревизия, вскрывшая утрату крупной суммы денег. Виновным в этом признали Пашкеева. Он не согласился с таким обвинением. Состоявшийся суд подтвердил правильность выводов ревизионной комиссии и обязал Василия Васильевича возместить нанесенный ущерб. Недостачу он погасил и сразу письменно потребовал, чтобы с него сняли многие обвинения, так как по его убеждению настоящим «виновником растраты денег был писарь, ведающий бухгалтерскими делами волостной управы». По требованию Василия

Васильевича была проведена повторная ревизия, которая не обнаружила вины писаря. Пашкеев стал защищаться, направляя в различные инстанции свои объяснения, в которых вместо того, чтобы излагать доказательства собственной невиновности подробно перечислял свои заслуги в развитии Шкотова, требовал наказать «крестьянского начальника Гинса и пристава Парамонова». Первого за то, что тот «лично не участвовал в ревизии, а просто подписал акты», а второго за то, что «Парамонову не нравилось присутствие Пашкеева в должности волостного старшины».

Приамурский губернатор Л.Н. Гондатти, ознакомившись с материалами суда и характеристиками на Пашкеева, отстранил его от должности старшины и от всех общественных должностей. С 1913 года Василий Васильевич вынужден был зарабатывать на жизнь заготовкой деловой древесины и участием в строительстве жилых домов в Шкотово. Но дела у него шли плохо, так как шкотовские крестьяне не желали вступать с ним в длительное деловое сотрудничество.

В 1924 году в пик экономического кризиса на Дальнем Востоке Василий Васильевич не справился с обязанностями подрядчика по строительству крестьянских домов в Шкотово, чем нанес огромный ущерб крестьянам, доверившим ему свои сбережения.

Мукомольное предпринимательство в Шкотово

После прекращения русско-японской войны крестьяне села Шкотово увеличили посевы хлебных культур, так как потребность в них постоянно росла. К концу первого десятилетия зерновой рынок Приморья оказался насыщенным. Сбыть зерно без его переработки в муку стало почти невозможно. Нужно было создавать мукомольные предприятия. В Шкотово за решение этой проблемы брались многие, но из-за отсутствия денежных средств достичь желаемого результата получилось не у всех. Построить мельницы смогли только Василий Пашкеев, Федор Рубис и Никандр Колягин.

В крае тогда были известны два вида мельниц — паровые и водяные. Из них наибольшее распространение получили мельницы паровые, т.к. оборудование для них продавалось во Владивостоке. Там же предлагались услуги по его монтажу и

ния недавно оккупировала всю Маньчжурию и создала на ее территории суверенное государство Маньчжоу ГО. В Харбине, в отличие от прошлых лет, стала легально действовать Японская Военная Миссия (ЯВМ). По заданию японского правительства она усилила подрывную работу против СССР. «Недалек тот день, когда Страна Восходящего Солнца объявит Советскому Союзу войну. И тогда, без сомнения, большевистский режим на Дальнем Востоке падет и в стране начнет формироваться народная власть», — подытожил свой рассказ Ушаров.

«Русская фашистская партия» установила официальный контакт с ЯВМ и получила поддержку в деле заброски в Советский Союз разведывательно-диверсионных партизанских отрядов. Ушаров от имени Косьмина предложил Бондаренко и Громову внести коррективы в программу работы «лесных стрелков» на территории Шкотовского района, сосредоточив усилия на диверсиях и ликвидации наиболее активных деятелей большевистской партии и главных специалистов на угольных шахтах и железной дороге.

Вместе с Ушаровым в отряде появились преподаватели по диверсионному делу. Они обучили несколько человек приемам подрыва железнодорожных мостов, промышленных зданий и инженерных сооружений. Бондаренко после отъезда Ушарова напившись сболтнул, что получил список руководителей Шкотовского района, которых при случае надо будет убрать. Громов тут же прервал откровения своего командира и, чтобы слышали все, уверенным голосом заявил, что такого списка нет и быть не может, так как отряд имеет совершенно иное предназначение.

Двадцать пятого мая 1932 года Бондаренко получил приказ вести «Отряд спасения Родины» на советскую территорию. В день перехода границы он произнес перед отрядом краткую речь, в которой сделал акцент на то, что «лесные стрелки» в Приморье будут изучать настрой населения и способствовать подъему крестьян, рабочих, красноармейцев, сотрудников милиции и ОГПУ на борьбу с коммунистической властью. В случае необходимости отряду будут даны дополнительные установки.

Государственную границу «лесные стрелки перешли вблизи села Павло-Федоровка и взяли курс на Архангеловку. Как оказалось, в этом селе у Бондаренко были помощники. Они собрали крестьян, чтобы те послушали речь посланцев из-за границы. Было предоставлено слово И. Шиповскому. Говорил

стрелках» никто ничего не знал, так как Косьмин поместил их отряд в дремучей тайге вдали от дорог и населенных пунктов Маньчжурии. В обстановке секретности присылали в этот отряд новое пополнение, доставляли продукты и снаряжение.

В марте в отряд прибыли Г. Мурач и П. Литвинюк. Мурача «лесные стрелки» хорошо знали и доверяли ему, а Литвинюк был для них человеком новым. Его потихоньку стали прощупывать. На заданные вопросы он отвечал уверенно и спокойно. Говорил, что в 1930 году, когда он жил в Шкотово, Алейников предложил ему вступить в повстанческую ячейку. Однако после того как восстали романовцы, он почему-то к ним не примкнул, может быть испугался, а может быть потому, что его никто туда не позвал. Вскоре Литвинюк почувствовал повышенный интерес к себе оперативных сотрудников Шкотовского района. Опасаясь ареста, убежал в Маньчжурию. Около года прожил в Харбине, а когда кончились деньги, разыскал Алейникова и попросил у него помощи. Тот предложил ему вступить в «Отряд спасения Родины». Алейников подтвердил все, что говорил Литвинюк, и недоверие «лесных стрелков» к нему развеялось. Неделию спустя в отряд прибыл Александр Тищенко из Романовки. Его брат Никифор находился в романовской повстанческой группе с самого первого дня и вместе со всеми романовцами ушел за рубеж. В начале 1931 года через одного из знакомых китайцев он прислал родителям весточку, в которой сообщал о том, что серьезно заболел. Родители собрали деньги и попросили Александра сходить нелегально в Китай и помочь брату. Но как выяснилось, Никифор заболел раком и вскоре умер. После смерти брата оставаться в Маньчжурии Александру не было никакого смысла, и он обратился к Косьмину, чтобы тот посодействовал зачислению его в «Отряд спасения Родины». «Лесные стрелки» к А. Тищенко никаких претензий не имели.

Ближе к весне отряд пополнился специалистом по антисоветской пропаганде Иваном Денисовичем Шиповским, проживавшим до побега в Китай в селе Успенке (сейчас Кировка). Шиповский принес с собой целый мешок пропагандистской литературы, которая, как он заверял, должна стать главным оружием отряда по привлечению на свою сторону жителей сел Приморья.

В середине апреля в таежную глушь, где скрывались «лесные стрелки», приехал представитель фашистской партии Ушаров. Он был в приподнятом настроении и сразу же доложил, что Япо-

наладке. Василий Пашкеев и Федор Рубис стали строить мельницы с паровым двигателем.

Никандр Колягин пошел по другому пути. Детально изучив преимущества и недостатки водяного и парового двигателей он пришел к выводу, что эксплуатация водяной мельницы, построенной на реке Цемухе, обойдется дешевле при условии, что для нее будет найдено подходящее место. В поисках этого места Никандр Петрович тщательно обследовал русло реки от села Новороссии до самого устья и нашел его в пяти верстах от Шкотова, там, где сегодня автотрасса поворачивает в сторону Стеглянухи. Течение реки здесь прижималось к правому скалисту берегу и, ускоряя свой бег, с огромным напором шло дальше. Никандр понял, что именно здесь мельница будет работать устойчиво, если левый отлогий берег реки укрепить каменной дамбой. Шаг за шагом, решая проблемы, возникающие перед ним, Никандр Петрович приближался к намеченной цели. Одновременно с возведением дамбы он начал делать водяное колесо. Помощников, знающих гидротехнику, в Шкотово он не нашел и потому все узлы гидродвигателя Никандр Колягин делал сам. В конечном итоге он сумел добиться успеха.

Первой в селе заработала мельница В. Пашкеева. Вслед за ним стал выполнять заказы и Ф. Рубис. Н. Колягин отставал от них почти на полгода. Много времени ушло на углубление русла, устройство и укрепление дамбы, на постройку производственных помещений и складов для хранения зерна и готовой продукции. Когда полностью был закончен монтаж оборудования, Никандр Петрович потратил еще около месяца на устранение выявленных недостатков в конструкции водяного колеса и отладку работы трансмиссий, соединяющих колесо с жерновами.

Первые полгода эксплуатации мукомольных предприятий Пашкеева, Рубиса и Колягина показали, что чистое время помола тонны зерна у мельницы Колягина было намного меньше, чем у мельниц Рубиса и Пашкеева. Это позволяло Никандру перемалывать больше зерна, чем его конкурентам. Все заказы он выполнял в оговоренный срок и с высоким качеством. К нему потянулись крестьяне не только из Шкотова, но и со всех окружающих деревень. «Никандрина мельница», как называли ее крестьяне, работала без простоев. Умело организованный труд коллектива позволил Колягину к середине второго десятилетия 20 века полностью удовлетворять потребности в помеле зерна большинства крестьянских хозяйств сел Шко-

това, Стеглянухи, Романовки, Новороссии, Новомосквы. Предприятие приносило большой доход его владельцу. В этот период Н. Колягин по уровню благосостояния вошел в число наиболее зажиточных крестьян Шкотовской волости, а позже и Шкотовского района. Обладая хорошим здоровьем и технической грамотностью, он ежедневно работал на мельнице сам, выполняя текущий ремонт оборудования. Его мукомольное предприятие никогда не испытывало недостатка в рабочих, так как Никандр имел возможность платить своим работникам больше, чем платили Пашкеев и Рубис.

В конце 20-х годов 20 века советское государство отошло от принятых ранее принципов НЭПа. Началось наступление на частное предпринимательство. Н. Колягин вместе с В. Пашкеевым, Ф. Рубисом и многими другими был обложен индивидуальным налогом, размеры которого были таковы, что полностью разоряли их владельцев. Никандр Петрович несколько месяцев выплачивал этот налог, а когда узнал, что Шкотовский исполком готовится к его раскулачиванию и высылке за пределы Дальнего Востока, бросил отлаженное за многие годы хозяйство и уехал из Шкотава, сказав жене, что даст о себе знать сразу после того как устроится на новом месте.

«Никандрина мельница», оставшаяся без хозяина и должного технического ухода, стала разваливаться и через месяц перестала работать совсем. Пашкеев и Рубис были раскулачены. Их предприятия постигла такая же участь, как участь первой в Шкотовском районе водяной мельницы Н. Колягина.

Значительно позже других на путь предпринимательства вышли шкотовские крестьяне братья Пырковы. Их было трое — Захар, Иван и Илья Дмитриевичи. Свою трудовую жизнь они начинали с хлебопашества. Как большинство активных крестьян, Пырковы взяли у государства заимки для сдачи в аренду китайцам. Построили на них жилые дома, помещения для скота, навесы для дров и сена. По договоренности с арендаторами осенью они удобряли навозом поля на заимке, чтобы урожай наверняка был хорошим, иначе земля не могла дать той выгоды, которую от нее ожидали и те, кто сдавал ее в аренду, и те, кто работал на ней. Полученную прибыль братья Пырковы вкладывали в развитие собственного производства. Они закупали самый лучший инвентарь и технику, необходимую в крестьянских делах. В частности, Пырковы одни из первых в селе приобрели сенокосилку, конную молотилку и жатку-сноповязалку. Их хозяйство в округе славилось чистокровными породи-

отряд «лесных стрелков» быстро стал пополняться. В него записались Петр и Анатолий Худяковы, ушедшие в Китай в 1929 году после раскулачивания и высылки их отца, владевшего крупным оленьим хозяйством на хуторе рядом с Раздольным. Братья Худяковы хотели как можно скорее свергнуть советскую власть и наказать коммунистов за то, что они сначала способствовали их отцу стать богатым, а через несколько лет отобрали у него все имущество, а самого выслали в Сибирь.

Косьмин предложил взять в отряд совсем еще юного паренька Петра Куксенко, который до 1929 года учился во Владивостоке в Государственном дальневосточном университете, а после раскулачивания и лишения избирательных прав его отца, проживавшего в Раздольном. П. Куксенко убежал за границу и стал активно помогать русским фашистам. По заданию Космина, он бросил гранату в фойе «Чосен банка», находившегося в Харбине. От взрыва погибло несколько человек, в том числе один подданный японского императора. Этот случай японцы использовали как предлог для ввода своих войск в Маньчжурию. Узнав, что Косьмин формирует партизанский отряд для борьбы с советской властью в Приморье, Куксенко захотел стать его командиром. Однако Косьмин посчитал невозможным удовлетворить это желание, так как видел в нем только отчаянного боевика-террориста, и Куксенко был зачислен в отряд рядовым «лесным стрелком».

В декабре 1931 года отряд был полностью сформирован. В нем числилось 23 обученных, экипированных и вооруженных бойца. Генерал Косьмин дал созданному формированию название «Отряд спасения родины». Возглавил его бывший офицер царской армии Сергей Иванович Бондаренко, он же Буранов, он же Андреев. Какая из этих фамилий была настоящей, никто из «лесных стрелков» не знал. В армии он не дослужился до высоких чинов, так как злоупотреблял алкоголем. Пил запоями и надолго терял над собою контроль. Его заместителем на случай очередного запоя Косьмин назначил Илью Петровича Громова, порядочного и честного человека, но не пригодного на роль первого лица в таком важном мероприятии.

Зимой, по убеждению Космина, выводить отряд на советскую территорию было рискованно. По следам на снегу его сразу могли обнаружить. К тому же Косьмин полагал, что советской разведке уже многое известно об этом отряде. Чтобы затруднить работу чекистов, «Отряд спасения родины» в январе 1932 года был выведен из Харбина, и долгое время о «лесных

партия», с президентом которой, генералом Косьминым, Куксенко имел доверительный разговор. Действительно, через несколько дней арестованные получили свободу. «Беженский комитет» дал каждому по комплекту одежды, немного денег и разрешил какое-то время пожить в своем общежитии. Бывшие арестанты отмылись в бане, избавились от надоедливых вшей, наелись досыта и стали ждать окончательного решения их судьбы руководством «Беженского комитета». Дни проходили за днями, но перемены к лучшему они не несли. Полученные деньги закончились. Не имея никаких документов, бывшие партизаны были вынуждены неотлучно сидеть в общежитии. Вскоре чиновники «Беженского комитета» всех предупредили, что бесплатно давать им ночлег комитет больше не может. В этот же день в общежитии появился Куксенко. Он принес квитанцию, указывающую на то, что «Русская фашистская партия» оплатила их проживание еще на неделю. Куксенко рассказал, что генерал Косьмин собирает партизанский отряд для заброски в Приморье. Каждый боец отряда будет получать приличную плату, так что возвратившись в Маньчжурию после командировки в Приморье, партизаны станут людьми обеспеченными и смогут устроить себе нормальную жизнь. Положение бывших повстанцев было безвыходным и 7 человек сразу согласились вновь стать партизанами. Это были А.И. Куксенко, М.А. Ковеха, М.А. Куксенко, И.А. Огородный, И.П. Киричек, И.К. Борисенко, Я.К. Правдивец. Остальные отказались заявляя, что будут жить, не ввязываясь ни в какие политические авантюры, как живут С. Буренок, Г. Мурач и М. Патюков.

Когда А. Куксенко доложил об этом генералу Косьмину, тот спокойно ответил, что скоро запишутся и остальные, деваться им все равно некуда. Он дал указание своим подчиненным разместить всех «лесных стрелков», как теперь руководство «Русской фашистской партии» называло бывших повстанцев Шкотовского района, в приличных квартирах на окраине Харбина, выдать им аванс и дать возможность спокойно отдохнуть несколько дней, а потом начать с ними военно-политическую подготовку.

Процесс обучения контролировал бывший офицер Земской рати, созданной в 1922 году во Владивостоке Дитерихсом. Снабженческими делами ведал бывший священник Алейников, который в 1929 году помогал Богоявленскому создавать в Шкотовском районе повстанческие группы. Усилиями этих людей

тыми лошадьми и высокоудойными коровами. Бережливость и расчетливость была главной чертой этой семьи, что позволяло им из года в год наращивать капитал, который они намеревались использовать для более выгодных дел, чем хлебопашество.

В конце первого десятилетия 20 века И.Д. Пырков стал настойчиво предлагать братьям построить в Шкотово завод по выжимке масла из сои. Захар и Илья поддержали его. Маслобойное предприятие по их убеждению должно было приносить большие доходы, так как соя в Шкотовской волости давала хорошие урожаи. Завод по выжимке масла был практически безотходным. То, что оставалось после отжима, являлось хорошим кормом для скота и быстро раскупалось крестьянами.

Сама идея отжима масла из сои для Шктова была не нова. У Михаила Пашкеева уже действовал небольшой маслобойный цех. Но дальше этого цеха он идти не хотел, так как решил сосредоточить все силы на лесном промысле. Пырковы, присмотревшись к пашкеевскому цеху, окончательно убедились в выгодности этого дела. Собственных средств на создание крупного предприятия у них не было, а брать себе в компаньоны посторонних они не хотели. Тогда им и пришла в голову смелая мысль обратиться к руководству края с просьбой о помощи в получении банковской ссуды. Иван Дмитриевич подготовил «прошение» на имя губернатора, в котором обосновал, что завод будет выгодным не только для Шкотовской волости, но и для всего Приморья. Для гарантии возврата кредита Пырковы были готовы заложить принадлежавшую им недвижимость. Решение властей Пырковы ждали около полутора лет и были уверены, что их инициатива будет поддержана. Но представленная гарантия губернатору показалась недостаточной, и в выдаче ссуды им отказали. Рисковать государственными средствами краевые руководители не могли.

Первая неудача подсказала Пырковым, что в больших, так же как и в малых делах, прежде всего нужно рассчитывать на собственные силы и средства. В те годы в Шкотово дорожала недвижимость. Пырковы решили построить в селе большой благоустроенный дом для сдачи в аренду офицерам местного гарнизона. При этом они не отказались от мысли строить маслобойный завод. Желание это было так велико, что Илья Дмитриевич рискнул сдать в аренду китайцам половину одного из своих домов, стоявшего в центре села около переезда. Эта сделка сулила большие выгоды, однако китайская сторона почти сразу нарушила договор и его реализация стала невозможной.

Начавшаяся Мировая война спровоцировала повышенную потребность в строительном лесе. По примеру Пашкеевых, братья Пырковы занялись лесоповалом. Объективные обстоятельства, сложившиеся в Приморье, благоприятствовали этому промыслу. Юго-восточная территория района несколько десятилетий назад граничила с землями Удельного ведомства, т.е. принадлежавшими царской семье. Не смотря на то, что леса Удельного ведомства уже давно были переданы государству, местные власти старались ее использовать только в исключительных случаях, опасаясь, что эти земли могут вновь отойти царской семье. Февральская революция свергла царя, лишив его семью прав на имущество. С учреждением в стране Временного правительства влияние в Приморье местных властей сильно ослабло. Бывшие императорские леса оказались не защищены законом. Повсюду началась бесконтрольная вырубка наиболее ценных пород. Остановить этот процесс было некому, потому что политические силы Приморья увязли в борьбе за власть. Вникать в хозяйственные дела им было некогда. В Шкотовскую волость устремились все, кто мог организовать лесоповал и вывозить лес туда, где он был нужен. У крестьян Пырковых перед многими были свои преимущества. В Шкотовской волости они являлись своими, а значит намного надежней других. Жители Шкота охотно пошли к ним на работу. Через несколько лет о Пырковых стали говорить как о крупных предпринимателях.

Самым успешным предпринимателем этой семьи был Иван Дмитриевич. Следом за ним шел Илья Дмитриевич. Их старший брат, Захар Дмитриевич, которому к этому времени уже исполнилось пятьдесят лет, по состоянию здоровья отошел от общесемейных дел и полностью посвятил себя ветеринарной работе, с которой был знаком еще смолоду. Он устроился по вольному найму в Шкотовский гарнизон, командование которого в те годы формировало кавалерийские части для Колчака. Постоянное общение с офицерами и солдатами позволяло ему быть в курсе событий на Дальнем Востоке и в европейской России. Политика мало интересовала его, но знать, когда в Приморье появится крепкая власть, способная навести здесь порядок, он очень хотел. Прислушиваясь ко всему, о чем говорили колчаковцы и каппелевцы, которые, так же как и он желали скорейшего окончания Гражданской войны, Захару Дмитриевичу стало известно, что большинство губерний европейской России находятся в полной разрухе. Городское население там голодает. Для сбора продуктов правительство направляет в села отря-

на борьбу с существующей властью. Приморским контрразведчикам в 1930 году было известно, что в Маньчжурии полным ходом идет подготовка крупного диверсионного отряда, во главе которого стоит полковник Сипайо.

Руководство ОГПУ Дальневосточного края понимало, что в обстановке, сложившейся в стране к началу 30-х годов, полностью предотвратить уход за рубеж повстанцев, возглавляемых Куксенко, практически невозможно. Это заставляло чекистов принимать превентивные меры защиты, выводя за рубеж своих негласных помощников под видом беженцев. Занимались этим и сотрудники Шкотовского отделения ОГПУ. Они вывели за границу около 10-ти человек. Достоверно известно, что один из них был жителем Шкота, дугой из Романовки. Находясь в Маньчжурии, они должны были внедриться в отряд Куксенко, когда «Русская фашистская партия» начнет готовить этот отряд к заброске в Приморье. А при переходе отряда на советскую территорию найти возможность проинформировать органы госбезопасности СССР о составе отряда и его ближайших задачах. Благодаря этим людям Владивостокский окружной отдел ОГПУ отслеживал многое из того, что происходило с отрядом Куксенко в период его пребывания за рубежом и после вывода на советскую территорию.

В конце августа 1930 года в Маньчжурию стали просачиваться группы из отряда А. Куксенко. Бывшие партизаны собрались в фанзе одного из китайцев, ранее проживавшего в Шкотовском районе. Фанза его находилась неподалеку от нынешнего китайского города Суйфынхе. Куксенко и Ковеха решили поехать в Харбин для встречи с какими-то влиятельными эмигрантами, пообещав через неделю-другую возвратиться и доложить, что им предстоит делать в ближайшее время. Однако как только они уехали, полиция арестовала оставшихся и заключила в тюрьму, где те просидели более месяца, а затем их этапировали в Харбин.

Условия содержания арестованных в Харбинской тюрьме были ужасными. Грязь, холод, клопы, голодный паек, изнурительная работа, ежедневные зуботычины тюремных надзирателей измотали последние силы повстанцев. Прежняя жизнь в Приморье казалась им раем.

Весной 1931 года на свидание с арестованными прибыл Куксенко. Он объявил, что скоро их всех выпустят, так как один из богатых людей согласился поручиться за них. Об этом его попросили «Беженский комитет» и «Русская фашистская

С. Буренок и Г. Мурач поняли, что их товарищи попали в засаду. Помочь им они не могли и вместе с перепуганной толпой кинулись в темноту. Добежав по железной дороге до станции Лянчихе, находившейся в километре от нынешней станции «Спутник» остановились, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Теперь у них был один выход — продвигаться к границе пешком. Мурач предложил сначала зайти в Майхе, чтобы он мог взять у жены денег. По селу шли с большой осторожностью, опасаясь засады. Мурач на минутку зашел в дом. Возвратился с продуктами и деньгами. Той же дорогой они пошли назад. Вдруг из кустов кто-то крикнул: «Стой! Руки вверх!». Буренок выстрелил в темноту. Было слышно, что там кто-то упал. Как стало известно потом, той ночью был убит крестьянин Шелупайко, возвращавшийся домой после дружеской попойки. Семен и Гавриил побежали бегом вдоль реки.

Больше недели брели они по тайге, обходя стороной села, хутора, пасеки. Питались картошкой, вырытой на полях, и рыбой, пойманной в реках. Никем не замеченные, подошли к госгранице и благополучно преодолели ее. На той стороне Буренок и Мурач встретились со знакомыми, покинувшими Приморье в 1929 году, и узнав, что Патюков живет в Харбине, решили ехать к нему, надеясь получить дельный совет, чем заниматься и как жить дальше.

К августу 1930 года в партизанском отряде Куксенко осталось около 30 человек. В основном это были романовцы, находившиеся в отряде с первого дня, и те, кто участвовал в засадах на участников карательных операций, организованных властью. Все они решили с боями пробиваться в Маньчжурию, чтобы начать там новую мирную жизнь. Дальневосточные чекисты активно противодействовали их уходу зная, что каждый, оказавшись за рубежом, будет использован «Русской фашистской партией» в борьбе с Советским Союзом. О том, что это будет именно так, свидетельствовали исторические данные за истекшие 7 лет после установления революционной власти в Приморье. За этот период «Русская фашистская партия» направила на территорию нашего края вооруженные отряды, которые возглавляли полковник Ширяев, капитан Литвинцев, полковник Назаров, поручик Голумбиевский, капитан Сизов, полковник Иванов. Все эти вооруженные группировки, кроме отряда поручика Голумбиевского, ставили перед собой политические цели и именовали себя «белыми партизанами». Действия «белых партизан» были направлены

ды солдат, которые силой отбирают хлеб у крестьян. Для защиты своего имущества сельские жители берут в руки оружие. Захар Дмитриевич, ошарашенный этими сведениями, тут же поделился услышанным со своим братьям. Те сначала не поверили рассказу, но потом, когда об этом заговорили все Шкотово, крепко задумались, не зная, что предпринять в такой ситуации. Выбраться из тупика им помог старый знакомый, житель села Новонежино Фрол Середа. Он рассказал Пырковым, что партия большевиков направляет его в Верхнеудинск (сейчас Улан-Удэ), где идет подготовка к созданию нового суверенного государства — Дальневосточной республики (ДВР). В состав этого государства войдет весь Дальний Восток. Уже подготовлен проект свода законов ДВР, который в корне отличается от законов советский России. Экономика Дальневосточной республики будет базироваться на разных формах собственности, в том числе государственной, кооперативной и частной, на свободе торговли и предпринимательства. В управлении страной будут участвовать все политические партии. Братья Пырковы, поверив словам Середы, которого знали как честного и порядочного человека, стали ожидать коренных перемен в жизни Дальнего Востока.

В апреле 1920 года была создана Дальневосточная республика, и Приморье стало частью ее. Захар, Иван и Илья ликовали от счастья. Не смотря на то, что власть во Владивостоке переходила то к одной, то к другой группировке, Пырковы были уверены, что скоро настанет тот день, когда Конституция новой республики распространится на весь российский Дальний Восток и защитит каждого живущего здесь от тех потрясений, которые, по заверениям колчаковцев и кашпелевцев, происходят в советской России.

В октябре 1922 года войска ДВР под командованием Уборевича вступили во Владивосток. Через неделю Пырковым стало известно, что Народное собрание Дальневосточной республики обратилось к правительству Ленина с просьбой принять созданное буферное государство в состав России. Для Пырковых это известие явилось крахом всех их надежд. Захар, Иван и Илья с этого дня и до конца своей жизни так и не смогли избавиться от чувства, что партия, в которую входит такой порядочный человек как Ф. Середа, преднамеренно обманула всех жителей края. Не доверяя после этого коммунистам, они не стали поддерживать с ними никаких контактов. Объявленную правительством Новую экономическую по-

литику Пырковы встретили с недоверием, считая ее очередным обманым маневром большевиков. И Пырковы начали тратить деньги, которые долгие годы собирали для будущего, намереваясь обеспечить себе и своим детям безбедную жизнь. У Ивана и Ильи появились очень дорогие кареты отдельно для дальних и ближних поездок. Оба они стали одеваться так, как никогда не одевались жители Шкотова. Их поведение сразу бросилось в глаза многим односельчанам.

В 1924 году Захар Пырков случайно встретился с Середой. По старой привычке разговорились о текущих делах. Когда вопросы стали касаться отношения Пырковых к местным властям, Захар ответил уклончиво, перефразировав древнюю китайскую мудрость, которая утверждала, что если кто-то обманул другого один раз, то люди будут считать этого обманщика дураком. Но если этот обманщик обманет того же человека второй раз, то всем станет ясно, что дураком является тот, кого постоянно обманывают. Помедлив немного, Захар Дмитриевич грустно добавил: «Очень не хочется оказаться в положении дурака». Середа, видимо и сам чувствовал себя неуютно после присоединения ДВР к Советскому Союзу, поэтому не стал продолжать разговор. Он понял, что Иван и Илья придерживаются такого же мнения, как и их старший брат Захар.

В конце 20-х годов Захар Дмитриевич, распродав все свое имущество, вместе с семьей уехал из Шкотова. Вслед за ним стал собираться к отъезду Илья. Но его перед самым отъездом задержали, раскулачили и выслали за пределы Приморья. Иван Дмитриевич говорил своим друзьям, что он лично за всю свою жизнь не сделал ничего противоправного, поэтому убежать из родного села не намерен. Но власти района смотрели на это с других позиций. Он, как богатый крестьянин, в хозяйстве которого постоянно работали батраки, не мог пользоваться доверием руководителей Шкотовского района. К тому же средств производства у И.Д. Пыркова было столько, что ими можно было с оснастить крупную сельхозбригаду любого колхоза. Поэтому в самом начале 1930 года его тоже раскулачили и как «злостного эксплуататора» осудили на 10 лет пребывания в исправительных лагерях. Недвижимое имущество Ивана и Ильи Пырковых было передано Шкотовскому исполкому. Бывший доходный дом советская власть стали использовать сначала как продовольственный магазин. В жилом доме Ивана Дмитриевича расположили районный отдел милиции. В доме, где проживала семья

цев из Майхе. Только благодаря тактичности Алексея Филипповича, его умению видеть в каждом мероприятии главное и не идти напролом к результату способствовало тому, что он в итоге смог через одного из своих помощников получить точную дату ухода майхинских повстанцев за рубеж и выяснить способ, который они избрали для этого. Благодаря этой информации шкотовцам совместно с сотрудниками Владивостокского окружного отдела ОГПУ удалось предотвратить уход за границу основной части майхинских повстанцев, которые договорились с одним из контрабандистов, чтобы тот на шаланде отвез их в Корею, а оттуда в Китай. В назначенный день шаланда должна была ждать их в Амурском заливе около станции Океанская. Следуя достигнутой договоренности, вся майхинская группа должна была прибыть к месту посадки.

В назначенный час, незадолго до прибытия пассажирского поезда, на перроне станции Океанской было много народу и майхинцы растворились в толпе. Шаланда со спущенными парусами стояла в двухстах метрах от берега. Как только стало темнеть, Николай, Тихон и Ефим Буренки неспешным шагом пошли в сторону песчаного пляжа. С небольшим отрывом за ними последовали Дорошенко и Шпилько. У самой кромки воды те и другие разулись, разделись, сложили вещи в мешки, взяли их в руки и побрели туда, где стояла шаланда. Мурач и Семен Буренок должны были садиться в шаланду последними. Они наблюдали за берегом. Все было тихо, спокойно и ничего не вызывало у них подозрения. Мурач и Буренок видели, что на запасном пути стоял паровоз. Машинист и помощник, подсвечивая себе фонарем, занимались ремонтом. К паровозу был прицеплен товарный вагон. От Де-Фриза в сторону Владивостока шел катер. Внезапно раздался громкий гудок и на паровозе вспыхнул прожектор, направленный на шаланду и стоявших около нее пятерых человек. Откуда-то прозвучала команда: «Не двигаться, поднять руки вверх!» Из прицепленного к паровозу вагона выпрыгнули вооруженные люди и рассыпались цепью вдоль берега. Катер, изменив курс, направился прямо к шаланде. Майхинцы, стоявшие по пояс в воде, торопливо достали винтовки из вещмешков и открыли стрельбу по чекистам, а затем попытались вплавь вырваться из освещенного прожектором круга. Ситуация принимала нежелательный оборот и руководивший операцией по захвату дал команду открыть огонь на поражение.

ствах. После визита Кудры партизаны потянулись домой. Из отряда они уходили тайком мелкими группами или поодиночке. Куксенко не препятствовал этому. Вероятно, он уже понимал, что всеобщего восстания в районе не будет. К мирной жизни за полмесяца вернулись многие повстанцы из Романовки, Петровки, Речицы, Царевки. В их числе были Афанасий и Николай Бакуменко, Ефим Боярчук, Михаил Будник, Борис Варченко, Василий, Иван и Кирилл Васьковы, Александр и Михаил Волкогоновы, Николай Гуль, Григорий Лосев, Петр Исаченко, Николай Киричек, Василий Карпенко, Григорий Коробин, Степан Махно, Митрофан Мартышко, Иван Недбайлов, Елисей Немцов, Иван Павленко.

Эту успешную миротворческую акцию шкотовские чекисты вполне справедливо относили к успеху своей повседневной работы. Но в то же время они не скрывали, а точнее, не могли скрыть своих неудач. К числу непродуманных операций следует отнести направление в отряд Куксенко двух его сыновей с заданием убедить отца сложить оружие. Итог оказался противоположным. Куксенко убедил сыновей уходить вместе с ним за границу, потому что всякий иной путь приведет их к неминуемой гибели и сыновья Михаил и Дмитрий Куксенко остались в отряде отца и стали активно помогать ему в антисоветской деятельности.

Был еще один парламентар, в работе с которым чекисты допустили ошибку. Они направили в отряд Куксенко отца активного повстанца Антона Кравцова, который участвовал в нападении на Шкотовское райотделение милиции, чтобы освободить Третякова и Борисенко. Кравцов-старший, обладавший развитой интуицией, вместо того, чтобы склонить сына покинуть отряд, настоятельно посоветовал ему как можно быстрее уходить за границу.

Несмотря на то, что Адам Кравцов, отец Антона, был осужден за пособничество «бандитам», многие сотрудники ОГПУ отнеслись к его действиям с пониманием, потому что ни один нормальный отец не станет участвовать в создании западни для своего сына. А некоторые оперативные работники стали требовать от своего руководства исключить из чекистской практики навязывание своим негласным помощникам тех заданий, которые они считают аморальными. К таким оперативным сотрудникам в первую очередь следует отнести Алексея Филипповича Хортова, долгое время проводившего негласные мероприятия по контролю за действиями повстан-

Ильи Дмитриевича (через дорогу от нынешнего Дома культуры) стали функционировать кинотеатр и районная библиотека. Этого дома давно уже нет. На месте, где он стоял, сейчас огромный пустырь.

Мукомольные предприятия в Петровке

Во втором десятилетии 20 века села Петровской волости столкнулись с необходимостью строить у себя мукомольные предприятия, так как возить зерно в Шкотово стало уже обременительно. За устранение этого недостатка взялись петровские жители Ф. Лемза, П. Шабанов, Б. Недбайлов и А. Василенко. Каждый из них долгое время изучал наиболее короткие пути решения возникшей проблемы. В итоге Недбайлов, Шабанов и Лемза стали строить водяные мельницы, точно такие, как у Н. Колягина в Шкотово, где они сами постоянно мололи зерно. А Василенко пришел к выводу, что проще построить мельницу с паровым приводом, как у шкотовцев Рубиса и Пашкеева.

Колягин, Пашкеев и Рубис понимали, что после строительства мельниц в Петровке они потеряют определенную часть прибыли, и, тем не менее, согласились оказывать консультационную помощь своим будущим конкурентам. Как только об этом узнали жители Петровки и Шкотова, авторитет шкотовских предпринимателей очень вырос. О каждом из них заговаривали и в Петровке, и в Шкотово. Хорошая молва о поступке шкотовцев ходила в течение многих лет среди жителей старшего поколения обеих сел. Вспоминал об этом и Жан Николаевич Ушаков, работавший председателем Шкотовского Райисполкома, когда районный центр был переведен в город Большой Камень. О добрых делах шкотовцев говорил и житель Большого Камня, родственник петровского мукомола Недбайлова, Губарь. Он рассказывал, что как только мельницы Лемзы, Шабанова, Недбайлова и Василенко стали работать, жители южных сел Шкотовского района Царевки, Моленного Мыса, Речицы, Промысловки и Дуная почувствовали огромное облегчение, так как у них отпала необходимость возить зерно в Шкотово, находящееся от них значительно дальше Петровки.

До 1937 года владельцы мукомольных предприятий Петровки даже предположить не могли, что их дела, принесшие огромную пользу людям, станут поводом для раскулачивания каждого из них и применения иных репрессивных мер.

Участие района в строительстве индустрии

До середины 20-х годов 20 века в сельском хозяйстве страны преобладали семейные предприятия по обработке земли. Государство облагало их натуральным налогом, который крестьяне уплачивали без особого напряжения. После того, как Советский Союз приступил к ускоренному строительству индустрии, правительство было вынуждено увеличить планы сдачи зерна. Хлебопашцы, оказавшись не в силах выполнять возложенные на них обязательства, стали протестовать, однако правительство было вынуждено продолжать прежний курс, совершенствуя методы силового изъятия хлеба у крестьян. В Шкотовском районе это выглядело так.

Крайисполком возложил ответственность за выполнение хлебозаготовок на председателей Райисполкомов. Хлеб у крестьян стали изымать силой. Для выполнения этой работы руководство района стало подыскивать на должность уполномоченных по заготовкам зерна иногородних, не имевших в селах родственников и знакомых. Такие уполномоченные выгребали из крестьянских амбаров все до последнего зернышка. Особенно этим прославились уполномоченные Барботько, Вергилин и Пеликзерн, действия которых заставляли крестьян прятать «излишки зерна» в самых неожиданных местах, таких как конюшни, кровники, дровяные сараи, кучи навоза. Власти упорно искали спрятанный хлеб. Наибольшего успеха в этом добился председатель Шкотовского исполкома Вэддиде, который ввел в практику поиска регулярное использование пролетарского состава населения и стал платить этим поисковикам определенный процент найденного с их помощью хлеба. Уполномоченные по хлебозаготовкам демонстративно награждали таких помощников. В Петровке и других селах это привело к расколу крестьян на два враждующих лагеря. С одной стороны были те, кто прятал зерно, с другой — те, кто давал на них информацию. В результате повсеместно начались ожесточенные драки. Подобная обстановка отмечалась не только в Шкотовском районе, но и во всех регионах страны. Отказаться от ускоренного создания индустрии правительство СССР уже не могло, а денег на это, кроме как у крестьян, взять было негде. И руководство страны пришло к заключению о необходимости создания крупных коллективных хозяйств по производству зерна. Здесь сразу преследовалось несколько целей. Первая заключалась в

подчиненных заняться «экспроприациями», или, точнее говоря, грабежом государственных предприятий. Партизаны сначала ограбили «Коммуну имени 9 января» в Петровке, потом лесобазу в Стеклянухе, предприятие «Союззолото» в Душкино. Награбленное имущество делил между всеми участниками сам Куксенко. При определении величины вознаграждения он учитывал прошлые заслуги «экспроприаторов», преданность делу борьбы против власти Советов. Повстанцам бросалось в глаза, что романовцам почему-то всегда доставалось больше других. В конечном итоге это явилось причиной систематически возникающих ссор в партизанском отряде. Особенно недовольными были петровцы. Трещина, появившаяся в отряде, ширилась с каждым днем. Васьков под влиянием недовольства руководимой им группы стал требовать от командира прекратить «гиблую затею с повстанчеством, так как плетью обуха не перешибешь». Куксенко сдержанно, но достаточно твердо напомнил Васькову, что обязательство участвовать в восстании тот давал Богоявленскому добровольно и сегодня никто его не заставляет оставаться среди партизан.

О расколе в отряде стало известно в ОГПУ, и чекисты решили использовать сложившуюся ситуацию для снижения активности повстанческих групп. В тайгу для переговоров с восставшими были направлены парламентареры. Первым пришел в партизанский отряд житель Центрального Петр Гусак. По праву отца он забрал из отряда своего сына и передал партизанам письма из Новороссии и Смяличей, в которых родители обращались к своим сыновьям добровольно сложить оружие и возвращаться домой. П. Гусак говорил, что советская власть гарантирует свободу и безопасность всем прекратившим борьбу. В течение недели из отряда ушли Иван Моренчук, Дмитрий Полторац, Эдуард Юрченко, Лука Гутник, Георгий Белый, Степан Кочегаров, Петр Кузьменко и многие другие.

С подобным заданием пошел в тайгу и житель Шкотова Емельян Пегасевич Кудра. В районе он был известен как бывший партизан, руководивший отрядом, воевавшим с интервентами в 1919 — 1920 годах. Авторитет Кудры среди населения был высок, поэтому без большого труда он распропагандировал почти половину повстанцев, которым надоело скитаться в тайге, ожидая сигнала к восстанию. К словам предыдущего парламентарера, П. Гусака, Е. Кудра добавлял, что власть не будет преследовать тех, кто добровольно сложит оружие, но при условии, что они не участвовали в грабежах и убий-

стал принимать энергичные меры. Обманом ему удалось развеять сомнения и привлечь на свою сторону руководителей петровской повстанческой группы. Он «приоткрыл» им служебную тайну, сообщив, будто во Владивостоке и Сучане уже сформированы боевые отряды, которые ждут сигнала, чтобы вместе с крестьянами Шкотовского района поднять вооруженный мятеж. Как только приморцы начнут действовать, они сразу получат помощь из-за границы. В доверительных беседах Куксенко просил Васькова и Кириенко передать эту информацию жителям Дуная, Суходола, Промысловки, Дорофеевки, которые все еще сомневаются в успехе задуманного и не решаются вступить в отряд Куксенко. Но при всех стараниях Васькова и Кириенко повстанческие группы сел южной части района наотрез отказались идти в партизаны. Агитационной работой вновь пришлось заняться самому Куксенко. И он вынужден был снова использовать ложь. В беседах с каждым отказником Афанасий Изотович с интригующими подробностями излагал, что во Владивостоке уже начало действовать подпольное правительство, которое поручило ему провести мобилизацию и дало право расстреливать всех, кто откажется участвовать во всеобщем восстании. Так же Куксенко действовал в Новомоскве, Новороссии, Смяличах и Центральном. В этих селах никто не захотел быть расстрелянным и через несколько дней партизанский отряд увеличился до ста человек. Не охваченным оставалось только Шкотово. В свое время Богоявленский не ознакомил Куксенко со списком повстанческой группы в этом селе, но по некоторым отрывочным сведениям можно было предположить, что принять участие в восстании были готовы кто-то из Мамонтовых, Комаровых, Муратовых, Литвиных, Прониных. Идти самому или направлять кого-то в разведку в Шкотово Куксенко не рискнул, так как знал, что там работает подразделение чекистов, усиленное опытными оперативниками из Владивостока. К тому же повстанческий отряд уже был достаточно крупным, что не позволяло ему, уходя от преследований, растворяться в тайге. Это заставило А. Куксенко ускорить создание в селах разветвленный осведомительский аппарат, который должен был своевременно сообщать ему о готовящихся карательных акциях, передвижениях по району красноармейских частей, отрядов милиции и ОГПУ.

Разросшийся контингент повстанцев нужно было кормить, одевать, обувать, снабжать оружием и боеприпасами. Куксенко вынужден был поддерживать предложения некоторых своих

том, что колхозы при хорошей организации труда вырастят больше зерна, чем частники. Вторая, не менее важная цель была в том, что у одного коллективного хозяйства легче забрать излишки продукции, чем у каждого отдельного частника.

Шкотовский район включился в коллективизацию в 1928 году. Изучив опыт, накопленный за послереволюционный период, районные власти предложили жителям на свое усмотрение объединиться в коммуны или в артели. Шкотовцы решили создать у себя две артели — «Сдвиг» и «Вперед». Уставы этих социалистических предприятий написал директор Школы крестьянской молодежи В.П. Сосинович. Согласно Уставам, первичным звеном этих артелей стала крестьянская семья, которая должна была работать на пашнях, предоставленных ей в прошлом сельской общиной. Семьи работали на своих лошадях, используя личную технику и сельхозинвентарь. Осенью весь урожай артельщики свозили на хозяйственный двор, где комиссия, созданная из членов артели, определяла, сколько зерна, картофеля, овощей и прочей продукции каждая конкретная семья должна была сдать государству в виде налога. Все остальное артельщики оставляли себе и распоряжались им по своему усмотрению. В артель «Вперед» объединились семьи Арзамазовых, Муратовых, Толкановых, Гамаюновых, Валитовых, Колягиных, Ждановых. В артель «Сдвиг» вошли семьи Горшковых, Степановых, Червяковых, Мамантовых, Васильевых, Романовых, Шевченко и др. Обе эти артели успешно проработали два года и намеревались работать дальше. Однако, как вспоминал в 1954 году бывший руководитель артели «Вперед» С.М. Гамаюнов, в конце 1929 года председатели артелей пригласил к себе шкотовский народный судья и объявил, что районная власть приняла решение закрыть артели «Сдвиг» и «Вперед» как «незаконно созданные». Судья разговаривал с председателями спокойно и уважительно. Он спросил, согласны ли они с таким решением Шкотовского исполкома. Если согласны, то должны добровольно прекратить деятельность руководимых ими «лжепредприятий». Если не согласны, то суд к концу дня вынесет приговор о принудительном роспуске «лжеартелей» «Сдвиг» и «Вперед». Оба председателя осознавали бесполезность борьбы с властями и тут же в помещении суда уничтожили уставы артелей, бросив их в печь, о чем был составлен соответствующий акт. Вместо артелей в Шкотово в 1930 году был создан колхоз имени Сергея Лазо, но уже с новым уставом, полученным из Москвы.

Петровский сельсовет посчитал целесообразным объединить хлебопашцев в коммуну, т.е. в сельскохозяйственный коллектив для совместной работы и жизни крестьян, в основу деятельности которого был положен коммунистический принцип «от каждого по способности, каждому по потребности».

Коммуна была создана в 1928 году. Для формирования материальной базы этого предприятия районная власть реквизировала у состоятельного жителя района, Алексина, животноводческое предприятие, в котором были поля, сенокосы, луга, жилые дома, конюшни, коровники и т.д.

На предложение Петровского сельсовета стать коммунарами в числе первых откликнулись Даниил Яковлевич Командир, Никита Прохорович Киричек, Галактион Михайлович Кириенко. Председателем коммуны решено было избрать Якова Григорьевича Павленко, энергичного человека и разумного хозяйственника. Согласно уставу, каждый вступающий в коммуну должен был передать в общее пользование все свое имущество кроме личных вещей и вещей своих домочадцев. Коммунары и их семьи по желанию могли переселиться в дома, изъятые у Алексиных, или остаться жить в своих, теперь уже принадлежавших коммуне. Дома, принятые на баланс предприятия, подлежали перестройке под семейные общежития, в которых каждой семье предоставлялась отдельная комната с выходом в общий коридор. Коммунары и члены их семей питались бесплатно в общей столовой. Дети обучались в собственной школе. Условия для работы и жизни в коммуне, благодаря стараниям Павленко, были прекрасными. И бедняки ближайших и отдаленных сел потянулись в нее. За первую неделю на скотном дворе коммуны появились кони, коровы, свиньи, овцы и домашняя птица. Общими силами построили детский сад, расширили школу, увеличили площадь столовой, чтобы весь персонал мог питаться в одну смену. Потом стали решать, чем будет заниматься коммуна. После короткого совещания постановили, что главными направлениями ее деятельности станут овощеводство, рыболовство и животноводство. Подсчитали, что для этой работы нужен дополнительный персонал. Обратились к беднякам Моленного Мыса, Стеклянухи, Кролевцов, Царевки, Дорофеевки, и значительное число беднейших крестьян пополнило состав Петровской коммуны.

Жителя Стеклянухи Ёгана Потта в коммуну пригласил его односельчанин Малах Чайка. Он посоветовал Ёгану сначала съездить в Петровку, присмотреться, как там работают и жи-

картофельное поле. Как только Семен подбежал к нему, прицельная пуля сразила его. Прибывший на хутор военный отряд и группа милиционеров вступили в перестрелку с Буренками. Когда те скрылись в тайге, милиция, осмотрев хутор и его окрестности, обнаружила в нескольких местах широкие проломы в ограде. Рядом с одним из них лежал застреленный командир отделения красноармейцев Нефедов.

Хоронили Нефедова и Колягина в один день. Тело красноармейца Нефедова опустили в могилу под ружейные залпы и траурную мелодию, исполняемую духовым оркестром Шкотовского гарнизона. С такими же почестями похоронили и Семена. Его могила находится на окраине первого шкотовского кладбища рядом с братской могилой партизан, погибших в апреле 1920 года, могилами Зальпе и бойцов из отряда В.П. Софиновича.

Афанасий Куксенко с самого первого дня старался быть в курсе событий, связанных с действиями восставших майхинцев. Он сожалел, что те быстро скатились на путь терроризма. Чтобы сохранить эту группу как силу, способную быть полезной во всеобщем восстании, он направил к майхинцам делегацию во главе со своим заместителем М. Ковехой. Посланцы Куксенко и делегаты от восставших майхинцев встретились, но договориться об объединении не смогли, так как майхинцы твердо решили уходить за границу. Встреча представителей двух повстанческих групп проходила на обочине дороги, идущей из Многоудобного в Майхе. Во время переговоров повстанцы увидели красноармейца, совершавшего патрульный обход местности. Посоветовавшись, решили застрелить его, чтобы завладеть винтовкой и шашкой, которыми он был вооружен. Стреляли все залпом. Оружие по взаимному согласию отдали романовцам, так как Куксенко продолжал наращивать численность своего отряда. Он возлагал большие надежды на боевую ячейку в Петровке, которую возглавляли Василий Васьков и Федор Кириенко. Куксенко хорошо знал всех участников этой группы, лично присутствовал на их собраниях, беседовал с каждым бойцом и был убежден, что в назначенный день вся группа в полном составе выйдет в его отряд. Однако как только дело коснулось ухода в тайгу, петровцы стали высказывать мнение, что восстание обречено на провал, так как силами одного района оно не может решить ту задачу, которая была провозглашена. Опасаясь, что такие сомнения могут разложить весь отряд, Куксенко

Колягину немедленно прекратить изготовление этих телег, заявив, что скорей выпустят оленей на волю, чем отдадут их в оленесовхоз. Старший из Буренков пригрозили Семену, что в случае упорства с его стороны, он будет отправлен туда, где в настоящее время находятся Зальпе и Шевцов. Этот разговор проходил в спокойной обстановке, в которой обычно беседуют близко знакомые люди. Фактически так и было. Буренки и Колягины состояли в кровном родстве, а родители Семена Буренка и Семена Колягина в молодые годы общались семьями. В период Гражданской войны их сыновья оказались в разной социальной среде. Буренки, создав собственный хутор, не покладая рук, работали над его расширением. Колягины, проживавшие в Шкотово, попали в водоворот политической и партизанской борьбы. Старший брат С. Колягина был председателем Шкотовской земской управы. По долгу службы он выполнял указания Владивостокской земской управы, негласно поддерживал контакт с партизанами, находившимися в Цемухинской долине, и официально контактировал с руководством колчаковских и каппелевских войск, дислоцированных в Шкотовском гарнизоне. У Семена Колягина, с юных лет общавшегося со своим старшим братом, сформировались собственные жизненные убеждения, отличавшиеся от убеждений своего друга детства Семена Буренка. Категоричность требований, высказанных Буренком, насторожила и обеспокоила С. Колягина, и он решил сообщить об этом председателю Шкотовского исполкома, по заданию которого находился на хуторе Буренков. После визита С. Колягина в Райисполком руководство района, ответственное за сохранность оленьего стада, в помощь Колягину направило отделение красноармейцев для охраны оленей и другого имущества, конфискованного у Буренков.

Спустя неделю братья Буренки вновь пришли на свою бывшую усадьбу «помыться в бане». Помылись, поужинали, наточили в кузнице топоры и легли спать. Рано утром проснулись, позавтракали, взяли топоры и пошли в сторону оленьих загонов. Семен почувствовал в их поведении что-то неладное и решил срочно сообщить об этом в Шкотово. Ближайший телефон находился тогда в Майхе, на расстоянии семи километров от хутора. Семен побежал туда. Позвонил и быстрым шагом заспешил на хутор. В этот момент он услышал ружейную стрельбу и понял, что Буренки начали рубить ограду в загонах, чтобы выпустить оленей в тайгу, а красноармейцы, пытаются воспрепятствовать этому. Около хутора было большое

вуд, как устроен быт семей коммунаров. Такое предложение показалось Потту разумным, и он без промедления поехал туда. В Петровке его встретил председатель коммуны Я. Павленко. Он с удовольствием показал Ёгану хорошо удобренные поля, жилые дома, приведенные в порядок, и иные постройки. После долгой экскурсии Павленко пригласил Потта в столовую на обед, где уже собрались все коммунары. Там Ёгану наравне с остальными налили полную чашку борща с увесистым куском мяса, а на второе дали котлету с гарниром из риса, обильно приправленным ароматной подливкой. На третье был чай с медом. Хлеб, нарезанный большими кусками, лежал на столах. Ёган, не избалованный таким питанием, был потрясен. Находясь в столовой и наблюдая за обедавшими он отметил, что каждый вел себя так, как должен был вести себя человек, оказавшийся в привычных условиях. После обеда Я. Павленко сказал, что если Потт согласен стать членом коммуны, то надо быстрее перебираться сюда, так как сейчас очень много работы, а жилья с каждым днем становится все меньше и меньше.

Возвратившись в Стеклянуху, Ёган радостно объявил жене и двум дочерям, что завтра им нужно ехать в Петровку и пояснил, чем это вызвано. Утром он запряг свою лошадь, уложил в телегу личные вещи и ящик с полугодовалым кабанчиком. Сзади телеги на коротком поводке привязал корову. После этого заколотил досками окна уже не нужного ему дома, закрыл на замок дверь, посадил в телегу жену и двух дочерей, и, попрощавшись с сельчанами, отправился в путь.

Как жилось Потту и его трудолюбивой семье в Петровской коммуне, сам он никогда не рассказывал, но обстоятельства его возвращения в родное село красочно говорили о раскаянии Ёгана за совершенную им ошибку. Вернулся он ровно через два месяца. Жители Стеклянухи, работавшие в огородах, видели, как по единственной сельской улице бредет изможденная лошадевка, запряженная в старенькую телегу, в которой сидел Потт, его жена и дети. Ефим Ковалев из любопытства проследил за повозкой, остановившейся около дома Егана. Потт устало выбрался из нее, открыл калитку, и медленным шагом прошелся по двору, заросшему полынью, осмотрелся вокруг, сел на ступеньку крыльца, горестно обхватив руками поникшую голову. Глядя в одну точку, он сидел без движения, пока жена заводела во двор лошадь и распрягала ее. Ковалев понял, что у Ёгана случилось какое-то несчастье и ему нужна помощь. Вместе с Семеном Ярусовым и Евсеем

Данченко пошли к Потту, чтобы выяснить причину неожиданного возвращения его семьи в Стеклянху. Ёган на все вопросы сельчан угрюмо отмалчивался. Его жена, стоявшая рядом, объяснила причину такого поведения мужа, рассказав во всех подробностях о том, что произошло с ними в коммуне.

Ёгана определили на работу в коммуне в качестве полевода. В его подчинении оказалось более пятнадцати человек. В первый же день он увидел, что в бригаде нет никакой дисциплины. На работу приходят кому когда вздумается, работают кое-как и уходят с полей когда кто захочет. После обеда по старой русской привычке вся бригада ложится вздремнуть на час-полтора. Потт на правах старшего попытался было воздействовать на своих подчиненных, но услышал в ответ, что старые времена давно канули в Лету, и что каждый из них сегодня абсолютно свободный человек, работающий и живущий по коммунистическому принципу: «от каждого по способности и каждому по потребности». Если кто-то способен в такую жару работать больше, то и пусть работает. И Ёгану пришлось отступить. Через полмесяца он увидел, что бригада не успевает в срок прополоть свеклу. Ёган объявил ближайшее воскресенье рабочим днем, но сразу выяснилось, что у нескольких женщин неожиданно заболели руки и голова, а мужчины во время погрузки мешков «надорвали себе поясницу». Такой ответ Ёгану показался надуманным, однако убедить коммунаров, что надо использовать для работы каждый погожий день, он не смог. За помощью Ёган Потт обратился к председателю коммуны, но тот от бессилия развел руками, объяснив, что никаких мер воздействия на таких работников у него нет, так как большинство из них являются бедняками, за трудоустройство которых он несет персональную ответственность перед Шкотовским исполкомом.

В столовую все члены коммуны, их дети и жены приходили без опозданий и с большим аппетитом ели все, что готовили повара. Месяцем раньше Ёган с горечью узнал, что привезенного им кабанчика коммуна съела за один день. Затем очередь дошла и до коровы. Ее решили зарезать, объяснив это тем, что в сравнении с другими она дает мало молока. Психологическая обстановка в коммуне была очень тяжелой. Большинство коммунаров переругались друг с другом и трудоспособные работники начали уходить. Ушел из коммуны и Ёган, забрав свою лошаденку, пока она не погибла от регулярного недоедания.

Рассказывая это, жена Потта с тревогой говорила, что не знает, как их семья переживет зиму, так как огород, как и все

мы корейцев, потерявших жилье, а потом помогли заново отстроить их фанзы.

В то время, когда в Майхе проходило собрание, на котором обсуждался террористический акт в отношении Н. Шевцова, пожар охватил производственные цеха и склад готовой продукции Тарного комбината, уничтоживший всю бочкотару, заготовленную для рыболовецких артелей Шкотовского района. Подозрение сразу же пало на тех, кто поджег корейский поселок. А они и не думали отрицать свою причастность к содеянному. Теперь их главной заботой стала подготовка к уходу в Маньчжурию.

В эти тревожные дни Шкотовский исполком принимал неотложные меры по налаживанию производства в конфискованных оленьих хозяйствах, отобраанных у Буренков и крупного предпринимателя района М.М. Патюкова. Местные жители видя, что происходит вокруг, опасались работать в этих хозяйствах, чтобы не оказаться в положении «между молотом и наковальней», а приезжие не обладали навыками работы с оленями. В результате оба еще недавно успешно работавшие оленеводческие предприятия стали разваливаться. В загонах появились хищные звери, уничтожавшие молодняк. Корм для оленей не заготавливался. Панты своевременно не срезались. Шкотовское руководство металось в поисках выхода. Неожиданно свою помощь властям предложил сам Патюков. Свой поступок он мотивировал тем, что не хочет видеть гибель дела, которому отдал много лет своей жизни. Он посоветовал руководству района объединить два оленьих хозяйства в один крупный совхоз, который целесообразно разместить на территории, недавно принадлежавшей ему, Патюкову, потому что она в сравнении с территорией Буренков лучше обустроена и может вместить всех конфискованных государством оленей. А сам он хотел бы стать техническим консультантом в этом новом хозяйстве. Но Шкотовский исполком не мог принять на государственную службу бывшего кулака, лишённого избирательных прав и подлежащего высылке за пределы Дальневосточного края. А вот объединить два стада в одно районные власти посчитали разумным.

На хутор Буренков была направлена бригада во главе с жителем Шкота Семеном Ивановичем Колягиным, которому поручалось построить большие телеги, пригодные для транспортировки оленей на дальние расстояния. Как только это стало известно Буренкам, они, придя на свой хутор, предложили

Майхе приехала комиссия, чтобы объявить нас кулаками, хотя он прекрасно знал, что мы таковыми никогда не были. Он не замолвил ни слова, когда наших коней передавали в колхоз. Промолчал и тогда, когда нас лишали избирательных прав, хорошо понимая, что будет после этого с нами и нашими детьми. И вот теперь он организует сельчан, чтобы нас поймать, а наши семьи выслать в Сибирь, где им придется просить подаяния». Дорошенко говорил горькую правду, вспоминая, что творимый в районе произвол и насилие, Николай Шевцов называет «классовой борьбой ради светлого будущего». «Ну, что ж, придется взять еще один грех на душу», — подытожил С. Буренок зажигательную речь Дорошенко. Участь одного из активнейших секретарей партийных ячеек в селах Шкотовского района была решена.

Шевцов работал поливальщиком в Рисосовхозе и ежедневно регулировал подачу воды на поля, следил за исправностью поливального оборудования. Шпилько предложил ночью открыть какой-нибудь шлюз и утром Шевцов обязательно появится там. Шлюз открыли, вода хлынула на поля. Едва стало светать, сидевшие у шлюза увидели Н. Шевцова, бегущего по дороге. Раздались выстрелы. Николай упал. Убедившись, что он мертв, стрелявшие скрылись в лесу. Днем они отоспались, а ночью отправились в корейский поселок, зажгли заранее подготовленные факелы и стали бегать с ними от одной фанзы к другой, поджигая соломенные крыши корейских домов. Зарево охватило всю речную долину. Поселок сгорел дотла.

Жители Майхе восприняли этот террористический акт и диверсию с возмущением. На собрании, проведенном по этому случаю их земляком Ефимом Ивановичем Силковым, работавшим в партийных органах во Владивостоке, майхинцы вспоминали слова, сказанные в свое время Шевцовым, что пока бандиты находятся на свободе, спокойствия в районе не будет. Силков по их просьбе обратился к руководству Шкотовского отделения милиции активней вести работу по задержанию бандитов, терроризирующих весь район. Он призвал и самих майхинцев смелей проявлять политическую бдительность, помня слова И.В. Сталина о том, что чем ближе социализм, тем сильнее сопротивление его врагов, а значит жесточеннее и острее становится классовая борьба. Майхинцы крестьяне, озабоченные более простыми проблемами, с трудом понимали смысл слов, сказанных Сталиным, однако по просьбе Ефима Силкова они приютили у себя се-

остальные члены коммуны, они не сажали, деньги за работу им не давали. Выслушав это, жители Стеклянухи пришли к заключению, что положение семьи Ёгана более чем критическое. На общем сходе решили оказать семье Потта продуктовую помощь. В тот же день каждый из сельчан принес Ёгану по пуду картошки и овощей, немного муки. Ёган был благодарен односельчанам и заверил, что в долгу перед ними он не останется.

Руководство Шкотовского района к середине 1929 года окончательно поняло, что эксперимент с коммуной не дает и не даст никогда ожидаемого результата, а это означало, что коммуну рано или поздно придется ликвидировать. Но без санкции руководства края сделать это было нельзя, так как секретарь Крайкома ВКП(б) лично отчитывался за ее деятельность перед Москвой. Кроме того, у коммуны оказалась огромнейший долг перед государством. Началась длительная переписка Шкотовского исполкома с окружным руководством во Владивостоке и с краевым в Хабаровске. Решение вопроса затягивалась в основном потому, что никто из партийных руководителей не брал на себя ответственность официально сказать, что коммунистический принцип, положенный в основу деятельности данного предприятия и обеспечения быта его членов, приносит только убытки. Пока руководство района и края искали выход из сложившейся ситуации, члены и руководители коммуны делали вид, что дела идут хорошо, хотя имеются временные затруднения. На полях коммуны, как и прежде, работали шефы, а экскурсоводы водили школьников, чтобы молодое поколение могло видеть, какие плоды дает труд свободного человека, сбросившего с себя ярмо ненавистного капитализма. И школьники этому верили, потому что не знали, что именно в эти годы в Советском Союзе стала укрепляться коллективная ложь, то есть явление, когда все говорят только то, что положено говорить, а не то, что было в действительности.

Раскулачивание как инструмент для создания и укрепления колхозов

С первого дня существования колхозов в Шкотовском районе, работавших по Уставу сельхозартели, полученному из Москвы, советская власть повсеместно стала вмешиваться, а точнее, руководить их работой. Но дела в коллективных хозяйствах продвигались из рук вон плохо. И так было везде. Это под-

толкнуло Совет народных комиссаров РСФСР в январе 1930 года рассмотреть вопрос «О состоянии народного хозяйства Владивостокского округа». Правительство РСФСР, как и положено было правительству того времени, видя все беды колхозов и не имея возможности их устранить, предприняло политический маневр. Оно предложило руководству края разработать и осуществить систему мер по ослаблению роли частного в сельском хозяйстве, который якобы мешал колхозам нормально работать. Владивостокский Окрисполком, предугадывая ход дальнейших событий, потребовал от руководителей на местах в кратчайшие сроки ликвидировать «класс кулаков». В интересах успешного решения этой задачи районным властям было предоставлено право самим определять, кто в их районе является кулаком и самим же осуществлять раскулачивание. А чтобы колхозы в Приморье крепили быстрее, окружные власти, подтвердив еще раз существовавший запрет принимать кулаков в коллективные хозяйства ради того имущества, которое предполагается обобществить, подсказали, как можно отобрать это имущество у кулаков законным путем. Для этого нужно кулака раскулачить и подать заявление в суд, а суд своим приговором изымет имущество и передаст его в колхоз, теперь уже как бесхозное. Порядок проведения этого процесса был изложен в одном из Постановлений местных властей.

Выполняя установки Исполкома Владивостокского округа, весной 1930 года в Петровке в ряды кулаков зачислили вчерашних крестьян-середняков Михаила Недбайлова, Анания Папушу, Степана Волкогонова, Александра Коробина, Бориса Кохно. Всех их сразу же раскулачили, а имущество передали в только что созданный колхоз имени Краснознаменной Новгородской дивизии (сокращенно колхоз КНД). Этот же метод был задействован во всех селах и деревнях Шкотовского района, где создавались колхозы.

В арсенале борьбы с частным крестьянством был и другой вариант изъятия их имущества. Крестьянам-середнякам районные власти давали индивидуальное задание по сдаче зерна государству в строго оговоренный срок. Выполнить это задание было заведомо невозможно. Когда срок заканчивался, а задание оставалось невыполненным, суд изымал имущество у крестьян, и передавал его туда, где его уже давно ждали.

Согласно решению Окрисполкома, колхоз КНД должен был стать самым крупным сельхозпредприятием в Шкотовском районе. Но чтобы сделать его таковым, Петровскому сельсовету

тайге стали думать, что они еще могли бы сделать такого, чтобы земляки добрым словом вспоминали о них. На память пришло недавнее возмущение майхинцев, связанное с передачей земли, построенному рядом с селом, государственному предприятию «Тарный цех» и Рисосовхозу. Эта земля ранее принадлежала майхинскому крестьянскому обществу и жители Майхе имели постоянный доход от ее использования. Если Тарный цех располагался в лесном массиве вдали от села, то рисовые чеки Рисосовхоза разместили на бывших майхинских полях и сенокосах. Кроме создания рисовых чеков, советская власть отвела участки под строительство фанз для принятых на работу корейцев. Около фанз появились огороды, в то время как майхинцам для этих же целей пришлось распахивать целину в малоудобных местах. Шпилько предложил уничтожить корейский поселок. Остальные с ним согласились и решили сделать это тогда, когда станет немного теплее, так как у многих корейцев были малые дети.

В конце мая Шпилько пошел домой на отдых, предупредив, что задержится дома на сутки. Однако через пару часов он возвратился в зимовье и с волнением стал рассказывать, что секретарь партийной ячейки Николай Шевцов прошлым днем проводил в Майхе собрание, на котором призывал всех сельчан оказать помощь милиции в задержании бандитов, убивших Зальпе. При этом он высказал твердое мнение, что этими бандитами являются бывшие жители их села, ныне скрывающиеся в тайге, и предложил организовать круглосуточное наблюдение за их домами. «Вы же знаете», — говорил Шевцов, — «что бандиты регулярно приходят домой. Вот там мы их и поймаем». Сельчане молчалием встретили его призывную речь, и тогда тот добавил, что если не согласятся на это майхинцы, он вынужден будет просить милицию организовать такое дежурство, потому что пока бандиты на свободе, они будут убивать каждого, кто встретится им на пути.

«Застрелить подлеца!» — не выдержал и взорвался гневом Е. Дорошенко, — «он понимает, что у него самого рыльце в пуху, так как он всегда помогал Барботьке выгрести зерно из амбаров крестьян и теперь боится расплаты за это. А вспомните, как он себя вел, когда Исполком отбирал сено у майхинцев?! Ведь многие его просили вмешаться. Но он отмахнулся от наших просьб и сказал на собрании партийной ячейки, что мы обязаны выполнять решения, принимаемые Исполкомом. Шевцов пальцем не шевельнул в нашу защиту и тогда, когда в

смогли. Стрелять в обоих не стали, потому что Кравцов не был ни в чем виноват. Он, как и все, страдал от чрезмерной энергии и напора Барботько, отбиравшего зерно у крестьян.

Мужчины, последними покинувшие сельсовет, вошли в дом Кравцова, зажгли лампу в большой комнате, о чем-то поговорили, и Кравцов, как стало видно через окно, вышел во двор. Его гость остался один. Стоя спиной к окошку, он вынул из портфеля банку с консервами и стал ножом открывать ее. В этот момент прогремели выстрелы. Мужчина упал. Буренок и Мурач, закрыв свои лица руками, вбежали в дом и увидели, что в луже крови лежит не Барботько, а кто-то другой, не знакомый им человек.

На следующий день всему району стало известно, что в Многоудобном убит заведующий отделом культурно-просветительной работы Шкотовского исполкома Андрей Альфредович Зальпе. К хлебозаготовкам он не имел никакого отношения.

Похоронили Андрея Альфредовича с почестями на окраине первого шкотовского кладбища рядом с братской могилой партизан, погибших в 1920 году во время провокационного выступления японских интервентов и еще свежими могилами Сосиновича и его товарищей.

Группа, руководимая С. Буренком, после этого случая стала каждые сутки менять места своего пребывания, опасаясь оказаться в руках милиции или ОГПУ. Тайно встречаясь с родственниками, они интересовались, что известно о них органам власти и какие меры принимаются по их задержанию. Выяснилось, что немотивированное убийство Зальпе осуждали практически все, в том числе и жители Майхе. Буренок и Мурач чувствовали себя неуютно. А тут еще пошли разговоры, что жена Андрея Альфредовича от психического потрясения потеряла рассудок и ее положили в больницу, а малолетнего сына поместили в приют. Это известие больно задело Мурача, у которого было четверо детей. Но исправить ошибку ни Мурач, ни Буренок уже не могли. Милиция в это время усиленно вела розыск убийц, увязывая эту работу с розыском тех, кто поджег сено, «принадлежавшее государству». В первую очередь подозрение падало на братьев Буренков, Мурача, Дорошенко, Шпилько.

Дорошенко, сходявший домой согласно установленной очереди, узнал от жены, что жители Майхе осуждают только убийство Зальпе, а относительно уничтожения сена говорят, что это надо было сделать еще в прошлом году. Воспринимая эти высказывания как похвалу в свой адрес, прятавшиеся в

пришлось несколько раз дополнять списки кандидатов на раскулачивание и давать индивидуальное задание крестьянам-среднякам, обладавшим нужным для колхоза имуществом. Так в срочном порядке в районе создавались и другие колхозы.

В том же, 1930 году Райисполком Шкотовского района принял решение, обязывающее крестьян-единоличников два месяца отработать на лесозаготовках. Заработная плата на этих работах была символической. Эти и другие решения местных властей в 1930 году привели к социальному взрыву.

Крестьянское восстание в районе

Жители Петровки, Царевки, Романовки, Новороссии, Майхе, Новомосквы, Центрального, Смяличей, Речицы, Моленного Мыса, Промысловки, Многоудобного и др. взяли в руки оружие и ушли в тайгу, чтобы защитить себя и свои семьи от произвола властей. К ним стали присоединяться крестьяне других сел района.

Причины этого восстания были следствием той деятельности, которую в свое время В.И. Ленин охарактеризовал как «ничем не ограниченную, никакими законами и правилами не стесненную власть, опирающуюся на насилие». Вождь большевиков разъяснял, что «революционное правительство должно действовать жестко, исходя из собственного понимания справедливости, не останавливаясь ни перед чем, в том числе и перед уничтожением любого, кого считает необходимым уничтожить». Ученики Владимира Ильича, такие как Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Сталин никогда не подвергали сомнению, что массовое принуждение должно быть главным принципом в деле строительства социализма. Еще во второй половине 20-х годов советское руководство приступило к грандиозным хозяйственным преобразованиям. Были разработаны и широко разрекламированы планы построения индустриальных объектов в СССР. Финансирование этих планов И.В. Сталин возложил на крестьян, так как других источников получения денег в тот период в стране не было. Вскоре стало понятно, что крестьянство не выдержит такой непомерной нагрузки. Однако отказаться от опубликованных планов И.В. Сталин не мог. Чтобы сохранить приоритет хозяйственной политики государства и повысить свою репутацию, в 1929 году он принял решение в кратчайшие сроки провести кооперирование мелких и средних крестьянских хозяйств и с

помощью вновь образованных колхозов решить проблемы строительства индустрии. Сплошная коллективизация, проходившая в обстановке необузданного насилия, вызвала мощнейший крестьянский протест в большинстве регионов страны. За первые три месяца 1930 года в Советском Союзе произошло более 1600 вооруженных выступлений крестьян. В Приморье весной 1930 года восстанием был охвачен весь юг Шкотовского района.

В подготовке восстания активнейшее участие принимала «Русская фашистская партия», руководящий центр которой был в Харбине. Во Владивостоке она создала тайную организацию «Союз борьбы за новую Россию», которую возглавили бывший офицер Анатолий Михайлович Богоявленский, проживавший в поселке на станции Океанская. Ему помогал романовский священник Анатолий Петрович Алейников. Они сформировали в селах Шкотовского района 17 повстанческих групп. Другие члены «Союза борьбы за новую Россию» начали вести пропагандистскую работу среди железнодорожников и рабочих депо «Первая речка», грузчиков Торгового порта и горняков Сучанского рудника. Руководителем боевой группы в Романовке стал Афанасий Изотович Куксенко, участник Первой мировой войны, решительный и смелый человек. Богоявленский посвятил его в сроки начала восстания. Оно должно было начаться после окончания организационных работ во Владивостоке, Сучане и других местах. Но планы руководителей восстания были сорваны.

Весной 1930 года сотрудникам Владивостокского окружного отдела ОГПУ стало известно о наличии повстанческой группы в Романовке и принадлежности к ней крестьян Ивана Борисенко и Федора Третьякова. Обстоятельства складывались так, что медлить и их арестом было нельзя. Борисенко и Третьякова задержали и до отправки во Владивосток поместили в КПЗ Шкотовского райотделения милиции. Над всеми оставшимися на свободе нависла угроза ареста. Чтобы избежать этого, Куксенко принял решение немедленно освободить своих товарищей и вместе с ними скрыться в тайге. Он полагал, что только такими мерами можно уберечь от полного провала готовящееся восстание.

В Шкотово для разведки был направлен член повстанческой группы Антон Кравцов. В тот же день он возвратился назад с подробнейшей информацией о системе охраны задержанных Третьякова и Борисенко.

они не виновны, нам нужно перед уходом в Китай хлопнуть дверью, и как можно сильнее, чтобы это услышали все, кто творит зло на нашей земле!». Буренок, не привыкший говорить длинные речи, умолк. Все находившиеся рядом были согласны с таким предложением, хотя и не знали, что для этого следует делать. У каждого на душе было тоскливо и тяжело.

Шпилько предложил перед уходом в Китай дать возможность каждому побывать дома, попрощаться с семьей и родными. Первым пошел в Майхе Мурач. Возвратившись оттуда, он рассказал, что 12 апреля в Многоудобном состоится собрание, на котором будет присутствовать уполномоченный по хлебозаготовкам в Шкотовском районе Барботько, тот самый, по инициативе которого были заведены уголовные дела на Шпилько, Дорошенко, Мурача и братьев Буренков, с чего начались все их дальнейшие беды. Простить это «злодею Барботьке» они не могли и потому единодушно решили «наказать кровопийцу». Исполнение приговора возложили на Н. Буренка и Г. Мурача.

Утром 12 апреля Буренок и Мурач отправились в Многоудобное. Шли по дороге, с обеих сторон которой стояли стога прошлогоднего сена, конфискованного у майхинских крестьян в связи с тем, что оно было скошено без разрешения сельсовета. Районное руководство отдало его хозяйственному отделу Шкотовского РОВД. Такое решение изначально вызвало у крестьян возмущение, так как майхинцы использовали эти покосы со дня основания своего села. Милиции, как оказалось, сено было не нужно, а жителям Майхе пришлось покупать его у шкотовцев и суражевцев. Простояв в небольших стогах под дождями до середины весны, сено утратило свою ценность. Это еще больше усилило возмущение майхинцев. Предвидя положительную реакцию своих земляков, Буренок и Мурач сожгли все 48 стогов, разбросанных на лугах вдоль дороги.

К вечеру, когда уже стало темнеть, Буренок и Мурач подошли к Многоудобному и расположились в недостроенном доме, стоявшем рядом с усадьбой председателя сельсовета Кравцова, зная, что у него на ночлег всегда останавливается начальство, приезжающее из Шкотова. В это время многоудобенцы, не спеша, сходились в контору сельсовета. Буренок и Мурач дождались окончания собрания. Было уже темно. Последними из здания вышли двое мужчин, закрыли дверь на висячий замок и направлись к дому Кравцова. Разобраться, который из них был Барботько, а который Кравцов, Мурач и Буренок не

Шпилько обосновались где-то в тайге, отдыхают, охотятся, попивают вино и ждут политических перемен на Дальнем Востоке. Какой-то знающий человек им, якобы, сообщил, что скоро в Приморье начнется восстание, советская власть падет и жизнь вернется в старое русло. Говорили, что время от времени все трое тайком приходят домой чтобы попариться в бане, помянуть детей. Как потом оказалось, эти слухи были правдивыми. Осужденные приходили не только домой. Например, Г.С. Мурач несколько раз был в Шкотово и в Новонежино, общался там с родственниками и знакомыми. Его интересовало, поддерживает ли восстание крестьяне и железнодорожники. В Шкотово Мурач узнал, что взялись за оружие романовские мужики, не только богатые, но и бедные, что будто бы где-то сосредоточены военные силы, которые ждут от кого-то сигнал, чтобы освободить от власти большевиков весь Дальний Восток. Эти известия окрыляли майхинцев, живших в дремучей тайге, прибавляли им сил и терпения, сдерживали от поспешных решений.

Однажды к ним в таежное зимовье пришел Михаил Патюков и попросил, чтобы они украли на госпредприятии около Майхе несколько больших армейских палаток и отнесли их в Кучелинову падь, туда, где когда-то был дегтярный завод. Эта просьба подтвердила слухи о скором прибытии в Шкотовский район военных или рабочих, давших согласие на восстание. Больше недели Шпилько, Мурач, Дорошенко и присоединившиеся к ним Буренки пребывали в радостном состоянии. Они с удовольствием украли четыре сорокаместных палатки и отнесли их туда, куда было сказано Патюковым.

Через полмесяца неожиданно к ним опять пришел Патюков и с горечью в голосе заявил, что восстание, о котором раньше шла речь, по всей вероятности не состоится, так как владивостокские портовики и железнодорожники отказались участвовать в нем. За ними последовали и шахтеры Сучана. Штаб, руководивший подготовкой восстания, опасаясь ареста, ушел за рубеж.

Буренки, Мурач, Дорошенко и Шпилько были потрясены такими новостями. Все их надежды на лучшее рухнули. Видя, в каком состоянии оказались майхинцы, Патюков настоятельно посоветовал им как можно быстрее уходить за границу.

Оправившись от тяжелого шока, Семен Буренок обратился к своим товарищам по несчастью с такими словами: «Если нам суждено остаток жизни провести на чужбине, а нашим детям расти без отцов в холодных прибайкальских степях, ежедневно испытывать голод и страдать за то, в чем ни мы ни

В ночь на 18 апреля вооруженный отряд в составе Афанасия Куксенко, Матвея Ковехи, Антона Кравцова, Степана Кочегарова, Михаила Огородного, Кирилла Тищенко, Федора Помыканова и Николая Правдивца верхом на конях отправился в Шкотово. Отдел милиции располагался тогда на Ленинской улице в доме, еще недавно принадлежавшем И.Г. Пыркову, раскулаченному в начале 1930 года. Романовцы прибыли на место затемно, спешили в тальнике у реки и пошли к милицейскому зданию. Правдивец, знавший дежурного милиционера, подошел к двери, постучал и объяснил, что едет во Владивосток на базар и по просьбе родственников Третьякова привез ему передачу. Дежурный открыл дверь и тут же был связан романовцами, которые взяли висевшие на стене ключи, открыли камеру и вместе с освобожденными быстро ушли. Сев на коней около речки, они взяли курс на Романовку. Как только стало светать, Куксенко дал команду остановиться. Он полагал, что за ними будет направлена погоня и решил устроить засаду. Инструктируя своих товарищей, командир отряда предупредил каждого, что убивать милиционеров не следует. Нужно ранить двух-трех человек, а остальные будут вынуждены прекратить преследование. Романовцы выбрали удобную позицию и замерли в ожидании. Вскоре показались преследователи в количестве 12-ти человек. Как только они поравнялись с засадой, раздалась команда «огонь», и четверо милиционеров неуклюже свалились на землю. Остальные спешили и заняли оборону. Раздался еще один залп, теперь уже по коням, метавшимся на дороге. После этого отряд с освобожденными крестьянами двинулся дальше. Зашли в Романовку, чтобы взять продукты и теплые вещи. Куксенко поторапливал своих товарищей: нужно было успеть уйти в тайгу до прибытия новой группы преследователей, которая, как он полагал, обязательно будет в селе часов через пять-шесть. Так оно и случилось. Во второй половине дня оперативный отряд ОГПУ прибыл на разъезд «42 километр», находившийся в 5-ти километрах от нынешней станции «Смоляниново». Командовал отрядом молодой, но достаточно опытный оперативный сотрудник ОГПУ Шнеерсон. Чтобы не повторить ошибку шкотовских милиционеров, попавших в засаду, он не спешил направлять свой отряд в тайгу для поиска следов уходящих преступников, а начал изучение обстановки в Романовке, Петровке, Нововасильковке, Речице и Лукьяновке. Из бесед с жителями этих сел работники ОГПУ пришли к

выводу, что большинство крестьян настроено не в пользу властей района и помогать чекистам в задержании восставших они не станут.

О прибытии оперотряда на «42 километр» Куксенко узнал через полчаса от жителя Романовки, Евстафия Верехи, работавшего дежурным на «42 разъезде» и сразу отвел восставших в Колодезную падь, откуда стал наблюдать за чекистами. А те методично проводили опросы населения и готовились к проведению войсковой операции. Когда ситуация прояснилась, Шнеерсон запросил подмогу из Шкотова. Ему прислали вооруженную группу общественников. После короткого инструктажа сводный отряд чекистов и общественников приступил к выполнению поисковых мероприятий. Рассредоточившись, чекисты, не спеша вошли в Колодезную падь и стали продвигаться вперед по едва уловимому следу. Шли осторожно, вглядываясь в каждый камень, в каждый куст. В этот момент раздалось несколько залпов. Стрелявших не было видно и Шнеерсон дал команду своим подчиненным выйти из зоны обстрела. Когда отступили, то обнаружили потерю пяти человек. Перегруппировавшись, вновь стали продвигаться вперед. Приблизившись к месту недавнего боя, чекисты увидели там четырех раненных и одного погибшего. Погибшим был заместитель командира отряда, назначенный из группы общественников, Петр Михайлович Русанов. Раненые рассказали, что десять минут назад с ними беседовал Куксенко. Он утверждал, что повстанцы не воюют с народом, а борются с властью, поработившей этот народ. Позже это же говорили чекистам жители сел, расположенных в южной части района, в которых неоднократно бывали повстанцы, уходившие от преследований. Судя по тону рассказов, крестьяне сочувственно относились как к самому Куксенко, так и к его подчиненным. Именно это вызывало тревогу среди руководства района и округа.

А во Владивосток из Хабаровска и Москвы сыпались указания с требованиями немедленно подавить «вооруженное выступление кулаков».

Шкотовский исполком, на который ложилась основная вина за случившееся, торопился с принятием «решительных мер». Для этого был сформирован еще один отряд из районных общественников. Возглавил его бывший партизанский руководитель В.П. Сосинович. Зная, что среди восставших находятся его товарищи по партизанской борьбе в период

го. Выходит, что они будут работать на моих конях, моими плугами, а стоимость трудодня забирать себе».

Супруненко прервал Мурача, заявив, что у него есть распоряжение в первую очередь принимать в колхоз неимущих и бедняков, и это распоряжение он обязан выполнить. «В таком случае, вступать в этот колхоз я не буду», — твердо сказал Мурач и покинул собрание. Вслед за ним ушли Евдоким Дорошенко, Иван Шпилько, Семен, Тихон и Николай Буренки.

Через день к каждому из них пришла комиссия Райисполкома и составила акт о том, что покинувшие собрание являются кулаками. Несколькими днями позже им было дано индивидуальное задание, выполнить которое было заведомо невозможно. В положенный срок эти, теперь уже «злостные кулаки», были раскулачены. По приговору суда, все их имущество стало колхозным. А сами они за попытки «утаить от властей имущество» были осуждены на два года пребывания в лагерях с последующим лишением избирательных прав. Это означало, что они не имеют права работать на госпредприятиях, а их дети автоматически лишаются прав получить среднее и высшее образование. Дорошенко, Мурач и Шпилько направили жалобу в окружной суд, надеясь, что приговор будет отменен. Но этого не случилось.

Возвращаясь из Владивостока, где проходило заседание Окружного суда, майхинцы заехали к Патюкову. Они хотели услышать совет, что делать дальше. Но Патюков ответил, что состоявшийся недавно Пленум ЦК ВКП(б) принял решение приступить в стране к ликвидации частной собственности, и потому добиться отмены решения суда в такой обстановке невозможно. После этого Патюков высказал мысль, что правительство, идущее против интересов народа, долго находиться у власти не сможет, и посоветовал майхинцам продержаться на воле месяц-другой, а там, даст Бог, все переменится. Больше ничего говорить он не стал. Патюков был не из тех, кто трезвонит на каждом шагу все, что слышал и знает. Но если он что-то сказал, то оно, скорее всего, так и будет.

Приехав домой, осужденные тайком от сельчан собрали одежду, продукты, оружие, погрузили все это в телеги и ночью уехали из села. Уехали и словно канули в воду. Полмесяца о них ничего не было слышно. В Майхе несколько раз приезжала милиция, чтобы отправить их в исправительные лагеря, но, не застав осужденных дома, всякий раз возвращалась ни с чем. Вскоре по селу стали ходить слухи, что Дорошенко, Мурач и

ввязался в борьбу с очень сильным противником, но назад пути у него уже не было.

За полгода до этого, летом 1929 года, в Шкотовском районе были раскулачены владельцы крупных оленьих хозяйств М.М. Патюков, хутор которого располагался в устье реки Артемовки (тогда она называлась Майхе), и С.М. Буренок с тремя братьями-компаньонами — Тихоном, Николаем и Ефимом, а также трое крестьян села Майхе — Е. Дорошенко, И. Шпилько и Г. Мурач. Хозяйства Патюкова и братьев Буренков в годы НЭПа по всем показателям были кулацкими. Круглый год там вместе с хозяевами работали батраки, получавшие по советским законам заработную плату. Местные и центральные власти всячески поддерживали таких работодателей, предоставляли им льготы для развития производства. После принятия решения о ликвидации кулачества всех этих известных организаторов сельскохозяйственного производства обложили индивидуальным налогом, размеры которого были так велики, что заведомо вели к разорению их хозяйств.

В 1930 году в Майхе местная власть, подчиняясь установленными для всей страны правилам, создавала колхоз. На собрание по этому случаю пригласили всех майхинских жителей. Началось обсуждение условий приема в это коллективное хозяйство. Собрание вел председатель Шкотовского райисполкома. Рядом с ним в президиуме сидел рабочий из Владивостока по фамилии Супруненко. Супруненко доложил, что он имеет полномочия создать в Майхе колхоз. Все, кто будет принят в него, обязаны передать в колхозное хозяйство все имеющиеся у них средства производства, а в отдельных случаях и недвижимость. Когда Супруненко закончил доклад, присутствовавшие перешли к его обсуждению. Первым взял слово Г.С. Мурач. Он согласился, что коллективом работать легче, чем одному, особенно если в этом коллективе есть хорошие кони, плуги, бороны, сенокосилки, молотилки. «Как было сказано докладчиком», — продолжил Мурач, — «каждый из нас обязан передать свое имущество в собственность колхоза, после чего все мы, колхозники, будем эксплуатировать это имущество, а заработанные средства делить между собой по количеству отработанных дней. Я соглашусь с такими условиями, если каждый вступающий обобществит равное со всеми остальными по стоимости движимое и недвижимое имущество. Но сомневаюсь, что это смогут сделать все сидящие в этой комнате. Мы знаем, что у многих из них нет ниче-

Гражданской войны, он решил начать с ними переговоры. Побывав с отрядом в Новомоскве, Центральном, Новороссии, Сосинович просил местных жителей оповестить повстанцев, что он идет к ним с мирными целями. Жители этих сел пообещали выполнить его просьбу. Углубившись в тайгу, Василий Павлович дал указание бойцам всем своим поведением подчеркивать мирные намерения отряда. Бойцы громко разговаривали между собой. Ружья несли на ремне за спиной. К сожалению, план Сосиновича начать переговоры с повстанцами не сработал: или крестьяне не успели связаться с восставшими, или восставшие не поверили Сосиновичу. При подходе к Нововасильковке отряд Сосиновича попал в засаду. Погибло пять человек — В.П. Сосинович, Н. Е. Смолянинов, Д.С. Беляев, В.А. Шварц и М.И. Ладынский.

В это время немногочисленная пока группа Афанасия Куксенко, оторвавшись от преследователей, ушла дальше в тайгу и устроила там временный лагерь. Доверенные лица Куксенко, оставшиеся в Романовке, ежедневно приводили в этот лагерь по два-три новых повстанца. Ориентируясь на пополнение, Куксенко начал проводить занятия, на которых сообщил, что их группа именуется партизанским отрядом и что в ближайшее время она будет усилена повстанческими ячейками из Петровки, Царевки и Речицы. Как только отряд станет полностью боеспособным, он начнет действовать по программе, разработанной Центром. Где находится этот центр, командир отряда не говорил. Однако присутствовавшие по случайно брошенным фразам предположили, что ими руководят из Владивостока или из Харбина.

На одном из занятий командир зачитал свой первый приказ, устанавливающий жесткий порядок в отряде. Куксенко наложил полный запрет на спиртное, запретил по ночам жечь костры и выходить за пределы лагерной территории. Всех партизан он строго предупредил, что любой, трижды нарушивший этот приказ, будет расстрелян. Ежедневно в отряде стали проводиться боевые занятия, на которых командир и его заместитель М. Ковеха учили партизан делать засады, уходить от преследований, вести разведку в тайге и в населенных пунктах.

Ровно через неделю Куксенко зачитал новый приказ, который, по его мнению, должен был убереечь отряд от возможной измены. В нем говорилось, что измена будет караться расстрелом не только самого изменника, но также всех членов его семьи и ближайших родственников. На строгость приказа никто

не роптал. Все, кто находился в отряде, хорошо понимали, что возврата к прежней жизни у них теперь нет. Каждый обязан бороться до полного свержения советской власти на Дальнем Востоке. Эту же мысль Куксенко озвучивал каждый день, зачитывая воззвания «Русской фашистской партии». В большинстве этих воззваний декларировалось, что «силами восставших крестьян Приморья советская власть будет свергнута и Дальний Восток станет самостоятельным государством». При этом Куксенко обязательно добавлял, что в ближайшее время восстанут рабочие Владивостока и Сучана. К ним присоединятся красноармейцы и военные моряки. Уверенность такого авторитетного человека, каким для многих восставших было Куксенко, передавалась его подчиненным. Они вслушивались в каждое слово своего командира и были готовы выполнить любые его задания. Ежедневно рискуя собственной жизнью, многие из них ходили по селам, собирая в отряд членов повстанческих групп, завербованных Богоявленским и Алейниковым.

В Царевку по собственному желанию направился Третьяков. Он должен был привести оттуда пять человек, которые были оповещены и ожидали его в доме Чуйко. Третьяков шел в село в приподнятом настроении, полагая увидеть там настоящих борцов за свободную крестьянскую жизнь. Однако по прибытии обнаружил совершенно иную картину. Будущие партизаны все поголовно были пьяны. Двое из них — Тимофей Белашко и Григорий Ивашко — совсем еще молодые парни, не стесняясь присутствия старших по возрасту, несли всякую пошлость. На замечания в свой адрес не реагировали. Ивашко бил себя в грудь и кричал, что никогда не простит себе, если не отправит в могилу сельского учителя, большевика Уласевича. Ему согласно кивал головой Белашко, хотя не совсем понимал, о ком идет речь. Оба они минутно хватались за ружья и рвались куда-то идти. Кузьменко и Лукьяненко, полностью готовые к уходу в тайгу, несколько раз их останавливали, но, поняв бесполезность своих усилий, махнули рукой и продолжили пить. Не видя больше препятствий со стороны собутыльников, Тимофей и Григорий взяли ружья и, едва держась на ногах, пошли к Уласевичу. Ввалившись в дом, Ивашко застрелили учителя и его жену. Удовлетворенные сделанным, пошли в сторону дома Чуйко. Встретив по пути жену председателя Царевского сельсовета Абросимову, Ивашко в порыве ненависти застрелил и ее.

В Царевке забили тревогу. Крестьяне искали убийц. Чтобы местные жители не смогли отправить в милицию будущих

партизан, Чуйко, Третьяков, Лукьяненко и Кузьменко по очереди до самого лагеря тащили их на себе. Наказывать вновь прибывших за совершенное преступление Куксенко не стал, заявив, что советская власть своими действиями спровоцировала эти убийства. А своему заместителю Матвею Ковехе он сказал совершенно иное: «В отряде появились еще два бойца, которые отныне и до конца своих дней будут с нами. Они никогда не станут предателями, потому что на той стороне их ожидает расстрел». В то же время этот случай в Царевке заставил Куксенко задуматься о том, кого он набирает в партизанский отряд. Ковеха, угадав мысль командира, стал говорить, что если не принимать должных мер, то «ивашки и белашки» скомпрометируют саму идею повстанчества, и настоятельно посоветовал вплотную заняться воспитательной работой и отказаться от предоставления убежища уголовникам. Куксенко согласился со словами Ковехи и мысленно стал подыскивать себе заместителя, который вплотную бы занялся воспитанием партизан. Ковеха порекомендовал ему двух кандидатов — Гавриила Шевченко и Кондратия Мошко. Оба они были уважаемыми в крестьянской среде людьми, и открыто высказывали недовольство политикой советской власти по отношению к хлебопашцам. От кандидатуры Г. Шевченко сразу пришлось отказаться, так как он был строевым командиром и с самого первого дня находился в партизанском движении на первых ролях. По своему характеру он и не склонен был никому подчиняться, из-за чего часто конфликтовал с С. Лазо, требовавшего от Шевченко соблюдения дисциплины. К тому же Куксенко и Шевченко не были знакомы друг с другом. Кандидатура К. Мошко выглядела во всех отношениях предпочтительней. Он был известен всем членам повстанческих групп. В годы Гражданской войны зарекомендовал себя в меру инициативным, требовательным и решительным командиром, умевшим не только командовать, но и подчиняться приказам, поступающим свыше. Эти качества позволяли К. Мошко эффективно влиять на бойцов, останавливать их от непродуманных действий. Взвесив все «за» и «против», А. Куксенко решил встретиться с ним. Мошко проживал в Центральном. При встрече в ответ на поступившее предложение К. Мошко откровенно сказал, что не верит в успех повстанческого движения на Дальнем Востоке, так как знает, какую силу имеет советская власть и Красная Армия, с которой придется столкнуться повстанцам. Куксенко, вероятно, и сам понимал, что